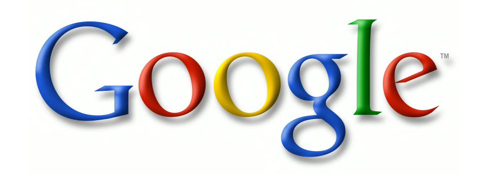

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

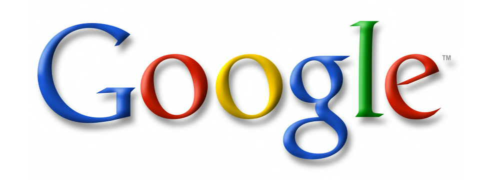
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ипринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4345.8.3

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

W. A. Gardner.

May 17, 1897.

Smirdin, A. F.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

35

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

o

СОЧИНЕНІЯ

Vasilevitch

НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА.

Сочиненія Драматическія:

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи И. Фишона.

1851.

Slav 4345.8.3

MAR 17 1897

LIBRARY.

Gift of
W. A. Gardner.
(1-3)

ТОРКВАТО ТАССО,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ,

ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

СЪ ИНТЕРМЕДІЕЙ, ВЪ СТИХАХЪ.

(Писана въ 1830 и 1831 годахъ.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 23-го Іюля 1851 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

ТОРКВАТО ТАССО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЬФОНСЪ Д'ЭСТЪ, Герцогъ Феррары.

ТОРКВАТО ТАССО.

КОНСТАНТИНИ, Секретарь Альфонса.

СЦИПІОНЪ ГОНЗАГО.

ГАСКАНО.

ДЖУЛІО ГАСКАНО, сынъ его.

АВГУСТИНЪ МОСТИ, Смотритель за больницею Св. Анны.

ДЖУЛІО МОСТИ, племянникъ его.

ДИРАГО.

АНТОНІО, сынъ Корнеліи Серсале.

КЛАВДІЙ РИГИ, Римскій врачъ.

ПРИСТАВЪ за сумадшедшими.

МАРГЕРИТА, принцесса Мантуанская, невѣста Альфонса.

ЛУКРЕЦІЯ, Герцогиня Урбино } сестры Альфонса.
ЛЕОНОРА Д'ЭСТЪ . . . . . }

КОРНЕЛІЯ СЕРСАЛЕ, сестра Торквата Тасса.

БЬЯНКА, нянька ея дѣтей.

РОЗИНА, дочь Смотрителя за Феррарскимъ Герцогскимъ дворцемъ.

Князья и вельможи Италіи; Старшины Рима; Феррарскіе придворные кавалеры и дамы; три дочери Корнеліи Серсале, Римскіе благородные юноши и дѣвы; нищіе. сумасшедшіе; гости Августина Мости; N.: геній Торквата Тасса; Германскіе путешественники; Римскіе Герольды; народъ Феррарскій и народъ Римскій.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СОРЕНТО.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Корнелія Серсале.

АНТОНІО, сынъ и **ТРИ ДОЧЕРИ КОРНЕЛІИ СЕРСАЛЕ** сидятъ при столикѣ за книжками; возлѣ сидитъ няня ихъ, **ВЬЯНКА.**

СЫНЪ. Скажи намъ сказку, няня!

ВЬЯНКА. Полно, дѣти!
Пора учиться, день ужъ вечерѣетъ,
А вы двухъ словъ еще не прочитали....

СЫНЪ. Намъ что-то весело....

ВЬЯНКА. А будетъ скучно,
Какъ маменька воротится домой
И спроситъ васъ, зачѣмъ вы не учились?....

Примѣчаніе. Торквато Тассо, можетъ быть, въ Исторіи человѣческаго рода составляетъ единственный примѣръ, до какого бѣдственнаго состоянія доводитъ неотлучное присутствіе генія! Можетъ быть читатель моей фантазіи не отыщетъ въ ней всѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно смотрѣть на многостороннюю жизнь человѣка, одареннаго — счастливѣйшимъ даромъ искусства и несчастнѣйшимъ характеромъ; но, милый читатель, это не моя вина. Я полюбилъ Тасса

Еще дитя, въ училищѣ, за книгой;

СЫНЪ. Тсъ! по лѣстницѣ стучатъ.... идутъ!
БЬЯНКА. Ага!
А я вамъ говорила: эй, учитесь!

—

ТѢ ЖЕ и **ТАССЪ** (одѣтый простолюдиномъ, вошедъ, останавливается у дверей).

БЬЯНКА. Кто это?.... Что тебѣ угодно?....
ТАССЪ. Здѣсь-ли
Корнелія Серсале?....

Я съ нимъ росъ, съ нимъ возмужалъ, — и понятія мои о его жизни, постепенно развиваясь въ умѣ моемъ, начали совершенно противорѣчить понятіямъ общимъ; наконецъ образовали фантазію, которую, любезный читатель, если ты одаренъ многотерпѣніемъ, читать будешь. Сознаюсь, первый камень фантазіи положенъ въ лѣта самой нѣжной юности; послѣдній, съ трепетомъ, положила рука моя въ то время суроваго опыта, когда мечтанія юности и всѣ пламенныя стремленія жаркаго и усерднаго чувства охлаждаетъ — вопль нынѣшней критики. Въ пустынѣ нашей литературы не видимъ каравановъ, богатыхъ числомъ и внутреннимъ достоинствомъ; напротивъ, въ Мекку литературной славы надо *прокрадываться* и во весь путь молить Аллу, да укроетъ одинокаго путешественника отъ хищнихъ взоровъ — невоздержной критики. Знаю, что этимъ сравненіемъ даю пищу досужей остротѣ литературныхъ наѣздниковъ; но что будетъ, то будетъ, а я пускаюсь въ путь и съ хладнокровіемъ ожидаю грозныхъ набѣговъ (1832-го г.)

—

(Отрывокъ изъ разговора, бывшаго въ 1828 году.) — *Авторъ*...... Тассъ, увѣнчанный Альфонсомъ, умираетъ съ небесной улыбкой на устахъ; Леонора падаетъ къ подножію возвышенія; всѣ прочія лица, изъ важнѣйшихъ, окружаютъ Тасса, образуя полную картинную группу, закрывая глаза или отирая слезы; народъ, по призыву Альфонса и увлеченный собственнымъ чувствомъ горести, преклоняетъ колѣна; занавѣсъ падаетъ. — Вотъ полный планъ моей фантазіи! Нравится ли онъ вамъ?...

NN. Не скажу. Похвалу сочтете лестью; а бранить въ глаза, согласитесь, не всякому пріятно! Одно бы только

ВЬЯНКА. Здѣсь; а что?....
ТАССЪ. Мнѣ нужно видѣться....
ВЬЯНКА. Пошла къ вечерни;
Но кончилась, я думаю, вечерня;
Сей часъ придетъ. — Ты сядь и отдохни.
ТАССЪ *(садится у дверей.)*
Благодарю! — Какъ тихо здѣсь! Какъ будто
Живутъ не въ свѣтѣ! Это чьи малютки?
ВЬЯНКА. Корнеліи Серсале....

желательно мнѣ знать: почему вы такъ жестоко нарушили Исторію? — Зачѣмъ ввели завязку плохую, ничтожную, тогда какъ жизнь вашего героя сама собою богата происшествіями, которыя бы кажется, удовлетворили всѣмъ требованіямъ новѣйшей драмы?!

Авторъ. Вижу, что я дурно изложилъ планъ мой въ этомъ отношеніи. Мнѣ хочется, чтобы всякой читатель догадался, почему я фантазировалъ такъ, а не иначе! Прочтите все, что писалъ Тассъ, и что писано о Тассѣ; сличите сказанія его историковъ, — вы сами согласитесь, что Исторія не всегда говоритъ правду, ибо для нея закрыты тѣ тайники страстей, куда свободно, какъ подъ волшебной шляпой Тикова Фортуната, перелетаетъ фантазія Поэта....

NN. Вы меня переговорите; въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но еще одинъ вопросъ, — не къ дѣлу, а такъ, изъ любопытства: кому вы посвятите свою фантазію?...

Авторъ. Кому? — Тому, кто жизнь мою украситъ
Простымъ вѣнцемъ, отъ сердца и души!
Кто въ тысячахъ моихъ стиховъ угрюмыхъ
Найдетъ одинъ, достойный похвалы,
И этотъ стихъ въ своемъ запрячетъ сердцѣ,
И каждый разъ, когда я встрѣчусь съ нимъ,
Изъ сердца онъ тотъ стихъ тихонько выметъ,
Покажетъ мнѣ и съ радостью примолвитъ:
«Ты написалъ, а я храню на сердцѣ!» —
Ему иль ей я посвящу мой трудъ! —
Да съ тѣмъ стихомъ какъ съ факеломъ ночнымъ,
Съ начала до конца мой трудъ проходитъ —
И если смыслъ фантазіи проникнетъ
Не правда ли, онъ будетъ другомъ мнѣ,
А добрый стихъ святымъ кольцемъ союза!...

тассъ. Боже правый!
Она ужъ мать; и четырехъ дѣтей,
Какъ жизнь свою, какъ радость, обнимаетъ;
А я еще на свѣтѣ — сирота!

вьянка. Ты не женатъ?

тассъ. Не знаю!

вьянка. Какъ не знаешь?

тассъ. Ахъ! я имѣлъ прекрасную подругу!
Казалось мнѣ, что я былъ съ нею связанъ
Божественнымъ какимъ-то, высшимъ бракомъ;
Вся жизнь была — торжественная свадьба!
Мы каждый день другъ друга принимали
Въ горячія объятья.... но не долго
Я тѣшился моимъ летучимъ счастьемъ....

вьянка. Что жъ, умерла твоя жена?

тассъ. О! нѣтъ!
Но улетѣла!

вьянка. Это право чудно!
А какъ зовутъ твою подругу?

тассъ. Слава!

вьянка. Такого имени я не слыхала. —
Ты вѣрно иностранецъ?

тассъ. Да! ты права!

вьянка. А изъ какой страны?

тассъ. О, изъ далёкой!
Но, впрочемъ, у меня есть двѣ отчизны:

вьянка. Какъ двѣ?

тассъ. Въ одной мое родилось тѣло,
Въ другой душа!

вьянка *(отходя къ дѣтямъ въ смущеніи)*.
Что это, Боже мой?

сынъ. Кто это, няня, няня!

бьянка. Сумасшедшій!

дѣти *(въ испугѣ прижимаясь къ Бьянкѣ)*.
Ахъ! Боже мой, какъ страшно!

бьянка. Успокойтесь!
Онъ ничего не сдѣлаетъ худаго,
Онъ только говоритъ не то, что надо!

тассъ *(тихо)*.
Часъ слишкомъ! Нѣтъ сестры. Она придетъ!
Мое письмо возьметъ изъ рукъ моихъ же,
Прочтетъ его и пожалѣетъ Тасса!
А я, спокойно стоя у дверей,
Въ лицѣ ея прочту всѣ впечатлѣнья, —
Какія на нее письмо навѣетъ.
Вотъ и она....

ТѢ ЖЕ и КОРНЕЛІИ СЕРСАЛЕ.

(Тассъ подходитъ къ ней и почтительно отдаетъ письмо.)

корнелія. Письмо! И отъ кого бы?....

(Съ любопытствомъ развертываетъ письмо, читаетъ и заливается слезами; Тассъ бросается къ ней и обнимаетъ ее.)

тассъ. Корнелія! Весь миръ меня оставилъ,
Я самъ себя оставилъ, но въ слезахъ
Моей сестры я снова возродился!
Я снова не одинъ на этомъ свѣтѣ!
Родители, отечество, друзья,
Весь міръ, вся жизнь въ тебѣ совокупились,
Чтобъ воскресить хладѣющаго Тасса!

корнелія. Мой братъ!

тассъ. Не говори, не говори!

Я весь въ жару, какъ въ первый день восторга,
Которымъ жизнь меня благословила.
Дай высказаться пламенному чувству!

—

Но что жъ скажу? Чувствъ много, мало словъ,
И тѣ, какъ наше счастье, слабы, бѣдны!
Что нашъ языкъ?— печальный отголосокъ
Торжественнаго грома, что въ душѣ
Гремитъ святымъ, какимъ-то мощнымъ звукомъ!
—Но ты молчишь? ты съ горькимъ состраданьемъ,
Какъ на безумнаго, на Тасса смотришь?
Безумный! Да! — О если бъ ты могла
Безумье то почувствовать въ себѣ,
Которымъ я всю жизнь мою терзался!
Вообрази блистательное солнце:
Вокругъ него чернѣютъ тучи; громъ
Катается въ тяжелой атмосферѣ,
И солнце то, — что жаркими лучами
Моглобъ весь свѣтъ обрушить въ груды пепла —
Презрѣнныя затягиваютъ тучи!....
При всемъ желаніи благотворить
И согрѣвать существованье міра, —
Оно должно смотрѣть на разрушенье
И помощи своей подать не можетъ!
О, такъ и я, въ сообществѣ людей,
Стоялъ,какъ солнце,въ мрачныхъ,черныхъ тучахъ;
Куда я лучъ любви ни посылалъ,
Какъ отъ скалы онъ быстро отражался,
И, — возвратясь ко мнѣ, — мою же грудь
Жегъ пламенемъ позорной неудачи!
Ты не жила на свѣтѣ!.... Поживешь!....
Узнаешь ты, какъ люди черны, злобны;
Какъ сердце ихъ упитано порокомъ;

Родъ человѣческій безплодной нивѣ
Подобенъ. Иногда на ней цвѣтутъ
Цвѣты, но никогда плоды не зрѣютъ!....

корнелія. О перестань! сядь лучше, отдохни!
Ты такъ усталъ, измучился дорогой! *(Садятся.)*

тассъ. Дорогой? — Нѣтъ! — Отъ жизни я усталъ;
Измучился отъ славы и безславья,
Которыми меня покрыли люди!
Не слышала ты повѣсти моей?....
Я разскажу....

корнелія. Пусть послѣ, а теперь
Ты отдохни!.... Ты вѣрно ничего
Не ѣлъ еще сегодня. Бьянка! Что ты
Какъ не своя; пора готовить ужинъ,
А ты стоишь, какъ Римская статуя!
Возьми дѣтей!

сынъ. Позвольте намъ остаться
Намъ слушать хочется, какъ дядя сказку
Свою разскажетъ....

корнелія. Нѣтъ! возьми ихъ, Бьянка!

тассъ и корнелія.

тассъ. Не безпокой, сестра, своихъ домашнихъ
Ради меня; я сытъ прошедшимъ горемъ
И настоящимъ счастіемъ свиданья!
Корнелія! Я пресыщался въ мірѣ
Богатыми и пышными пирами;
Блестящія одежды, золотыя,
Меня не согрѣвали; я озябъ
Отъ ѣдкой стужи свѣта; а сегодня
Въ твоихъ объятіяхъ я отогрѣлся,
Насытился твоимъ прекраснымъ видомъ. —

Корнелія! ты ангелъ на земли!
Теперь я чувствую, что слава — глупость;
Что тихій день семейственнаго счастья
Пріятнѣе рукоплесканій свѣта,
И долѣе, чѣмъ вѣкъ невѣрной славы!

корнелія. Ты забывалъ меня, и почему
Ты не писалъ ко мнѣ....

тассъ. О! въ этомъ свѣтѣ
И самъ, себя безъ умысла забудешь!
Сначала все кипитъ въ угодность нашу....
За мелкое добро — всѣ превозносятъ,
А за великое — питаютъ злобу...
Тотъ согрѣшилъ, кто смѣлъ передъ людьми
Возвыситься необычайнымъ дѣломъ!
—И кажется, что въ этомъ мелкомъ мірѣ
Одинъ порокъ блаженствуетъ вполнѣ.
О еслибъ ты могла взглянуть на свѣтъ!
Чего тамъ нѣтъ? Умъ, глупость въ тѣсной дружбѣ;
Тщеславіе подъ маской доброты, —
А хвастовство подъ видомъ состраданья!
Любовь въ словахъ, злость въ сердцѣ, въ златѣ разумъ! —
О! страшенъ свѣтъ, Корнелія молись,
Чтобъ не далъ Богъ тебѣ — его увидѣть?

корнелія. Я ужъ жила лѣтъ тридцать, слава Богу!
Видала свѣтъ и полюбила свѣтъ!
А если бъ мужъ мой жилъ еще, тогда бы
Я находила счастье только въ свѣтѣ.
Какъ не любить людей спокойныхъ, добрыхъ,
Когда Христосъ велѣлъ любить враговъ?

тассъ. Нося въ груди чувствительное сердце,
Я каждый день съ слезами на очахъ
Молилъ Творца, Пречистую Марію,

Чтобы терпѣнія мнѣ больше дали;
А у меня росла нетерпѣливость —
И горесть. Я просилъ, чтобы несчастья
Смягчилъ Господь, а Онъ ихъ умножалъ,
И съ каждымъ днемъ я больше былъ несчастенъ.
Я умолялъ, чтобъ даръ волшебныхъ пѣсень
Былъ отнятъ у меня, — мнѣ въ облегченье, —
А Богъ послалъ безумье на меня....
И я позналъ, что я противенъ Богу,
Что на моихъ устахъ молитвы нѣмы,
Что идолъ славы свѣтской — врагъ небесной!
Что мнѣ не рай, а жаркій адъ назначенъ!
И мнѣ любить людей, когда они
Всего меня лишили — даже права
Питать надежду!... Мнѣ любить людей!!
Погибни родъ преступнаго Адама!
Онъ первый согрѣшилъ, и всѣхъ людей
Опоясалъ способностью грѣшить....
И люди тѣ, въ порокахъ утопая,
Боятся добродѣтельнаго видѣть;
Всѣ хитрости употребить готовы,
Чтобъ только и его грѣху подвергнуть....

корнелія. Безбожныя, Торкватъ, питаешь мысли,
И Богъ тебя достойно наказуетъ:
Не можетъ быть, чтобъ только злые люди
Тебя ввели въ такое заблужденье!
Молись, Торкватъ, но съ терпѣливой вѣрой,
Съ раскаяньемъ, и Богъ тебѣ услышитъ!
А люди столько зла не въ силахъ сдѣлать,
Чтобы кого лишить любви и вѣры! —

тассъ. Корнелія! Не знаешь ты меня!
Моей судьбы, коварной и притворной,
Не знаешь ты! Двѣнадцать лѣтъ мнѣ было,
Когда съ тобой и съ матерью моей

Я разлучился и къ отцу поѣхалъ!
Отецъ былъ въ Римѣ. Я пріѣхалъ утромъ.
Въ сіяніи торжественнаго солнца,
Казалось, Римъ горѣлъ лучами славы;
Казалось мнѣ: пророчествомъ какимъ-то
Привѣтствовалъ меня великій городъ!
Недѣли я не прожилъ у отца,
Какъ вдругъ письмо пришло къ намъ роковое,
Что я уже безъ матери на свѣтѣ!

За днями дни текли чредой обычной.
И наша грусть стихала по немногу;
Сначала мысль объ ней сливалась съ горемъ,
Потомъ съ надеждой, наконецъ съ молитвой....
Но вдругъ судьба опять на насъ возстала;
Свирѣпый Карлъ, разгнѣванный на Папу,
Велѣлъ на Римъ итти Герцогу Альбѣ.
Ужъ въ Остіи толпилися Имперцы,
Ихъ крики доходили въ Римъ. Родитель
Хотѣлъ бѣжать; онъ зналъ, что Императоръ
Несчастнаго накажетъ грозной смертью,
Но обо мнѣ родитель больше думалъ,
Чѣмъ о себѣ, и, въ ночь, какъ страшный Альба
Готовился на приступъ, онъ меня
Отправилъ въ древній, мрачный замокъ Тассовъ!
Не буду говорить, какъ долго я
Учился.... О! теперь мнѣ только жалко,
Что я всю жизнь на книгахъ основалъ;
Теперь ужъ мнѣ понятно, почему
Ученые такъ мрачны и печальны!
А прежде — я ученіе считалъ
Великимъ благомъ! Надъ Платономъ часто
Я ночи проводилъ безъ сна, въ забвеньи
Распутывалъ глубокія идеи
И новый міръ на старомъ воздвигалъ!

О, я постигъ всю мудрость человѣка,
—Мечталось мнѣ — и тайну бытія
Я подсмотрѣлъ. Теперь я буду счастливъ;
Я знаю все, что было, есть и будетъ;
Я разгадалъ людей, ихъ умъ, ихъ страсти;
Я буду жить и весело и мирно
Подъ куполомъ небесъ и славы! — Что же?»
Надъ книгой было хорошо *(съ горькой улыбкой)*,
а въ жизни?!....

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

Какъ часто я смѣялся поселянамъ,
Которые, воздѣлывая землю,
Не думали, что былъ Гомеръ на свѣтѣ,
И бѣдной пѣснью — бѣдность запѣвали!
Не зная о Философахъ и книгахъ,
Царю Царей молились такъ усердно,
И счастіе ихъ свыше осѣняло....
Дивился я, никакъ не постигалъ:
Какъ могутъ быть они счастливы? Горько
Меня суровый опытъ разувѣрилъ!
Я встрѣтилъ тѣхъ же поселянъ — на полѣ,
Съ тѣмъ самымъ счастіемъ, — а я,
Прославленный, превознесенный, гордый, —
Убитъ, несчастенъ, презрѣнъ и униженъ....

КОРНЕЛІЯ. Стыдись, Торкватъ....

ТАССЪ. Стыжусь, сестра, стыжусь,
Что я давнымъ давно не бросилъ свѣта
И отъ людей не спрятался въ пустынѣ,
Въ какомъ нибудь лѣсу; но дай мнѣ кончить.
По долгихъ бѣдствіяхъ, отецъ и я
Въ Венецію пришли; тамъ нашъ родитель
Хотѣлъ издать Поэму: Амадисъ,
И мнѣ велѣлъ ее переписать.

Я переписывалъ его творенье,
Но съ жаркими слезами сожалѣнья,
Что не могу и самъ я сочетать
Такихъ стиховъ. — Однажды я писалъ, —
Какъ вдругъ перо въ рукѣ остановилось,
Кровь вспыхнула, дыханіе стѣснилось;
Въ моихъ глазахъ и блескъ и темнота,
И чудная какая-то мечта
Пролилась въ грудь; незримый, горній геній
Обвилъ чело перуномъ вдохновеній,
И радостно горящая рука
Вдругъ излила два первые стиха
Еще.... и потекли четой согласной,
Съ какой-то музыкой живой, прекрасной,
Кудрявые и сладкіе стихи.
Они текли; — чѣмъ больше я писалъ,
Тѣмъ больше я счастливцемъ становился.
Корнелія! обыкновенно люди
Поэзію зовутъ пустой мечтой,
Пустыхъ головъ ребяческой горячкой.
Но какъ же пустъ, бездушенъ человѣкъ,
Когда онъ самъ, рукою дерзновенной
Отводитъ чашу чистыхъ наслажденій!
Онъ говоритъ: Поэзія мечта
И дѣльному занятію мѣшаетъ!
Но что же дѣльнаго и въ жизни цѣлой?
Что жизнь сама? — Безсонница страстей!
Не лучше ли, — чтобы заснуть спокойно
И утонуть въ пріятныхъ сновидѣньяхъ, —
Не лучше ли, я говорю, сдружиться
Съ единственнымъ прекраснымъ на землѣ,
Которое души нашихъ не погубитъ,
Не обольститъ, коварно не обманетъ?
Поэзія есть благовѣстъ святой

О неизвѣстной, вѣчной красотѣ!
И колокольный звонъ — бездушный звукъ,
Но какъ онъ святъ и важенъ для того,
Кто любитъ въ храмѣ совершать молитвы!
Не онъ ли намъ о Небѣ говоритъ?
Не онъ ли намъ про адъ напоминаетъ?
И колоколъ, — вещественный языкъ
Каръ безконечныхъ, безконечныхъ благъ
Иному другъ, иному тяжкій врагъ!
Не то ли и Поэзія святая? —
За что жъ она *недѣльное* на свѣтѣ!
Я не могу неблагодарнымъ быть;
Поэзія жизнь создала мою,
Украсила мой голосъ сладкимъ звукомъ,
Умъ — мыслію, достойной человѣка;
Но счастіе мое — вѣнцемъ терновымъ!
Я дорого купилъ земную славу!
Въ несчастіяхъ меня то утѣшало,
Что лучшія настанутъ поколѣнья,
И жизнь и умъ наукой обновятъ;
И я тогда возстану между ними,
И мертвымъ языкомъ моихъ твореній
Пересоздамъ ихъ въ добрыхъ, благородныхъ!
О радостно съ цвѣтовъ воображенья
Сбирать питательный, душистый медъ,
Чтобъ жизнь земныхъ младенцевъ услаждать!

КОРНЕЛІЯ. Братъ дорогой! Какъ слѣпо вѣришь ты
Пустымъ мечтамъ! Есть лучшія мечты...
Любовь....

ТАССЪ *(вскакиваетъ)*.
Любовь, Корнелія, любовь!!...
О! я любилъ; но, въ глупомъ ослѣпленьи,
Считалъ любовь ребяческой игрушкой,
Забавой для очей, а не для сердца...

Я не хотѣлъ души обезобразить
Какимъ нибудь тѣлеснымъ, низкимъ чувствомъ! —
Корнелія, ты одного любила
Ты, можетъ быть, обыкновеннымъ сердцемъ,
Обыкновенной страстью закипѣла,
Влюбилась въ нѣгу жаркихъ наслажденій,
И счастлива! Твой подвигъ совершенъ,
Ты наслаждаешься теперь плодами
Минувшей сладкой страсти.... Такъ! А я
Влюбился, какъ дитя, въ прелестный образъ
Двухъ демоновъ, подъ ангельской одеждой!

КОРНЕЛІЯ. Какъ, ты влюбился не въ одну?

ТАССЪ. Смѣшно?
Платонъ тогда лишилъ меня разсудка!
Казалось мнѣ, что долженъ я любить
Не дѣву самую, а прелесть дѣвы!
И я, какъ предъ картинами художникъ,
Пилъ жадными очами наслажденье
Въ очахъ Лукреціи и Леоноры!
Торжественно свершались чудеса
Въ моей душѣ преображенной; страсти
Сначала улеглись спокойнымъ моремъ;
Казалось мнѣ, что никогда ихъ буря
Души не потревожить. О, напрасно!...
Когда въ груди жаръ первыхъ впечатлѣній
Охолодѣлъ отъ частаго свиданья;
Когда, въ земную прелесть ихъ вглядѣвшись,
Я въ нихъ узналъ обыкновенныхъ *женщинъ;*
То и во мнѣ проснулся *человѣкъ;*
Но человѣкъ съ ужасными страстьми,
Съ земнымъ умомъ, съ надеждами земными!
Какъ бѣшено во мнѣ кипѣла кровь
И сердце, жадное земныхъ восторговъ,
Рвалось.... А умъ давалъ ему совѣты,

Холодные, разумные совѣты!
Хотѣлось мнѣ любить какъ человѣку,
И чудомъ быть безумному хотѣлось!
О робкій умъ! О гордый умъ! зачѣмъ ты
Жаръ счастія такъ злобно охлаждаешь?
На что же созданъ человѣкъ? На горе?...
Сомнительно! Есть блага на землѣ,
Для избранныхъ назначенныя Небомъ,
Но кто же избранный на эти блага?...

КОРНЕЛІЯ. Такъ ты любилъ?

ТАССЪ. И какъ еще любилъ!
Лукреція! дни быстро льются въ вѣчность,
День ото дня становится мнѣ хуже!
Но если вдругъ воспоминаньемъ сладкимъ
Осиротѣвшій духъ мой посвѣтится,
Я снова живъ и снова я въ Пезаро!
Твоихъ очей, брильянтовыхъ очей
Чудесный блескъ, и музыка рѣчей,
И пламенныхъ и умныхъ и высокихъ,
И буря чувствъ и страстныхъ и глубокихъ,
Стихія та, изъ коей ты одна
Такъ, сладостно, роскошно создана, —
Все, все во мнѣ, какъ нѣкій рай сердечный
Гдѣ въ первый разъ, спокойный и безпечный,
Я жизнь вкусилъ и жизнь похоронилъ!
Корнелія! не знаешь ты ея!
Бывало день откроетъ только очи
И дѣвственнымъ румянцемъ загорится,
Я ужъ въ саду Дворца Кастель-Дуранте!
И выглянетъ она черезъ окошко
Прекрасная, какъ Итальянскій день,
И зазоветъ меня къ себѣ. О случай!
Какъ часто ты сердца удачно сводишь,
Какъ часто ихъ разводишь неудачно!

А мужъ ея, былъ мужъ обыкновенный,
Пустой и хладнокровный; онъ смотрѣлъ
На дивное созданье красоты,
Какъ на простую принадлежность дома,
Гдѣ всякій Князь имѣть хозяйку долженъ!»
  Сестра ея младая Леонора,
Еще прекраснѣе была; въ очахъ
Сіяло небо чистаго покоя;
Всегда скромна, всегда горда, важна,
Она цвѣла, какъ нѣкая богиня
И, какъ зари румяной — первый блескъ,
Поэту день прекрасный обѣщала;
Но гдѣ же ты, обѣтованный день?
Гдѣ сладкія грядущаго надежды?
Повѣялъ вѣтръ и облака нанесъ
На свѣтлое моихъ гаданій небо!
И облака сгустились; мощный духъ
Перуномъ ихъ воспламенилъ ужаснымъ,
И небо то и съ тучами и съ громомъ,
На голову безумнаго пѣвца
Упало!....
Но полно! Судъ свершенъ, небесный пламень
Въ обыкновенный пламень обратился;
А онъ не такъ опасенъ, можно снесть
Его безсильный и покойный жаръ.
Корнелія! не вспоминай мнѣ болѣ
О радостяхъ и горестяхъ прошедшихъ
И радости мои ужаснѣй горя,
Что-жъ горе самое?

КОРНЕЛІЯ. Я ужъ давно
Прервать хотѣла разговоръ столь тяжкій!
Скажи мнѣ лучше, что теперь ты пишешь?

ТАССЪ. Теперь не до того! Болѣзнь и горе
Мнѣ изсушили цвѣтъ воображенья;

Все, что теперь ни силюсь я создать,
Нестройный видъ какой-то принимаетъ.
И совѣстно передъ самимъ собой,
Что обстоятельства пустаго свѣта
Такъ сильны надо мной! Пусть говорятъ,
Что цѣпь пустыхъ, неважныхъ обстоятельствъ
Поэта не опутаетъ. Неправда!
Отъ случая зависитъ часто радость,
И горе, и любовь, и даже геній!
Какъ часто мысль прекрасную найдешь,
И съ гордостью находку сохраняешь;
А случай мысль прекрасную украдетъ
Изъ зависти и бросить въ ту пучину,
Гдѣ ничему не будетъ воскресенья!
Какъ часто: вотъ ужъ создалась картина
Великая, изящная, живая;
А случай принесетъ пустаго шута,
Начнетъ болтать, вниманье развлечетъ
И глупостей обильная рѣка
Забрызгаетъ великую картину!
И силишся ее припомнить; поздно!
Она представится воображенью
Въ позорныхъ пятнахъ! Если бъ было можно
Ее омыть; но кто омоетъ умъ
Отъ грязныхъ впечатлѣній обстоятельствъ?

корн. Скажи, Торкватъ, зачѣмъ въ такой одеждѣ
Приходишь ты въ родимое Соренто?

тассъ. Зачѣмъ орелъ скрывается въ пустынѣ?—
— Сестра, сестра! о если-бъ знала ты,
Какъ бѣшено Торквата гонитъ жребій!
Альфонсъ изгналъ; возненавидѣлъ онъ
Поэта гласъ, боготворившій Бога!
Любви его не понимаетъ Герцогъ

И ненависти, ненависти жаждетъ...
А тамъ враги, совсѣмъ другаго рода
Ославили безбожникомъ Поэта,
За то, что онъ чистосердечной лирой
Святую пѣснь гремѣть не убоялся!
И вотъ вездѣ, — куда ни обращу
Унылый взоръ, — мнѣ нѣтъ гостепріимства!
Завистливо коварство примѣчаетъ
Мои шаги и смерти Тасса жаждетъ!
Италія совокупила ковы
И весь народъ въ тѣснѣйшемъ заговорѣ
На мой покой, на честь и на свободу.
И что-жъ? Кругомъ я слышу: Тассъ безбожникъ,
Тассъ еретикъ!... Сначала,— и донынѣ
Въ народѣ слухъ живетъ, что я волшебникъ!
Что сладкій стихъ Торквата — хитрость ада!
И мало-ли другихъ ужасныхъ слуховъ?!
Напрасно я въ торжественномъ соборѣ,
Въ Болоніи, въ лицѣ духовниковъ,
Смиренно заблужденья исповѣдалъ;
Напрасно я, въ очахъ безумной черни,
Молился и добро творилъ! Напрасно!
У зависти нѣтъ ни очей, ни слуха...
Да будетъ проклятъ Тассъ! — вездѣ гремѣло:
Да поразитъ его небесный гнѣвъ! —
И можно ли мнѣ вѣрить въ безопасность!

КОРН. О милый братъ! ты весь въ однѣхъ мечтахъ!
Безумный не боялся-бъ этихъ слуховъ;
А при твоемъ умѣ легко постигнуть,
Что это зависть по угламъ шипитъ
И ядъ ея до Тасса не достигнетъ!

ТАССЪ. Уже достигъ! Ей удалось меня
Съ ума свести. Находитъ часъ такой,

Что мысли всѣ мѣшаются, кружатся.
Сквозь помѣшательство и чувствъ и мыслей,
Мнѣ чудятся: Альфонсъ, Елеонора,
Лукреція, злодѣи, обвиненья,
Густая чернь и громкій крикъ: безбожникъ,
Волшебникъ, еретикъ!! Все это — Тассъ,
Пѣвецъ Іерусалима! — Боже правый!
Вотъ мой вѣнецъ! Уже по всей Европѣ
Растетъ молва, что обезумѣлъ я,
Что проклятъ я, что я злодѣй, преступникъ!
И если ты, сестра, еще чиста,
Когда тебя не подкупила зависть... *(беретъ ея руку)*.
Храни меня! не выдавай злодѣямъ!
Вездѣ куютъ оковы для Торквата;
Вездѣ тюрьма открыта для меня;
Проклятіе какое-то я слышу
И дикій смѣхъ завистниковъ Поэта!!

—

ТѢЖЕ и ДИРАГО.

КОРНЕЛІЯ. Дираго, здравствуйте! *(Тассу)* Вотъ мой старинный
Сосѣдъ и другъ!... *(Дираго)* Что такъ печальны вы?

ДИРАГО. Не всё же веселиться!...

КОРНЕЛІЯ. Италіянцу
Печалиться и плакать не прилично!

ДИРАГО. Не плачу я, и плакать не умѣю,
А такъ сгрустнулось!...

КОРНЕЛІЯ. Что же? Всѣ ли дома
У васъ здоровы?

ДИРАГО. Слава Богу! Всѣ!
Моя жена велѣла поклониться.
Ну, а у васъ?...

КОРНЕЛІЯ. Благодаренье Небу!
Антоніо ужъ началъ поправляться,
А дочери уже давно здоровы....
Что новаго?

ДИРАГО. Соренто наше глухо,
И глупо! Ничего въ немъ не узнаешь!
Но вотъ письмо я получилъ сегодня.

КОРНЕЛІЯ. Откуда?

ДИРАГО. Изъ Феррары!...

ТАССЪ. *(съ живостью).*
Что жъ вамъ пишутъ?

ДИР: Вотъ, что Альфонсъ вступаетъ въ славный бракъ
Съ Принцессой Мантуанской Маргеритой;
Что при дворѣ теперь приготовленья,
Отдѣлываютъ комнаты прекрасно,
Что собрались Поэты, музыканты,
Ваятели и Живописцы свѣта
Чтобъ празднество Альфонсово украсить!
Другая новость очень непріятна!
Скрывать отъ васъ я не считаю нужнымъ;
Но, Бога ради, не тревожьтесь! Время
Исправитъ все....

КОРНЕЛІЯ. *(съ нетерпѣніемъ).*
Скажите поскорѣе!...

ДИР: Ахъ!... Братецъ вашъ Торквато помѣшался;
Влюбился въ Герцогиню Леонору,
Съ ней тайно объяснился и — ушелъ!
Но велѣно вездѣ его искать....

ТАССЪ *(въ припадкѣ сумасшествія.)*
А! заговоръ!... Мнѣ здѣсь не безопасно!...

Корнелія и дѣти въ заговорѣ!...
Какъ онъ узналъ, что я пришелъ въ Соренто?...
И не она-ль сама послала ихъ
Увѣдомить коварнаго сосѣда?
Вся кара для меня была изгнанье;
Но вотъ теперь одумались злодѣи,
И жизни бѣдной ищутъ!.... Не удастся!

КОРНЕЛІЯ *(съ безпокойствомъ подходя къ Тассу)*.
Братъ дорогой! (Ахъ! что мнѣ дѣлать съ нимъ)?
Мой милый братъ! ты кажется, встревоженъ!

ТАССЪ *(въ томъ же состояніи)*.
Ни мало! (Да! я точно помѣшался!
Хочу сказать одно, а говорю
Совсѣмъ другое).

КОРНЕЛІЯ. (Какъ я виновата!
Дираго не сказала, кто онъ). Милый,
Любезный братъ.

ТАССЪ *(вырываясь изъ рукъ Корнеліи)*.
Да полно проклинать!
Подслушивать, сосѣдъ и другъ, нечестно!
Какъ изъ сѣтей мнѣ выйти? Голова
Моя кружится! До чего я дожилъ!
Какъ мнѣ уйти?... Пойдемъ, Альфонсъ, пойдемъ!
(Встрѣчая Дираго.)
Разбойникъ, трепещи Торквата Тасса!
Не смѣй ни шагу сдѣлать (онъ трусливъ,
А я уйду)!) Прощайте, доброй ночи!
Корнелія! Весь заговоръ вашъ воздухъ!...
(Поспѣшно уходитъ.)

КОРНЕЛІЯ *(также поспѣшно за нимъ слѣдуетъ)*.
Торкватъ! Мой братъ!

ДИРАГО *(медленно уходя въ размышленіи)*.
Онъ въ правду помѣшался.

Великій Тассъ!...Чѣмъ больше умъ, тѣмъ хуже!...

Темнѣетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дорога въ Портиччи; вдали видно море; къ сѣверо-западу—Везувій, надъ коимъ горитъ слабое пламя.

—

ТАССЪ одинъ, вышелъ на дорогу, останавливается. Ночь.

Темно, какъ въ сердце женщины. Давно
Корнелія ужъ спитъ и обо мнѣ
Не мыслитъ. Пусть не мыслитъ. Слава Богу!
Я вырвался изъ родственныхъ объятій,
Простертыхъ на коварную погибель;
Свободенъ, но куда теперь итти?
Вотъ море, чудное, какъ мысль Поэта,
Какъ мысль Поэта необъятно!... Тихо
Оно лежитъ въ обширной колыбели!
Съ какимъ смиреніемъ, на персяхъ ясныхъ,
Оно дѣтей земли коварной носитъ!...
И тамъ,—гдѣ самый умъ бы утонулъ
Въ безбрежности, для мысли недоступной,—
Тамъ ноги слабыя созданій слабыхъ
Безвредно ходятъ. — Все для человѣка,
Великое покорно человѣку,
Прекрасное покорно человѣку;—
Чему же самъ покоренъ человѣкъ??...

(Вздохнувъ, продолжаетъ итти.... увидѣвъ Везувій, останавливается).

А тамъ другой естественный Поэтъ!
Онъ и въ ночи своимъ огнемъ пылаетъ
И далеко его вѣнецъ горитъ.
Кто раскалилъ въ немъ каменное сердце

И желчь свою излить на міръ заставилъ?
Не люди ли, усѣвшись близъ него,
Ужасными дѣяньями своими
Въ немъ адское зажгли негодованье?
Не Богъ ли самъ хотѣлъ представить людямъ
Того огня малѣйшую картину,
Который ихъ пожретъ за ихъ злодѣйства?
Напрасно все! Безсмысленныя дѣти,
Они умомъ толкуютъ Божій гнѣвъ....

—

ТАССЪ и ТОЛПА НИЩИХЪ которые, увидѣвъ Тасса, окружаютъ его.

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ. Ради Спасителя,
Господа Бога,
Дайте несчастному!

ВТОРОЙ. Ради Пречистыя
Дѣвы Маріи,
Дайте на хлѣбъ!

ТРЕТІЙ. Ради Апостоловъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ. Ради святаго Антонія?

ПЯТЫЙ. Ради Святаго Бернарда!

ШЕСТОЙ. Ради Святаго Онуфрія!

ТАССЪ. Друзья! къ чему вамъ всуе призывать
Святыя имена? Побойтесь Бога!
Вамъ деньги надобны?—Вотъ десять скуди....
Я больше не имѣю.

НИЩІЕ *(въ сторону)*.
Десять скуди!

ТАССЪ. Скажите мнѣ, зачѣмъ въ такую ночь
Вы ходите толпами?

НИЩІЕ. Десять скуди?

ТАССЪ. Скажите мнѣ, зачѣмъ не спите вы,
Когда всѣ спятъ?

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ. Полъ-скуди мнѣ!

ВТОРОЙ. Мнѣ цѣлую.

СТАРИКЪ. За что?

ВТОРОЙ. Я далъ совѣтъ
Пойти по этой счастливой дорогѣ. —

СТАРИКЪ. И безъ тебя?... Да что тутъ толковать?
Насъ двадцать, всякому изъ насъ полъ-скуди.

Къ Тассу.

Вы что-то говорили?

ТАССЪ. Да, мой другъ!
Я спрашивалъ, зачѣмъ не спите вы,
Когда всѣ спятъ?

СТАРИКЪ. Несчастіе не спитъ,
А мы его родныя дѣти. Горе
Знать, никогда вамъ не было извѣстно.
Когда же лучше плакать, какъ не ночью?
Мы ночью горькихъ слезъ своихъ не видимъ,
А днемъ не только видимъ ихъ, но слышимъ;
Въ несчастіи безчувственныя вещи
Жизнь и языкъ ужасный принимаютъ,
И мѣсто то, гдѣ горькая слеза
Отъ полноты страданія упала, —
Собой всегда воспоминанье будитъ,
Которое ужаснѣе несчастья. —
Днемъ нѣкому повѣрить ничего;
Весь свѣтъ въ рукахъ пустаго человѣка;
А ночью тихая природа, молча,
Не прерывая, слушаетъ страдальца,
И тайнъ его не обнаружитъ дерзко,
А сохранитъ въ своемъ священномъ сердцѣ
И мрачность ихъ своимъ умножитъ мракомъ.» —

тассъ. Но кто васъ ввелъ въ такую бѣдность?

старикъ. Кто?
Несчастія. —

тассъ. Какія? —

старикъ. Мало ль ихъ? —
Меня жена на свѣтъ съ сумой пустила;
Тому наскучила работа, свѣтъ;
Тому науки; всякъ свое имѣетъ.

тассъ. Не понимаю.

старикъ. Мало ли чего
Не понимаемъ мы, что есть на свѣтѣ:
Однако жъ есть....

тассъ, Но какъ могли науки
Наскучить?

старикъ. Какъ? Что лучше нашей жизни?
А мало ли самоубійцъ на свѣтѣ? —

тассъ. Ты, кажется, ученъ?

старикъ Ученъ, и очень!

тассъ. Но кто жъ учитель твой?

старикъ. Жена и горе. —
Они то научили здраво мыслить: —
Вотъ вся моя наука.

тассъ. Ты несчастливъ,
Однако жъ веселъ. —

старикъ. Слезы не поправятъ
Моей судьбы; когда была надежда,
Тогда еще и слезы были сладки;
Теперь онѣ и горьки и напрасны,
А горечи у насъ и такъ довольно.
Но, добрый человѣкъ, не вѣкъ быть съ вами;
Не худо бы намъ помнить ваше имя.

ТАССЪ. Къ чему вамъ имя селянина?

СТАРИКЪ. Правда,
Вы селянинъ; однако же по деньгамъ,
По разговорамъ, вы не селянинъ

ТАССЪ. Какъ? десять скуди?...

СТАРИКЪ. Страшное богатство
Для селянина. Въ цѣломъ Королевствѣ
Народъ бѣднѣе насъ; а что же мы?...
Скажите ваше имя....

ТАССЪ. Безполезно
Вамъ знать его. — Я самъ забыть стараюсь
Мое несчастное названье.

СТАРИКЪ. Боже!
И вы несчастны? Въ сонмѣ человѣковъ
Я вижу нѣтъ ни счастья, ни несчастья:
Богатые свой жребій проклинаютъ,
Мы говоримъ, что счастіе въ богатствѣ!

ТАССЪ. Увы! Старикъ, ты правъ. Для человѣка
Ни бѣдствія, ни счастья нѣтъ въ природѣ.
Изъ страсти въ страсть, въ желанье изъ желанья
Перебѣгаетъ сердце человѣка!
Всѣ, всѣ живутъ желаніемъ инаго,
Всѣ ищутъ милости *слѣпой* фортуны,
Которая имъ слѣпо даровала
И славу и богатство. Даже вы,
Вы, безъ надеждъ, безъ притязаній гордыхъ,
Вы мучитесь о будущемъ и прошломъ;
А настоящее для васъ ужасно!

СТАР. Нѣтъ! не совсѣмъ. Мы стали хладнокровны
Къ грядущему, а прошлое забыли,
И сдѣлалось для насъ все настоящимъ.
Въ насъ чадъ прошелъ отъ упоеній свѣта,

Нашъ умъ очистился отъ горькихъ бѣдствій
Окаменилось сердце отъ страданій,
И мы теперь несчастье понимаемъ,
Но чувствовать его ужъ не умѣемъ.
И, слава Богу! гордыя надежды
Насъ не волнуютъ; мы безъ притязаній,
Мы безъ страстей. У насъ одна потребность
Жить какъ нибудь; и въ наготѣ своей
Мы счастливы, свободны, веселы.
Когда кто дастъ, рукой благочестивой,
Намъ хлѣбъ насущный, — мы довольны. Снова
Мы жизнь живемъ, по улицамъ кочуя,
Иль по большимъ дорогамъ. За обѣдомъ
Объ ужинѣ не мыслимъ. Богъ питаетъ,
Какъ птицъ небесныхъ, наше поколѣнье:
И потому, какъ птицы, мы легки;
Какъ птицы, мы поемъ и веселимся,
И если намъ одно наскучитъ мѣсто, —
Какъ птицы, мы въ другое улетаемъ.
И вы, когда вамъ надоѣло горе,
Когда очарованье то, что жизнью
Не точно называемъ, объяснилось;
Когда воздушныя надежды ваши
Разбились о желѣзный жребій, бросьте
Коварный міръ, съ его коварнымъ блескомъ.
Пристаньте къ намъ и вы найдете то,
Чего всю жизнь такъ суетно искали!

ТАССЪ. Твои слова, несчастный, ядовиты.
Ты разгадалъ мои страданья. Правда,
Міръ опустѣлъ для сердца моего,
Разрушились всѣ пышныя надежды,
Родство, любовь, обязанности жизни,
Жизнь самая — теперь мнѣ стали тяжки.
Но не могу, безъ ужаса, подумать,

Что руку нищую простерть я долженъ
Передъ людьми, которыхъ ненавижу!

СТАР. Нѣтъ, добрый человѣкъ, останьтесь въ свѣтѣ!
Вы, можетъ быть, еще найдете счастье;
Вы, можетъ быть, великими дѣлами
Для человѣчества найдете пользу.
О! къ людямъ ненависть есть состраданье
Къ ихъ жребію и горестнымъ недугамъ.
Я былъ когда-то не простымъ бродягой,
Но человѣкомъ съ саномъ, съ воспитаньемъ.
Я жилъ съ людьми, но ненавидѣлъ ихъ —
И понималъ ихъ недостатки. Сколько
Старался я исправить ихъ, и часто,
Не хвастаюсь, мнѣ удавалось; долго
Я помогалъ имъ златомъ и совѣтомъ;
Но наконецъ я самъ всего лишился.
И если сожалѣю о прошедшемъ,
Такъ только потому, что не могу
Я больше помогать несчастнымъ людямъ.

ТАССЪ. День занялся. Какъ скоро ночь прошла.
Куда итти?... Старикъ, скажи, куда
Ведетъ дорога?

СТАРИКЪ. Въ Портичи!

ТАССЪ. Прощайте!

СТАРИКЪ. Пора и намъ. Одной дорогой съ вами...

ТАССЪ. А вы куда?

СТАРИКЪ. О намъ еще далеко;
Намъ десять дней пути.

ТАССЪ. Куда же это?

СТАРИКЪ. Въ Феррару, на Альфонсову женитьбу!

ТАССЪ. *(хватая старика за руку)*.
Друзья, я вашъ! Пусть онъ меня увидитъ
Подъ рубищемъ, съ простертыми руками
Для подаянья! Боже всемогущій!
Благослови мой промыслъ новый, горькій, —
Какъ ты благословлялъ мой сладкій промыслъ!

АКТЪ ВТОРОЙ.

ФЕРРАРА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ отдѣленіи Герцогини Урбинской.

ЛУКРЕЦІЯ сидитъ, **ДЖУЛІО ГАСКАНО** входитъ.

ЛУКР: Какъ? Джуліо? Въ такой нежданый часъ,
Когда дворецъ въ движеньи, въ торжествѣ,
Вы оставляете толпу придворныхъ,
Чтобъ услаждать меня своей бесѣдой?!....

ДЖУЛІО. Что мнѣ толпа, когда во всей толпѣ
Нѣтъ ни одной души, а Герцогиня
Съ божественной душой, съ прекраснымъ сердцемъ!

ЛУКРЕЦІЯ. Что слышно во дворцѣ?

ДЖУЛІО. Спросите лучше:
Чего не слышно? Каждый говоритъ
О радости, съ какой встрѣчаетъ свадьбу

Великодушнаго Альфонса. Герцогъ
Дѣйствительно великодушенъ очень;
Онъ слушаетъ и вѣритъ терпѣливо
Разсказамъ льстивыхъ царедворцевъ. Правда,
Не вѣритъ какъ тому, что намъ пріятно? —
И какъ они забавны, эти люди!
Одинъ меня утѣшилъ живописецъ,
Который говорилъ, что онъ никакъ
Не можетъ снять портрета съ Маргериты;
Неправильность, безжизненность лица
Въ его рукѣ удерживали кисть....
Теперь же говоритъ, что отъ того
Не могъ онъ снять портрета съ Маргериты,
Что красота Альфонсовой невѣсты
Для самой лучшей кисти недоступна.
Всѣ говорятъ, всѣ льстятъ, всѣ хвалятъ, славятъ,
А ни одинъ не скажетъ слова правды.
Въ Феррарѣ былъ единый человѣкъ,
Который могъ украсить этотъ праздникъ, —
И искреннимъ, неподкупнымъ восторгомъ
Хаосъ похвалъ презрѣнныхъ заглушитъ,
И пѣснями прекрасными своими
Торжественнѣе сдѣлать торжество....

(Лукреція снимаетъ съ руки кольцо и разсѣянно его оборачиваетъ.)

Тѣ милости, какими я осыпанъ
Отъ вашей Свѣтлости, даютъ мнѣ смѣлость
Просить Васъ о предстательствѣ за Тасса.

ЛУК: Яслышала...выбыли...сънимъ...невъдружбѣ...

ДЖУЛIО. Таковъ законъ позорной клеветы,
Таковъ законъ посредственности низкой,
Чтобы взаимной ссорой тѣхъ унизить,
Которые возвысились надъ ними

Прекрасными и чистыми дѣлами. —
Нѣтъ, я всегда въ душѣ любилъ Торквата,
И въ тѣ тасы, когда затихнутъ страсти;
Разоблачатся очи отъ земнаго,
Я называлъ любимымъ, старшимъ братомъ
Великаго Торквата.... Въ тѣ часы,
Мнѣ самому, казалось, было лучше;
Въ моихъ твореньяхъ больше видѣлъ славы,
Что есть кому ихъ оцѣнить достойно
И грудь моя надеждой трепетала,
Что, можетъ быть, великій Тассъ, читая
Мои творенья, тихо, про себя
Похвалитъ стихъ иной, иное слово, —
И съ радостью запечатлѣетъ ихъ
Въ великомъ сердцѣ.... Если Ваша Свѣтлость
Позволили мнѣ столько говорить
О собственныхъ невольныхъ ощущеньяхъ, —
Позвольте мнѣ изобразить восторгъ,
Который вся Италія питаетъ....

ЛУКРЕЦІЯ *(встаетъ)*.
Мнѣ это все извѣстно; но къ несчастью,
Я при дворѣ теперь такъ мало значу,
Что всѣ мои старанія — ничтожны!

ДЖУЛІО. Я Герцогу не разъ ужъ говорилъ,
Но онъ всегда откладывалъ на-*послѣ;*
Я говорилъ не разъ его любимцамъ,
Въ отвѣтъ однѣ насмѣшки только слышалъ. —

ЛУКР. Торкватъ самъ виноватъ; онъ обижалъ....

ДЖУЛІО *(съ живостью)*.
Но можно ли такихъ людей обидѣть?....

ЛУКРЕЦІЯ. Скорѣе, нежели кого другаго....

ДЖУЛІО. Я тщетно Вашу Свѣтлость безпокоилъ;
Я думалъ, что въ такой душѣ прекрасной

Воспоминанія не мрутъ такъ скоро;
Воображалъ, что имя нашей славы,
Которое Феррару освѣтило
Безсмертнымъ блескомъ — для Феррары свято;
Что человѣкъ, испившій столько горя,
Въ день радости, на радость возвратится;
Но въ первый разъ я горько обманулся.
И мнѣ, быть можетъ, рокъ готовитъ то же;
Благой совѣтъ въ примѣръ подаетъ,
И говоритъ: не совершайте жертвъ,
Напрасно юной жизни не губите!
Въ замѣну благъ, обѣщанныхъ столь щедро,
Вамъ принесутъ одну неблагодарность....

лукреція. Но....

джуліо. Ваша Свѣтлость! извините дерзость
Поступка моего; но я клянуся,
Что болѣе не буду васъ твевожить
Присутствіемъ и просьбой, отъ которыхъ
Теперь же увольняю Вашу Свѣтлость!

—

лукреція (*одна*).

Гордецъ! какъ дерзокъ онъ, неблагодаренъ
И даже глупъ! Мнѣ Тассъ давно наскучилъ!
Его любовь воздушная, пустая,
Его стихи, мечтательныя рѣчи
Терпѣніе мое превозмогли,
И сколько хитростей я истощила,
Чтобъ удалить — влюбленнаго не такъ,
Какъ мнѣ хотѣлось?! Философскій лепетъ
Для разума пріятенъ, не для сердца.... —
Веселый нравъ, изображенье страсти
Столь пламенной, кипучей, Италіянской —
Къ Гаскано увлекли меня невольно....

Явился онъ — и милости мои
Любовь мою довольно объяснили,
А онъ хотѣлъ мнѣ Тасса возвратить,
Какъ будто бы моей любви въ насмѣшку!.... —
Для женщины Поэты такъ опасны,
Какъ женщина опасна для мужчинъ
Обыкновенныхъ. Гордость ихъ безмѣрна;
Ихъ сердце для любви не кроетъ мѣста;
Влюбленные въ какія-то мечты,
Въ чудесныя какія-то видѣнья,
Они находятъ въ насъ не божество,
А бѣдныя и слабыя творенья.... —
Но женщина, презрѣнная Поэтомъ,
Ужаснѣе ужасныхъ всѣхъ чудовищъ!
Местъ — свойство женщины, стихія наша;
А кто же местью такъ, какъ мы, владѣетъ?
Какой покровъ величія и славы
Отъ женщины укроетъ человѣка?.... —
Какъ я пуста! есть мнѣ о чемъ жалѣть!
О суетныхъ ремесленникахъ славы,
Поденьщикахъ подкупленныхъ похвалъ!.... —
Презрѣньемъ за презрѣнье! но презрѣнье
Мое — чувствительнѣе будетъ....
Никто изъ васъ Лукрецьи не забудетъ!

—

ЛУКРЕЦІЯ и **ЛЕОНОРА** входитъ въ размышленіи...

ЛЕОНОРА. Лукреція! какой ужасный шумъ
Во всемъ дворцѣ; — какъ много тамъ людей,
Мужчинъ и дамъ.... а не съ кѣмъ говорить.

ЛУКРЕЦІЯ. А Джуліо?

ЛЕОНОРА. Онъ для меня несносенъ.
Не разговоръ въ его устахъ ужасныхъ,

А ядовитое шипѣнье змія.
И кто отъ остроты его свободенъ?
Кого языкъ его не оклевещетъ?
Я отъ него, а онъ за мной бѣжитъ
И сыплетъ градъ остротъ и колкихъ шутокъ...—
Таковъ ли Тассъ? Божественный мой Тассъ?
Съ какою простотой, съ какимъ смиреньемъ,
Онъ восхищалъ и недруга и друга!
Какъ онъ умѣлъ къ несчастью сострадать,
Надежду лить въ израненное сердце
И — до себя — насъ, бѣдныхъ, возвышать.
Сегодня у меня былъ Константини.
Онъ умолялъ, чтобы просить Альфонса
О возвращеньи Тасса; но напрасно
Просила я, онъ гордо отказалъ
И говорилъ, что если изгнанъ Тассъ,
То я тому единственной причиной!....
Лукреція. Не гнѣвайся напрасно, Леонора!
Ты знаешь, Тассъ былъ всѣми ненавидимъ,
За гордое презрѣніе ко всѣмъ.
Леонора. Сестра! какъ понимать твои слова?
Лукреція. Какъ хочешь! Искренность моя богиня,
И такъ скажу, что даже мнѣ — твое
Не нравилось съ Поэтомъ обращенье!
Всегда наединѣ съ своимъ любимцемъ,
Ты слушала, по цѣлымъ днямъ, стихи,
Въ которыхъ онъ, какъ тать, къ тебѣ ласкался;
Твой благосклонный взоръ — всегда горѣлъ
Какимъ-то неприличнымъ одобреньемъ;
Естественно, что всякій началъ думать
Невыгодно о замыслахъ Поэта....
Леонора. Лукреція! какія подозрѣнья!
Когда и кто мнѣ можетъ упрекнуть
Въ презрѣнномъ и нескромномъ поведеньи?

Не ты ль сама, въ своемъ Кастель-Дурантѣ
Съ утра до вечера сидѣла съ Тассомъ,
И безъ свидѣтелей! Молва не смѣла
Ни клеветать, ни сѣять подозрѣній;
Не ты ль сама, въ отсутствіи супруга,
Такъ весело съ нимъ проводила время?
И каждый день все съ нимъ, да съ нимъ однимъ!
А я тебѣ ни слова не сказала,
Которымъ бы могла тебя обидѣть.
Я радовалась твоему веселью,
Я восхищалась вашей чистой дружбой, —
И ты теперь меня же упрекаешь,
Что ласково я слушала его!
Почтительный и скромный, никогда
Онъ ни къ кому не зналъ порочной страсти;
Всѣмъ существомъ своимъ Поэтъ великій,
Самъ неземной, онъ въ неземную область
Всегда стремился, какъ святая мысль. —
И признаюсь, я полюбила Тасса:
За чистое его души веселье,
За дѣтскую привязанность ко мнѣ!....

Лукреція. Дитя, дитя, въ ребяческомъ восторгѣ
Не слышишь ты тѣхъ тягостныхъ оковъ....

Леонора. Оковы? Нѣтъ. Воздушная любовь,
Какъ воздухъ, и легка, и безопасна!....

Лукреція. Мечты тебя чаруютъ, Леонора!

Леонора. Пускай мечты; но сладкія мечты.
Въ нихъ нѣтъ ни мукъ, ни горя, ни страданья;
Зачѣмъ же глупо умерщвлять ту радость,
Которая намъ ослащаетъ жизнь?
И ты сама любила также Тасса? —

Лукреція. Я только Тассовы стихи любила.

ЛЕОНОРА. Не признаешься. Будто преступленье
Его любить!

ЛУКРЕЦІЯ. Супругъ мой, Леонора,
Былъ для меня предметъ любви единый.

ЛЕОНОРА. Супруга ты любила, какъ супруга;
И всякая должна любить супруга....
Но Герцога Урбино ты забыла,
На умъ тебѣ онъ больше не приходитъ,
А о Торкватѣ....

ЛУКРЕЦІЯ. Ты жъ все говоришь,
А я объ немъ уже давно забыла.

ЛЕОНОРА. Забыла? такъ! забыть его легко.
Мы даже часто Бога забываемъ;
Но, вспомнивъ, совѣстно смотрѣть на свѣтъ,
На памятникъ его благодѣяній....
И вновь къ Нему, какъ дѣти, прибѣгаемъ
Лукреція! быть можетъ, онъ невольно
Твой гордый умъ иль сердце оскорбилъ;
Быть можетъ, онъ, застѣнчивый и скромный,
Твоимъ мечтамъ не отвѣчалъ вполнѣ;...
Но онъ любилъ, клянусь, любилъ тебя....
Какъ часто, предо мной печально сидя,
Онъ говорилъ о будущности мрачной:
Но о тебѣ восноминаньемъ сладкимъ
Онъ разгонялъ всѣ тучи размышленій
И взоръ его опять свѣтлѣлъ надеждой!
Какъ часто, въ мрачные часы печали.
Въ его устахъ, какъ тихій вѣтеръ въ струнахъ,
Лукреція, твое звучало имя!
Казалось, бѣдный силился закрыть
Свою любовь, но чувства полнота
Безсильный умъ его превозмогала!

И ты его такъ хладнокровно гонишь!
Ты первый врагъ ему и врагъ лютѣйшій!...

Лукреція *(обнимая Леонору).*
О перестань, мой ангелъ — Леонора!
Къ чему напоминать мнѣ заблужденья?

Леонора. Лукреція! любовь не заблужденье!
Такъ говорилъ Поэтъ — и кто не вѣритъ? —
Кто на себѣ не испыталъ тѣхъ словъ?

Лукреція. О не буди въ груди моей геенны...

Леон. О милый другъ, сильна ты передъ братомъ;
Проси его, чтобъ возвратилъ намъ Тасса;
Онъ ласковъ, добръ; клеветники и зависть
Въ немъ гнусныя рождали подозрѣнья.
Въ день радости, быть можетъ, онъ забудетъ
О клеветѣ, о зависти, о сплетняхъ;
Онъ самъ любилъ его; быть можетъ, любитъ
Еще теперь; любовь къ великимъ людямъ
Не скоро гаснетъ; можетъ быть и Герцогъ
Воспоминаньемъ сладкимъ оживится
И нашего Торквата призоветъ,
Чтобъ примириться съ славой и потомствомъ.
Моли его, Лукреція, моли,
Какъ я молю тебя!

Лукреція. Нѣтъ, Леонора!
Не добрый ангелъ ты, но ангелъ мститель!

Леонора. Пусть такъ!

—

ТѢ ЖЕ и АЛЬФОНСЪ.

Альфонсъ. Въ день радости, всеобщаго веселья,
Когда мы всѣ, въ торжественныхъ одеждахъ,
Прекрасной Маргериты ожидаемъ,
Лишь вы однѣ въ такомъ уединеньи

Печальны, безпокойны и угрюмы.
И кажется, вы къ брату хладнокровны....
Мой бракъ вамъ непріятенъ?...

Лукреція. Ваша Свѣтлость!
Вы намъ отецъ и другъ и благодѣтель!
Давно великодушнаго Альфонса
Прославлены и доброта и мудрость;
Какъ смѣли бъ мы, — мы, слабыя созданья,
Васъ осуждать, когда мы твердо знаемъ,
Что все, что вы ни сдѣлаете, — благо!
Нѣтъ! радостно встрѣчаемъ мы зарю
И вашего и нашего блаженства;
Съ покорностью, мы тепло молимъ Бога,
Да проліетъ свои благодѣянья
На васъ, супругу вашу и потомство....
(Какая мысль въ моемъ умѣ сверкнула;
О, торжество, когда она удастся!...) —
На радости, обыкновенно, люди
Оказывать благодѣянья любятъ;
Мы, вѣруя въ обыкновенье, просимъ
У Вашей Свѣтлости....

Альфонсъ. Чего хотите?
Все сдѣлаю для васъ, хотя бы послѣ
И пожалѣлъ.... И такъ чего?

Лукреція. Прощенья
Торквату Тассу....

Альфонсъ (*встревоженный*).
Какъ?... Торквату Тассу?...
Вы знаете, онъ домъ мой оскорбилъ
Разсказами про связи съ Леонорой;
Когда ко мнѣ о томъ достигли слухи
Отъ собственныхъ его друзей, я призвалъ
Его къ себѣ.... Онъ началъ запираться.

Клялся, что никому не говорилъ;
Но что сестру мою, сестру Альфонса
Онъ любитъ страстно.... Такъ скажите-жъ сами:
Какъ долженъ былъ я поступить съ Торкватомъ?
Я въ тотъ же день велѣлъ ему — Феррару
Оставить навсегда.... — Прошенье ваше
Мнѣ тягостно; но слова своего
Не нарушалъ еще Феррарскій Герцогъ.... —
Согласенъ я, но, Леонора, надо,
Чтобъ ты одно исполнила условье.

Леонора. Все, все на свѣтѣ....

Альфонсъ. Не спѣши обѣтомъ!
Оно, я знаю, тягостно и трудно;
Но иначе не быть въ Феррарѣ Тассу.
Она будетъ здѣсь, но ни единымъ словомъ,
Ни ласковымъ, ни грознымъ, не должна ты
Его дарить.... Исполнишь-ли? —

Леонора. Исполню!

Альфонсъ. Такое средство вылечитъ Торквата,
Меня въ моихъ догадкахъ разувѣрить,
И цѣлому семейству возвратить
Покой и честь.... но

Садится къ столу и пишетъ.

Отдайте Константини,
Онъ Тассу другъ!... О странной этой мѣрѣ
Не говорите ни кому! Языкъ придворный,
Вы знаете, какъ колоколъ огромный,
Всѣ тайны сокровенныя семейства
Разноситъ далеко и...

ТѢ ЖЕ и КОНСТАНТИНИ.

Константини. Ваша Свѣтлость!
Ужъ ѣдетъ Герцогиня!

АЛЬФОНСЪ. Поспѣшимъ
На встрѣчу къ ней! (*Отдаетъ записку.*) Исполнить,
Константини!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дворцовая площадь въ Феррарѣ; съ одной стороны дворецъ, съ другой домъ Константини.

Толпа различнаго состоянія людей и **ТАССЪ** между нищими.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. Они пѣшкомъ пойдутъ?

ВТОРОЙ. Пѣшкомъ?

ПЕРВЫЙ. На встрѣчу?

ВТОРОЙ. На встрѣчу, да! А Маргерита также
Изъ золотой кареты выйдетъ; вмѣстѣ
Они пойдутъ по красному сукну,
Чтобы народъ имѣлъ и честь и счастье
Свою вторую Герцогиню видѣть....

ПЕРВЫЙ. Какъ добръ Альфонсъ! Какъ онъ
народъ свой любитъ!
Во всей Италіи онъ первый Герцогъ!

ТРЕТІЙ. Во Франціи и при Дворѣ Франциска
Не видано такого торжества.

ЧЕТВЕРТЫЙ. А посмотрѣлъ бы ты картинный залъ;
Какихъ чудесъ тамъ нѣтъ?.... Екатерина
Во Франціи....

ТРЕТІЙ. Не до того ей; знаешь,
Какъ шатка власть твоей Екатерины....

ЧЕТВЕРТ. Оправдывай, какъ хочешъ; но признайся,
Изящныя Искусства у Французовъ
Ни процвѣтать, ни даже жить не могутъ.

ТРЕТІЙ. За то у насъ Декартъ, Монтань....

ЧЕТВЕРТЫЙ. И, полно!
Что Философія, когда не смыслимъ
Простымъ умомъ жить весело и мирно.

ТРЕТІЙ Придетъ пора....

ЧЕТВЕРТЫЙ. Придетъ, но долго ждать...

ПЯТЫЙ. О не таковъ Филиппъ! въ Арангуэцѣ,
Онъ, заперши́сь въ чертогахъ неприступныхъ,
Весь свѣтъ поставилъ на Испанской картѣ
И мѣритъ: можетъ ли его вмѣстить
Въ Испанскіе предѣлы....

ШЕСТОЙ. Да сегодня
Большой концертъ у Герцога; а завтра
Большой турниръ, а послѣ завтра свадьба;
Весь городъ будетъ освѣщенъ недѣлю,
Недѣлю весь дворецъ открытъ народу....
Но что за шумъ? куда бѣжитъ народъ?

—

АЛЬФОНСЪ, сопровождаемый многочисленною свитою, сходитъ съ крыльца и, раскланиваясь на всѣ стороны, проходитъ сцену.

НАРОДЪ *(слѣдуя за нимъ)*.
Да здравствуетъ Альфонсъ великодушный!
Да здравствуетъ Альфонсъ великодушный!....

—

НИЩІЕ, поддерживающіе обомлѣвшаго Тасса.

СТАР. Что сталось съ нимъ?...Воды, друзья, воды!...
Онъ изнемогъ....

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ. Онъ умеръ!

ВТОРОЙ. Сердце бьется,
Онъ дышитъ!

ТРЕТІЙ. Отойдетъ! Пусть прохладится
Въ тѣни, въ покоѣ...

СТАРИКЪ. Бѣдный, добрый странникъ,
Что сильно такъ могло его встревожить!

ТАССЪ *(приходя въ себя).*
Ужасный сонъ!... Прекрасный сонъ!... О, сколько
Для сердца радостныхъ воспоминаній!
Какъ трудно снесть одну минуту счастья,
А что-жъ, когда всѣ дни былаго счастья
Втѣснятся въ грудь, истерзанную горемъ?...
Какъ больно мнѣ, друзья! Въ глазахъ темнѣетъ...

Нищіе сажаютъ его на крыльцѣ дома Константини.

ТѢ ЖЕ и ГЕРЦОГЪ съ МАРГЕРИТОЙ, сопровождаемые еще большимъ числомъ придворныхъ и народа.

НАРОДЪ. Да здравствуетъ Альфонсъ Великодушный!
Да здравствуютъ Альфонсъ и Маргерита!

ТАССЪ *(вставъ, на крыльцѣ).*
О, дайте мнѣ увидѣть торжество,
О, дайте мнѣ увидѣть божество,
Которое привѣтствуетъ Феррара!
Враги мои, вамъ свѣтель этотъ день,
Вамъ, безъ молитвъ, даруетъ небо радость
И, въ счастіи, не молитесь вы Богу....

НАРОДЪ. Да здраствуютъ Альфонсъ и Маргерита!

ТАССЪ *(преклоняя колѣно).*
Позволь же, Боже правый, да несчастный,
Послѣдній сынъ изъ твоего семейства,
Смиренныя свои желанья скажетъ!
Даруй, Отецъ, въ супружествѣ Альфонсу:
Согласье, миръ и чистую любовь!
Даруй ему счастливое потомство!
Даруй ему неподкупныхъ друзей,
Совѣтниковъ правдивыхъ и почтенныхъ,
И благодать простри въ его землѣ!

Въ продолженіе этихъ стиховъ Альфонсъ восходитъ на крыльце дворца съ Маргеритой; придворные уходятъ за нимъ; народъ разсѣвается.

—

ТАССЪ (на крыльцѣ), **НИЩІЕ, КОСТАНТИНИ** и **ГОНЗАГО** поспѣшно приближаются къ дому, на крыльцѣ коего сидитъ Тассъ.

КОНСТАНТИНИ. Зайдемъ ко мнѣ. Отправлю я гонца
Къ Торквату Тассу; а потомъ мы вмѣстѣ
Пойдемъ на балъ. Ужъ поздно, вечерѣетъ; —
Что если мы въ недѣлю не отыщемъ
Торквата Тасса.... Боже! это онъ!
Но, если ошибаюсь, будетъ стыдно
Обнять бродягу....

ТАССЪ Какъ все измѣнилось!
И другъ меня чуждается, боится....

Оглядываясь.

Такъ, это домъ вельможи Константини,
Когда-то друга.... Онъ узналъ меня....
Не хочетъ онъ начать со мною рѣчи; —
Такъ я начну! — Я *этимъ* нищимъ — въ тягость;
Они меня и сторожатъ и кормятъ;
А я еще ни разу не спросилъ
У проходящихъ подаянья. Стыдно! —
У Константини попросить не стыдно;
Онъ добрый, благородный человѣкъ.

КОНСТ. Нѣтъ, то не онъ! Пойдемъ, скорѣй отправимъ
Гонца....

ТАС. *(одной рукой закрывая глаза и простирая другую)*.
Прошу васъ, доблестный вельможа,
Дать... этимъ... бѣднымъ... нищимъ... подаянье...

(Константини даетъ ему деньги, но, въ ужасѣ, онъ отбрасываетъ ихъ.)

Нѣтъ! Не хочу… Не мнѣ… вотъ этимъ… нищимъ!

КОНСТАНТИНИ. Но кто же ты?

ТАССЪ. И самъ не знаю, кто.
Какой-то демонъ, изгнанный изъ ада;
Чудовище, живущее безъ жизни….

КОНСТАНТИНИ. Но какъ зовутъ?

ТАССЪ. Меня? *Великимъ* звали!
Теперь зовутъ изгнанникомъ и нищимъ
Не нищій я въ Соренто; тамъ дворецъ
Гербомъ моимъ и именемъ украшенъ; —
Въ Феррарѣ, я и нищій и изгнанникъ.

КОНСТАНТИНИ. Великій Тассъ!

Нищіе съ ужасомъ отступаютъ.

ТАССЪ (*бѣжитъ отъ Константини.*)
Я погубилъ себя!
Изгнанника теперь взведутъ на плаху.

КОНСТАНТИНИ. Не убѣгай! О, дай себя обнять…
Я не узналъ; ты какъ перемѣнился!

ТАССЪ. Бѣги меня, мой добрый Константини!

КОНСТАНТИНИ. О перестань! Теперь другое время…

ТАССЪ. Не говори! Альфонсъ мнѣ не проститъ….

КОНСТАНТ. Позволь себя, мой другъ, переувѣрить;
Прочти вотъ это….

ТАССЪ (*пробѣжавъ записку.*)
Небо! я прощенъ!
О мой Альфонсъ, Альфонсъ великодушный!

Въ чрезмѣрной радости.

Вы, свѣтлыя, блистательныя звѣзды,

Я вас опять увижу, напишу
Я цѣлую Поэму Маргеритѣ....
Какъ поклонюсь Лукреціи прекрасной,
Какъ поклонюсь небесной Леонорѣ!
Да здравствуетъ Альфонсъ великодушный! —
Я къ нимъ пойду, и стану передъ ними,
Какъ жрецъ любви, надеждъ и ожиданій,
И, ласково весь пиръ окинувъ взоромъ,
Благословлю ихъ вожделѣнный бракъ! —
Я не одѣтъ; подъ рубищемъ такимъ,
Они меня, быть можетъ, не узнаютъ;
Но вдругъ, узнавъ меня, какой восторгъ
Пробудится въ ихъ лицахъ и движеньяхъ.
Пойдемъ, друзья, Гонзаго, Константини,
Вы спутники мои пойдемте также;
Онъ приметъ васъ, онъ наградитъ васъ златомъ;...

Хочетъ итти.

констант. Мой другъ ты позабылъ, что при дворѣ.
Священныя живутъ обыкновенья,
Которыя нарушить невозможно....
И о тебѣ должны мы доложить. —
А ты пока поди, переодѣнься;
Въ моемъ дворцѣ тебя всѣ знаютъ.

тассъ (*медленно уходя въ домъ Константини*).
Боже!
Такъ *мало* радостей, — и тѣ — въ оковахъ:
А горестей такъ *много* и свободны!

конст. Мы поспѣшимъ; онъ долго ждать не станетъ!

—

нищіе со страхомъ приближаются къ предсценѣ.
Темнѣетъ; во дворцѣ зажигаются огни.

пер: нищ: Такъ это Тассъ? Какой же онъ волшебникъ?
И золота достать себѣ не могъ.

второй. Теперь, какъ видно, дьявольская сила
Въ немъ притупилась! Никогда добромъ
Не кончатся проказы чародѣйства.

стар. Друзья, какъ вамъ не стыдно легковѣрно
Молвой презрѣнной черни увлекаться!
Вы видѣли, какъ ласковъ онъ и добръ.
Спокоенъ, тихъ; стихи его вы сами
Пѣвали прежде.

первый. Правда, добрый старецъ,
Стихи его прекрасны; но въ народѣ
Слухъ носится, что ихъ писали черти.

третій: И тетушка, и бабушка моя
Ужъ съ годъ тому, разсказывали мнѣ,
Что этотъ Тассъ, на огненномъ конѣ
По небесамъ летаетъ каждой ночи,
Что у него, глаза горятъ, какъ угли;
Что двухъ дѣтей онъ въ ихъ селѣ укралъ
И корсерамъ за десять скуди продалъ.

второй. За десять скудъ? Что если это тѣ,
Которыя онъ далъ намъ на дорогѣ?
Избавь насъ отъ грѣха, святый Антоній!

третій. Смотрите! онъ идетъ! Уйдемъ скорѣе....

нищіе *(разбѣгаясь)*.
Уйдемъ, уйдемъ....

старикъ *(медленно уходя за ними)*.
Какъ глупы эти дѣти!

—

ТАССЪ один, переодѣтый.

Темно; но въ окнахъ чудный свѣтъ. —
Собрались гости; дружно, шумно,
Краснорѣчиво, остроумно
Бесѣда льется.... Горя нѣтъ;

Такъ почему жъ не веселится?
Я ужъ готовъ; совсѣмъ одѣтъ;
Иду съ Альфонсомъ примириться. —

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

А Константини нѣтъ, какъ нѣтъ!

* * *

Я кавалеръ, и мечь я взялъ;
Онъ мнѣ присталъ; онъ мнѣ забава;
Мнѣ мечь Альфонсъ за храбрость далъ;
А золотую лиру — слава!
Но мнѣ пріятнѣй съ славой жить: —
Какъ сила, слава не проходитъ,
Какъ время, слава не летитъ....

—

А Константини не приходитъ!

* * *

Но Слава — съ смертію граничитъ;
И жизни, бѣдная, она
Ни продолжитъ, ни увеличитъ!
Вотъ почему мнѣ жизнь мила,
Хотя она обвита славой!
Такъ! все сѣдая смерть убьетъ,
Все подкоситъ косой кровавой....

—

И Константини не придетъ!

* * *

Вотъ освѣщенная святыня
Всѣхъ радостей моихъ, — дворецъ!
Тамъ и она, моя богиня,
Моя стихія, мой вѣнецъ!
Вотъ, вотъ она! Меня узнала,

Меня манитъ, меня зоветъ
Платкомъ махнула и пропала....

(Рѣшительно).

Нѣтъ! Константини не придетъ!

(Поспѣшно уходитъ во дворецъ Альфонса).

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ДАМА И КАВАЛЕРЪ проходятъ черезъ сцену; слышна далекая музыка.

ДАМА. Нѣтъ, кавалеръ! терпѣнья на минуту!
КАВАЛ. Я ужъ терплю шесть тягостныхъ часовъ.
ДАМА. Мой мужъ за мной, какъ привидѣнье, ходитъ...
КАВАЛЕРЪ. Тѣмъ лучше... поединокъ васъ избавитъ.
ДАМА. Нѣтъ! быть вдовой я не хочу... Ахъ! вотъ онъ!...

(Уходитъ).

—

N. И ДАМА ВТОРАЯ.

N. Измѣнница! ты будешь безъ супруга
Въ могилѣ....

ВТОРАЯ ДАМА. Боже мой! какъ вамъ не стыдно
Меня одну оставить? Вашъ племянникъ
Мнѣ надоѣлъ несносными рѣчами....

N. Прекрасная Синьора! Этотъ неучъ
Всѣмъ дѣвушкамъ, всѣмъ женамъ обѣщаетъ,
Богъ знаетъ, что; а молодые люди
Всѣ вѣтренны; напротивъ пожилые
Всѣ постоянны и въ любви и въ мести....

ДАМА. Къ чему, синьоръ, такое предисловіе!

N. Я васъ хотѣлъ предостеречь....

ДАМА. Напрасно.

Куда же вы?

N. Сей часъ! скажу два слова
Моей женѣ....

ДАМА. Я буду въ этой залѣ.

(Уходятъ въ разныя стороны).

—

ЛУКРЕЦІЯ и ТРЕТІЯ ДАМА.

ДАМА. Какъ, Ваша Свѣтлость, сами вы рѣшились
Невѣрному просить прощенья?...

ЛУКРЕЦІЯ. Да!

ДАМА. Какая жъ цѣль?

ЛУКРЕЦІЯ. Чтобъ погубить вѣрнѣе;
И отплатить и Тассу и Гаскано;
Гаскано также любитъ Леонору.... *(Уходятъ)*.

—

ЛЕОНОРА. Я не могу отъ Джуліо уйти....
Жду, не дождусь прекраснѣйшаго друга!
Но, бѣдная! обѣтъ въ твоихъ устахъ
Какъ адъ горитъ.... Но вотъ опять Гаскано!...

(Уходитъ).

—

ДЖУЛІО ГАСКАНО и ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

ДЖУЛІО. Она бѣжитъ!...

КАВАЛЕРЪ. Скажите мнѣ, Синьоръ,
Турниръ въ Феррарѣ будетъ? Вы молчите....

ДЖУЛІО *(уходя)*.
Не знаю....

—

ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЫ.

ВТОРОЙ. Я хотѣлъ... Какъ онъ задумчивъ!
Мое почтенье! Что турниръ....

ТРЕТІЙ. Не знаю!

ВТОРОЙ. Никто не знаетъ; вотъ смѣшно!

ТРЕТІЙ. Спросите

У Герцога.....

—

ТѢ ЖЕ и АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ. Синьоръ! прошу покорно

Позвать ко мнѣ Секретаря..... да вотъ онъ!

—

ТѢ ЖЕ и КОНСТАНТИНИ.

КОНСТАНТ. Ахъ, Ваша Свѣтлость! Онъ ужъ здѣсь...

АЛЬФОНСЪ. Тѣмъ лучше!

Идите и просите....

Альфонсъ и Константини уходятъ въ разныя стороны.

ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЫ.

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ. Непонятно!

Кого просить велѣлъ онъ?

ТРЕТІЙ. Я не знаю!

Какой нибудь заѣзжій иностранецъ;
Теперь въ Италіи, со всѣхъ сторонъ,
Какъ крестовой походъ, тѣснятся гости.
Микель-Анджело, Рафаэль, и много
Великихъ живописцевъ, музыкантовъ,
Ваятелей и Зодчихъ и Поэтовъ,
Умершихъ и живущихъ — любопытство
Во всей Европѣ возбуждаютъ....

—

ТѢ ЖЕ и ТАССЪ.

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ. Кто тамъ?

Ба! Это Тассъ! Насильно хочетъ онъ

Ворваться во дворецъ, куда ни къ кому
Ему закрыты двери....

ВТОРОЙ. Надо выгнать!
Альфонсъ за то намъ будетъ благодаренъ....

ТАССЪ. (*приближаясь на предсценъ, въ раздумьи*).
Какъ сладостно текутъ земныя звуки!
О! Музыка — есть страстный разговоръ
Небесъ съ землей.... я ужъ давно примѣтилъ,
Что въ звукахъ тайное горитъ желанье,
Что по душѣ они, какъ пламя ходятъ.

ВТОРОЙ. Кто васъ впустилъ? Какъ смѣли вы войти?

ТАССЪ. Дитя не горячись! Въ твоей груди
Духъ гордости давно ли поселился?
Иль, можетъ быть, отъ сплетней и вѣстей
Ты сердце потерялъ и умъ и память,
И позабылъ черты Торквата Тасса!..

ВТОРОЙ КАВ: Бродяга! Вонъ! ты вѣрно позабылъ,
Что во дворецъ....

ТАССЪ. Самъ Герцогъ пригласилъ!

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.
Ахъ, извините! Мнѣ еще сегодня
Графъ Парчи говорилъ, что ни за что
Альфонсъ васъ возвратить не согласится!
Но если такъ, позвольте васъ поздравить,
Позвольте васъ обнять... Я былъ всегда
Защитникомъ и вѣрнымъ вашимъ другомъ!

ТАССЪ. Бродяга! Прочь! Тѣмъ самымъ языкомъ
Ты смѣлъ изрѣчь святое имя дружбы!
Безъ сердца, ты хотѣлъ казаться съ сердцемъ,
И ядовитой грудью грудь прижать,
Разбитую подобными себѣ.

(Второй Кавалеръ уходитъ).

Ушелъ! не выслушалъ своей исторьи!

—

третій кавал. Вы говорите слишкомъ рѣзко....
тассъ. Правда!
Какъ вы, я не умѣю золотить
Коварныхъ словъ.... А вы? Вашъ умъ лукавый
Есть философскій камень. Все дурное,
Все гнусное, достойное презрѣнья,
Вы превращаете свободно въ злато....
(Третій Кавалеръ уходитъ).

Другой ушелъ! А люди говорятъ,
Что глупость — терпѣлива.... Всѣ исчезли....
Ни одного знакомаго лица!
Лукреція! Она меня утѣшитъ....

—

ТАССЪ, ЛУКРЕЦІЯ и ТРЕТЬЯ ДАМА.

лукреція.
(Какъ? Тассъ ужъ здѣсь? Онъ самъ приходитъ въ сѣти...
Узнай, гордецъ, насмѣшку и презрѣнье!
Они твои мучители до гроба!)

тассъ. Лукреція! я возвратился къ вамъ,
И клевета меня ужъ не пугаетъ.
Увѣрился ль Альфонсъ великодушный,
Что страсть моя вѣнца не оскорбляетъ?

лукреція. Но, кавалеръ, я васъ не понимаю.
Какая страсть?

тассъ. Оставьте, Герцогиня!
Я восхищенъ свиданьемъ съ вами....

лукреція. *(презрительно).*
Право!
Какая честь! Восторги стихотворца
Мы разбирать умѣемъ....

ДАМА. Ваша Свѣтлость!
Смотрите, онъ краснѣетъ и блѣднѣетъ;
Глаза его ужасно какъ-то ходятъ....

ТАССЪ. Лукреція! я васъ не узнаю!
Вы прежде были такъ любезны, скромны,
Такъ милостивы, откровенны. Чудно
Перемѣнились вы!... Но дайте руку,
Позвольте мнѣ горячимъ поцѣлуемъ
Почтенія....

ЛУКРЕЦІЯ. Синьоръ, вы слишкомъ дерзки!

ТАССЪ. Волшебница! Когда я былъ моложе,
И юности торжественный румянецъ
На пламенныхъ ланитахъ разгарался,
О дерзости уста твои молчали.
Теперь, когда отъ горя и тоски
Я поблѣднѣлъ, и ясныя морщины
По моему челу проводятъ годы,
Я дерзокъ сталъ... Вотъ женщинъ образецъ!

ЛУКРЕЦІЯ. Ха, ха, ха, ха! Вы помѣшались! Бѣдный!
Вы нездоровы... вамъ лечиться надо....

(Уходитъ съ дамой).

ТАССЪ одинъ.

Коварные! за тѣмъ меня призвали,
Чтобъ презирать! Чтобъ горькою насмѣшкой
Напоминать мнѣ слабость и страданья!
Но, въ цвѣтѣ лѣтъ, я не былъ обольщенъ
Ни прелестью, ни страстію твоею.
Я ихъ отвергъ, презрѣлъ и пренебрегъ;
Я отвлекалъ тебя отъ низкой страсти
И въ женщину величіе вливалъ;
А ты неблагодарна; понимаю:
Тебя твоя природа увлекла.

Какъ прежде ты нуждалась въ сердцѣ друга,
Чтобъ чистоту свою въ немъ созерцать;
Такъ ты теперь, преступная, боишься,
Чтобъ гнусности своей въ немъ не увидѣть.
Какъ зеркало, Поэта сердце чисто, —
И отразитъ тебя — въ твоемъ лишь видѣ!

ТАССЪ и ЛЕОНОРА.

ТАССЪ. Не такова младая Леонора,
Высокій образъ доброты сердечной,
Поэзія, пріявшая тѣлесность.

ЛЕОНОРА *(увидѣвъ Тасса, содрогается и въ изнеможеніи берется за спинку стула).*
Торкватъ!

ТАССЪ. Торкватъ у вашихъ ногъ.
Вы сонъ его любви, вы — небо Тасса,
Вы тотъ вѣнецъ, мучительный и сладкій,
Которымъ жизнь увѣнчана моя.
Я весь въ огнѣ, въ какомъ-то вдохновеньи,
Проникнутый восторгомъ и почтеньемъ,
Цѣлую прахъ, на коемъ ты стоишь,
Владычица желаній, чувствъ и мыслей.
Какъ радуга, твой взоръ напоминаетъ,
Что примиренъ нашъ міръ несчастный съ небомъ;
Какъ громъ небесъ, такъ голосъ звучный твой
Присутствіе свидѣтельствуетъ Бога.
О! улыбнись, заря моей надежды,
Проговори, благовѣститель счастья!

(Леонора хочетъ уйти, но въ безсиліи падаетъ на стулъ, отворачивая отъ Тасса голову).

О Боже Всемогущій! за всѣ кары, —
Которыми безчеловѣчный жребій
Преслѣдовалъ несчастнаго пѣвца, —

Такая мнѣ награда?! Съ отвращеньемъ
Ты приняла несчастнаго Торквата,
За то, что онъ любилъ тебя такъ страстно....

(Леонора протягиваетъ руку...)

Ты хочешь говорить.... о, дай мнѣ жизнь!
Скажи одно спасительное слово....

(Леонора снова отъ него отворачивается.)

О, ты сестра Лукреціи! Я вижу....
Ты увлекла несчастнаго Торквата,
Чтобъ онъ, какъ рабъ за пышной колесницей
Твоихъ побѣдъ торжественно ходилъ;
Чтобъ умножалъ презрѣнное число
Обманутыхъ надеждами любимцевъ!

(Леонора падаетъ безъ чувствъ).

Чтобъ гимны пѣлъ во славу Леоноры,
И недостойное потомства имя
Самимъ собой преступно обезсмертилъ.
О, я предамъ безсмертію Тебя,
И огненнымъ ужаснымъ языкомъ
Я разскажу всю повѣсть злодѣяній,
Которыми Поэта умерщвляли.

(Приходитъ въ помѣшательство.)

Прощеніе, Альфонсъ, достойно казни!
Какой постыдный, черный заговоръ!
Лукреція, Альфонсъ и Леонора,
Гонзаго, Константини, всѣ вельможи,
Весь Дворъ — одинъ питаютъ злобный умыслъ,
Какъ погубить скорѣе и вѣрнѣе
Несчастнаго Торквата....

ТѢ ЖЕ и ДЖУЛІО ГАСКАНО.

ТАССЪ. *(схвативъ заруку Гаскано).*
Ахъ, Гаскано!
Спасай меня! Кругомъ, вездѣ убійцы....

ГАСКАНО *(увидѣвъ Леонору безъ чувствъ)*.
Ахъ, Боже мой! Она безъ чувствъ....

ТАССЪ. *(схвативъ и другую руку Гаскано)*.
Не тронь!
Я, я убилъ ее! Ужаснымъ громомъ
Я поразилъ преступницу! Ни слова!
Спасай меня....

ГАСКАНО. *(стараясь освободиться изъ рукъ Тасса)*.
Прочь отъ меня, убійца!

ТАССЪ. И ты злодѣй! Нѣтъ, поздно, не пущу.
Какъ другу, я тебѣ повѣрилъ тайну,
А ты меня бѣжишь продать....

ГАСКАНО. Несчастный!
Я самъ могу тебя соединить
Съ несчастной жертвой твоего безумья....

ТАССЪ. О, я готовъ! Когда-бъ по одиночкѣ
Всѣ заговорщики на мечъ мой грозный
Такъ добровольно набѣгали....

ГАСКАНО. Трусъ!
Пусти меня, тогда увидимъ....

ТАССЪ. *(оставляетъ Гаскано и вынимаетъ шпагу; Гаскано также)*.
Дерзкій.

Сражаясь.

Послѣдній разъ на Герцогскомъ турнирѣ
Я мечъ извлекъ, — и пропади Феррара! —
Я больше не приду въ проклятый городъ!

(Поражаетъ Гаскано).

Умри и ты, презрѣнный заговорщикъ,
И заговоръ....

ГАСКАНО. *(падая)*.
О небо! Леонора! *(умираетъ)*

ТАССЪ. *(приходя постепенно въ себя).*
Но гдѣ я былъ?... Чей это трупъ?... Гаскано?
(силится припомнить).
Но кто убилъ!... Кто гибельнымъ желѣзомъ
Пронзилъ такое сердце?... *(Въ ужасъ.)* Это я!
(Падая на трупъ Гаскано)
О милый другъ! они тебя убили!
Не я, не я!... Я только мечъ преступный
Преступныхъ рукъ.... Спаси меня, Гаскано!
Сокрой меня!... но ты бездушенъ, хладенъ!
(Молчаніе).

—

ТѢ ЖЕ, АЛЬФОНСЪ, МАРГЕГИТА, ЛУКРЕЦІЯ И ВЕСЬ ДВОРЪ.

АЛЬФ: Онъ здѣсь, великій Тассъ, мой Тассъ любезный!..
(Увидѣвъ Леонору, Тасса и трупъ Гаскано, Альфонсъ и всѣ въ безмолвномъ ужасѣ останавливаются).

ТАССЪ. *(обнимая трупъ Гаскано и дико озираясь).*
Вы всѣ пришли, когда мнѣ васъ не надо!
Когда съ очей очарованье спало
И въ наготѣ я васъ увидѣлъ всѣхъ!
Вы для того несчастнаго призвали,
Чтобъ медленнымъ презрѣньемъ отравить!
Такъ! вы вовлечь меня хотѣли въ сѣти —
И вовлекли! Вы мечъ мнѣ сами дали
На сердце добраго Гаскано! Звѣри!
Какъ радостно они глазами блещутъ!
(Преклоняетъ голову на трупъ Гаскано).

АЛЬФ. Онъ помѣшался. — Константини! Тотчасъ
Велите отвезти его въ Больницу
Святыя Анны....

КОНСТАНТИНИ. Ваша Свѣтлость!

ЛЕОНОРА. *(блѣдная, приподымаясь, умоляющимъ голосомъ).*
Герцогъ!
(Альфонсъ, махнувъ рукою, уходитъ).

КОНЕЦЪ ВТОРАГО АКТА.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ФЕРРАРА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣловая комната въ Феррарскомъ дворцѣ.

КОНСТАНТИНИ сидитъ за рабочимъ столомъ и перебираетъ бумаги.

Какъ много дѣлъ, а всѣ и начались
Изъ ничего и кончатся — ничѣмъ!
Однако жъ ихъ всегда кончаютъ скоро;
А важныя дѣла, какъ напримѣръ:
Великаго Творца Іерусалима,
Въ семь лѣтъ никто никакъ не можетъ кончить!
О горе намъ! *(Погружается въ размышленія).*

КОНСТАНТИНИ и ЛЕОНОРА.

ЛЕОНОРА. Почтенный Константини!
Печальны вы. Какая скорбь васъ мучитъ?

КОНСТАН. Какая скорбь *васъ* мучитъ, Герцогиня?
Въ такихъ очахъ, брильянтовыхъ очахъ

Огонь исчезъ, уста безъ розъ, улыбка
Не оживляетъ васъ. Одна любовь
Такъ можетъ ли преобразить....

ЛЕОНОРА. Оставьте
Напрасное о бѣдной сожалѣнье.

КОНСТАНТИНИ. Вы были нездоровы?

ЛЕОНОРА. Да была;
Но мнѣ сего дня лучше....

КОНСТАНТИНИ. Отъ чего-же?

ЛЕОНОРА. Вы знаете, что кардиналъ Альбани
Пріѣхалъ къ намъ; привезъ письмо отъ Папы,
Письмо отъ брата; братецъ и Святѣйшій
У Герцога свободы просятъ Тассу....

КОНСТАНТИНИ. Не можетъ быть!

ЛЕОНОРА. Такъ точно! Кардиналъ
Теперь у брата. Съ нимъ еще какой-то
Французъ ученый, именемъ Монтань;
Онъ также проситъ за Торквата....

КОНСТАНТИНИ. Браво!
Мы побѣдимъ....

ЛЕОНОРА. Гонзаго Сципіонъ
Какъ тѣнь за Герцогомъ; и днемъ и ночью
Онъ не даетъ ему покоя; Герцогъ
Сердитъ; но стыдъ его въ предѣлахъ держитъ....

КОНСТАНТИНИ. Прекрасно!...

ЛЕОНОРА. Погодите! Можетъ быть
Все—не поможетъ! Герцогъ колебался,
Уже готовъ былъ дать согласье, вышелъ —
И возвратился, съ пламеннымъ лицемъ,
Смущенъ, сердитъ; онъ проклиналъ Торквата!
Онъ скрыть хотѣлъ какую-то печаль,
Но взоръ его изображалъ проклятье!

КОНСТАНТИНИ. Не понимаю.

ЛЕОНОРА. Другъ мой, Константини!
Вы воспитали насъ съ сестрой, — узнайте,
Что такъ могло Альфонса огорчить?
На васъ однихъ послѣдняя надежда!
Вы знаете мою любовь къ Альфонсу,
Вы знаете мою любовь къ Торквату,
Два чистыя и равныя два чувства!

КОНСТАНТИНИ. Идутъ!

ЛЕОНОРА. Идутъ! прощайте, не забудьте!

(Уходитъ въ одну изъ боковыхъ дверей).

КОНСТАНТИНИ и ДЖУЛІО МОСТИ.

Ахъ, это ты! Зачѣмъ?...

ДЖ. МОСТИ. Отдайте книги
И рукопись Іерусалима.

КОНСТАНТИНИ. Только?

ДЖ. МОСТИ. Аминта есть у насъ. Теперь мы пишемъ
Для папы экземпляръ Іерусалима;
А наизустъ нельзя такъ много помнить.

КОНСТАНТИНИ. Что-жъ; Тассъ здоровъ?

ДЖ. МОСТИ. Когда онъ былъ здоровъ?

КОНСТАНТИНИ. Но лучше ли?

ДЖ. МОСТИ. Покойнѣе немного;
Горячки нѣтъ, какъ прежде, постоянной;
Такъ, иногда бросается съ постели,
Бранитъ Лукрецію и Леонору,
И Дворъ, и всѣхъ, и даже васъ самихъ....
А иногда покажется ему,
Что демонъ крадетъ нужныя бумаги;
Тогда кричитъ, но это все не долго;

И успокоившись, зоветъ меня
И письма въ разныя мѣста диктуетъ.

КОНСТАНТИНИ. Что-жъ дядя твой?

ДЖ. МОСТИ. По прежнему кричитъ,
Бранитъ меня, бранитъ Торквата, писемъ
Не отправляетъ, книгъ не позволяетъ
Къ нему носить; а развѣ только тѣ,
Въ которыхъ бѣднаго враги ругаютъ.

КОНСТАНТИНИ. Что-жъ, ты ихъ отдаешь?...

ДЖ. МОСТИ. Я отдаю, —
И добрый Тассъ, безъ злобы и обиды,—
Читаетъ ихъ, смѣется и диктуетъ
Отвѣты скромные.... Отдайте книги;
Мнѣ скучно безъ него. Пора итти.

КОНСТ. Возьми ихъ; на столѣ, въ другомъ покоѣ...
Я ихъ связалъ, но ты не донесешь....

ДЖ. МОСТИ. Чего не донесу я для Торквата!...

—

КОНСТАНТИНИ одинъ.

Дитя! какой великій духъ въ тебѣ!
Быть можетъ и въ тебѣ таится пламя,
Которое величественнымъ блескомъ
Освѣтитъ міръ.

—

КОНСТАНТИНИ и **ДЖУЛІО МОСТИ** со связкою книгъ.

ДЖ. МОСТИ. Вы говорили: много....
Не донесу.... Какъ для меня легки
Творенія людей великихъ....

КОНСТАНТИНИ. Мости!
Ты учишься Поэзіи у Тасса?

ДЖ. МОСТИ. А вамъ на что? Однакожъ вамъ признаюсь:

Онъ всякій день разсказываетъ мнѣ
О разныхъ городахъ, Царяхъ и Царствахъ.
Какъ много я, въ послѣдніе три года,
Узналъ, и полюбилъ, и научился!
Какъ онъ уменъ! Сдается, въ каждомъ словѣ
Есть смыслъ какой таинственный и полный;
А мнѣ его безъ отдыху-бы слушать
И не наслушаться.... Пора! Прощайте!
Еще одинъ разспросъ мнѣ вынесть надо;
Всѣ книги по листочку пересмотрятъ,
Въ Іерусалимъ язвительно заглянутъ,
Да кой чего поищутъ и въ карманахъ.
Прощайте!

константини. Да благословитъ Господь,
Младой герой, такія начинанья
Твоей души и юной и прекрасной!

дж. мости. Благодарю. Такая похвала
Мнѣ очень драгоцѣнна. — Доброй ночи!

(Цѣлуетъ Константини въ плечо и уходитъ).

—

константини одинъ.

Прекрасный вечеръ! Солнце, безъ лучей,
Безъ темноты, повисло на закатѣ!
Спокойный міръ, подъ голубымъ покровомъ,
Какъ праведника тихая кончина.

—

константини и **гаскано** одинъ.

гаскано. Какъ тяжело по этимъ лабиринтамъ
Тащиться старику. *(садится)* Но, Константини,
Къ вамъ Герцогъ скоро будетъ.... Я пришелъ
Напомнить вамъ, чтобъ не забыть о Тассѣ.
Семь лѣтъ прошло; невинное убійство
Само собой есть карой для убійцы.... —

О милый сынъ! не обвиняй меня,
Что я молю за твоего убійцу...:
На старость лѣтъ тускнѣютъ предразсудки,
А истина яснѣе и яснѣе;...
Я не могу Торквата обвинять.
Въ комъ геній самъ такъ долго обиталъ,
Тамъ духи злобные не сыщутъ мѣста; —
Вчера ходилъ я на могилу сына.
Въ благой тѣни душистыхъ померанцевъ
Полудень знойный недокучливъ. Тихо
Усталый вѣтръ на миртахъ отдыхалъ.
Блаженъ мой сынъ! печально я подумалъ.
И,—въ первый разъ,—прошла по сердцу зависть.
Тогда какой-то неземной свидѣтель
Сокрытыхъ думъ, таясь въ лучахъ алмазныхъ,
Ко мнѣ прокрался и, лучемъ надежды,
На новую могилу указалъ. —
Я подошелъ, но тамъ была равнина
Прелестная: и миртъ и померанецъ —
На ней росли. — Тогда я только понялъ
Пророчество, и тихо сталъ молиться.—

КОНСТАНТИНИ. Мечты, мой другъ!

ГАСКАНО *(улыбаясь)*. Полезно утѣшать
Не старика, но юношу иль дѣву,
Которые отчаяньемъ напраснымъ
Младую жизнь, безъ всякой нужды, губятъ;
Но я старикъ; давно....

—

ТѢ ЖЕ и АЛФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ *(гнѣвный, обращаясь къ Гаскано.)*
Что вамъ угодно?

ГАСКАНО. На сто второмъ году пространной жизни
Я въ первый разъ васъ просьбой утруждаю....

Безъ предисловій, откровенно; кратко
Я вамъ скажу, зачѣмъ пришелъ. Простите
Торквата Тасса!

Альфонсъ *(въ сильномъ волненіи про себя).*
Боже! Цѣлый свѣтъ
За изверга такъ простодушно молитъ,
А никому не смѣю я открыть
Ужасной тайны. Всѣ воображаютъ,
Что я жестокъ, невиннаго гоню;
А я никакъ не въ силахъ оправдаться. *(громко)*
Скорѣй вѣнецъ на головѣ сѣдой
На части распадется.... Нѣтъ, Гаскано!
Полъ-Герцогства просите, я вамъ дамъ;
Но никогда не дамъ свободы Тассу!
Онъ тамъ умретъ! Проклятіе Альфонса
Ему не дастъ въ Италіи могилы;
Преступный прахъ его сожгу я въ пепелъ
И пушкой по свѣту разсѣю....

Гаскано. Герцогъ!

Альфонсъ. Великодушный старецъ! За убійцу
Единаго прекраснѣйшаго сына
Ты молишь такъ! И я не обвиняю
Въ невольномъ преступленьи; но коварство,
Но страшный стыдъ на этой головѣ...
О, перестань! Я также помѣшался.

Гаскано. Я уважаю ваши тайны, Герцогъ!

Альфонсъ. Ты знаешь ихъ! Ни слова! Бога ради!
Клянусь тебѣ.... ни стыдъ, ни сто два года
Отъ моего меча тебя не скроютъ....
Постойте.... Тайны никому.... Прощайте!

Альфонсъ и Константини.

Альфонсъ. Дитя! Твой плачъ несносенъ!

КОНСТАНТИНИ. Ваша Свѣтлость!
Я васъ любилъ, Альфонсъ великодушный!...

АЛЬФОНСЪ. Любилъ, но, кажется, теперь не любишь!
Все на меня!... Но поздно. Доброй ночи!

(Хочетъ итти).

Друзья, друзья!

КОНСТАНТИНИ. Напрасно, Ваша Свѣтлость....

АЛЬФОНСЪ *(возвращаясь)*.
Не говори! Я знаю наизусть
Всѣ эти восклицанья и возгласы....—
Нѣтъ, нѣтъ! Меня переувѣрить трудно.
Сегодня Кардиналъ Альбани — долго
Мнѣ говорилъ заученую рѣчь;
Монтань шутилъ, смѣялся, какъ Французъ,
Доказывалъ довольно остроумно,
Что Тассу должно дать свободу.... Тассу?!
Въ темницѣ я заставлю позабыть
Про свадьбу съ Герцогиней Леонорой! —

КОНСТАНТИНИ. Какъ? Съ Леонорой? Это новость...

АЛЬФОНСЪ. Правда,
Для вашихъ глазъ, а я, съ моей сестрой,
Давно замѣтили его желанья....

КОНСТ. Съ Лукреціей! Тутъ что-то Ваша Свѣтлость
Недоброе.... Она сама недавно
Со мной объ этомъ долго говорила;
Стараясь и меня уговорить,
Чтобъ, Вашей Свѣтлости не наскучалъ я
Освобожденьемъ Тасса; на сестру
Какія-то взводила преступленья....

АЛЬФОНСЪ *(встревоженный)*.
Лукреція?

КОНСТАНТИНИ. Такъ точно, Ваша Свѣтлость!

Альфонсъ *(про себя).*
О Боже! если я опять обманутъ!... *(громко)*.
Замѣтилъ ты страданья Леоноры,
Ея болѣзнь, ея безумный хохотъ,
Который, какъ недугъ, одолѣваетъ
Несчастную, въ присутствіи моемъ....
Не влюбена ль? Ты, другъ мой, знаешь правду.
Скажи мнѣ....

Константини. Ваша Свѣтлость! Никогда
Уста мои не обманули васъ,
И въ этотъ разъ они васъ не обманутъ.
Такъ, влюблена!... и очень влюблена!
Частенько видятъ люди Леонору,
Передъ восходомъ солнца, у больницы
Святыя Анны. Въ горестномъ молчаньи
Она сидитъ на камнѣ подъ окномъ;
Но чуть покажется изъ моря солнце,
Она домой. Я долженъ вамъ признаться;
Она рѣшительно сказала мнѣ,
Что если не дадутъ свободы Тассу,
Она оставитъ насъ, оставитъ....

После нѣкотораго молчанія про себя.

Странно!
И ни одна черта не измѣнилась
Въ его лицѣ.... Онъ любитъ Леонору....

Альфонсъ. Пусть умираетъ... Честь дороже жизни!

Конст. Любовь такая, Герцогъ, не безчеститъ....

Альфонсъ. Что не безчеститъ? Полно, Константини,
Мечтать о томъ, чего не можетъ быть, —
Я старъ уже — и смерть моя откроетъ
Свободный путь въ Феррару—иноземцамъ.
Со всѣхъ сторонъ опасность угрожаетъ.
Филиппъ второй честолюбиво руку

На всю Италію наложить скоро.
Испанія о томъ лишь только мыслитъ.
Какъ нашу власть поколебать раздоромъ;
Вооружить однихъ противъ другихъ
И послѣ взять насъ такъ, какъ взятъ Неаполь,
Сицилія и много странъ другихъ.
Во Франціи лишь ночь Варѳоломея,
Лишь ужасы междоусобныхъ войнъ;
Въ Германіи раздоръ еретиковъ —
Италію отъ бездны отдѣляютъ.
Но если вновь затихнетъ буря смерти,
Отъ ранъ своихъ оправятся сосѣди,
Тогда опять Италіи бѣда. —
Флоренція, Феррара и Урбино,
Венецья, Мантуа, Модена, Парма
И прочія Герцогства и Владѣнья
Могли-бъ союзъ могучій основать
На страхъ враговъ и внутреннихъ и внѣшнихъ...
И для того Лукрецію я отдалъ
За Герцога Урбиню; Леонору
Хотѣлъ отдать за Герцога Модены,
На старость лѣтъ я снова самъ женился....
И что-жъ: Лукреція, на горе мнѣ,
Отечеству, Италіи и Вѣрѣ
Съ своимъ супругомъ развелась.... И кто же
Былъ тайною причиною развода? —
Повѣришь ли? Твой ненавистный Тассъ!
Онъ дерзостно осмѣивалъ пороки
Неопытнаго Герцога Урбино,
И ненависть въ супругѣ легковѣрной
Питалъ и умножалъ огнемъ преступнымъ.
Повѣришь ли? — Но тайна, Константини!
Твоимъ отцемъ и честью заклинаю:
Не измѣни!... Во мнѣ и жаръ и холодъ...

Языкъ мой каменѣетъ.... Въ мракѣ ночи
Онъ въ сердце ей вливалъ: любовь къ себѣ.
И ненависть къ незрѣлому супругу....
И такъ разводъ проклятый ускорилъ!
Сегодня я узналъ. Сестра сама
Призналась мнѣ. Она теперь жалѣетъ
О прошломъ. Можетъ быть, я помирю
Ее съ супругомъ; — но чѣмъ замѣнить
Ужасную потерю Леоноры?
Она умретъ. Я это ясно вижу.
Освободить Торквата невозможно,
А въ ней вся жизнь перелилась въ любовь. —
Теперь, мой другъ, ты видишь, правъ ли я?
Давно разносчики придворныхъ сплетней
По городу слухъ разнесли, что будто
Изъ зависти я заключилъ Торквата.
Изъ зависти! Нѣтъ! Безопасность наша,
И, можетъ быть, спасеніе Италіи
Торквату казни просятъ; но безумье
Спасло убійцу отъ позорной смерти;
Избѣгъ меча преступный соблазнитель....
И вотъ людей разумныхъ приговоромъ
Альфонсъ *великодушный* сталъ *жестокимъ!*

Константини. Но, можетъ быть, изъ ревности...

Альфонсъ. Послушай!
Все можетъ быть! Теперь ты знаешь тайну.
Тебѣ я поручаю розыскать,
Съ испытаннымъ твоимъ благоразумьемъ.
Все дѣло.—Если твой Торкватъ невиненъ,
Клянусь, не пощажу родной сестры..
Такая клевета сестры Альфонса
Преступнѣе отравы и убійства....
Но только осторожно, безъ огласки!
(Обнимая Константини).

Прости, мой Константини! Доброй ночи!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Больница Св. Анны. Комната Августина Мости. Ночь. Буря начинаетъ свирѣпствовать. Молнія освѣщаетъ готическіе своды горницы. Два большіе подсвѣчника, тройные стоятъ на столѣ.

АВГУСТИНЪ МОСТИ и ТРОЕ ГОСТЕЙ.

АВ. МОСТИ *(сидитъ за столомъ, на коемъ лежитъ множество книгъ, бумагъ, и проч.)*.

Что этотъ полуумный Пеллегрино
Противъ такихъ ученыхъ, какъ де Росси
И Сальвіати, можетъ сдѣлать? Тщетно
Онъ защищаетъ Тасса. Много словъ,
А смыслу мало. Напримѣръ, послушай!
(Читаетъ).

«По тремъ причинамъ я долженъ былъ принять на себя защиту Освобожденнаго Іерусалима; во-первыхъ потому, что моимъ разсужденіемъ я болѣе распространяю его славу; во-вторыхъ потому, что я рѣшился защищать мое мнѣніе (*)....»

И прочая. Но вамъ, я вижу, скучно;
И мнѣ наскучило всѣ эти письма
Читать. Ихъ сто приходитъ всякій день;
Все похвалы, да похвалы, а правды
Никто ему представить не умѣетъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ *(съ улыбкой)*.

Довольно, кажется, и Ломбарделли,

(*) Camillo Pellegrino a Torquato Tasso di Capua odi 3 di Maggio 1572.

И Сальвіати, и де Росси — правды
Наговорили Тассу....

ав. мости. Онъ смѣется!
Онъ только вѣритъ Пеллегрино Оди,
А Пеллегрино ничего не знаетъ.
Когда ужь Академья делла Круска
Признала слабости его Поэмы
И положила, что въ ней нѣтъ ни чувства,
Ни мысли благородной и высокой,
Ни истины, ни даже лжи хорошей,—
Онъ самъ себя зоветъ еще Поэтомъ,
Мечтаетъ о безсмертіи и славѣ,
И голосъ безпристрастья презираетъ.
Вообрази! Онъ такъ къ молвѣ холоденъ,
Что даже самъ другимъ читаетъ то,
О чемъ другой безъ злости-бъ и не вспомнилъ.
Одно его немного разсердило,
Когда, въ Венецьи, издалъ Маласпина,
Подъ именемъ своимъ его Поэму. —

первый гость. Ужъ это подлинно досадно....

ав. мости. Правда;
Но Маласпина самъ Поэтъ изрядный.
Я удивляюсь, какъ пришло на умъ
Безсмыслицу таку напечатать
Подъ именемъ своимъ. Онъ замарать
Хотѣлъ себя такимъ стихотвореньемъ.

пер. гость. Однако жъ слышалъ я, что по напрасну
Въ больницу сумасшедшихъ посадили
Торквата Тасса; онъ совсѣмъ здоровъ.

второй. Да онъ Поэтъ?

первый. Поэтъ.

второй. Такъ и довольно!
Ужъ кто Поэтъ, тотъ вѣрно безъ ума.

ав. мости. И я Поэтъ, однако-жъ не безуменъ.
второй гость. Ну, вы совсѣмъ другое. Вы Поэтъ
По праздникамъ и вечерникамъ, Зодчій —
Когда конюшню строите, Механикъ —
Когда ходить подагра вамъ мѣшаетъ.
ав. мости. *(съ досадой)*.
А вы... а вы сосѣдъ мой остроумный,
Вы, безъ Поэзіи Поэтъ!
второй гость. Не правда.
Я Математикъ.
ав. мости. Астрологъ, Алхимикъ!
тр.гость. Какъ Математика, такъ Стихотворство —
Все глупыя занятья.
ав. мости и первый гость *(вмѣстѣ)*.
Что-жъ важнѣе?
третій. Jus civile Justitia divina!
Пускай бы вашъ Торкватъ вамъ разрѣшилъ,
Что значатъ: Septem partes Юстиньяна.
Шесть лѣтъ ужъ въ Академіи Болонской
Вопросъ ученый разрѣшаютъ. Тщетно!
(Ударяя себя по лбу).
Solutio — вотъ въ этой головѣ!
первый. Однако-жъ Юстиньянъ любилъ Поэтовъ
И самъ стихи Гомера цитовалъ.
третій. Да, въ предисловіяхъ, а въ текстѣ — нѣтъ!
первый *(Мости)*.
Ты часто у него бываешь?
ав. мости. Нѣтъ!
Племянникъ мой къ Торквату часто ходитъ
И съ нимъ сидитъ иной разъ цѣлый день.
Я ужъ боюсь, чтобъ онъ не развратился.
Объ Тассѣ говорятъ, что онъ не добрыхъ,

Не честныхъ правилъ; но Альфонсъ велѣлъ;
Я долженъ герцогу повиноваться.
И нынче во дворецъ пошелъ племянникъ,
Чтобъ книги Тассу принести. Мнѣ надо
Пересмотрѣть. Въ нихъ часто есть записки
Отъ знатныхъ дамъ и отъ друзей придворныхъ.

первый гость. Ужъ намъ пора. Ты слышишь,
громъ гремитъ —
И за полночь; прости! Спокойной ночи!

ав. мости. Прощайте, но не забывайте друга!
Я никуда теперь не выхожу;
А этотъ присмотръ за больницей труденъ.
Больной, я долженъ каждый день хоть разъ
Съ безумными видаться. Доброй ночи!

—

августинъ мости (одинъ начинаетъ перебирать, читать и откладывать письма).
Нельзя, здѣсь много похвалы... Нельзя,
Здѣсь темный смыслъ...Отъ дяди;можно...можно...

—

августинъ и джуліо мости.

ав. мости. Гдѣ мѣшкалъ ты такъ долго?

дж. мости. Во дворцѣ.
Я шелъ уже домой отъ Константини,
Какъ Герцогъ повстрѣчался и велѣлъ
Мнѣ обождать. Я ждалъ и не дождался.

ав. мости. Да какъ же ты осмѣлился оставить
Дворецъ, не обождавъ, что скажетъ Герцогъ?

дж. мости. Онъ спать пошелъ, а мнѣ велѣлъ сказать,
Чтобъ я отнесъ скорѣе книги къ Тассу.

ав. мости. О! плутовство! Въ нихъ вѣрно что нибудь
Такое есть. А?

дж. мости. Посмотрите сами.

Ав. мости *(перебирая книги).*
Горацій, — пусть бы онъ прочелъ: De Arte
Poëtica. Ты посовѣтуй! — Тацитъ....
Какъ будто Тацита онъ понимаетъ —
И хвастовство такое не обидно? —
Платонъ: pro formâ. Да Платонъ Философъ
Великій для безумнаго Поэта. —
Orlando furioso. Чтó за дерзость:—
Читать Orlando и не сознаваться,
Что ничего Іерусалимъ не стôитъ!
Лукрецій: De natura rerum. — Данте:
Comedia divina. Что за книги,
А ни одной, ручаюсь, не читалъ. —
Вильгельма Тирскаго Сказанья.... Вотъ онъ,
Источникъ пагубный Іерусалима!
Нѣтъ въ книгахъ ничего. А это что?
Іерусалимъ! Переплетенъ какъ пышно,
Какъ будто Энеида иль Орландо! —
И у кого Іерусалимъ хранился?

Дж. мости. У Герцога.

Ав. мости. И онъ не сжегъ его,
Не истребилъ мечтательнаго бреда,
Который всю литературу нашу
Такъ обезчестилъ?

Дж. мости. Но....

Ав. мости. Молчи! ни слова!
Въ пятнадцать лѣтъ ты вздумалъ разсуждать.
И вотъ чему тебя безумный учитъ!
Что ты за сердце держишься?

Дж. мости. Болитъ.

Ав. мости. О! плутовство! Въ карманѣ есть записки.

(Шаритъ въ карманахъ).

Ты ихъ запилъ; иди, переодѣнься....
Пожалуй, такъ ступай; но только помни,
Что если я узнаю, будетъ худо.

(Дж. Мости уходитъ. Ав. Мости медленно за нимъ слѣдуетъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Узкая и тѣсная комната въ больницѣ Св. Анны, съ рѣшетчатыми окнами; небольшая кровать, у окна столъ съ бумагами. Сильная буря. Громъ и молнія.

—

ТАССЪ (одинъ сидитъ, совершенно одѣтый, на кровати; вѣтеръ чрезъ отворенное окно шелеститъ бумагами),

Ага! Онъ здѣсь! Коварный, черный демонъ!
Іерусалимъ онъ хочетъ унести;
Но не найдетъ.

(Молнія).

Вотъ онъ! Какъ онъ печаленъ!

(Какое-то нестройное видѣніе показывается у окна возлѣ столика. Молнія.

Какъ пасмурно онъ смотритъ на бумаги!

(Видѣніе принимаетъ невѣрный видъ человѣка. Молнія).

Съ какой тоской, внимательнымъ прискорбьемъ
Читаетъ онъ мои стихи. Быть можетъ —

(Видѣніе принимаетъ совершеный видъ чернаго духа съ крылами. Молніи).

То геній мой, моей судьбы властитель.
И потому такъ мраченъ и суровъ.

—

ТАССЪ и ДЖУЛІО МОСТИ. (Входитъ, кладетъ книги у дверей и съ любопытствомъ смотритъ на странное положеніе Тасса).

ТАССЪ. Спрошу его. Быть можетъ онъ откроетъ
Мнѣ жребій тотъ, который для меня
Онъ вынулъ и исполнить долженъ. Смѣло!

(Сильный ударъ молніи упадаетъ близъ больницы).

Величественный духъ! Кто ты?

ДУХЪ *(коего слова, кажется, раздаются въ воздухѣ: Тассъ всѣ слова духа повторяетъ шепотомъ).*

Твой геній!

ТАССЪ. Какую тайну ты приносишь?

ДУХЪ. Славу!

ТАССЪ. Зачѣмъ же ты такъ мраченъ?

ДУХЪ. Я читаю
Твои стихи, и каждый Божій день
Я вижу, что мои совѣты дерзко
Ты пренебрегъ.

ТАССЪ. Какіе, добрый геній!

ДУХЪ. На небесахъ я принялъ чудный даръ
И влилъ въ тебя. И городъ славы вышней,
Іерусалимъ освобожденный, сладко
Ты сочеталъ въ небесныхъ, чудныхъ звукахъ!...
Ты благо жилъ. Душа твоя кипѣла
Высокими страстями, неземными.
Ты отъ земли, какъ небо, отдѣлялся,
Какъ небо, землю ту собой объемля.
Очистившись отъ грѣшныхъ заблужденій,
Ты снова сталъ возлюбленникомъ Бога....
И что жъ? — Поэтъ! Ты возлюбилъ не Бога,
Источникъ мудрости и вдохновеній;
Ты отъ Отца неблагодарнымъ сердцемъ,
Какъ грѣшникъ, отклонился; полюбилъ
Обманчивость земнаго совершенства!

ТАССЪ. Я человѣкъ.

ДУХЪ. Такъ! Жребій человѣка
Горѣть въ страстяхъ и вѣтренныхъ желаньяхъ!
Таковъ обыкновенный человѣкъ.
Но тотъ, кому Господь вливаетъ силу
Прославиться великими дѣлами
На благо человѣческому роду,
Тотъ долженъ истребить въ себѣ всѣ чувства,
О тѣлѣ, о душѣ своей забыть,
И помнить только о святомъ завѣтѣ,
Для коего онъ призванъ въ міръ. Смотри!

(Комната наполняется свѣтомъ; вдали видѣнъ Капитолій; народъ толпится; старшины Рима несутъ Виргиліевъ вѣнецъ).

Вотъ что судьба готовила для Тасса!
И можетъ быть еще не отмѣнила
Исполнить все, обѣщанное славой...
Но... заслужи!

ТАССЪ *(бросаясь обнять его)*.
Величественный духъ!

(Тассъ обнимаетъ воздухъ. Упавшая за самымъ окномъ съ ужаснымъ трескомъ молнія нѣсколько мгновеній ярко освѣщаетъ комнату и потрясаетъ зданіе. Тассъ, ослѣпленный и не будучи въ силахъ удержаться на ногахъ невольно падаетъ на колѣни, закрывъ руками глаза).

Лоретская Пречистая Марія!
Спаси меня и заступи отъ бѣса!
Онъ приходилъ мое разстроить счастье,
Оклеветать меня передо мной!..—
Но если онъ, правдивымъ языкомъ,
Предсказывалъ мнѣ будущую славу!
О, подтверди святымъ твоимъ знаменьемъ
Его слова; тогда и я повѣрю,

Что грѣшенъ я безмѣрно; что несчастья
Мнѣ въ наказанье небо посылаетъ,
И если мнѣ свободу возвратятъ,
Пойду къ Тебѣ въ Лоретто въ власяницѣ
И босыми ногами....

(Поднимаетъ голову, но увидѣвъ надъ собой золотой вѣнецъ въ сіяніи, падаетъ ницъ).

Силы неба!

(Небо расчищается и утро начинаетъ свѣтить въ окна).

дж. мости *(подбѣгаетъ къ Тассу и поднимаетъ его)*.
Великій! Что съ тобой?

тассъ. О юный другъ!
Ты видѣлъ все.

дж. мости. Нѣтъ! ничего не видѣлъ.

тассъ. Такъ слышалъ.

дж. мости. Нѣтъ! я ничего не слышалъ.

тассъ. Я позабылъ; для глазъ обыкновенныхъ
Невидимъ онъ.

дж. мости. Кого-же вы видали?

тассъ. Не черный демонъ то, но свѣтлый геній.

дж. мости. Помилуйте! Я здѣсь уже давно,
И, кромѣ васъ, я никого не видѣлъ.
Вы здѣсь стояли, вдругъ пошли поспѣшно, —
То говоря невнятныя слова,
То вслушиваясь въ шумъ свирѣпой бури,
То озираясь съ удивленьемъ; ваши
Глаза — огнемъ блистательнымъ сверкали
И молніи водили въ темнотѣ.
Потомъ вы бросились, объемля воздухъ;
Потомъ отъ треска молніи упали...—
И только.

тассъ. Только? Нѣтъ! не можетъ быть!
Онъ, точно онъ!

(Раздается трикратно колокольчикъ.)

Въ ушахъ моихъ звучатъ
Послѣднія, торжественныя рѣчи.

дж. мости. Помилуйте! да это колокольчикъ.

тассъ. О юный другъ! О мой послѣдній другъ!
И ты меня переувѣрить хочешь,
Что на землѣ нѣтъ духовъ благотворныхъ,
Которыхъ мы отверзтыми очами,
Отверзтымъ слухомъ видѣть, слышать можемъ!

(Снова раздается колокольчикъ.)

дж. мости, *(пожавъ плечами.)*
Великій Тассъ! пойдемте! Васъ зовутъ
Гулять.

тассъ. Гулять? Я не хочу. — Какъ важенъ,
Великолѣпенъ, ласковъ, геній Тасса!
Какъ гордо онъ смотрѣлъ на цѣлый міръ,
Какъ сладостно привѣтствовалъ Поэта.

дж. мости, *(взявъ за руку Тасса.)*
Идите, Тассъ! Больничные законы
Для васъ нарушены. Одежда, пища,
Прислуга, все для васъ не такъ, какъ прочимъ.
Но этого не можете нарушить.
Пойдемте! Всѣ уже въ саду гуляютъ.
Не хорошо, когда прійдетъ мой дядя
И насъ застанетъ.

(Ведетъ его за руку; Тассъ идетъ безъ сопротивленія.)

тассъ. Виргиліевъ вѣнецъ!
Римъ въ торжествѣ и въ лаврахъ Капитолій!
И это все для Тасса! Добрый геній!

Дж. мости. Пойдемте!

Тассъ. О! какъ сладостно безсмертье,
Когда оно еще начнется въ жизни!
(Мости уводитъ Тасса.)

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Садъ при больницѣ Святыя Анны. Нѣсколько аллей сходятся на площадку, посреди коей бьетъ фонтанъ; по обѣимъ сторонамъ стоятъ скамейки.

—

Приставъ и толпа сумасшедшихъ (пришедшихъ изъ разныхъ аллей. Одинъ садится по правую руку, раскладываетъ бумаги; одну бумагу свертываетъ въ трубку, смотритъ на небо и т. д. Другой вынимаетъ фонарь, раскладываетъ огонь между кустами и начинаетъ что-то варить въ желѣзной чашкѣ; другіе въ размышленіи ходятъ вокругъ фонтана. Всѣ въ одинакихъ одеждахъ и колпакахъ.)

Первый сумасшедшій, *(подходитъ ко второму и сбрасываетъ съ него колпакъ.)*
Что ты дымишь? — Ты знаешь ли, я князь!
Долой колпакъ!

Второй. Ахъ, Ваше.... Ваше.... какъ бишь?...

Первый. Прозрачество! Того не можешь помнить!
Что ты дымишь?

Второй. Я философскій камень
Хочу найти. —

Первый. На что?

Второй. Въ карманѣ пусто.
Я было ужъ нашелъ мудреный камень,
Чуть было злата не досталъ изъ сажи;
Но дунулъ вѣтръ — и я обзолотилъ
Червонной сажу — рожу!

первый. Сумасшедшій!
Ты лучше къ моему сходи кассиру.
Велю, такъ десять пудъ тебѣ отпуститъ.
второй. Какъ-съ? золота?
приставъ. Нѣтъ! самой лучшей сажи....
А золота и самъ себѣ достанешь.
третій. Ваше Прозрачество! Проектъ прекрасный
Я отыскалъ: какъ рыбѣ ловить на сушѣ.
первый. Ну, какъ?
третій. Вотъ, напримѣръ: вы будьте рыбой,
Я рыбакомъ.
первый. Нѣтъ! я рыбакъ, ты рыба.
третій. Нѣтъ! я рыбакъ.
первый. Нѣтъ, рыба,
третій. Нѣтъ, рыбакъ.
первый. Я не хочу.
третій. Такъ я секретъ свой спрячу.
Кто выигралъ? —

—

ТѢ ЖЕ и ТАССЪ (выходя изъ аллеи, встрѣчается съ четвертымъ сумасшедшимъ).

четвертый. Послушайте! Сонетъ
На славный день всерадостнѣйшей смерти
Моей подруги! *(Тассъ отъ него отходитъ.)*
Онъ стиховъ не любитъ.
третій *(Тассу)*.
Я изобрѣлъ хлопушку мухи бить,
Гасить лючіоли составомъ (*).... Что вы?
Онъ Математики не любитъ!

(*) Luciole, блестящіе мушки въ Италіи; съ закатомъ солнца мушки сіи появляются въ воздухѣ, подобно алмазному дождю.

тассъ *(отходя отъ него).*

Боже! —

Но гдѣ моя любимая скамейка? —

(Остановясь у фонтана).

Прекрасный день! Какое наслажденье,
Пока еще не разгорится солнце,
Пить ароматный воздухъ; въ ясномъ небѣ
Топить едва проснувшіяся очи.
О сколько тамъ блаженствуетъ людей,
Тамъ, въ высотѣ, для глаза недоступной!
И не онѣ ль, божественныя души
Съ зефиромъ облетаютъ міръ нашъ грустный;
На деревѣ листочкомъ шевелятъ;
По зеркалу воды — струи наводятъ;
На воздухъ поднимаютъ птицъ небесныхъ —
И въ ихъ устахъ такъ сладостно поютъ?
О! не онѣ ль блистательнымъ лучемъ,
О! не онѣ ль алмазами фонтана
Такъ утѣшительно играютъ? Міръ нашъ,
Свою земную родину, отчизну
Хотятъ развеселить, благія души!
На время вамъ позволено слетать,
Насъ услаждать невидимой бесѣдой
И снова улетать въ свое блаженство!
Примите жъ и меня, сыны блаженства;
Несчастнаго воздушностью небесной,
Способностью летѣть къ вамъ — окрылите!

(Въ размышленіи приближается къ правой скамейкѣ).

пятый сумасшедшій *(Тассу).*

Твой гороскопъ? — Венера, Марсъ, Меркурій
Построились въ шеренгу; а за ними
Сѣдой Сатурнъ съ Медвѣдицей танцуютъ!
Сказать ли?... Что?... Не правда, любопытно?

Изволь, изволь! На старость лѣтъ ты будешь
Придворнымъ шутомъ — и не очень глупымъ. ..

ТАССЪ *(отходя отъ него).*

Вотъ образцы дѣйствительныхъ людей,
Съ той только разницей, что всѣ безъ масокъ!

(Садится на лѣвой скамейкѣ).

—

ТѢ ЖЕ и ШЕСТОЙ СУМАСШЕДШІЙ (входитъ, и пристально разсматриваетъ всѣхъ сумасшедшихъ, которые на площадкѣ собираются въ кружокъ).

ТРЕТІЙ. Кто онъ такой, что ничего не любитъ?

ВТОРОЙ. Онъ нелюдимъ.

ПЕРВЫЙ. Нѣтъ! Просто сумасшедшій.

ВСѢ. А! сумасшедшій! Бѣдненькой! рѣхнулся!

ШЕСТОЙ *(подходитъ къ Тассу, подаетъ ему гитару и самъ садится на полу, противъ него).*

Сыграй, Пѣвецъ, какъ я ее любилъ,
Какъ я хотѣлъ душой съ душею слиться,
Къ ея груди — свою придвинуть грудь!
Запой, Пѣвецъ, какъ я ее любилъ,
Какъ, каждый день, за ней летѣлъ, за ней;
Какъ съ утромъ дня, съ закатомъ солнца, вѣчно
Моей душѣ прекрасный образъ снился!
Быть можетъ звукъ твоихъ стиховъ волшебныхъ
Въ ея душѣ упрекомъ отзовется;
Быть можетъ, струнъ твоихъ угрюмый стонъ
Отяжелитъ ей сладострастный сонъ
И въ ужасѣ преступница проснется!

ТАССЪ *(съ улыбкой).*

Сыграть, изволь; но пѣть ужъ я не въ силахъ.

(Начинаетъ играть, сумасшедшіе окружаютъ его; Тассъ вдругъ перестаетъ играть и импровизируетъ).

О! не брани любви! Она
Отсвѣтъ небеснаго огня!
Измѣнитъ все; земля и море,
Духъ и безжизненный гранитъ;
Одна любовь не измѣнитъ
И въ наслажденіи и въ горѣ.
Все въ жизни мертво и темно,
Коль ею не оживлено!

* * *

Страдалецъ! всуе не ропщи
На самый лучшій даръ души!
Кто виноватъ, что Провидѣнье
Въ твою страдальческую грудь
Вложило дорогой сосудъ
И въ томъ сосудѣ — наслажденье?
Но ты завѣтъ любви забылъ —
И самъ сосудъ свой отравилъ!

* * *

Ты распалялъ въ груди своей
Огонь убійственныхъ страстей.
Преступнымъ жаромъ пламенѣя,
Хотѣлъ ты дѣвой обладать,
Жечь поцѣлуемъ, обнимать, —
И вызвалъ страшнаго злодѣя,
Ту совѣсть, что съ бичемъ, съ огнемъ
На сердцѣ улеглась твоемъ.

* * *

Дитя! Ты женщину любилъ;
Ты персть умомъ боготворилъ.
Но ахъ! не женщина прекрасна,
А дивная ея краса,
Въ которую облечена
Она такъ тщетно, такъ напрасно!

Несчастный жаръ твоей души
Скорѣй, страдалецъ, потуши,

* * *

Очисться, встань, забудь — и дай мнѣ руку!
Любовь не то, чѣмъ назвалъ ты любовь!
Она небесъ лазоревыхъ прозрачнѣй,
Свѣтлѣй неуловимаго сіянья!
О! если бъ могъ ты въ душу заглянуть,
Гдѣ теплится огонь любви правдивой;
Какъ восковая, чистая свѣча
Туманнымъ пламенемъ свѣтлѣетъ въ мракѣ
И по святынѣ льетъ и блескъ и пламя;
Такъ точно.... нѣтъ, еще сто кратъ прекраснѣй
Любовь по сердцу льетъ и блескъ и пламя
И свѣтитъ разуму и грѣетъ чувства.
О дивное Провидѣнье небесъ!
Кто предъ тобой колѣна не преклонитъ,
Когда въ груди займется небомъ сердце
И на землѣ вторая жизнь начнется?
(Шестой сумасшедшій беретъ его за руку).
Куда? — Пойдемъ! Ты хочешь мнѣ открыться?

—

ПРИСТАВЪ и ТОЛПА СУМАСШЕДШИХЪ.

ПРИСТАВЪ. Теперь и я повѣрю, что безуменъ
Великій Тассъ. Какъ можно цѣлый часъ
Такія глупости молоть, безъ толка,
Безъ смысла! Правъ, правъ очень старый Мости.—
(Къ сумасшедшимъ.)
Пошли гулять! Васъ выгнали на то,
Чтобъ вы въ саду немного побродили. —
(Сумасшедшіе расходятся, Приставъ за ними слѣдуетъ.)

—

ТАССЪ и ШЕСТОЙ СУМАСШЕДШІЙ.

ТАССЪ *(оканчивая чтеніе письма)*..
Такъ вотъ она, причина всѣхъ несчастій!

Лукреція, ты на меня клевещешь!
Я долженъ оправдаться. Сердцу больно,
Что цѣлый міръ преступникомъ гнуснѣйшимъ
Торквата назоветъ. Того не будетъ!
Благодарю за рвеніе тебя.
Искусно ты прокрался въ домъ безумья,
Безумному принесъ безумья жертву.
Но какъ же мнѣ отвѣтъ дать Константини?

шестой. Часы бѣгутъ; нельзя терять намъ время.
Вы напишите оправданье; завтра
Отдайте мнѣ его; а послѣ-завтра
Я буду ужъ здоровъ и отнесу
Отвѣтъ вашъ къ Константини. Приставъ, приставъ!
Не забывайте! Я опять безуменъ.

(Тассъ прячетъ письмо и садится.)

ТѢ ЖЕ, ПРИСТАВЪ и СУМАСШЕДШІЕ.

шестой. Да, да, пѣвецъ! Я долго такъ страдалъ;
Она моей любви не понимала
Иль не хотѣла понимать. Напрасно
Въ ея глазахъ я плакалъ и рыдалъ. —

тассъ *(вставъ, съ живостью).*
Что стонъ, что плачъ передъ красой бездушной?
Молитва каменному истукану.
И кто передъ такой богиней клонитъ
Дрожащія колѣна, тотъ не стоитъ
Названья человѣка. — Что въ немъ движетъ
Кровь жаркую? — Ужасенъ сладострастный,
Но сладострастная еще ужаснѣй!
Она кипитъ и страстью и измѣной.
Когда мужчина страсть ея отвергнетъ,
Тогда она его измѣной губитъ;
Уста ея отъ клеветы не сохнутъ;
И слезы прерванныхъ восторговъ — злобно

Слезами оскорбленья замѣнятся....
Языкъ, какъ бичъ. — И бога своего,
Предъ кѣмъ, еще недавно, такъ преступно
Свой гнусный жаръ постыдно изливала,
Преслѣдуетъ, какъ изверга. О чудна,
Непостижима нутрь коварныхъ женщинъ!
Кто разрѣшитъ законы Провидѣнья?
Зачѣмъ оно прелестнѣйшія перси,
А сердце гнусное имъ даровало?
Какъ лиліи прекрасны и душисты,
Въ очахъ лазурь небесъ иль блескъ звѣзды,
Улыбка краше солнца, а въ устахъ
Далекихъ струнъ согласное лобзанье...
И это все одинъ обманъ, обманъ,
Мечта, фантасмагорія Поэта!
О грозный рокъ! освободи меня
Отъ памяти моихъ протекшихъ бѣдствій!
Дай мнѣ забыть, что я когда-то жилъ,
Что я испилъ сосудъ страстей горчайшихъ,
Которымъ нѣтъ именъ на этомъ свѣтѣ!
(Слышенъ колокольчикъ.)
Въ темницу, въ мракъ! Тамъ сердца не тѣснитъ
Видъ мерзкій, ненавистный человѣка!
(Поспѣшно уходитъ. Всѣ съ изумленіемъ смотрятъ ему въ слѣдъ.)

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ФЕРРАРА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Спальная комната Герцогини Урбинской.

ЛУКРЕЦІЯ и ЛЕОНОРА.

ЛУКРЕЦІЯ. О, разскажи, мой Ангелъ, Леонора,
Что говорятъ врачи?

ЛЕОНОРА. Твоя болѣзнь,
Лукреція еще не такъ опасна.
Къ чему себя до времени тревожить?
О, милый другъ, бываетъ хуже сердцу,
А о кончинѣ не приходятъ мысли.

ЛУКРЕЦІЯ. Кто отягченъ мечтательнымъ недугомъ
Иль пылкой, дикой страстью ослѣпленъ,
О смерти тотъ, естественно, не мыслитъ.

ЛЕОНОРА. Какъ мысль твоя отъ гроба далека?
Считая съ трепетомъ мгновенья жизни,
Ты не готовишься предстать предъ Бога
И дать отвѣтъ въ дѣяньяхъ, въ чувствахъ, въ мысляхъ!

ЛУКРЕЦІЯ. Прости меня, прости! Коварный жребій
Весь мой составъ разбилъ и раздражилъ.
Всѣмъ прихотямъ, причудамъ угождая,
Онъ влилъ въ меня надменность, своенравье...
Теперь я не умѣю покоряться
Законамъ разума и чувствамъ вѣры.
О, научи меня, мой другъ прекрасный,
Какъ я должна упасть къ Его ногамъ,
Какъ я должна Всесильному молиться!

ЛЕОНОРА. О, Всеблагій! Ты слышишь этотъ голосъ,
Полу-смиренный, полу-гордый. — Боже!
Сними кору съ прекраснѣйшаго сердца,
Отчаянье надеждой замѣни!
Влей благодать въ тоскующую душу.
Ты милосердъ, — она преступна; — кто же
Какъ не преступный ищетъ милосердья!
Кому же, какъ не грѣшнику, оно
Святымъ твоимъ закономъ суждено? —

Она была невинна, непорочна;
Была красой прекраснѣйшаго стада.
Найди ее, о Всемогущій Пастырь!
Возрадуйся своей овцѣ заблудшей!
Я зрю тебя! — И небо улыбнулось,
И ангелы твои возвеселились,
Что въ свѣтлый кругъ ихъ — идетъ новый ангелъ.
Святый Отецъ! Еще одна молитва!
Позволь и мнѣ, изгнанницѣ Твоей,
Въ свою обитель возвратиться! Срокъ
Давно прошелъ. — Пойдемъ! Онъ насъ зоветъ,
Сестра, зоветъ. — О добрый, милосердый,
Отецъ и Царь! — Нѣтъ словъ, а сколько чувствъ!
Лукреція, какія слезы льются!

(**Бросаются другъ ко другу въ объятія и заливаются слезами.**)

—

ТѢ ЖЕ и ПРИДВОРНАЯ ДАМА.

ДАМА. Къ вамъ Константини... можно ли впустить?

ЛЕОНОРА. Мы здѣсь еще! Но кто жъ насъ удержалъ,
Иль лучше, кто насъ возвратилъ на землю?
А! понимаю! Вѣрно, на землѣ
У насъ съ тобой еще долги остались.
О поспѣшимъ, Лукреція, помыслимъ,
Что мы съ тобою сдѣлали худаго!
Вознаградимъ, что можемъ, а чего
Не можемъ, въ томъ раскаемся смиренно...

—

ТѢ ЖЕ и КОНСТАНТИНИ (Дама удаляется.)

КОНСТАНТИНИ. Пустите! Тамъ приличія ничтожны,
Гдѣ страждетъ честь, здоровье и свобода.
(**Лукреціи.**)
Простите, Ваша Свѣтлость! справедливость

И человѣчество меня влекутъ
Упасть къ ногамъ Урбинской Герцогини!
Лукреція *(стараясь скрыть слезы)*.
Что вамъ угодно?
Константини. Оправданья Тасса!
Сознанія, что ваши обвиненья
И наговоры Герцогу неправда
И клевета....
(Лукреція закрываетъ руками глаза и бросается къ Леонорѣ, но увидѣвъ ея изумленіе, въ въ ужасѣ отъ нея отбѣгаетъ.)
Я знаю все! Самъ Герцогъ
Ужасную мнѣ ввѣрилъ тайну....
Лукреція. Братъ мой?...
Константини. И Государь — И онъ же поручилъ
Мнѣ разыскать, правдивы ли извѣты?
Лукр. Постойте, Константини! — Вашъ Торкватъ
Ужасный человѣкъ. — Ужъ я надъ гробомъ,
Не разъ уже я смертью леденѣла,
И холодъ вѣялъ изъ могилы. — Онъ
Вашъ Тассъ, меня привлекъ надъ эту пропасть;
Онъ отрѣшилъ меня отъ мирной жизни...
И правъ народъ; онъ не Поэтъ, волшебникъ...
Онъ жертвъ искалъ и жертвы онъ губилъ;
Пускай же самъ своей погибнетъ жертвой!
Констант. Не стыдно ли вѣнчанной христіанкѣ
Такъ далеко месть сердца простирать?
За то, что онъ правдивыми устами
Васъ отвлекалъ отъ гибельныхъ желаній,
И вашего спасенія искалъ;
За то, что онъ не подлъ и не безчестенъ;
За то, что онъ прославилъ ваше имя,
Сестры и брата и Феррары, — вы
Не устыдились клеветать! — себя

Пятномъ позорнымъ обезславить; — домъ свой
Неправосудіемъ унизить: ускорить
И такъ немедлящую старость брата;
Разбить его прекрасныя надежды,
Намѣренья благія уничтожить,
Приблизить къ гробу старца; наконецъ
Невинную соперницу, сестру,
Чистѣйшую изъ геніевъ чистѣйшихъ,
Разсорить съ братомъ; у людей коварныхъ
Привесть ея поступки въ подозрѣнье; —
Убить сестру презрѣніемъ всеобщимъ....
Все это вы! — И вѣчность передъ вами;
И это ль тѣ страницы вашей жизни,
Которыя прочтутся въ небесахъ
И двери въ рай Лукреціи откроютъ? —
И это ль тѣ послѣднія минуты,
Въ которыя достойный христіанинъ
Свои грѣхи слезами обмываетъ?
Лукреція! О, погаси свой взоръ,
Пылающій не добрыми страстями;
О измѣни презрѣнную улыбку,
Въ которой адъ просвѣчиваетъ ясно —
Сѣдой старикъ, я брату твоему
Былъ тягостный и сладостный ровесникъ.
Подъ бременемъ заботъ и попеченій,
Мою главу серебряная ржа
Посыпала на службѣ Государству;
Но я одинъ отыскивалъ мгновенья
О воспитаньи вашемъ думать. Тайно
Я былъ отецъ тебѣ и Леонорѣ;
Отецъ, и братъ, и другъ, и попечитель!
Невидимо я велъ сестеръ прекрасныхъ
На высшія ступени бытія;
Я умъ ихъ украшалъ живой наукой,

Ихъ сердце — обществомъ, всегда отборнымъ,
Ихъ внѣшность чудными искусствъ дарами.
И вотъ тебѣ, безумецъ, воздаянье!
Вотъ благодарность, старецъ ослѣпленный!

(Лукреція, тронутая, беретъ его за руку.)

Та, для кого послѣдніе досуги
Такъ безкорыстно я принесъ на жертву, —
У старика прекраснѣйшаго друга,
Единственнаго друга отнимаетъ!
И чѣмъ, Лукреція, подумай, чѣмъ?
Презрѣннѣйшей, гнуснѣйшей клеветой! —
Я самъ пришелъ въ немалое сомнѣнье,
Когда мнѣ другъ мой, Герцогъ, сообщилъ
Всѣ тайны клеветы, чтобъ разыскать
И истину прямую обнаружить....
Я трепеталъ за обоихъ, за Тасса, —
И за тебя! — Уста мои три дня
Не принимали пищи; я, старикъ,
Измученный трудами и заботой,
Желавшій только гроба, — передъ смертью
Хотѣлъ увѣриться; но добрый случай
Мнѣ истину нежданно обнаружилъ...
Я откровенно написалъ къ Торквату
О всѣхъ его ужасныхъ преступленьяхъ
И требовалъ отъ Тасса оправданья
Иль вѣчнаго разрыва.... Вотъ, что онъ
Мнѣ написалъ въ отвѣтъ. Прочтите.

(Лукреція, уже съ нѣкотораго времени въ сильномъ волненіи, отталкиваетъ письмо.)

Что же?

Лукр. Невиненъ онъ, Торквато Тассъ невиненъ! —
Невиненъ! ради Бога, перестаньте!
Невиненъ онъ! Преступницу оставьте!
Но скройте стыдъ.... Сегодня я умру,

Невинности его я буду жертвой....
Бѣгите отъ ужасной.... — Леонора!
Твое присутствіе меня убьетъ.... —
У ногъ твоихъ, ужасный Константини,
Прошу..... *(падаетъ на колѣна).*

—

ТѢ ЖЕ и АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ. Что это?...

ЛУКРЕЦІЯ. Я сама не знаю.
Какой-то демонъ въ персяхъ; на устахъ
Слова, которыхъ я не понимаю
Сама; они уста мнѣ обожгли....
Невиненъ онъ! Клянусь, Торкватъ невиненъ.
(Падаетъ въ изнеможеніи.)

АЛЬФОНСЪ. Я ничего, мой другъ, не понимаю...

КОНСТ. Все тотчасъ объяснится, только прежде
Спасти ее намъ должно. *(подымая ее)* Герцогиня!

ЛУКРЕЦІЯ *(въ сильной горячкѣ).*
Торкватъ! Прощайте, вы свободны!

АЛЬФОНСЪ. Боже!
То муки поврежденнаго разсудка.

ЛУКРЕЦІЯ. Прости меня, божественный Поэтъ,
Прости мнѣ клевету! — Вторая Федра,
Тебя преслѣдуя, себя сгубила;
Жизнь раннюю порокомъ отравила.
Какъ геній, ты мнѣ жизнь благовѣщалъ,
Какъ чистый жрецъ, меня благословлялъ
И посвящалъ въ Весталку вдохновенья
Ничтожное и слабое творенье.
Но я сама, нечистою душой,
Отвергла даръ и чистый и живой!
О удержи напрасные упреки!
(Бѣжитъ и останавливается.)

О добрый другъ! Другъ грозный и жестокій!
Забыла я давно твои черты....
Но гдѣ же ты, несчастный, гдѣ же ты!
Въ темницѣ ты; во гробъ безъ возвращенья
Повергла я любимца вдохновенья!
Онъ счастливъ! Такъ! Небесное чело,
Безъ солнца, такъ прекрасно разцвѣло!
Не ропщетъ онъ на яростную львицу,
Онъ и забылъ ее; свою цѣвницу
Онъ строитъ для достойнѣйшей жены,
Кѣмъ краткіе его такъ сладки сны;
Врагамъ своимъ и жребію послушной,
Не съ нами онъ, не здѣсь, въ темницѣ душной,
Гдѣ ангелы небесный ароматъ
Невидные, невидимо курятъ....

(Впадаетъ въ глубокую задумчивость.)

Альфонсъ. Лукреція!

Лукреція. Ты здѣсь? — Какъ благъ Господь!
Нечаянно ты исповѣдь услышалъ,
Ту тайну, отъ которой я дрожала,
Которую ни ласки, ни угрозы,
Ни муки не могли бы вырвать. — Стыдно
Мнѣ бъ было признаваться въ столь преступной,
Презрѣнной клеветѣ; но добрый геній
Всѣхъ васъ закрылъ въ моихъ очахъ преступныхъ.
Я видѣла Торквата только. Правда
Изъ устъ моихъ нежданно излилася
И мѣсто то, гдѣ тайну я хранила
Наполнило прекраснѣйшее чувство,
Котораго назвать я не умѣю.
О милый братъ, о другъ единый мой!
Прости его, прости! Поэтъ великій
Не долженъ быть такъ долго наказуемъ
За то, что онъ и чище насъ и лучше.

О милый братъ! Еще одно прошенье; —
Кончаюсь я; ты видишь, смерть косою
Въ моихъ глазахъ убійственно сверкаетъ,—
Позволь ему изъ роковой темницы
Придти къ одру преступницы несчастной.
Позволь хоть передъ нимъ мнѣ оправдаться....
Что я?... Не оправдаться, — примириться,
Просить прощенья, плакать о грѣхахъ....
О призови, Альфонсъ великодушный,
Великаго Торквата!

Альфонсъ. Константини!
Просите Тасса. —

(Константини уходитъ; Альфонсъ и Леонора отводятъ Лукрецію въ глубину спальной и сажаютъ на кровать. Продолжительное молчаніе.)

Леонора. Лукреція! Ты страшно какъ-то дышишь;
Вокругъ тебя весь воздухъ пламенѣетъ.

Лукреція. О! тяжко мнѣ! Мой Ангелъ, Леонора!
Не оскверняй себя порочнымъ чувствомъ,
И не питай земной любви къ Поэту!
Мы женщины; тщеславье или страсть
Чаруютъ насъ. Мы — непорочнымъ сердцемъ
Мужчинъ любить не можемъ; заблужденье,
Тщеславье или страсть, — вотъ наши узы!
Не унижай, другъ милый, Леонора,
Прекраснѣйшаго сердца — честолюбьемъ
Или преступной страстью! — Я прошу
Молю, забудь великаго Поэта!...
Волшебница! Онъ твой! Ты не исполнишь
Моей мольбы.... Темнѣетъ свѣтъ.... Сестра!
Забудь его.... Мнѣ душно, кровь клокочетъ....
Забудь его!... О стыдъ и униженье....

—

ТѢ ЖЕ, ТАССЪ и КОНСТАНТИНИ.

ЛУКР. Невиненъ онъ! Я всѣхъ васъ обманула!..
Забудь его!... Вотъ мой судья приходитъ....
(**Тассъ подбѣгаетъ и падаетъ у ея кровати на колѣна; Лукреція хватается за сердце.**)
Ахъ! сердце, сердце....
(**Съ пронзительнымъ крикомъ.**)
Га! разорвалось!... *(Умираетъ)*.

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната Смотрителя за Феррарскимъ дворцомъ.

—

РОЗИНА (**одна, пляшетъ и поетъ.**)
Когда дѣвица жить начнетъ,
Все веселиться, прыгать хочетъ;
О мужѣ-скукѣ не хлопочетъ
И все поетъ.

* * *

И на яву, и въ сладкомъ снѣ,
То музыка, то пляска снится;
Какъ ноги, голова кружится
И вся — въ огнѣ.

* * *

Но если скука-мужъ придетъ,
Она всѣ радости разлюбитъ,
Одну тоску свою голубитъ
И не поетъ.

Но такъ и быть! Я полюбила скуку, —
И какъ она прекрасна, и мила!
Когда при немъ я эту пѣснь пою,
Онъ говоритъ: какъ эта пѣснь стара!
Но онъ не мужъ; для мужа очень молодъ;
Ему всего пятнадцать только лѣтъ,
А мнѣ? — А мнѣ четырнадцать сегодня.
(**Пляшетъ и поетъ.**)

Пойте, смѣйтесь и пляшите!
Жизнь уйдетъ и не придетъ;
И тогда уже любите....

—

РОЗИНА и ДЖУЛІО МОСТИ.

РОЗИНА. Ахъ, Джуліо!

ДЖ. МОСТИ. Розина! Тассъ свободенъ!

РОЗИНА. А съ нимъ и ты?

ДЖ. МОСТИ. Не знаю, можетъ быть. —
Гдѣ твой отецъ?

РОЗИНА. Пошелъ на верхъ, къ Альфонсу;
А я одна со скуки пѣсню пѣла.

ДЖ. МОСТИ. О, милая! Не время намъ скучать.
Великаго простилъ великій Герцогъ!
Лукрецію онъ отдаетъ ему.
Она отъ страсти къ Тассу такъ страдала,
Что чуть было не отошла ко предкамъ.

РОЗИНА. О Джуліо! Что это значитъ: страсть?

ДЖ. МОСТИ. Огонь въ крови, огонь въ душѣ и сердцѣ,
Пріятное затмѣніе разсудка,
Очаровательное горе....

РОЗИНА. Мости!
Испанка я, — и вашъ языкъ прелестный
Мнѣ дикъ и новъ; и многихъ, многихъ словъ
Еще не понимаю; что сказалъ ты,
Я признаюсь, не поняла. Какъ? Горе
Очаровательно! — Какъ хочешь, милый,
А мнѣ смѣшно. — Огонь въ душѣ! Прекрасно!
Вотъ страсть!

(Слышенъ колокольный звонъ.)

ДЖ. МОСТИ. Что это?

РОЗИНА. Умеръ кто нибудь;

Вѣдь это такъ обыкновенно! Полно
Печалиться; и мы съ тобой умремъ.
(Звонъ становится сильнѣе.)
Развеселить тебя? Я протанцую,
Спою твою любимую октаву.
(Начинаетъ пѣть.)
Душа велѣла *жизнь* любить,
А *жизнь* и *душу* ненавидѣть....

Д. М. О, перестань!... Пойдемъ, узнаемъ лучше...

РОЗИНА. О! если вмѣстѣ, — я вездѣ готова!
(Обнявъ Мости, поспѣшно съ нимъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Герцога Феррарскаго.

АЛЬФОНСЪ и ЛЕОНОРА.

АЛЬФОНСЪ. Оставь ее! Ты повредишь здоровью.
Не плачь, сестра! Такъ хочетъ Провидѣнье!
Не плачь! (а самъ я плачу какъ ребенокъ:)
Сестра моя, послѣдняя надежда!
Вотъ каждый годъ ударъ во слѣдъ удару....
И скоро твой Альфонсъ оставитъ свѣтъ.
Не убивай меня своимъ страданьемъ;
Мнѣ надо жить, хоть жизнь давно мнѣ въ тягость.

ЛЕОНОРА. Живите, Ваша Свѣтлость!

АЛЬФОНСЪ. Ваша Свѣтлость!
Несчастный! Тамъ одна сестра во гробѣ
Слезамъ моимъ и горести не внемлетъ;
Другая здѣсь даетъ мнѣ разумѣть,
Что и она въ груди хранитъ могилу
И ледянымъ, ужаснымъ языкомъ
Язвительно лепечетъ: Ваша Свѣтлость!

Леонора. О, милый брать! Прости меня, прости!
Съ недавнихъ поръ Альфонсъ великодушный
Такъ грозенъ сталъ, такъ вспыльчивъ, такъ ужасенъ.
Что я....

Альфонсъ. Молчи; я и теперь ужасенъ,
Когда въ душѣ возстанутъ привидѣнья:
Лукреція и этотъ Тассъ въ больницѣ! —
Прекрасный другъ! другъ милый, Леонора,
Забудь ее, прости ей клевету!
Пусть радость возвратится въ домъ Альфонса!
Живи еще, переживи меня,
Изыщемъ вмѣстѣ средства, какъ Торквата
Вознаградить за семилѣтній стыдъ,
За семилѣтнія страданья....

Леонора. Герцогъ!
Я раздѣляю ваше положенье;
Но, кажется, не выдумаемъ мы
Наградъ за то, что потерялъ несчастный.

Альфонсъ. Ты думаешь?

Леонора. Увѣрена.

Альфонсъ. Послушай!
Ты любишь ли несчастнаго Торквата?

Леонора. Достоинъ ты взаимныхъ откровеній.
Такъ! Я люблю и горячо люблю.

Альфонсъ. Вотъ какъ меня....

Леонора. Простите, Ваша Свѣтлость!

Альф. Нѣтъ, ничего, извольте.... продолжайте!...

Леонора. Я снова повторяю, что люблю....

Альфонсъ. Я это слышалъ....

Леонора. Но не такъ, какъ должно.
Рѣшился ты оставить здѣсь Торквата,
Лелѣять вечеръ горькой жизни Тасса

И заживить мучительныя раны....
Все это, Герцогъ, все тебя достойно!
А я должна его и васъ оставить. —
Люблю его, онъ любитъ Леонору;
Но знаю я, что бракъ нашъ невозможенъ....
Альфонсъ. Сестра моя, герой мой, Леонора....
Леонора. Что онъ не мужъ Феррарской Герцогинѣ!
Достоинство свое я лучше знаю,
Чѣмъ онъ, чѣмъ всѣ, чѣмъ даже ты, Альфонсъ.
Останусь здѣсь; — кто знаетъ, можетъ быть
Во мнѣ и въ немъ любовь сильнѣй взыграетъ;
Забудемъ мы о выгодахъ Феррары,
О будущемъ, о прошломъ, и — погибнемъ.
Но если мы далеко другъ отъ друга,
Займемся намъ приличнымъ упражненьемъ, —
Поэзіей Торкватъ, а я — молитвой,
Годъ промелькнетъ, другой, простынемъ оба;
Увѣримся, что наша страсть напрасна;
Тогда опять спокойно, хладнокровно
Сойдемся мы, какъ старые друзья —
И вечеръ твой, Альфонсъ великодушный,
Всеобщимъ нашимъ счастьемъ будетъ красенъ.
Согласны ль — вы?
Альфонсъ. Какъ громомъ пораженный,
Не знаю я, что чувствовать, что думать?
Не женщина ты, Леонора; геній,
Чистѣйшій духъ, небесное созданье!
Теперь я понимаю, почему
Творенія Торквата такъ прекрасны;
Вдохнулъ ихъ геній-Леонора.
Леонора. Герцогъ!
Согласны ль вы?
Альфонсъ. Нѣтъ, другъ мой, несогласенъ!
Какъ мнѣ съ тобой, чудесная, разстаться?...

Леонора. Два года только; годъ одинъ....

Альфонсъ. Пусть будетъ!
Куда же?

Леонора. Къ брату Кардиналу д'Есте.

Альфонсъ. О! я согласенъ! Но когда?

Леонора. Сегодня.

Альфонсъ. Сегодня! Какъ?

Леонора. И даже черезъ часъ.
Я не могу съ Торкватомъ повстрѣчаться.
Отдамъ сестрѣ послѣднее лобзанье,
Васъ обниму и тотчасъ въ путь; а завтра,
Прошу васъ, дамъ моихъ и слугъ отправьте!
Но, милый братъ, еще одно прошенье....

Альфонсъ. Все, все на свѣтѣ....

Леонора. Столько бѣдъ и горя
Въ груди твоей оставили слѣды....
Не обижай несчастнаго Поэта
Упреками, тоской, воспоминаньемъ;
Прости ему невольные проступки....

Альфонсъ. И ты могла въ Альфонсѣ сомнѣваться?

Леон. О нѣтъ, мой братъ! Но горе—очень сильно.—
Ты видѣлъ герцогиню-Леонору;
О будь же, Герцогъ, братомъ Леоноры!
(Обнимаетъ Альфонса.)
Пойду къ сестрѣ завидовать.

—

Тѣ же, Тассъ и Константини (входя встрѣчаются съ Леонорой).

Леонора. Всесильный! *(Уходитъ.)*

Тассъ *(про себя)*.
О генiй мой! Я твой завѣтъ исполню,
И женщина меня не поколеблетъ!

АЛЬФ: И такъ, мой Тассъ, насъ смерть соединяетъ
И, кажется, на вѣки.

ТАССЪ. Ваша Свѣтлость!
Судьба не позволяетъ. Я рѣшился.
Мнѣ должно изъ Феррары удалиться —
Для моего и вашего покоя.
Преступникъ я предъ вашими очами,
Виновникъ смерти Герцогини, демонъ,
Принесшій въ домъ вашъ смуту и печаль.
Я самъ винюсь. — Изяществомъ природы,
Пушистымъ лѣсомъ, рѣзвой рѣчкой, небомъ,
Луной, звѣздами, пѣснью птицъ свободныхъ
Я долженъ былъ спокойно любоваться;
А красоты дивно прелестныхъ женщинъ
Я долженъ былъ искать въ воображеньи,
Влюбляться въ темныя свои созданья,
И прелестью воздушной упиваться.
Тамъ все мое; — здѣсь, на землѣ печальной,
Все отдано во власть людей коварныхъ,
Завистливыхъ, надменныхъ, своенравныхъ.
Не съ ними я, — на празднествахъ, турнирахъ,—
Былъ долженъ пировать и препираться;
Но я забылъ, что пѣснь Іерусалима
Должна гремѣть въ устахъ простыхъ и чистыхъ;
Что тѣ уста, изъ коихъ стихъ прекрасный,
Какъ легкій неба воздухъ, вырывался, —
Не жаромъ сладострастнаго лобзанья
Должны горѣть; что жизнь Торквата Тасса
Давнымъ давно принадлежитъ не мнѣ,
А людямъ всѣмъ, природѣ и столѣтьямъ.
И что во мнѣ, въ потухнувшемъ волканѣ?
Не обожгу я, правда; но и ночи
Не освѣщу огнемъ великолѣпнымъ.... —
А тамъ, а тамъ, гдѣ бурный Тибръ шумитъ,

И мутными, какъ мысль моя, волнами,
Торжественно о прошломъ говоритъ;
Предъ вѣчными стѣнами Пантеона,
Предъ куполомъ Апостола Петра,
Передъ людьми, которыхъ ненавижу, —
Увижу блескъ Виргильева вѣнца,
И торжество невинности увижу!...
О Герцогъ мой, Альфонсъ великодушный!
Не суетенъ былъ мощный голосъ духа,
Который мнѣ указывалъ храмъ славы,
Который мнѣ Виргиліевъ вѣнецъ
Показывалъ, какъ должную награду
За всѣ мои страданія и муки,
За чистоту, за благородство сердца,
За все, за все, что я на этомъ свѣтѣ
И пренебрегъ и потерялъ. Альфонсъ
Великодушный! Ты меня изъ гроба
Извлекъ; но что жъ ты далъ мнѣ въ этомъ свѣтѣ?
Не гробъ ли вновь? Его ищу, прошу.
Такъ окажи послѣднюю мнѣ милость;
Дай гробомъ мнѣ великолѣпный Римъ,
Огромную прошедшаго могилу!
Тамъ я найду мѣстечко для себя,
Приличное, достойное. Спокойно
Закрою я измученныя вѣжди;
Но не отъ мукъ, не отъ страданій тяжкихъ;
Но отъ лучей прокраснаго вѣнца. —
Увѣнчанный, — въ безсмертье отъ безсмертья
Я перейду однимъ великимъ шагомъ!

Альфонсъ *(про себя)*.

Несчастный! Въ Римъ! Кто изъ моихъ враговъ
Ему шепнулъ ужасное желанье?
Туда должна уѣхать Леонора —

И онъ туда влекомъ судьбой упорной....
(Громко.)
Нельзя, Торкватъ; твое здоровье....
ТАССЪ. Слабо!
Мнѣ вреденъ воздухъ пагубной Феррары;
Она меня такъ страшно изнурила.
Спаси меня, Альфонсъ великодушный!
Спаси остатокъ силъ моихъ, Великій
АЛЬФ. Нельзя, Торкватъ! Я лучше знаю пользу
Твою.... Нельзя, нельзя.... Но, Константини!
Насъ ждутъ дѣла. О смерти Герцогини
Намъ должно написать во всѣ мѣста,
Гдѣ только въ ней участье принимали.
Пойдемъ, пойдемъ! *(Уходя.)* Обрядъ устройте также
Для погребенья. Намъ не время плакать.
У насъ одно родство — съ одной Феррарой.

ТАССЪ один**ъ**.

Для славы — все, и ничего — для Тасса!
Ничтожной милости не хочетъ сдѣлать.
Нельзя, нельзя! *(Подум.)* Быть можетъ, тайно, хитро
Онъ мнѣ готовитъ месть за Герцогиню,
Которую онъ самъ низвелъ въ могилу? —
Естественно! Да и къ чему-бъ ему
Удерживать пѣвца, безъ вдохновенья
И безъ ума, — при суетномъ дворѣ?
Ага! Я все проникъ. Коварство, хитрость
Уже не такъ мою тревожатъ душу;
Я уж̀ъ привыкъ спокойно, хладнокровно
Встрѣчать и отражать ихъ нападенья.
Нельзя, нельзя! Но что жъ меня удержитъ?
Я, испытавъ твою несправедливость
Единожды, не долженъ больше вѣрить
Твоимъ обѣтамъ.
(Со смѣхомъ.)

Замыслъ не удачный!
Нѣтъ! Я уйду скорѣе злобы, мести,
Скорѣе мысли ненавистной, — въ Римъ.
Туда, туда походъ послѣдній Тасса!
(Хочетъ итти.)

—

ТАССЪ и ДЖУЛІО МОСТИ.

дж. мости. Какъ я попалъ сюда? — Не понимаю!
Я васъ искалъ, а встрѣтилъ трупъ несчастной
Лукреціи.... Что съ вами? Успокойтесь!

тассъ. О, миръ тебѣ, страдалица страстей,
Невинная виновница несчастій,
Которыми ужасный Тассъ прославленъ! —
Прощай, мой другъ!

дж. мости. Куда вы это?

тассъ. Въ Римъ!

дж. мости. Меня, меня съ собой возьмите!

тассъ. Юный,
Прекрасный другъ! Торкватъ на смерть идетъ;
А ты его во гробѣ хочешь видѣть!

дж. м. Не въ гробѣ, нѣтъ; но въ славѣ, въ торжествѣ!
Я вамъ принесъ мое младое сердце;
Семь лѣтъ при васъ я пробылъ неотлучно;
Все лучшее я въ вашемъ сердцѣ спряталъ;
А вы меня хотите здѣсь оставить!

тас. Нѣтъ, никогда! Со мной, со мной, въ тотъ Римъ,
Гдѣ хладный гробъ Торквата ожидаетъ!

дж. мости *(бросается въ объятія Тасса.)*
Прощай, моя Феррара и Розина!
Васъ много есть, а Тассъ одинъ на свѣтѣ.

ИНТЕРМЕДІЯ.

ЯВЛЕНІЕ.

Поляна, окруженная лѣсомъ;—полная луна освѣщаетъ вдали дорогу въ Римъ.

ШЬАРА, ФРАНЧЕСКО ТАСКА, другіе Начальники и разбойники наполняютъ поляну; по дорогѣ и у опушки лѣса сторожевые разбойники.

ШЬАРА. Ни одного! Ужъ за полночь, Франческо!
Ни одного! — Бѣда передовымъ!
Не можетъ быть, что въ Римъ никто не ѣхалъ,
На богомоліе, на торгъ, за дѣломъ,
За чѣмъ нибудь.... Спятъ вѣрно за кустами. —
Клянусь, когда до восхожденья солнца
Ни одного не встрѣтимъ человѣка,
Ни поѣзда, ни стада, ни коня, —
Передовыхъ повѣшу по дорогѣ!
А завтра—въ Римъ, Франческо! Въ старый Римъ,
Въ Трастеверре, куда хотите; въ замокъ
Святаго Ангела! — А въ старомъ Римѣ
Мы можемъ мѣсто сборное назначить,
Ограбить всѣ часовни Колоссея....

ТАСКА. Часовни? Нѣтъ! — Священное сребро
На пользу не послужитъ.

ШЬАРА. Безъ вопросовъ
Я не люблю отвѣты слушать! — Таска,
За бѣгство Кардинала Франка-Вилла,
За смерть шести товарищей, за выкупъ
Семи Канониковъ — намъ Римъ заплотитъ
Священнымъ или свѣтскимъ серебромъ! —
Не даромъ Шьара двадцать тысячъ войска

Къ стѣнамъ продвинулъ Рима — Что, Трискати
Не возвращался?

ТАСКА. Нѣтъ еще, Начальникъ!

ШЬАРА *(ложась на камень.)*

Ну, спите съ Богомъ! Господи помилуй!

(Таска и прочіе отходятъ и ложатся на лугу въ отдаленіи.)

ШЬАРА. Святый Джованни! Помоги поймать
Купца или богатаго монаха!...

(Укутывается въ плащъ и засыпаетъ; глубокая тишина чрезъ нѣсколько времени прерывается свистомъ сторожевыхъ; — Шьара и разбойники подымаются.)

ШЬАРА. Къ ружью! — Заснуть спокойно не дадутъ!
Съ которой стороны добыча?...

СТОРОЖЕВОЙ. Съ правой!

ШЬАРА. Изъ Рима?

СТОРОЖЕВОЙ. Въ Римъ!

ШЬАРА. Проѣзжій?

СТОРОЖЕВОЙ. Нѣтъ, прохожій!

ШЬАРА. Ну, стоило будить! Послушай, Таска,
До завтра спрятать! — Ну, спокойной ночи!

ТѢ ЖЕ, ТОРКВАТО ТАССО, ДЖУЛІО МОСТИ, (спутанные веревками) и нѣсколько разбойниковъ.

РАЗБОЙНИКЪ. Спитъ Шьара?

ШЬАРА *(приподымаясь.)*

Сплю! — Я говорилъ вамъ: спрятать!
Покою не дадутъ ни на минуту!
Ну, бросьте здѣсь, опутайте, свяжите.
Не улетятъ, не птицы! — Поутру
Осмотримъ и обыщемъ! Доброй ночи!...

(Ложится; разбойники отводятъ плѣнниковъ въ сторону, возлѣ сторожеваго оставляютъ и, возвратясь на прежнее мѣсто, ложатся.)

Разбойникъ. Охота же за нищими гоняться!

Таска. Пріятель, спи, не то проснется Шьара.

(Опять глубокая тишина).

Дж:мос: Мнѣ стыдно! Онъ спокоенъ, хладнокровенъ,
Какъ будто онъ въ гостинницу зашелъ;
Какъ будто ожидалъ онъ этой встрѣчи;
А я дрожу, мнѣ страшно.... Чѣмъ онъ занятъ?
Не спитъ ли? Нѣтъ! На блѣдную луну
Глаза вперивъ, спокойно размышляетъ....
Не разъ онъ говорилъ: «Нѣтъ въ мірѣ бѣдствій;
А если есть, такъ только жизнь одна!
Умѣй понять необходимость горя
И горе — болѣе не существуетъ.»
Попробуемъ преодолѣть себя,
Уснуть, забыться, утонуть въ мечтаньяхъ. —

Тассъ. Полна любви безмолвная природа!
И человѣку велѣно любить.
За что жъ, когда законъ твой исполняемъ,
Ты насъ преслѣдуешь за исполненье? —

—

Миръ вамъ, мечты; давно пора проснуться!
Пустымъ словамъ, пустымъ страстямъ не вѣрить,
Отрезвиться отъ славы и любви. —
И лавръ и миртъ — ядъ непримѣтный носятъ;
Противоядье — только въ кипарисѣ. —
Но кипарисъ и далеко и близко....
Перешагнуть ограду самовольно
Возможно, но преступно и грѣшно!
Да и зачѣмъ? — Жизнь краткая пестра;
То свѣтлые, то темные цвѣты
Разбросанны по жизненной дорогѣ;
Сегодня — горькій, завтра — сладкій день.
Какъ—горькій день? Но можно быть счастливцемъ
Вчера, сегодня, завтра, послѣ завтра;

Всю жизнь до гроба можно быть счастливымъ:
Люби — и только, говоритъ Петрарка, —
Пиши стихи небесной Леонорѣ; —
Ты счастливъ! Обожай ее — ты счастливъ!
Да, я былъ счастливъ и теперь я счастливъ:
Любилъ, люблю; — умѣю сладкой риѳмой
На риѳму сердца отвѣчать; умѣю
Носить въ душѣ великолѣпный образъ; —
Ни у кого нѣтъ слезъ такихъ цѣлебныхъ,
Какъ у меня; — никто, и самъ Петрарка,
Не сложитъ утѣшительнѣй молитвы,
Какую я сложилъ о Леонорѣ.
И я несчастенъ?... Нѣтъ.

дж. мости. Онъ что-то шепчетъ.
Не смѣю. Грѣхъ подслушивать. Не смѣю,
Спросить: о чемъ?...

тассъ. Несчастенъ, бѣденъ, жалокъ, —
Кто нераздѣльно съ тѣломъ веществуя,
Не можетъ легкой мыслью отдѣляться
И пролетать незримымъ существомъ
Тамъ, гдѣ живетъ его Елеонора;
Изъ глубины темницъ, съ одра болѣзни
Душей не можетъ выдти на свободу
И сладкогласной птичкой невидимкой
И пѣть и жить воздушною любовью....
Кто, умирая, не имѣетъ силы
Не отлетѣть въ небесныя селенья;
Не для себя и не собой остаться,
А легкимъ и отраднымъ сновидѣньемъ
У изголовья спящей Леоноры; —
И если смерть, съ крылатой вереницей
Недуговъ и страданій, подойдетъ
Къ постели дѣвственной; — не дать проснуться,
А унести ея святую душу.

И у престола Божія поставить
Земнаго ангела между небесныхъ!...

—

И это все—Торквато Тассо можетъ!
И я несчастливъ?! Грѣшенъ ропотъ мой!
Я жалуюсь на грязь и непогоду;
А самъ иду надъ бурей, высоко!
И разрушительныхъ ея порывовъ
Не вижу и не знаю....

(Мости старается приблизиться къ Тассу).

тассъ. Ты не спишь?
А отдыхъ нуженъ; ты усталъ дорогой.

дж. мос. Хотѣлъ уснуть, но сонъ нейдетъ. Опасность
И нашего пути и нашей жизни....

тассъ. Опасность, безъ судьбы, одна не ходитъ.
Опасность—вымыслъ. Въ чемъ же вся опасность?
Мы можемъ жизнь утратить; не жалѣй!
Мы *здѣсь* младенчествуемъ только; *тамъ*
Мы мужественный возрастъ обрѣтемъ
Неизмѣняемый, непреходящій!...
Спи лучше!

дж. мости. Но зачѣмъ же вы не спите?

тассъ. И я засну. (Онъ за меня боится
И потому не спитъ мой добрый Мости).

(Тассъ опускаетъ голову и вскорѣ засыпаетъ; глубокая тишина снова царствуетъ: слышенъ отдаленный свистокъ).

дж. мости. *(поворачиваясь).*
Не спится. — Сердце ждетъ бѣды. — Не спится.

—

ТѢ ЖЕ и ТРИСКАТИ показывается на опушкѣ лѣса.

СТОРОЖЕВОЙ. Кто тамъ?

ТРИСКАТИ. Молчи! Свой!—Кондотьеръ Трискати!
Что спятъ товарищи?

СТОРОЖЕВОЙ. Спятъ на полянѣ.
Измучились на безполезной ловлѣ.

ТР. *(подходя къ начальникамъ и толкая одною ногою)*.
Проснись, вставай! Гдѣ Шьара?

КОНДОТЬЕРЪ *(просыпаясь)*. А?

ТРИСКАТИ. Гдѣ Шьара?

КОНДОТЬЕРЪ. Чего?

ТРИСКАТИ. Гдѣ Шьара?

КОНДОТЬЕРЪ. Спитъ на камнѣ.

ТРИСКАТИ *(ложась)*. Спитъ?
И я прилягу.

КОНДОТЬЕРЪ *(всматриваясь)*. Это ты, Трискати?
Изъ Рима?

ТРИСКАТИ. Да.

КОНДОТЬЕРЪ. Что новаго?

ТРИСКАТИ. О, много!
Не перескажешь вдругъ всего.

(Таска и прочіе Кондотьеры просыпаются).

ТАСКА. Трискати
Вернулся?

ТРИСКАТИ. Да?—А какова удача?

ТАСКА. Плоха, братъ? Двухъ поймали пѣшеходовъ,
А съ пѣшеходовъ взятки гладки.

ТРИСКАТИ. Шьара
Пойдетъ на Римъ?

ТАСКА. Хотѣлъ, не знаю, завтра....

ТРИСКАТИ. Повременить бы день, другой....

ТАСКА. А что?

ТРИС: А вотъ что. Въ Римѣ ждутъ Торквата Тасса.
По случаю его прiѣзда, — будутъ
Процессiи и праздники! Вотъ время
Въ Трастеверре отправиться подъ ночь. —
Всѣ жители пойдутъ за Тибръ, смотрѣть
На разные потѣшные огни
На поѣзды дворянскiе, — а мы
Трастеверре по своему освѣтимъ!

КОНДОТ: Торквато Тассо, говоришь ты? Этотъ
Пѣвецъ волшебникъ?

ТРИСКАТИ. Что онъ за волшебникъ?
Онъ набожонъ, какъ нашъ отецъ Антонiй,
Что за часовней, изъ сухихъ вѣтвей
Въ глухомъ лѣсу себѣ построилъ келью.

ТАСКА. Да и въ стихахъ его — есть благочестье!
Разгулу, молодецкой жизни — мало,
Зато, какъ пѣть начнешь его октавы,
Кого, — не знаешь, а кого-то любишь.
Нѣтъ! Чуть услышу, что Торквато въ Римѣ,
У Шьары отпрошусь на два, три дня,
Послушать, какъ онъ самъ поетъ октавы.

КОНДОТЬЕРЫ. И я, и я!...

ТРИСКАТИ. А на охоту?

ТАСКА. Послѣ!
Въ одинъ же день всѣхъ праздниковъ не кончатъ.
Увидишь, Шьара самъ пойдетъ послушать.

и самъ слагаетъ дивно пѣсни
›го простаго обихода.

продолженіе разговора, Мости ползетъ къ
къ кружку, останавливаясь и вслушиваясь
ь рѣчи. Тассо спитъ).

Послушайте! онъ мимо насъ проѣдетъ.
что? и въ правду.

ЕРЪ. Надо наказать
тмъ, особеннымъ свисткомъ
іть дадутъ. Мы всѣ пойдемъ на встрѣчу
›ть ему тѣ станцы пропоемъ,
ра сочинилъ къ Торквату Тассу.

озьми коня! *Лети къ передовымъ!*
прозѣвать....

ги. *Ужъ прозѣвали!*

ѣ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ).

о здѣсь? Къ ружью! Измѣна!

и. *Тише, тише!*
ь вашъ, я связанъ.... Но межъ вами
ь плѣнникъ поважнѣй меня,
›диналовъ и Князей! —
ассо!

Что? Торквато Тассо?
комъ?

Онъ убѣжалъ отъ яда,
› готовили въ Феррарѣ,
спѣшилъ на приглашенье Папы.

А если лжешь?

Вѣдь я у васъ въ рукахъ;
за ложь меня замучить!

ЕРЪ. Будите Шьару!

ТРИСКАТИ. Обождать....

КОНДОТЬЕРЫ. Будите!
Онъ въ Римъ спѣшитъ, мы задержали. Таска,
Буди его, буди его, буди!...

ТАСКА (*подошедъ къ Шьарѣ*).
Начальникъ!

ШЬАРА. А?

ТАСКА. Начальникъ!

ШЬАРА. Ну, чего?

ТАСКА. Ты знаешь ли кого мы взяли въ плѣнъ?

ШЬАРА. Кого?

ТАСКА. Торквата Тасса.

ШЬАРА. Быть не можетъ!
Огней! Огней! Гдѣ жъ онъ?

ТАСКА. Вонъ этотъ мальчикъ
Намъ сказывалъ.

ШЬАРА (*вставъ*). Огней, друзья, скорѣе!
Я видѣлъ Тасса раза два у Конки!
Узнаю, не обманутъ. Гдѣ жъ онъ, Таска?

ТАСКА. Вотъ спитъ подъ деревомъ.

(По всему лѣсу зажигаются огни; разбойники съ факелами наполняютъ поляну).

ШЬАРА. Торквато Тассо!!

РАЗБОЙНИКИ (*освѣщая Тасса, шопотомъ*).
Торквато Тассо! Здѣсь Торквато Тассо!...

ТАССЪ (*просыпаясь*).
Что значитъ этотъ свѣтъ, толпа? Гдѣ Мости?

ДЖ. МОСТИ. Я здѣсь! Они узнали васъ.

ШЬАРА *(развязавъ Тасса; разбойники развязываютъ Мости)*. Простите!
Ошибкой молодцы васъ захватили,
Вамъ стоило назвать себя.

ТАССЪ. Назвать?!

ШЬАРА. Да, ваше имя талисманъ отъ смерти,
Во истину безсмертный человѣкъ! —
И проклятъ тотъ, кто вздумалъ бы умножить
Число страданій славныхъ, знаменитыхъ,
Которыя оправдываютъ небо
И обвиняютъ гордость человѣка!

ТАССЪ. Творецъ! И это говоритъ разбойникъ?!

ШЬАРА. Да, это говоритъ разбойникъ Шьара.

ТАССЪ *(вскочивъ)*.
Возможно ли?... Сей ужасъ, бичь людей!
Невидимый судья дѣяній тайныхъ!
Злодѣй, покрытый славой и безчестьемъ!
Добра и зла блистательная смѣсь!
Италіи таинственная сказка!...

ШЬАРА. Все это я! Но всѣ мои названья
Высчитывать не доброму Поэту,
Не образцу сердечной простоты.
Нѣтъ! Не тебѣ разбойника судить.
Взгляни и пожалѣй! Вотъ судъ Поэта!

ТАССЪ. Гдѣ Джуліо?

ДЖ. МОСТИ. Я здѣсь.

ТАССЪ. *(взявъ его за руку)*. Смотри съ участьемъ
На этого гиганта страшныхъ дѣлъ!
Онъ и въ порокѣ отыскалъ ступени
Похожія на добродѣтель. Часто.
Облитый кровью сирыхъ и невинныхъ,

Онъ кровь съ своей разбойничей сѣкиры
Смываетъ счастьемъ цѣлыхъ городовъ.
Но, Джуліо! Онъ отъ того не лучше!
Будь благодѣтелемъ земли широкой; —
Дай счастіе народамъ, государствамъ....
Единое пятно невинной крови, —
Твое благодѣянье — безобразно!
Жалѣю, Шьара, искренне жалѣю!
Мнѣ горько продолжать мои упреки. —
Довольно! Есть религія, законъ....
Быть можетъ голосъ ихъ—въ тебя проникнетъ.—
Ну, Джуліо, пойдемъ!

ШЬАРА. Постой, Торквато!

(къ разбойникамъ).

Двухъ добрыхъ лошадей! Проворно! — Таска,
Возьми двѣнадцать всадниковъ, свѣтильни
И проводи до городскихъ воротъ....

ТАССЪ. Какъ, развѣ Римъ такъ близко?

ШЬАРА. Мили двѣ.

ТАССЪ (*пристально смотритъ въ глаза Шьарѣ*).
Великій Боже!.. Шьара, Бога ради,
Скажи: зачѣмъ ты здѣсь?

ШЬАРА (*послѣ мгновеннаго молчанія*). Ты догадался.

ТАССЪ. Убійство и пожаръ столицѣ Міра!!
О вспомни, вспомни! Цѣлый рядъ вѣковъ
Прошелъ по Риму грознымъ разрушеньемъ;
Какъ море, варвары его размыли —
И отъ чудесъ Искусства и Науки
Лишь чудныя развалины остались.
Но Геній, древній Итальянскій Царь
Воскресъ и — снова Римъ столица Міра!

—

Не разрушительнымъ мечемъ, — Искусствомъ,

Не храбростью железныхъ легіоновъ,
А тихимъ свѣтомъ просвѣщенья, — Римъ
Возвысился божественнымъ вѣнцомъ
Надъ головой божественнаго Міра!

—

Могилу уважаетъ и разбойникъ.
А ты!... О мало ли тебѣ проклятій
Смывать церковнымъ покаяньемъ? — Шьара!
И тяжкіе грѣхи прощаетъ Церковь;
Но этотъ грѣхъ грѣхомъ всемірнымъ будетъ,
А казнію — всемірное проклятье!

(Таска и двѣнадцать всадниковъ съ факелами выѣзжаютъ на Римскую дорогу; Тассу и Мости подводятъ богато осѣдланныхъ коней.)

ТРИСКАТИ. Готовы лошади....
ТАССЪ. Я не поѣду,
Пока за безопасность Рима....
ШЬАРА. Тассо!
Прощаю Римъ, но только для тебя!
А за спасенье Рима, обѣщай
Молиться за меня въ твоихъ молитвахъ!
И Богъ и люди милуютъ тебя....
ТАССЪ. *(садясь на коня, Мости также)*.
О! Эта просьба, Шьара, добрый знакъ.
И сладостно молиться за несчастныхъ!
ШЬАРА. Прости, великій Тассо! Добрый путь!
РАЗБОЙН. Прости, Торквато Тассо, добрый путь!

(Тассъ и Мости уѣзжаютъ въ сопровожденіи всадниковъ; Шьара и разбойники смотрятъ безмолвно имъ вслѣдъ, пока они не исчезаютъ изъ виду.)

ШЬАРА *(въ полголоса.)*
Домой! Въ Абруццы! *Это* слово — свято!

АКТЪ ПЯТЫЙ.

РИМЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мѣсто предъ Пантеономъ.

ТАССЪ и **МОСТИ** (спящій у входа въ Пантеонъ).

ТАССЪ. *(ходя около храма и осматривая)*
О, кто тебя изъ камня изваялъ,
Великій храмъ, и на землѣ поставилъ,
Божественный вѣнецъ Искусства? Дивно
Твой куполъ вознесенъ подъ куполъ неба,
И споритъ съ нимъ красой и велелѣпьемъ;
Какъ вѣчность, тянутся столпы; какъ мыслямъ
Великаго ума, имъ нѣтъ числа;
И какъ мечты Поэта, стройны, мрачны,
Они глядятъ съ презрѣніемъ на міръ
И въ небеса бѣгутъ, землей гнушаясь.
Какъ въ зеркало, гляжусь я въ этотъ храмъ —
И онъ меня такъ странно отражаетъ!
Я вижу въ немъ себя — и не себя.
Мнѣ кажется, онъ рукъ моихъ созданье;
Когда же я воздвигъ его, не помню.
Смотрю, не насмотрюсь; онъ мнѣ знакомъ...—
То Славы Храмъ, то Римскій Пантеонъ!
Давно объ немъ Пѣвцы пропѣли пѣсни;
Давно молва свое проговорила;
А онъ все новъ; дряхлѣя, молодится
И нѣтъ конца его существованью!...

ТѢ ЖЕ, и ДВА ГЕРМАНСКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ПЕР: ПУТЕШ: Теперь никто не отвлечетъ вниманія;
Мы можемъ оцѣнить архитектуру....
(Теряются за колоннами.)

ТАССЪ. Кто можетъ оцѣнить творенье неба;
Опредѣлить то чудо вдохновенья,
Которымъ здѣсь ознаменованъ геній?
Самонадѣянность людей! Не стыдно ль
Желать вселенную поднять на плечахъ,
На человѣческихъ ничтожныхъ, плечахъ!
Не стыдно ли съ увѣренностью дерзкой
Небесное земнымъ умомъ цѣнить!
Благоговѣйте, если въ силахъ! Только!
Довольно съ васъ! И то благодарите,
Что отъ суда такого добрый геній
Всего изящнаго, не отвратился,
Не предалъ васъ холодному забвенью
И гробъ вашъ посѣщать благоволитъ.
Но геній, я забылъ, давно оставилъ
Земную твердь. Онъ снова въ океанѣ
Небесныхъ волнъ ждетъ новыхъ поколѣній;
И, правда, нѣкому теперь принять
Его на суетной землѣ; всѣ люди
Окаменѣли; ужасы войны,
Кровь и пожаръ.... Пожаръ! Что если пламя,
Всеразрушающій, враждебный геній,
Какъ тать тебя, великій храмъ, обыметъ;
Предательскимъ и жаркимъ лобызаньемъ
Всего тебя обрушитъ въ кучи пепла?
Падутъ твои безмѣрные столпы;
Глава твоя пол-города покроетъ
И не спасетъ тебя, зиждитель геній! —
Но какъ я простъ! Я и забылъ, что ты —

Прочнѣе моря, воздуха, земли
И всѣхъ стихій! — Изъ камня, изъ безсмертья
Воздвигнутъ ты, и отъ стихій вліянья
Собой тебя закрылъ зиждитель геній!

—

ТѢ ЖЕ и ТОЛПА НАРОДА (съ разныхъ сторонъ приходящаго.)

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. Куда идешь?

ВТОРОЙ. Иду на рынокъ. Надо
Мнѣ закупить хозяйскіе припасы,
Но холодно, я дрогну.

ПЕРВЫЙ. И я также.
Какъ жарокъ день; какъ мертвая, въ истомѣ,
Не чувствуешь, что дѣется кругомъ;
А утромъ холодъ. — Ну, а мать твоя?

ВТОР: Мы съ ней еще съ тѣхъ поръ не помирились...
Но, Боже мой, кто это тамъ? Ты видишь?...

ПЕРВ: Ахъ! убѣжимъ! Онъ какъ-то странно ходитъ.
Онъ на одномъ кружится мѣстѣ. Боже!
Какъ страненъ онъ! Ой, убѣжимъ; ты знаешь,
Что городъ нашъ наполненъ всякой дрянью!

ВТОРОЙ. И, перестань! Не воръ онъ, не убійца.
Смотри: на немъ какое одѣянье;
То вѣрно издалёка иностранецъ
Предъ камнями ночуетъ Пантеона.
У этихъ иностранцевъ все не такъ,
Какъ вотъ у насъ, у Римлянъ простодушныхъ.
Слыхала я отъ матери моей,
Что многіе изъ этихъ сумасшедшихъ
Приходятъ къ камню, камень обнимаютъ,
Съ нимъ говорятъ иной разъ цѣлый день
И съ камнемъ ночь безсонную проводятъ.

ТРЕТ: Смотри, смотри! Какъ жадно въ этотъ храмъ
Чудакъ влѣпилъ тоскующія очи!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Кто тамъ, пріятель?

ТРЕТІЙ. Я не знаю; только
Прелюбопытный этотъ иностранецъ.

МНОГІЕ. Онъ иностранецъ? — Кто же онъ? Откуда?
Что такъ ему понравились колонны? —
Откуда онъ? — Какой нибудь лазутчикъ! —
Поймать бы надо. — Вотъ ужасно нужно;
И мало ли приходитъ къ намъ людей?
Такъ всѣхъ ловить! Не переловишь. — Тише,
Чудакъ заговорилъ по-Итальянски....

(Толпа, стихая, тѣснится около Тасса.)

ТАС: Я былъ во снѣ, но въ сладостномъ, прекрасномъ!
И снилось мнѣ, что нѣсколько столѣтій,
На крыльяхъ, мимо храма, пролетали;
Но объ его столпы ихъ разбивали.
А я стоялъ на высотѣ, далеко.
Народъ внизу то шумно прибывалъ,
То убывалъ, стихая постепенно,
То вновь кипѣлъ нежданной полнотой,
Но никогда окрестность не пустѣла....

(Восходитъ къ Мости.)

МНОГІЕ ГОЛОСА. Какъ говоритъ и плавно и красиво!
Да смыслу нѣтъ. — Альфонсъ пріѣхалъ въ Римъ;
То Секретарь Альфонса. — Константини? —
Феррарскій Герцогъ? — Да. — А это кто? —

ТАССЪ. *(обращаясь къ народу, но не примѣчая чрезвычайнаго стеченія)*.
Великій Римъ! Уста простолюдина,
Безъ трепета, безъ страха и волненья,
Твое святое имя произносятъ!

Но тотъ, кто жизнь великія столицы
Съ вниманьемъ, любопытствомъ прочиталъ;
Кто чудеса твоихъ гражданъ героевъ
Постигъ, запечатлѣлъ и оцѣнилъ; —
Безъ страха тотъ, безъ трепета, боязни,
Пяти шаговъ по улицамъ твоимъ
Не можетъ сдѣлать; все подъ нимъ горитъ
Торжественнымъ какимъ-то, дивнымъ свѣтомъ;
Смущенный, онъ боится наступить
На тайную гробницу человѣка,
Великаго оружьемъ иль умомъ. —

(Дж. Мости встаетъ и съ удивленьемъ смотритъ на вдохновеннаго Тасса.)

тассъ. И это все рукою человѣка
Воздвигнуто! — Кто жъ этотъ человѣкъ?
Какъ онъ великъ! — И эти мухи-люди
Въ его созданіяхъ гнѣздятся.... Люди!
Смотрите: это онъ, тотъ человѣкъ,
О коемъ я сказалъ: великій, мощный!

голоса. Что тамъ, друзья, пожаръ онъ видитъ, что ли?

дж. мости. *(Тассу.)*
Толпа́ тебя не понимаетъ. Дико,
Безчувственно она глядитъ. — Ей страненъ
И теменъ твой торжественный языкъ.

тассъ. Малютки! Жаль мнѣ васъ! Какая глупость
Написана на этихъ мелкихъ лицахъ!
Какъ всѣ черты изображаютъ ясно
То гордость, то корысть, то униженье....

голоса. Да онъ ругается! — Съ крыльца его! —
Съ крыльца! Долой! — Намъ умниковъ не надо! —

тассъ. Чего ревутъ народа шумны волны?

гол. Онъ говоритъ. — Послушаемъ. — Съ крыльца!..-

тассъ. Умолкни, чернь! Когда пророкъ вѣщаетъ,
Благоговѣй, невѣжество.... Ни слова!

голоса. Кто? —Онъ пророкъ? — Съ крыльца его! Съ
крыльца?..

(Народъ бросается къ Пантеону.

дж. мости. *(удерживая народъ)*.
Куда, слѣпцы? — Подобные вамъ люди
Всю жизнь его несчастьями покрыли!
Со всѣхъ сторонъ клеветники и зависть
Изранили его младое сердце!
А онъ прославилъ васъ! Не помнилъ онъ
Обидъ, клеветъ, ругательствъ, оскорбленій;
Онъ бремя несъ, не заслуживъ его.
Весь свѣтъ его какъ чудо превозноситъ....
А вы?... Но кто васъ можетъ обвинять?
Не знаете таинственнаго гостя!
Я вамъ скажу! Благоговѣйте, люди!
Великій Римъ! — Твой гость — великій Тассъ!

(Народъ отхлынулъ и съ глубокимъ почтеніемъ
нѣсколько разъ произноситъ имя Тасса.)

Европа, міръ, Поэтовъ не умѣютъ
Ни оцѣнять, ни награждать достойно.
Поэзія вездѣ слыветъ мечтой,
Занятьемъ безполезнымъ, даже вреднымъ;
Но Римъ одинъ отвергнулъ предразсудки;
Отъ давнихъ лѣтъ Науки и Искусства
Его своей столицей именуютъ.
Дѣйствительно, Римъ есть столица славы!
Въ немъ тысячи свершалися торжествъ;
Не разъ, не два разнообразный геній
Лавровыми листами обвивался!
Для славы созданъ Римъ; — и не на то ли
Въ его стѣнахъ безсмертный Капитолій?

И для чего, скажите, наконецъ,
Хранится въ немъ Виргиліевъ вѣнецъ?...

НАРОДЪ *(въ сильнѣйшемъ волненіи).*
Вѣнчать его! Вѣнчать Торквата Тасса! —
Вѣнчать Поэта перваго на свѣтѣ! —
Великій къ намъ пришелъ за торжествомъ!

(Народъ, устремившись къ Пантеону, поднимаетъ Тасса на руки и уноситъ посреди кликовъ.)

Да здравствуетъ Пѣвецъ Іерусалима! —
Къ Святѣйшему! — Нѣтъ! прямо въ Капитолій! —
Вѣнчать его!... Вѣнчать Торквата Тасса.

(Всѣ уходятъ.)

—

ТОЛПА НОВЫХЪ ГРАЖДАНЪ (пробѣгаетъ въ томъ направленіи, куда понесли Тасса).

ГОЛОСА. Чтотамъ за крикъ?-Кого несутъ Римляне?—
Я старъ и слабъ; о, дочь! веди меня;
Не помню я такого шума въ Римѣ
И радости такой еще не помню! —
Творецъ! Землетрясенье въ Римѣ, что ли? —
Огонь подземный? — Нѣтъ! пожаръ! — Скорѣе;
Мы не догонимъ... — Врачъ нашъ, Клавдій Риги...
Какъ онъ спѣшитъ! Кто умираетъ въ Римѣ? —

—

ТѢ ЖЕ и КЛАВДІЙ РИГИ.

К. РИГИ *(поспѣшно проходя.)*
Великій Тассъ отъ радости слабѣетъ;
Къ нему спѣшу; онъ въ домѣ у меня....

(Уходитъ).

ВЕСЬ НАРОДЪ *(поспѣшно за нимъ слѣдуя).*
Бѣги, лети! Спасай Торквата Тасса!...

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната Леоноры въ домѣ Кардинала д'Эсте.

—

ЛЕОНОРА *(одна, читаетъ).*
Нѣтъ! Все не то! Въ стихахъ я этихъ вижу
Одну тоску незрѣлаго таланта.
Нѣтъ силы той, того очарованья,
Кѣмъ я живу и въ Римѣ и въ Феррарѣ.
О скоро ли заснетъ въ моей груди
Мой Тассъ, воспоминаніе блаженства?
Какъ мнѣ скрывать, чѣмъ сердце у меня
Отравлено, оковано и сжато? —
Альфонсъ! Альфонсъ! Мнѣ скучно безъ тебя;
Скучнѣе безъ тебя мнѣ, Константини!
Одинъ — ты смѣлъ глядѣть украдкой въ сердце
Несчастной Леоноры, и порой
Меня ласкать участьемъ, снисхожденьемъ,
И въ свѣтломъ облакѣ манить надеждой!
Но все прошло! — Страдаетъ Герцогиня
За то, что Герцогиня!... Боже! кто тамъ!...

—

ЛЕОНОРА и КОНСТАНТИНИ.

ЛЕОНОРА. Ахъ Константини! Вы давно ли въ Римѣ?..

КОНСТ. И часа нѣтъ! — За мною слѣдомъ Герцогъ
Поспѣшно ѣдетъ. Онъ боится Тасса,
Его любви къ прекрасной Герцогинѣ....

ЛЕОНОРА. Люблю я брата, мнѣ пріятно видѣть
Его всегда. Но въ этотъ разъ — я грозно
Приму его. — Обидно, Константини! —
Вы знаете, какъ мы разстались съ нимъ?
Какъ только умерла сестра, — Альфонсъ
Рѣшился вновь принять къ Двору Торквата
И мнѣ объ этомъ объявилъ. Я тотчасъ

У брата въ Римъ на время отпросилась,
Чтобъ не видаться болѣе съ Торкватомъ
И ночью я оставила Феррару.
А онъ меня еще подозрѣваетъ!
Но правъ Альфонсъ! Любовь моя безмѣрна.
Любовь, одна любовь меня подвигла, —
Чтобы спасти Торквата, — удалиться.
Какъ безкорыстна я, не правда ль? Подвигъ
Я совершила исполинскій; чувство
Самодовольствія во мнѣ разлилось,
И я вполнѣ, вполнѣ награждена! —
Но что же съ нимъ, съ моей мечтой прекрасной?
Гдѣ онъ?

КОНСТАНТИНИ. Онъ здѣсь! Я ѣхалъ черезъ площадь
И видѣлъ чудо, Герцогиня! Шумно
Народъ на раменахъ Поэта несъ
Вѣнчать вѣнцемъ Виргилья въ Капитолій.
Напрасно я къ нему хотѣлъ пробиться;
Народъ, какъ бы единый человѣкъ;
Былъ тѣсенъ, густъ и неразрывенъ; крики
Безмѣрный воздухъ наполняли; дѣти,
Старухи, старцы всѣ за нимъ бѣжали
И всякъ изъ нихъ его благословлялъ,
И всякъ изъ нихъ хотѣлъ вѣнчать Поэта.
Тогда въ глазахъ моихъ блеснули слезы;
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ. О! сладко
Подъ лаврами обнять такого друга,
Тѣмъ больше, если онъ вѣнца достоинъ!
О торжество невинности и славы!
Благословенъ да будетъ вѣчно Промыслъ!
Онъ справедливъ....

ЛЕОНОРА. И грозенъ! О, зачѣмъ
Вѣнецъ тотъ не корона!

—

ТѢ ЖЕ и АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ. Леонора!

ЛЕОНОРА. Мой братъ, Альфонсъ!...

АЛЬФОНСЪ. Послѣдняя отрада!
Въ послѣдній разъ пришелъ тебя увидѣть.
Скучаешь ты въ столицѣ свѣта, ангелъ!
Одну тебя нашелъ я съ Константини!
Но гдѣ же тотъ, кого я такъ любилъ
И грозно такъ преслѣдовалъ повсюду?
Кто такъ упорно борется со мной?...
Я думалъ: *онъ* съ тобой.... и кровь хладѣла,
Щетинился мой бѣлый волосъ; очи
Слезами наливались. Леонора!
Прости меня; но кто перетерпѣлъ,
Перестрадалъ такъ много въ этой жизни;
Естественно, въ томъ скоро подозрѣнья
Родятся, умираютъ и родятся.
И со стыдомъ, я признаюсь, вотъ поводъ
Единый моего пріѣзда въ Римъ.
Но гдѣ же онъ? —

КОНСТАНТИНИ. Не нашъ онъ, Ваша Свѣтлость!
Безсмертье его отъ насъ отняло
И повело на вѣчность въ Капитолій.

АЛЬФ: Какъ счастливъ онъ! какъ вмѣстѣ я несчастливъ!
Не потому, что торжество Торквата
Меня гнѣвитъ. Напротивъ! Очень радъ!
Я самъ хотѣлъ Святѣйшаго просить;
Но весь народъ предупредилъ меня,
И вотъ, что очень больно для Альфонса!

—

ТѢ ЖЕ и ГОНЗАГО.

ГОНЗАГО. Какая новость, Ваша Свѣтлость, Трудно
Повѣрить.... Непонятно.... Тассъ ужъ здѣсь....

Альфонсъ. Я это зналъ въ Феррарѣ.

Гонзаго. Ваша Свѣтлость
Все знаете, но вотъ что новость: Римъ
Весь въ торжествѣ и завтра въ Капитолій,
Согласно съ волей Папы, Тассъ нашъ вступитъ
И отъ руки народа будетъ вѣнчанъ!
Его Святѣйшество опасно боленъ,
И потому при торжествѣ не будетъ;
Но торжества не хочетъ отлагать,
Чтобы нечаянно у нихъ кончина
Не вырвала двойнаго торжества:
У одного вѣнца, а у другаго — чести
Быть современникомъ вѣнчанья Тасса
И главною тому причиной. — Слава
И благодарность — вотъ чѣмъ Римъ наполненъ!
Сегодня цѣлый городъ освѣтятъ
Потѣшными огнями; завтра утромъ
Великое вѣнчанье совершится!

Альфонсъ. Благодарю! Ты радостную новость
Принесъ ко мнѣ. Мы также завтра утромъ
Пойдемъ смотрѣть на праздникъ въ Капитолій
И лаврами обвитаго пѣвца
Торжественно отъ всей души поздравимъ. —
На радости и то мы позабыли,
Что въ домъ чужой пріѣхали; хозяинъ
Больной въ постели ждетъ друзей и брата.

Леонора. Какъ ожидалъ онъ Вашу Свѣтлость!

Альфонсъ. Право? —
Такъ онъ меня, какъ прежде, любитъ! Боже!
Для Тасса я забыть могъ даже брата!

(Уходятъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Площадь предъ Капитоліемъ; весь Римъ и Капитолій освѣщены разноцвѣтными огнями; во многихъ мѣстахъ видны транспаранты съ вензелемъ Т. Т. и съ различными аллегорическими картинами. На лѣвой рукѣ домъ съ портикомъ Клавдія Риги.

—

ТОЛПА НАРОДА (тѣснится около портика).

ПЕР. ГОЛОСЪ. Когда вѣнчать назначено Торквата? –

ВТОРОЙ. Герольды прокричали: завтра утромъ!
А ты не слышалъ.

ТРЕТІЙ. Завтра утромъ? Боже!
Что если онъ умретъ еще сегодня?!

ВТОРОЙ. Все можетъ быть, но видишь: свѣтъ зари, –
И солнце поспѣшаетъ для Торквата!

ЧЕТВЕРТЫЙ. То блескъ огней.

ВТОРОЙ. Нѣтъ, другъ мой! Вонъ денница
Свѣтлѣе нашихъ транспарантовъ блещетъ!

ПЯТЫЙ. Что Риги говоритъ?

ШЕСТОЙ. Плоха надежда;
Онъ проживетъ еще дня три, четыре....

ПЯТЫЙ. Не больше?

ШЕСТОЙ. Да! не больше!

СЕДЬМОЙ. Римъ отлично
Великаго Торквата принялъ....

ОСЬМОЙ. Да!
Но мертвецу не сладокъ ѳиміамъ.

СЕДЬМОЙ. Да слава камень воскресить возможетъ..

ОСЬМОЙ. А человѣка можетъ умертвить....

—

ТѢ ЖЕ и ТАССЪ, поддерживаемый Д. МОСТИ и КЛАВДІЕМЪ РИГИ и сопровождаемый многими людьми, выходитъ въ портикъ.

НАРОДЪ. Торквато Тассъ! Поэту честь и слава!

ТАССЪ. Благодарю, друзья, благодарю!
Отъ радости я изнемогъ!... Мнѣ дурно....
О! дайте сѣсть.... Пусть сладкій воздухъ Рима
Мнѣ возвратитъ слабѣющія силы.

(Приносятъ кресла. Тассъ садится и погружается въ мечтанія. Народъ пребываетъ въ безмолвіи).

ТАССЪ *(тихимъ, но внятнымъ голосомъ).*
И это все для нищаго Пѣвца!
Для бѣднаго Пѣвца Іерусалима!...
Какъ оглянусь, мнѣ кажется, я прожилъ
Какую-то большую эпопею,
Трагедію огромную я прожилъ.... —
День настаетъ! готовится развязка,
И утромъ я засну вечернимъ сномъ....—
Настанетъ время, и меня не будетъ,
И всѣ мои мечты и вдохновенья
Въ одно воспоминанье перельются!
Въ Италіи моей уснетъ Искусство,
Поэзія разлюбитъ край Торквата —
И перейдетъ на Западъ и на Сѣверъ!... —
Тогда въ снѣгахъ, въ туманномъ хладномъ сердцѣ
Пробудится о мнѣ воспоминанье....
Тотъ юноша, холодный и суровый,
Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,
Какъ друга своего, меня полюбитъ.—
Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ безъ разлуки.
Еще дитя, въ училищѣ, за книгой,
Онъ обо мнѣ начнетъ мечтать и думать,

И жизнь мою разскажетъ передъ свѣтомъ. —
Какъ біографъ, холодный и пристрастный,
Онъ не пойдетъ годъ отъ году искать
Всѣхъ горестей моихъ и всѣхъ несчастій,
Чтобъ въ безобразной кучѣ ихъ представить.
Нѣтъ! Онъ въ душѣ угрюмой воскреситъ
Всю внутреннюю жизнь Торквата Тасса —
И выставитъ ее въ науку людямъ....
И эти люди прибѣгутъ смотрѣть,
Какъ жилъ Торкватъ; — большая половина
Трагедію прослушаетъ безъ вздоха!
Всегда, вездѣ одни и тѣ же люди....
Но, можетъ быть, — кто знаетъ? — поколѣнья
Измѣнятся.... Постойте!... Вижу я:
Весь Западъ въ хладный Сѣверъ переходитъ....
О! сколько тамъ пѣвцовъ и музыкантовъ,
Художниковъ и умныхъ и искусныхъ!
Италіи моей уже не видно....
Но мѣсто то, гдѣ чудная лежала,
Покрылъ высокій холмъ, — могильный холмъ,
Но все еще великій и прекрасный!
Въ немъ есть врата, и любопытный Сѣверъ
Тѣснится въ нихъ, то входитъ, то выходитъ....
И всякій разъ изъ чуднаго холма
Какой нибудь кладъ дорогой уноситъ....
Но снова все туманится и тмится,
И я опять *одинъ* на цѣломъ свѣтѣ!

(Впадаетъ въ глубокую задумчивость).

Д. МОСТИ. Въ горячкѣ онъ? Скажи мнѣ, Риги, правду!

К. РИГИ. Нѣтъ, Джуліо! Онъ къ смерти очень близокъ;
А я читалъ, что будто передъ смертью
Предвидятъ все чувствительные люди....

ТАССЪ. Опять народъ, опять весь свѣтъ кипитъ!

Вотъ, вижу я: въ толпѣ кудрявыхъ Тевтовъ
Поднялись два гиганта и въ вѣнцахъ!
Одинъ — меня узналъ и сладкой лирой
Привѣтствуетъ! Благодарю, Поэтъ!
Другой мечту прекрасную голубитъ!
Какъ пламенно свою мечу онъ любитъ!
И правъ Поэтъ! Прекрасная мечта!
Но мнѣ дика простая красота
Безъ вымысловъ, наряда, украшеній,
И страненъ звукъ Германскихъ вдохновеній!
Друзья мои! Вотъ истинный Поэтъ!
Послушайте, какъ стихъ его рокочетъ;
То пламенно раздастся, то замретъ,
То вдругъ скорбитъ, то пляшетъ и хохочетъ.
Вокругъ него морозъ, свирѣпый хладъ,

(Огни гаснутъ, разсвѣтаетъ).

А все на немъ цвѣтетъ вѣнецъ лавровый. —
Откуда онъ? — Невѣдомый нарядъ!
Подъ шубой весь и въ шапкѣ соболевой!
Анакреонъ, Горацій, Симонидъ
Вокругъ стоятъ съ подъятыми очами,
И Пиндаръ самъ почтительно глядитъ,
Какъ онъ гремитъ полночными струнами!
Что жъ онъ поетъ? — Его языкъ мнѣ новъ.
Въ немъ громъ гремитъ въ словахъ далекогласныхъ,
Тоска горюетъ тихо, — а любовь
Купается въ созвучьяхъ сладострастныхъ!
Какъ тотъ языкъ великолѣпенъ, гордъ;
Какъ риѳмъ его лобзаніе роскошно!
Какъ гибокъ онъ — и вмѣстѣ какъ онъ твердъ!
Благословенъ языкъ земли полночной!
Не разберу я, къ сожалѣнью, словъ;
Онъ кажется поетъ про честь, про славу,
Про сладкую къ отечеству любовь,

Про новую, полночную державу....
Но снова все туманится и тмится,
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ.

(Погружается въ совершенное забытіе).

дж. мос. Ахъ, я боюсь; онъ такъ уснетъ навѣки....

к. риги. Оставьте, отойдетъ! Ужъ день насталъ;
Капитолійскій шумъ его разбудитъ;
Проснется онъ для пѣсни Римскихъ дѣвъ....

—

Тѣ же и благородные Римскіе юноши и дѣвы. (Юноши разстилаютъ сукно отъ Капитолія до дома Риги; Дѣвы, осыпая сукно цвѣтами, приближаются къ портику).

Хоръ дѣвъ. Проснись, Пѣвецъ, и на цвѣты
На лавры и оливы
Глаза и мысли обрати,
Пѣвецъ краснорѣчивый! —

(Тассъ выходитъ изъ усыпленія и встаетъ).

Награды нѣтъ для Тасса — здѣсь;
Что можемъ, то приносимъ;
Награды лучшей — у небесъ
Тебѣ, великій, просимъ!

Тассъ. О поддержите! я слабѣю!
И благородныхъ Римскихъ Дѣвъ
Благодарить я не умѣю.
Невинности простой напѣвъ
Меня чаруетъ — и тревожитъ:
Увы! Полу-убитый Тассъ,
Прекрасныя, стихами — васъ
Уже привѣтствовать не можетъ?

(Раздаются звуки колоколовъ; на крышахъ, балконахъ, въ окнахъ показывается народъ).

к. риги. Великій Тассъ! Ты слышишь, время бьетъ!
Пора тебѣ итти въ твои покои;
Сей часъ придутъ старшины городскіе
И въ Капитолій поведутъ....

тассъ. На вѣчность!
О! плачьте очи, плачьте! Эти слезы
Послѣднее мое вниманье къ людямъ!
Еще я вашъ! но подъ вѣнцемъ безсмертья,
Оставлю васъ на вѣки. .. Плачьте, люди!
Не скоро къ вамъ придетъ другой Торкватъ...
Но вотъ они уже идутъ.... Всесильный!
Друзья! не суетна земная слава;
Она залогъ безсмертной, вѣчной славы!

к. риги. Пойдемъ, Торкватъ!

тассъ. Пойдемъ, пойдемъ!

(Изъ портика всѣ уходятъ).

—

ТОЛПА НАРОДА, ГЕРОЛЬДЪ и СТАРШИНЫ РИМА.

герольдъ. Дорогу
Старшинамъ Рима! — Разступитесь, люди!..

(Старшины, съ лавровыми и оливными цвѣтами, при звукахъ музыки, проходятъ площадь и вступаютъ въ домъ К. Риги. Колоколный звонъ раздается).

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

Узкій коррндоръ въ домѣ Кардинала д'Эсте.

—

АЛЬФОНСЪ, ЛЕОНОРА, КОНСТАНТИНИ и ГОНЗАГО.

АЛЬФОНСЪ. Она должна итти на праздникъ Тасса!
Собой его вѣнчаніе украсить!
Я такъ хочу!...

ЛЕОНОРА. О братъ мой! Ваша Свѣтлость!
Ужасный сонъ!... Спросите Константини!...

АЛЬФОНСЪ. Ты женщина, не геній, Леонора!
Ничтожный сонъ могъ такъ тебя встревожить!
Что жъ снилось?

ЛЕОНОРА. Снилось мнѣ, что я вѣнецъ
Изъ рукъ Торквата вырвала..... О Боже!
Онъ на меня взглянулъ и — умеръ!

АЛЬФОНСЪ *(взявъ ее за руку)*
Бредни!
Ребячество! Я такъ хочу!

ЛЕОНОРА. Да будетъ!

(Всѣ уходятъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Внутренность Капитолія; на одной сторонѣ кресла на возвышеніи, на другой столикъ съ Виргиліевымъ вѣнцемъ. Кругомъ мѣста для зрителей.

—

МНОЖЕСТВО НАРОДА. (Музыка вдали играетъ торжественный маршъ; въ сторонѣ, внутри, оркестръ строитъ инструменты).

ГОЛОСА: Позвольте мнѣ пройти!–И такъ тутъ тѣсно.–
Пустите даму! — Здравствуйте, сосѣдъ!—
Вы слышали, что можетъ быть вѣнчанье

Отложатъ; Тассъ опасно боленъ. — Жалко;
Однако жъ есть надежда? — Небольшая. —
Но старшины уже пошли къ нему. —
И такъ все скоро разрушится? — Скоро. —
Идутъ! — идутъ! — Что, если насъ разгонятъ?
И то случиться можетъ. —

ГЕРОЛЬДЪ *(за дверьми)*.

Разступитесь!
Дорогу первому Поэту вѣка! —

Народъ разступается: музыка внутри начинаетъ играть хоръ; **ГЕРОЛЬДЫ** идутъ предъ **ТАССОМЪ**, который медленно приближается къ кресламъ, кланяясь на привѣтствія народа; его поддерживаютъ **ДЖ. МОСТИ** и **РИГИ**; **СТАРШИНЫ**, **КНЯЗЬЯ**, **ВЕЛЬМОЖИ** и проч., сопровождаютъ Тасса; Старшины, указавъ Тассу кресла, окружаютъ Вергиліевъ вѣнецъ.

ХОРЪ *(прерываемый криками народа и герольдовъ)*.
Амниты сладостный Пѣвецъ,
Пѣвецъ Іерусалима!

ГЕРОЛЬДЪ. Дорогу первому Поэту вѣка!

НАРОДЪ. Торквату Тассу слава, долголѣтье!..

ХОРЪ. Вступи во храмъ, прими вѣнецъ
Отъ радостнаго Рима!

ГЕРОЛЬДЪ. Дорогу первому Поэту вѣка!

НАРОДЪ. Благословеніе земли и неба!

ХОРЪ. Онъ твой давно! Великій Римъ
Отъ радости трепещетъ!
Счастливый счастіемъ твоимъ,
Въ восторгѣ рукоплещетъ!

(Раздаются громкія рукоплесканія).

НАРОДЪ. Миръ, слава, честь, богатство, долголѣтье;
ГЕРОЛЬДЪ. Дорогу первому Поэту вѣка!
НАРОДЪ. Благославенъ да будетъ праздникъ Тасса!

(Тассъ садится въ кресла).

ХОРЪ. Да просвѣтлѣетъ Божій сводъ
И благодать Господня
Да осѣнитъ насъ! Твой приходъ
Мы празднуемъ сегодня!

ТАССЪ. Я здѣсь умру! Здѣсь—на своемъ я мѣстѣ!
Я въ пристани — и ни за что на свѣтѣ
Къ вамъ, въ океанъ и горя и несчастій
Я не сойду... Друзья! Я здѣсь умру!

(Вставъ).

Какъ я силенъ!... Римляне, благодарность,
Признательность за милости и ласки!!
Я отъ людей ужъ ничего не ждалъ,
А вы меня даруете безсмертьемъ.
Но, къ сожалѣнью, только трупъ Поэта
Одинъ—приходитъ за вѣнцемъ лавровымъ.
Давнымъ давно, какъ тотъ вулканъ, Везувій,
Я весь сгорѣлъ! — Я перетлѣвшій пепелъ. —
И скоро злая смерть меня развѣетъ.
Вы для меня нарушили обряды,
Вы сократили праздникъ торжества,
Чтобъ не замучить слабаго Поэта...
Благодарю, еще благодарю!
Но чѣмъ же мнѣ васъ отдарить, Римляне?
Поэзіи законъ Капитолійскій: —
Звучать стихомъ, стихами благодарность
Передъ народомъ Римскимъ изливать;
Но не могу, съ обрядами согласно,
Привѣтствовать васъ сладкими стихами;
Я не могу изсохшими перстами

По струнамъ Арфы ударять —
И звуки чистыхъ вдохновеній
Изъ струнъ покорныхъ извлекать.
Давно меня оставилъ геній! —
Я одинокъ на всей землѣ,
Какъ одинокій кедръ — въ пустынѣ;
Безумье на моемъ челѣ
И пустота въ грудной святынѣ;
Живой я мертвъ; души лишенъ;
Моя душа — воспоминанья;
Мой голосъ — скорбный звукъ страданья;
Вся жизнь моя — тяжелый сонъ;
Мои дѣянья — сновидѣнья;
Мои желанія — мечты;
И весь я — оставъ, привидѣнье,
Символъ могильной пустоты!

(Народъ рыдаетъ).

Голоса. О бѣдный Тассъ! О бѣдный, бѣдный Тассъ!

Тассъ. Но въ жизни — жизни нѣтъ конца!
Она въ безсмертье переходитъ.
На лонѣ вѣчнаго Отца
Успокоеніе находитъ.
Туда, туда, въ страну небесъ
Изъ этого спѣшу я свѣта;
Но не хочу оставить здѣсь,
Негодованье на Поэта.
Въ часъ торжества и смерти въ часъ,
Хочу со всѣми примириться,
Чтобъ я хотя единый разъ
Могъ на землѣ возвеселиться.
За всѣ страданія, за страмъ,
За муки, клеветы, гоненье, —
Отнесть я поручаю вамъ

Альфонсу отъ меня — прощенье!

(Садится въ креслы).

народъ. О добрый Тассъ! Великодушный Тассъ!
Къ вѣнцу, къ вѣнцу! — Альфонсъ, Феррарскій Герцогъ!

—

тѣ же, альфонсъ, леонора, константини и гонзаго. (Старшины несутъ вѣнецъ).

тассъ. Онъ здѣсь! Онъ здѣсь! Что вижу? Леонора!
Вотъ два вѣнца: лавровый и терновый!
Тотъ и другой мнѣ сладостны равно.
Альфонсъ, ты здѣсь! Какъ жрецъ и прорицатель,
Во храмѣ славы долженъ я изречь
Все, что вомнѣ ни возбуждаетъ геній!

(Вставъ.)

Да будетъ день вѣнчанья моего
Молитвы днемъ и днемъ благодаренья!
Да мудрому Премудрый подаритъ
Все, что ни есть прекраснѣйшаго въ мірѣ!
Да щедрому Всещедрый Богъ воздастъ
Сторицею за всѣ благодѣянья;
А зла не помнитъ Онъ, — Онъ, Милосердый... —
Альфонсъ, съ небесъ поэзіи своей
Торквато Тасъ тебя благословляетъ!
Да будетъ миръ внутри тебя и внѣ!
Да Божій свѣтъ красуется тобою!
Да слава имени Альфонса — шумно
Міръ пролетитъ и въ каждомъ, каждомъ мѣстѣ
Оставитъ о тебѣ святую память!
Но въ тѣ часы, — когда благословенье
Торквата Тасса дѣйствіе окажетъ,
Воспомни обо мнѣ, о бѣдномъ Тассѣ!
Кто болѣе любилъ тебя, Альфонсъ,

Кто болѣе тебя, Альфонсъ, прославилъ?
О чемъ теперь грущу на тронѣ славы?
Все о тебѣ, Альфонсъ Великодушный,
Что не могу октавы сочетать
Тебѣ же въ честь, тебѣ же въ прославленье!
Такъ пусть же смерть моя въ твоихъ объятьяхъ
Послѣднею моей поэмой будетъ!... —
А ты, краса Италіи и пола,
Царица дѣвъ! — Послѣдній ѳиміамъ
Поэзіи изъ устъ моихъ ліется! —
Ты радуга грядущаго блаженства!
Будь ангеломъ Италіи моей!
Да, зря тебя, дивится добродѣтель,
Смущается порокъ.... Но, силы неба!...
Какой-то новый воздухъ въ перси льется...
Внизу толпа.... вверху толпа.... сіянье....
Труба гремитъ. .. то звуки вѣчной славы!...
Рукоплещи, великолѣпный Римъ!
Возрадуйтесь, друзья Торквата Тасса!
Весь міръ въ моихъ объятіяъ объемлю —
И два вѣнца — одной главой пріемлю!!
Изъ торжества вступаю въ торжество!
Миръ вамъ!... И вы возстанете изъ гроба!...
Я — началъ жить!.. Альфонсъ и Леонора!..
Друзья мои!... Простите!.. До свиданья!...

Альфонсъ. Вѣнецъ подайте!

(Тассъ, простерши руки къ вѣнцу, постепенно ослабѣваетъ; смерть на его лицѣ оставляетъ неподвижную улыбку; Альфонсъ, вырвавъ изъ рукъ изумленныхъ старшинъ вѣнецъ, взбѣгаетъ на возвышеніе и надѣваетъ его на голову Торквата, которую поддерживаетъ Мости; Леонора закрываетъ Тассу глаза; друзья Торквата также восходятъ на возвышеніе и, окруживъ его, проливаютъ слезы).

Альфонсъ (*на возвышеніи, проливая слезы*).

Люди! На колѣна!
Кончается великій человѣкъ!

(Всѣ становятся на колѣна; раздаются громкія рыданія; занавѣсъ медленно опускается).

РУКА
ВСЕВЫШНЯГО
ОТЕЧЕСТВО СПАСЛА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Написана въ Октябрѣ 1832 года; представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ 15 Января 1834 года, на Александрынскомъ театрѣ, въ Бенефисъ В. А. Каратыгина.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 5 Майя 1851 года.

Ценсоръ *Ал. Крыловъ.*

РУКА ВСЕВЫШНЯГО ОТЕЧЕСТВО СПАСЛА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Димитрій Михайловичъ ПОЖАРСКІЙ, Стольникъ и Воевода.	*Г. Каратыгинъ б.*
Князь Димитрій Тимоѳѣевичъ ТРУБЕЦКОЙ, Бояринъ и Воевода.	*Г. Толченовъ.*
Артемій ИЗМАЙЛОВЪ, Окольничій и Воевода	*Г. Орловъ.*
Иванъ РЖЕВСКІЙ, Дворянинъ. .	*Г. Калининъ.*
Козьма Мининъ СУХОРУКІЙ, Нижегородскій мѣщанинъ. . . .	*Г. Борецкой.*
МИТЯ, сынъ его.	
Иванъ Мартыновичъ ЗАРУЦКІЙ, Войсковой Казацкій Атаманъ. .	*Г. Петровъ.*
ЗАВАРЗИНЪ } Казацкіе. . .	*Г. Каратыгинъ м.*
ПРОСОВЕЦКІЙ } Атаманы. . .	*Г. Хотяинцовъ.*
Молодой Казакъ	*Г. Экунинъ.*
Гражданинъ Московскій	*Г. Сосновскій.*
ВАСИЛІЙ, Боярскій сынъ. . . .	*Г. Максимовъ.*
КОЗЬМИЧЪ } Нижегородскіе. .	*Г. Радинъ.*
СЕРГѢЕВЪ }	*Г. Соколовъ.*
ПЕТРОВЪ } мѣщане . .	*Г. Третьяковъ.*

Марина Юрьевна **МНИШЕКЪ** . . *Г-жа Каратыгина б.*
Жена **МИНИНА** . . . . *Г-жа Каратыгина ср.*

Іоганна, Бояре, Воеводы Дворяне, Выборные люди,
Атаманы, Есаулы, Казаки, Народъ.

—

Дѣйствіе происходитъ въ 1612 и 1613 годахъ.

ВСТУПЛЕНІЕ. *)

«ЯВЛЕНІЕ.

«Лѣсъ на берегу Оки; сквозь чащу вдали видѣнъ Нижній Новгородъ.

—

«**МИНИНЪ** *(одинъ сидитъ на пнѣ; начинаетъ свѣтать.)*

«Одинъ, какъ сирота, я возвращаюсь
«Въ родимый Нижній Новгородъ; Ока
«Спитъ въ берегахъ; лѣсокъ подъ утро дремлетъ
«И птица не проснулась; — я одинъ, —
«Безсонный, горемычный, будто лѣшій,
«Въ пустомъ лѣсу шатаюсь; ни домой
«Охоты нѣтъ, ни снова въ станъ Московскій...
«И отъ чего? — О матушка Москва!
«Не видѣть мнѣ раззолоченыхъ главъ,
«Гробовъ Царей Московскихъ мнѣ не видѣть,
«Не кланяться Святителямъ Московскимъ! —
«Уже Москва, съ святаго пепелища,
«На радугу смотрѣла воскресенья,
«Уже любовь соединяла всѣхъ...
«И вдругъ казакъ нечистый все разрушилъ!
«О Господи! грѣхи велики наши;
«Ты насъ казнишь, и долго; — но да будетъ
«Твоя Святая воля! Намъ ли грѣшнымъ

---

*) Это вступленіе и всѣ мѣста означенные «—» въ представленіи на сценѣ пропускаются.

«Судить тебя? — Одно мнѣ только больно:
«Зачѣмъ ты далъ мнѣ сердце — тосковать,
«А очи — плакать? О, зачѣмъ Козьма,
«Простый мясникъ, не думаетъ о дѣтяхъ
«И о женѣ, а только о Москвѣ,
«Да о Московскомъ Царствѣ? — Для чего,
«Когда другихъ невзгода наша тѣшитъ,
«Меня невзгода та гнететъ и давитъ?
«Прокопъ Петровичъ! О, Прокопъ Петровичъ!
«Зачѣмъ ты приходилъ на судъ Казачій!
«Оправдывалъ себя предъ Казаками!
«Нѣтъ Ляпунова, — нѣтъ надежды больше!
«Подумать страхъ! — Кто на Руси владыка?
«Кто Воевода? Кто Приказомъ правитъ?
«И у кого Начало?... Иноземцы,
«Измѣнники, разбойники и — только!!!
«Пускай еще Князь Дмитрій Трубецкой;
«Онъ добрый человѣкъ и благородный,
«Да чванится и родомъ и заслугой....
«Заслуга, родъ!... Творецъ мой, безъ Тебя,
«Что можетъ человѣкъ на этомъ свѣтѣ?
«Ты и меня, простаго мѣщанина,
«Въ Боярскій санъ одѣнешь благодатью —
«И мнѣ ли чваниться потомъ заслугой?
«И Ляпуновъ — Рязанскій дворянинъ,
«А, милостью Господней, былъ великимъ
«Правителемъ и Воеводой.... Гордость,
«Все гордость уничтожила.... О гордость!
«Будь проклята отъ нынѣ и до вѣка!

(Продолжительное молчаніе.)

«Подумаешь, — всѣ средства на ладони.
«Вотъ взялъ бы ножъ, созвалъ бы мужиковъ,
«Мѣщанъ, дворянъ и бросился на битву.
«Вотъ-те Господь, ни одного-бъ врага

«На всемъ лицѣ Московскомъ не осталось!
«Ну какъ не совладать съ безмозглымъ Ляхомъ,
«Ну какъ притонъ разбойниковъ ни сжечь,
«Изъ подлыхъ рукъ не вырвать Государства?
«Не мнѣ, не мнѣ! — Кто за Козьмой пойдетъ,
«Кто слушаться захочетъ мѣщанина?
«А отъ Бояръ не жди уже спасенья;
«Они съ злодѣйствомъ свыклись, какъ съ женой,—
«И не уймешь Боярскаго разврата!

(Вставъ.)

«Царю мой, Боже мой, Господь Спаситель!
«Теперь весь свѣтъ еще въ глубокомъ снѣ;
«Ни кто Тебя молитвою горячей
«Еще не призываетъ, — я одинъ,
«Съ моимъ несчастнымъ сердцемъ, предъ Тобою:
«О преклони Твой слухъ къ моей молитвѣ!

(Преклонивъ колѣна.)

«Я весь горю спасти Святую Русь,
«Отъ нечестиваго избавить Ляха;
«Но средствъ къ тому меня лишило Небо...
«Слова мои не красны, умъ холопій,
«Рука моя въ бою не много значитъ.
«О Господи! Дай языку Козьмы
«Святую крѣпость, силу убѣжденья,
«Развій мой умъ познаніемъ добра,
«А сердце облеки въ кору стальную!
«Дай все, что только нужно для Руси
«И отними, когда гроза минуетъ!
«Царю мой, Боже мой, внемли молитвѣ,
«Исполни мѣру гнѣва Твоего
«И милосердствуй снова! О, Спаситель!
«Здѣсь, предъ Тобой, во прахѣ, жду отвѣта,
«Во знаменье прощенья или казни!

(Падаетъ ницъ; послѣ продолжительнаго молчанія, подымается и продолжаетъ торжественно.)

козьмичъ. А почему?

сергѣевъ. Да такъ! Трудненько думать,
Чтобъ православные не одолѣли
Еретиковъ. Коли ужъ силы нѣтъ,
Такъ самъ бы Богъ Руси въ обиду не далъ.

козьмичъ. Да и не дастъ.

—

ТѢ ЖЕ и ПЕТРОВЪ.

козьмичъ. Что новаго, Петровъ?

петр. Вотъ слышалъ я, что подъ Москвой розряды
Пошли у Воеводъ; да по-напрасну,
Народъ нашъ православный разсердился —
И выбралъ трехъ.

сергѣевъ. Кого же?

петровъ. Ляпунова,
Заруцкаго, да Князя Трубецкаго.

козьмичъ. Вотъ это дѣло! Что же, какъ пошло?

петровъ. При нихъ пошло получше; есть надежда,
Что скоро имъ поклонится Москва.

сергѣевъ. Вотъ любы дороги такія вѣсти!

—

ТѢ ЖЕ и МИНИНЪ.

петровъ. Что это? Мининъ?..—Вотъ не ожидали!

козьм. Съ возвратомъ поздравляемъ! Слава Богу!..

мининъ. Что слава Богу?... Слава, слава Богу!
И за бѣды велятъ благодарить.
Мы мудрости Его не испытуемъ.

сергѣевъ. Позволь спросить, не осерчай сосѣдъ,
Что слышно подъ Москвой? —

мининъ. Молчи, лукавый!

Ты не своимъ спросилъ меня запросомъ,
Бѣсъ подучилъ!

—

ТѢ ЖЕ И ЖЕНА МИНИНА СЪ СЫНОМЪ.

ЖЕНА. Козьма, ты ужъ пріѣхалъ?

МИНИНЪ. Молчи, жена! Нѣтъ, не цѣлуй меня!
Сморилъ меня недугъ, дорогой, тяжкій! —
И Нѣмецъ не поможетъ.

ЖЕНА. Что съ тобой?
Ахъ, Господи! Ты весь въ жару! Эй, Митя,
Подай отцу воды холодной.

(Сынъ уходитъ.)

МИНИНЪ. Полно!
Твоя вода пожара не потушитъ,
Его зажегъ небесный пламень.

ЖЕНА. Митя,
Ну что же ты?

СЫНЪ *(возвращаясь съ серебряной кружкой.)*
Вотъ, батюшка, вода.

МИНИНЪ. Въ серебряной приносятъ кружкѣ воду,
Когда Святая Русь въ когтяхъ желѣзныхъ!
И я, до сей поры, пью, ѣмъ, несчастный!
Я, окаянный грѣшникъ, пожалѣлъ
Имущества для Христіянской жертвы! —

ЖЕНА. Помилуй, Миничь, сколько ты сребра
Послалъ въ Москву, рублями и вещами? —

МИНИНЪ. То было мнѣ ненужное богатство.
Я пожалѣлъ Святыхъ Иконъ, сосудовъ,
Изъ коихъ пилъ и ѣлъ. На что они?
Чтобъ умножать враговъ Руси добычу?... —
Аминь, аминь! Неси сюда, жена,
Всю маетность Козьмы, твою и дѣтищъ;

Неси сюда домашнее сребро,
Иконъ Святыхъ оклады, тотъ ларецъ,
Гдѣ я хранилъ на черный день копѣйку;
Неси сюда одежду, даже обувь....
Я босъ пойду спасать Святую Русь;
Я нагъ пойду въ крови купаться вражьей!
Неси, что вынесть можешь....

ЖЕНА. Но кому-же
Ты хочешь все отдать?

МИНИНЪ. Святой Руси!
Есть у меня жена и дѣти, — знаю;
Но мнѣ Святая Русь — роднѣе васъ! —
Иди, жена, ты знаешь, я хозяинъ
И господинъ въ моемъ дому. — Иди!

—

МИНИНЪ и ТОЛПА НАРОДА, (постепенно прибывающаго; къ концу явленія сцена наполняется до возможной тѣсноты.)

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ. Здорово, Мининъ!

МИНИНЪ. Нѣтъ, назадъ привѣтъ!
Я не хочу привѣта, Богъ свидѣтель!
Я не хочу и жить, какъ пёсъ поганый,
Безъ Православной Церкви, безъ отчизны!

ГОЛОСЪ. Что-жъ наша рать?

МИНИНЪ. Нѣтъ рати подъ Москвой!
Измѣнники убили Ляпунова,
За то, что онъ былъ строгъ, но справедливъ,
За то, что умъ въ немъ былъ благочестивый,
Что на Руси хотѣлъ добро посѣять,
Отъ ереси спасти Святую Церковь!

ГОЛОСЪ. Разбойники!

МИНИНЪ. Разбойники? — Нѣтъ, хуже!

Я самъ видалъ разбойника Ивашку.
Какъ свѣдалъ онъ о смерти Ляпунова,
Въ разбойничьихъ глазахъ блеснули слезы!
Онъ Бога не посмѣлъ призвать устами,
За то злодѣевъ аду предавалъ.

голосъ. Что жъ будетъ съ нами, Мининъ?

мининъ. Знаетъ Богъ!
Молитесь же Ему, молитесь, люди,
О казни супостату.... Я — иду;
Несу всю маетность мою; найму
Шишей, кочующихъ въ лѣсахъ, вокругъ
Москвы первопрестольной; съ ними вмѣстѣ
Сожгу Москву; въ огнѣ столицы Русской
Сгоритъ враговъ содомъ разнообразный!...
Кто Русскій, тотъ со мной!

голосъ. Да что ты, Мининъ?
Мы также Русскіе.

мининъ. Да, были.

голосъ. Что?
Мы были Русскіе, а нынче?

мининъ. Трусы!

голосъ. Послушай, Мининъ, нась не обижай,
Не то ругателя проучимъ!

мининъ. Ой-ли!
Да что же въ томъ, что носишь имя свято;
Что Русскому ты кланяешься Богу?
Ты православный, — а спокойно смотришь,
Какъ грѣшная, нечистая рука
Съ Святыхъ Иконъ оклады отдираетъ!
Ты, Русскій человѣкъ, не скажешь слова,
Какъ дочь, жену цѣлуетъ окаянный!
Таковъ ли былъ обычай нашихъ предковъ?
Забыли ль вы: тому назадъ три года,

Какъ, противъ Православнаго Царя,
Тушинскій воръ съ Маринкой бѣсновался
И Вяземскаго къ намъ послалъ, чтобъ Нижній
Взялъ и привелъ къ присягѣ незаконной?
Забыли ль вы, какъ Ляхи, Черемисы,
Мордва, измѣнники — вокругъ стояли
И осаждали городъ?... Вы забыли,
Какъ по Церквамъ мы клятву приносили:
Побить враговъ законнаго Царя;
Какъ съ женами и дочерьми прощались,
Безъ слезъ, Нижегородцы, да, безъ слезъ!
И женщины при насъ не смѣли плакать!
Какъ вышли на врага широкимъ рядомъ,
Какъ эту саранчу угнали въ поле,
Повѣсивъ Воеводу? Вы забыли!
Вы помните, какъ шелъ изъ Астрахани
Къ Москвѣ Бояринъ Ѳедоръ Шереметьевъ?
Не ждали мы его, Нижегородцы,
Чтобъ укротить понизовыя земли.
Сами собой мы бросились въ сосѣдство
И Балахну къ присягѣ привели,
И вѣрностью вѣрнѣйшихъ удивили!
Кувшинниковъ, Денгинъ, Нагавицынъ,
И крестьянинъ Лапша, и Сотникъ Красный....
Не мыль ихъ разбудили? — И на битву,
На битву чести устремились люди! —
Что, помните? — Забыли, все забыли!
Куда вамъ помнить!... А теперь, когда
Проклятый еретикъ или мятежникъ
По Государству безнаказно ходитъ,
Что дѣлаютъ мои Нижегородцы? —
Молчатъ, чтобъ сохранить свои пожитки,
Теряютъ честь, чтобъ не терять имѣнья! —
Что, еслибъ мы въ казакахъ не нуждались,

А сами поголовнымъ ополченьемъ
Подъ Ляпуновымъ были?... Никогда бы
На смерть его Казаки не дерзнули!
Да и теперь, смотрите, сколько васъ!
Да если-бъ Богъ васъ храбростью украсилъ,
Да если-бъ вы сребра не пожалѣли,
Въ безчисленную рать соединились!...
Кто могъ бы противустоять?... О братья!
Москва горитъ, Москва болитъ соблазномъ,
Содомъ въ ней угнѣздился.... Братья, братья!
Не забывайте, — тамъ Святитель Петръ,
Святитель Алексѣй! Тамъ Ермогенъ
Съ небесной святостью благословляетъ
Всѣхъ вѣрныхъ... Люди Русскіе, возстаньте!

(Упавъ на колѣна.)

Я падаю предъ вами на колѣна!
Спасайте Русь, спасайте Церковь, люди!!

голоса: Я все даю и самъ иду. — Я также. —
Я также. — И я также. — Всѣ даемъ —
Все что имѣемъ и идемъ! — Ура!
За вѣру и за Царство всѣмъ стоять! —
А Королю креста не цѣловать. —
И Королевичу. — Бояръ не слушать. —
Всѣмъ за одно на Польшу и Литву! —
А дастъ Господь Царя — служить Царю! —
Своихъ людей не выдавать Боярамъ. —
Въ Соборъ, къ присягѣ! — Всѣ въ Соборъ, къ присягѣ!
А кто не хочетъ.... Нѣтъ такихъ межъ нами! —
Въ Соборъ! въ Соборъ! Къ присягѣ и на битву!..

мининъ (*торжественно.*)
Возстань же, Русь! Послѣднія усилья!
Восторжествуемъ — или всѣ падемъ, —
Всѣ до единаго Христіанина!
Пусть на землѣ растетъ соблазнъ и скверна;

—Пусть на Руси возопіетъ пѣтухъ,
Съ тѣхъ башенъ, гдѣ стоялъ Крестъ православный;
Пусть кровь ліютъ враги Святаго Царства;
На дѣтяхъ ихъ кровь наша отзовется!
Возстань же, Русь! — Отъ мала до велика:
Вы, мертвые, затерзанные братья,
Вы, потопленные въ рѣкахъ отчизны,
Вы, спящіе отравой и измѣной,
Возстаньте всѣ! Месть воскрешаетъ мертвыхъ!
Да грозный глазъ раздастся на Востокѣ
И на закатѣ безпредѣльной Руси!
Мы не одни; не только мужи, жены, —
Земля возстанетъ съ мертвыми полями;
Возстанутъ рѣки, мутными волнами;
Отмщеніемъ воспламенится лѣсъ
И молніей займется сводъ небесъ!
Казнь извергамъ! Безъ строя и вождя,
Мы потечемъ, Москву огнемъ обымемъ,
И въ ней всю Русь мы Богу предадимъ.

И Богъ судилъ; пріемлетъ Русь на небо;
А землю ту, гдѣ жило Православье,
Сугубымъ пепломъ покрываетъ; Церкви
Пять главъ своихъ съ крестами разметали;
Угодниковъ Святыхъ изображенья
На небеса уносятся въ окладахъ;
Крещеный міръ по лѣстницѣ восходитъ
Въ Ерусалимъ небесный; поле — чахнетъ,
Лугъ не даетъ травы, рѣка — воды,
Лѣсъ закурилъ смолистый ѳиміамъ!
Горитъ земля! Ни одному врагу
Жилья на ней не ставить; не топтать
Святой Руси погаными ногами!
Свершился судъ; — отъ моря до степей
Лежитъ одно святое пепелище!

въ нар. Спасай Москву, спасай Святыню, Мининъ!

мининъ. Не намъ, не намъ спасти Святую Русь!
Мы смерти гласъ разсъемъ по отчизнѣ;
Мы безъ вождя, — такъ что же можемъ мы!

въ нар. Будь намъ вождемъ, ты разумѣешь дѣло!

мининъ. О Трисвятый! Ты былъ Руси хранитель;
Ты на нее всѣ блага изливалъ.
Разгнѣванный за грѣхъ, намъ неизвѣстный,
Ты наказалъ довольно православныхъ...
Винимся всѣ!

народъ. Тебѣ винимся, Отче!

мининъ. Ты милосердъ — и отпусти намъ грѣхъ,
Котораго не вѣдаемъ, Владыко!
Прости народъ великій, православный!
Дай намъ вождя, да намъ на брань предъидетъ,
На смерть врагамъ, ругателямъ Святыни!
Единое, на всемъ обширномъ свѣтѣ,
То Царство — было свято, православно...
Оставишь-ли, Господь, Святое Царство,
И до конца позволишь-ли разрушить?
Нѣтъ, милосердъ Отецъ нашъ, Сердцевѣдецъ,
И чудеса спасеніе готовятъ! —
Кого жъ избрать! Кого вождемъ назначить,
Да православныхъ предведетъ на славу? —
О вразуми насъ, грѣшныхъ Русскихъ, Боже!
Дай намъ вождя небеснымъ повѣщеньемъ, —
Наименуй Стратига!

(Продолжительное молчаніе).

голоса въ народѣ. Князь Пожарскій
Послалъ меня... — За чѣмъ? — Узнать, какія
Привезъ Козьма, изъ подъ Москвы, извѣстья.

мининъ. Ты рекъ, Отецъ! Возрадуйтесь граждане!
Перстъ Божій указалъ намъ Воеводу.

голосъ. Кто-жъ этотъ Воевода?

мининъ. Князь Пожарскій!
Сей мученикъ за вѣру и за вѣрность;
На немъ еще лежатъ святыя раны;
На немъ еще дымится кровь враговъ,
И новый страхъ несетъ имъ Князь Димитрій!
Богъ избраннаго громомъ препояшетъ —
Стратигу онъ пошлетъ Архистратига,
И Русь еще воскреснетъ, о, воскреснетъ!
Благодаримъ, благодаримъ, о Боже!
Се рядъ чудесъ начался искупленья!
— Да будетъ же Вождемъ намъ — Князь Димитрій
Михайловичъ Пожарскій!..

народъ. Исполать!
Вождемъ Руси да будетъ Князь Пожарскій!

мининъ. Къ нему, друзья! Падемъ къ его ногамъ!
Всѣ жертвы наши передъ нимъ положимъ
И призовемъ его съ одра — на брань!
Русь спасена! Объ ней Господь печется! —
Возрадуйтесь и восхвалите Бога!
(Уходитъ).

народъ (*шумно за нимъ слѣдуя*).
Возрадуйтесь и восхвалите Бога!..

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната.

пожарскій (на подвижной кровати, его выносятъ четверо слугъ.) **василій.**

пож. Поставьте здѣсь кровать! Здѣсь лучше воздухъ!
Здѣсь легче и страдать — и умереть.
А вы себѣ идите, при больномъ
Останется Василій... Удалитесь!

—

ПОЖАРСКІЙ *(послѣ нѣкотораго молчанія)*.
Пошелъ Иванка къ Минину?

ВАСИЛІЙ. Пошелъ.

ПОЖАРСКІЙ. Не воротился?

ВАСИЛІЙ. Нѣтъ еще.

ПОЖАРСКІЙ. А Мининъ
Пріѣхалъ, точно?

ВАСИЛІЙ. Да, сего-дня утромъ.
(Молчаніе.)

ПОЖАР. Ахъ! нѣтъ вѣстей про матушку Москву!
Какъ мертвеца схоронятъ и объ немъ
Ни вѣсточки не дастъ могила злая:
Какъ тамъ ему лежать, привольно-ль, горько?
Что дѣлаетъ въ сырой землѣ покойникъ?..
Такъ про Москву ни вѣсточки, ни слуха! —
(Молчанія).
Какъ душно здѣсь!

ВАСИЛІЙ. Зима, морозъ жестокій —
И отворять окна не позволяютъ!

ПОЖАРСКІЙ. Не позволяютъ? — Тщетны попеченья!
Мой часъ ужъ бьетъ. Сходи ко Спасу, Вася,
Да попроси Священника Никиту,
Пускай придетъ съ Дарами, приготовитъ
Ко смерти грѣшника... Я отхожу...
Минуты не теряй напрасно, Вася! —

ВАСИЛІЙ. Княгиня...

ПОЖАРСКІЙ. Нѣтъ! ты не буди жены;
Я съ ней уже простился... но ступай,
Тихонько проводи отца Никиту;
Не плачь напрасно, Вася!

ВАСИЛІЙ. О Димитрій
Михайловичъ!

ПОЖАРСКІЙ. Спѣши скорѣй!.. Грѣхъ тяжкій
Безъ покаянья умереть.

ВАСИЛІЙ. Димитрій
Михайловичъ!

ПОЖАРСКІЙ Чего ты хочешь, Вася?

ВАСИЛІЙ *(рыдая).*
Родной отецъ! Ты солнышко, нашъ мѣсяцъ,
Ты ненаглядная звѣзда...

ПОЖАРСКІЙ. Ты плачешь!
Благодарю. Но лучше помолись,
Да упокоитъ грѣшника Господь
И въ Царствіе свое Святое приметъ!
Охъ, Вася! Поспѣши къ отцу Никитѣ!
Я чувствую, какъ силы убѣгаютъ,
Какъ язвы всѣ отъ вражескихъ мечей
Медлительно, безъ боли, засыпаютъ!
И сладко мнѣ оцѣпенѣнье членовъ;
Рукой, ногой я двинуть не могу;
Одинъ глаголъ Господь не отнимаетъ,
Да исповѣдуюсь Ему въ грѣхахъ...
О, поспѣши... темнѣетъ свѣтъ въ глазахъ!..

—

ПОЖАРСКІЙ *(одинъ, приподымаясь).*
Ты мнѣ глаголъ оставилъ, Боже правый,
Да Русь еще благословлю глаголомъ...
Да исповѣдь грѣховную исполнивъ,
Царя Царей могу я славословить...
Я благо жилъ и благо умираю!
Какъ Русскій, я исполнилъ чести долгъ.
Пока меня число не одолѣло,
Я поражалъ враговъ Твоей Святыни.
О помяни меня, Отецъ Небесный

Во Царствіи Твоемъ!.. Шумятъ! Охъ, Вася!
Неосторожень ты! . жену разбудишь!

(Ослабѣвая, опускаетъ голову на подушки).

—

ПОЖАРСКІЙ, МИНИНЪ и НИЖЕГОРОДЦЫ тихо входятъ.

МИНИНЪ. Благословенъ Господь небесъ!

ПОЖАРСКІЙ *(едва внятнымъ голосомъ).* Во вѣки
Вѣковъ, Аминь!

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ. Онъ умираетъ, Mининъ!
Не узнаетъ тебя и насъ.

МИНИНЪ. Безмолвно
Смотрю и горе оковало сердце.
За тѣмъ-ли насъ утѣшилъ Боже правый,
Чтобы отнять послѣднюю надежду?! —

(Всѣ плачутъ тихо.)

ПОЖАРСКІЙ *(тихо).*
Кто плачетъ здѣсь?

МИНИНЪ. Святая Русь, Димитрій
Михайловичъ!

ПОЖАРСКІЙ *(постепенно приходя въ себя).*
Русь никогда не плачетъ!
Забудетъ ли смиренье православный?
Онъ не слезой, а радостью встрѣчаетъ
Небесный крестъ терпѣнія и Вѣры.
Не Русскій тотъ, кто отъ несчастій плачетъ
И побѣдить не можетъ искушенья. —
(Всматриваясь.) Но кто вы?

МИНИНЪ. Мы Нижегородцы, Княже!

ПОЖАРСКІЙ *(приподымаясь).*
Нижегородцы!.. Такъ! Пришли проститься
Мои друзья съ отъидущимъ ко предкамъ!

Многіе голоса. Неумирай, спаситель нашъ, надежа?
Пожарскій. Спаситель вашъ! Богохулите, люди!
Я васъ не узнаю.
Мининъ. Такъ, Князь Димитрій
Михайловичъ! Правдиво слово братій!
Мы избрали тебя своимъ Вождемъ.
Возстала Русь на бой послѣдній, Княже!
Весь Нижній Новгородъ идетъ къ столицѣ,
А съ нимъ пойдутъ всѣ низовыя земли,
Коль Русь спасать ихъ призоветъ Пожарскій.
Мы золото, сребро и полотно,
Сукно и кожу и гвоздей желѣзо,
Оковку ржавую колесъ и бочекъ,
Все, все мы собрали на жертву Руси,
На тяжкую ея враговъ погибель!
Смотри: вотъ сынъ его десятилѣтній
Рогатину несетъ; смотри: — тамъ дѣва,
Что подъ вѣнецъ должна идти сегодня,
Въ суровомъ армякѣ несетъ желѣзный,
Тяжелый ломъ... Не дѣвичье оружье! —
И старъ и младъ идетъ къ Москвѣ! Димитрій
Михайловичъ! Мы крѣпки нашимъ Богомъ,
Мы вѣрою, надеждою мы крѣпки!
Но, безъ вождя, мы — только саранча,
Повѣтріе, моръ, туча истребленья!
Мы истребимъ, умремъ — и не воскреснемъ!
Освободимъ, — но не святую Русь,
А хладную Святой Руси могилу!
Пожарскій. О граждане! Не даромъ плачу я,
Что къ ложу приковалъ меня недугъ.
Я бы повелъ Святое ополченье,
Я бы побилъ враговъ такою ратью!..
Какая честь!.. Но нѣтъ! Мой ропотъ грѣшенъ!
Я не хочу быть вашимъ Воеводой,

Я не могу... Мнѣ Тотъ отъемлетъ силы,
Чей судъ сильнѣе всѣхъ людскихъ желаній.
Мое сребро, мое богатство, домъ,
Всѣ вотчины Великаго Гнѣзда,
Изъ рода въ родъ прешедшія ко мнѣ,
Дарю я вамъ, защитникамъ Святыни!
Да вотчины тѣ принесутъ вамъ пользу
Во время тяжкихъ дней послѣдней брани.
Вамъ завѣщаю все: жену и сына...
И, — Русь огню отмщенья предавая, —
Сожгите ихъ! — Да извергъ иноземецъ
Не поругается моей супругѣ
И сироту Князей въ полонъ не во́зьметъ!
Вотъ все, что я могу принесть на жертву...
Простите мнѣ невольные грѣхи,
И если я кого изъ васъ обидѣлъ,
Съ молитвой и любовью отпустите...

голоса. Отецъ родной! Не покидай злосчастныхъ,
Не дай въ обиду Православья!..

пожарскій *(опускаясь на подушки)*. Отче!
Прими раба въ обитель и помилуй!

(Всѣ нѣкоторое время проливаютъ слезы).

мининъ *(выходя впередъ.)*
Святый Отецъ! Ты видишь, — я безъ слезъ,
Безъ ропота... Я, — Твой покорный рабъ, —
Судебъ Твоихъ испытывать не смѣю;
Смотрю, какъ смерть на Князѣ застываетъ
И не вздохнулъ! Твоя да будетъ воля!
Ты намъ велѣлъ—небеснымъ приговорамъ,
Не мудрствуя, безмолвно покоряться.
Но, грозно намъ смиренье наказуя,
Ты не закрылъ отъ міра милосердья;
Ты Самъ сказалъ: *молитесь, будетъ слышанъ*
На небесахъ молящаюся гласъ;

Просите, дастся вамъ!.. И намъ не върить!
О помощи небесной сомнъваясь,
Невъріемъ мы погубили Русь.
(Преклоняя колъна).
Услышь же, Боже правый! Се молитву
Изъ грѣшныхъ устъ Русь грѣшная возноситъ:
О Господи! Пошли рабу сему
Отъ ранъ его и боли изцѣленье;
Да, вставъ съ одра, благословенъ Тобою,
Онъ полчищу предъидетъ православныхъ
И побіетъ —

ПОЖАРСКІЙ *(постепенно приходя въ себя).*
О Господи, помилуй!

МИНИНЪ *(продолжая).*
Враговъ Твоей Святыни и Руси!
Творецъ! О преложи Твой гнѣвъ на милость,
Всѣхъ насъ возьми, — но жизнь ему продли;
Всѣхъ порази смертельною косою,
Но дай ему всѣ наши жизни вмѣстѣ!
Есть у меня жена и дѣти... Боже!
Возьми меня и ихъ, мы здѣсь не нужны;
Скажи, я принесу Тебѣ на жертву,
Что повелишь... Но жизнь ему продли!
Осыпь меня болѣзнями, страданьемъ;
Моя жена пускай меня разлюбитъ;
Пусть дочь моя умретъ въ недугѣ тяжкомъ;
Пусть сынъ неблагодарность мнѣ окажетъ;
Пусть муки всѣ отъ ада и земли
На домъ мой, на меня спадутъ, но Князю
Ты смерти не даруй! О сжалься, Отче!
За тѣмъ ли Ты благословлялъ мой домъ,
Чтобы Тебя молить не смѣлъ несчастный?
Нѣтъ! отними здоровье, честь и жизнь;
Терзай меня на раскаленныхъ угляхъ;—

Я вѣровать не перестану въ милость,
Что Ты спасешь Пожарскаго отъ смерти!
Карай меня небесными стрѣлами,
Нашли боязнь, безуміе, уныньe; —
Я вѣровать не перестану, Боже,
Ты смерть раба Пожарскаго отсрочишь!

(Встаетъ и приближается къ одру).

Такъ! Исполать! Во имя Бога Славы,
Кѣмъ чудеса на сей землѣ творятся,
Кто удержалъ во рву свирѣпыхъ львовъ,
Кто на огонь безсилье налагалъ,
Кто возносилъ на небеса живыхъ,
А мертвыхъ изводилъ изъ нѣдръ могилы!

(Взявъ за руку Пожарскаго).

Аминь, аминь! Во имя Бога Славы,
Возстани, Князь!

(Пожарскій приподымается).

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ. Свершилось чудо, чудо!

ПОЖАРСКІЙ *(простирая руки къ Минину)*.
Какъ сладко мнѣ! Какъ облегчилось сердце!
Не слышу ранъ!

МИНИНЪ *(отступая отъ него въ священномъ ужасѣ)*.
Во прахъ, Нижегородцы!
Господь простилъ Святую Русь! Во прахъ!

(Мининъ и Нижегородцы падаютъ ницъ; Пожарскій простираетъ руки къ небу).

АКТЪ ВТОРОЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Крестьянская изба.

МАРИНА и **ІОГАННА** сидятъ и читаютъ,

МАРИНА *(кладетъ книгу, Іоганна приподымается).*
Читайте! я вамъ не мѣшаю.
(Выходитъ впередъ; Іоганна предается чтенію).
Да!
Читай себѣ! Ты не поймешь Марины!
Тебѣ не перечувствовать страстей,
Дарованныхъ Маринѣ въ наказанье!
Тебѣ не передумать думъ ужасныхъ,
Тѣхъ умственныхъ, безмѣрныхъ привидѣній,
Что неотвязно слѣдуютъ за мной!
Нѣтъ у меня моихъ веселыхъ Полекъ
Для развлеченья, для утѣхи сердца...
Всѣ, всѣ онѣ, какъ я, стыдомъ покрыты,
Прядутъ подъ стражей или рожь молотятъ
Въ далекихъ областяхъ Руси безмѣрной —
И всѣ свою Царицу проклинаютъ! —
А эта дѣва... — Какъ она ужасна,
Холодная, безчувственная дѣва! —
Ей все одно: печальна-ль, весела
Марина?—Шьетъ, молитвенникъ читаетъ
И Рыцарей Ливонскихъ хвалитъ доблесть!
(Прохаживается взадъ и впередъ по избѣ).
Естественно! Она невинна! *(Останавливаясь)* Да!
Прошедшее для ней простая сказка,
Безъ блеска, безъ страстей, безъ преступленій, —

Семейственный, обыкновенный праздникъ,
Воскресный день... — И въ памяти ея
Проходятъ мать, отецъ, сестра и братъ,
Сосѣди, гости, женихи, невѣсты,
Обѣды, ужины, потѣхи, пляски...
И если что встревожитъ кровь Іоганны,
Такъ это взоръ мужчины молодаго,
Лукавый, но отрадный взоръ любви!
А я?... О юность, юность, воротися!
Вѣдь буря же проходитъ; снова день
Прекраснымъ утромъ можетъ возраждаться...
А женщина — все къ вечеру идетъ
И нѣтъ надежды къ утру воротиться!
Воспоминанія, — живыя тѣни
Прошедшихъ бѣдъ и радостей прошедшихъ!
И я могла любить, и я любила;
Но гордость своевольно погасила
Сердечный сонъ, роскошный сонъ любви! —
Санборъ, Санборъ! Богатый домъ отца,
Рой юношей, горящихъ пылкой страстью,
И темный сынъ невѣдомой судьбы,
Моей судьбы блестящая загадка,
Престолъ Царей и Царство на колѣняхъ!!
О, если-бъ прочее забыла память!
Нѣтъ!... Мимо воли страшныя дѣла
Еще свѣтлѣй воспоминаній свѣтлыхъ!
О Божья Матерь!.. Я — жена бродягѣ,
Наложница простаго Казака,
Который подписаться не умѣетъ!!..
Я, — гордая красой, образованьемъ, —
Покорная раба вождя-невѣжи!
Тушинскій воръ сжималъ меня въ объятьяхъ,
И я уста холопа цѣловала!..
Нечистый песъ, Атаманъ Запорожцевъ...

Мысль разрывается, какъ это сердце. .
Назадъ? — Нельзя! — Я далеко зашла!
Обратный путь — на плаху или въ бездну
Стыда, насмѣшекъ, укоризнъ, презрѣнья...
Дитя мое, все это для тебя!
Всѣ хитрости, весь стыдъ и униженье —
Къ одной стремились цѣли — для тебя
Престолъ Московскій пріобрѣсть... Напрасно!
О Русскій Богъ! Сильна Твоя десница!
Ты ослѣпилъ меня, Ты отнялъ юность,
Ты отнялъ красоту, богатство, гордость, —
И, обнаживъ меня передо мною,
Ты грозно рекъ: живи своимъ стыдомъ!...
Хотѣла плакать я, — Ты отнялъ слезы;
Ты отнялъ сонъ, оставивъ сновидѣнье
Единое: вѣнецъ златый — на плахѣ!!

—

ТѢ-ЖЕ и ЗАРУЦКІЙ.

ЗАРУЦКІЙ. Маринушка, здорово!
МАРИНА. Добрый день,
Иванъ Мартынычъ!
ЗАРУЦКІЙ. Ну, поздравь меня!
Нѣтъ Сидора, нѣтъ Ляпунова больше!
МАРИНА. Но гдѣ жъ они?
ЗАРУЦКІЙ. Гдѣ?—Ляпуновъ убитъ.
Ну, Просовецкій молодецъ! Спасибо!
Боярской спеси плуту поубавилъ.
Когда-бъ не онъ, конецъ бы намъ пришелъ,
Ужъ Казаки шумаркать начинали...
Такъ видишь, вотъ какъ дѣло было. Слушай!
МАРИНА. Избавь меня отъ ужасовъ убійства!
ЗАРУЦКІЙ. Съ ума сошла! Убійство не ужасно,
Когда оно на пользу нашу служитъ.

Эхъ, матушка, я не дивлюсь, что Гришка
Такой престолъ такъ скоро потерялъ....
По твоему гудку плясалъ разстрига!

МАРИНА. О пощади тѣнь мужа моего,
Несчастнаго, вѣнчаннаго страдальца!

ЗАРУЦКІЙ. Ну, перестань, мой свѣтъ! Вѣдь это шутки.
Я подразнить тебя хотѣлъ... Однако
Пора обѣдать. Встань-ко, еретичка,
Да принеси вина!

—

МАРИНА и ЗАРУЦКІЙ.

ЗАРУЦКІЙ. На силу вышла!
Какъ любопытенъ этотъ родъ заморскій!
Словечка не проронитъ... Ну, Марина —
Маринушка! Пора о дѣлѣ думать.
Спровадилъ я къ нечистымъ Лянунова,
А Трубецкаго за поясъ заткну...—
Онъ мой, какъ ты, какъ матушка - Москва,
Какъ весь народъ; — и завтра я — Правитель,
Во имя сына твоего!.. Что скажешь?

МАРИНА. До завтра далеко.

ЗАРУЦКІЙ. Не бойсь, красотка!
Мнѣ Ляпуновъ страшнѣе былъ Москвы,
Гонсѣвскаго, Хоткѣвича и Струса,
И всѣхъ чертей! Что разъ сказалъ Заруцкій,
Тому не миновать. Все кончу завтра.

МАРИНА. А Сидоръ?

ЗАРУЦКІЙ. Князь Димитрій Тимоѳеичъ
Ужъ было Самозванцу присягнулъ;
Одни дворяне устояли; дѣло
Пошло было на драку... вдругъ гонецъ
Изъ Гдова вѣсть принесъ, что Самозванецъ
Пропалъ безъ слуху, и присяга Князя

Сама собой распалась.— Все теперь
Идетъ на ладъ. Панъ Струсъ и Панъ Гроневскій,
По легковѣрной глупости своей,
Помогутъ намъ Москвою овладѣть —
И завтра же, не дальше, я окончу
И плѣнъ Руси и нашу неизвѣстность,
И сына твоего вѣнцемъ вѣнчаю.
Ну, что жъ? Довольна ли, жена?

МАРИНА. Не знаю!
Благодарить тебя еще успѣю,
Исполни прежде.

—

ЗАРУЦКІЙ одинъ.

Экая вострушка!
Слова хитро плетешь ты, только дѣла
Не разумѣешь.

—

ЗАРУЦКІЙ и ЗАВАРЗИНЪ.

ЗАВАРЗИНЪ. Здѣсь Иванъ Мартынычъ?

ЗАРУЦКІЙ. Ну, что?

ЗАВАРЗИНЪ. Бѣда!

ЗАРУЦКІЙ. Вотъ выдумалъ!—Какая?

ЗАВАРЗИНЪ. Охъ, Атаманъ, одно намъ удалось,..

ЗАРУЦКІЙ. Да говори, что за бѣда такая?

ЗАВАР: Отъ Нижняго къ намъ прискакалъ Казакъ.
Тамъ собралась неслыханная рать
Купцевъ, жильцевъ, Князей, дѣтей боярскихъ,
И старыхъ бабъ, и молодицъ, и дѣвокъ, —
И кто во что гораздъ,— съ тяжелымъ домомъ,
Съ рогатиной, съ каменьями, съ дубьемъ, —
Вся Русь идетъ... Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ...

ЗАРУЦКІЙ. Глупъ, мой отецъ, что глупости повѣрилъ!

Эхъ, Заварзинъ, а кажется смышленъ
И грамотенъ! Не струсилъ Ляпунова,
А испугался бабъ Нижегородскихъ!
Да гдѣ Казакъ? Я Казака прижму,
Чтобъ не морочилъ войска небылицей!

ЗАВАРЗИНЪ. Здѣсь, Атаманъ!

ЗАРУЦКІЙ. Подай его сюда!

ЗАВАРЗИНЪ *(подошедъ къ дверямъ)*.
Поди сюда!

—

ТѢ-ЖЕ и МОЛОДОЙ КАЗАКЪ.

ЗАРУЦКІЙ. Ахъ ты, молокососъ,
А шутки подпускать уже умѣешь! —
Гдѣ ты видалъ неслыханную рать?

КАЗАКЪ. Подъ Нижнимъ, Атаманъ!

ЗАРУЦКІЙ. Тебѣ приснилось.

КАЗАКЪ. Мнѣ-бъ и во снѣ не выдумать того,
Что тамъ видалъ. Сребра, камней и злата
И куры не клюютъ: на площади
Они лежатъ въ высокихъ кучахъ; дѣти
Все болѣе да болѣе подносятъ;
А что по больше, строится полками
По нашему, и учится стрѣлять.

ЗАРУЦКІЙ. А много-ль ихъ?

КАЗАКЪ. Скорѣй сочтешь ты звѣзды,
Чѣмъ эту рать.

ЗАРУЦКІЙ. А кто у нихъ Начальникъ!

КАЗАКЪ. Я спрашивалъ, и мнѣ сказали: — Богъ!

ЗАРУЦ. Нѣтъ, братъ, солгалъ. Тебя купцы надули.
Ты видѣлъ торгъ, а съ трусости подумалъ,
Что это на войну приготовленья.

КАЗАКЪ. Нѣтъ, Атаманъ! Я молодъ; да не трусъ.
Смотри: вотъ два рубца!

ЗАРУЦКІЙ. Добро, Казакъ;
Да только мнѣ не вѣрится...

КАЗАКЪ. Какъ хочешь,
Вѣрь или не вѣрь, а я исполнилъ службу.

ЗАРУЦКІЙ. За службу, братъ, спасибо!

ЗАВАРЗИНЪ. А за вѣсть?

ЗАРУЦКІЙ. Коль правда, благодарности не стоитъ!

—

ТѢ-ЖЕ и ПРОСОВЕЦКІЙ.

ПРОСОВ: Иванъ Мартынычъ, къ намъ идетъ подмога.

ЗАРУЦКІЙ. Подмога, Просовецкій? Да, помогутъ
Нижегородцы; знаемъ ихъ. Да полно,
Правдиво ли извѣстіе?

ПРОСОВЕЦКІЙ. Правдиво!
У Князя Трубецкаго видѣлъ я
Пословъ Большой Нижегородской рати.

ЗАРУЦКІЙ *(Казаку)*.
Иди, Казакъ! За исполненье службы
Дарю тебѣ коня съ моей конюшни.
Возьми его и стань въ мои ряды,
А завтра мы увидимся на полѣ.

—

ЗАРУЦКІЙ, ЗАВАРЗИНЪ и ПРОСОВЕЦКІЙ.

ЗАРУЦКІЙ. Ну, Атаманы, что намъ дѣлать?

ПРОСОВЕЦКІЙ. Что
Намъ дѣлать, Атаманъ, ты знаешь лучше.

ЗАРУЦКІЙ. Ума не приложу. Но кто-жъ Начальникъ
Нижегородской рати?

ПРОСОВЕЦКІЙ. Князь Пожарскій.

ЗАРУЦКІЙ. Пожарскій?

ЗАВАРЗИНЪ. Помнишь ли, какъ изъ Можайска
Полковникъ Струсъ пришелъ въ Москву на помощь,
А отъ Бояръ на помощь къ намъ Плещеевъ?
Ты помнишь ли, какъ мы бѣжали всѣ,
А на стѣнахъ стоялъ одинъ Пожарскій?
Какъ исполинъ, онъ поражалъ враговъ;
А мы, засѣвъ въ кусты, въ стыдѣ и страхѣ,
Смотрѣли только, — онъ одинъ сражался —
И палъ отъ ранъ! Теперь воскресъ, идетъ!
Суровый опытъ съ нимъ и мудрость славы,
Которая простому человѣку
Даетъ благоразуміе вождя...

ЗАРУЦКІЙ. Эхъ, Заварзинъ! Ты начитался книгъ
И говоришь, какъ пономарь церковный.
Кто-бъ ни былъ онъ, Пожарскій ли, Отрепьевъ,
Или второй Димитрій, или Сидоръ, —
Намъ все равно; одна опасность съ нами,
И мы должны его соединить
Съ товарищемъ, спѣсивымъ Ляпуновымъ.
Такъ, Атаманы! Дайте ваши руки!
Согласны ль вы?

ЗАВАРЗИНЪ. Но какъ?

ЗАРУЦКІЙ. Не ваше дѣло!
Согласны ль?

ПРОСОВЕЦКІЙ. Атаманъ! Мы всѣ твои
И по заслугамъ и по праву; только...

ЗАР: Ни слова! Я кажусь вамъ грубымъ, страннымъ;
Но для ума не нужно книжныхъ знаній.
Увидите, какъ этотъ мудрый вождь
Въ моихъ сѣтяхъ исчезнетъ незамѣтно...
Кто погубилъ Прокопа Ляпунова?
Кто обманулъ Гонсѣвскаго и Струса?

Кто другомъ сталъ Боярамъ и Князьямъ?
Кто войску сталъ любимымъ Воеводой?
Кто взялъ себѣ женой грѣха — Царицу? —
Что, безъ меня, вы были-бъ Атаманы? —
Покорствуйте! Ужъ близко торжество...
Мою главу вѣнецъ Царей одѣнетъ,
А *васъ* — Боярскія украсятъ шапки.

(Всѣ уходятъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ставка Князя Трубецкаго.

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ и РЖЕВСКІЙ съ дворянами.

ТРУБЕЦК. Ты живъ, Иванъ? А я считалъ! убитымъ,
Помилуй! Какъ, съ твоимъ благоразумьемъ,
Въ опасность явную кидаться! Странно,
Я не могу понять! За Ляпунова,
За личнаго врага, ты поднялъ руку?

РЖЕВ: Князь Трубецкой! Я только долгъ исполнилъ;
Я защищалъ отъ смерти Ляпунова;
И кто изъ Русскихъ можетъ упрекнуть
Прокопія Петровича въ измѣнѣ? —
Онъ врагъ былъ мнѣ, но другъ моей отчизнѣ;
Онъ оскорблялъ Ивана, — Богъ проститъ! —
Но день и ночь свобода Государства
Его ума не оставляла. Сколько
Онъ перенесъ отъ Русскихъ огорченій
И не хладѣлъ въ своихъ трудахъ полезныхъ!
Онъ Русь любилъ; а Русскихъ не любилъ,
И, кажется, былъ правъ...

ТРУБЕЦКОЙ. Не знаю, Ржевскій,
Откуда вдругъ такая перемѣна?
Обидчика, гонителя, врага...

РЖЕВСКІЙ. Обидчика ничтожнаго Ивана,
Но благодѣтеля Святаго Царства!
И я умѣлъ защитника Руси
Любить, — а Ляпунова ненавидѣть!

ТРУБЕЦКОЙ. Монашескій питаешь образъ мыслей!

РЖЕВСКІЙ. Князь, не забудь, я Русскій дворянинъ...

ТРУБЕЦКОЙ. Не забывай и ты — я Воевода!

РЖЕВСКІЙ. Ахъ, Князь Димитрій Тимоѳѣичь, знаю;
Какъ мнѣ забыть; я подъ твоимъ началомъ
Служу Руси; но я не съ тѣмъ пришелъ,
Чтобъ оскорблять санъ свѣтлый Воеводы;
Я уважалъ тебя и уважаю!
Но сонмъ Дворянъ прислалъ меня къ тебѣ,
Просить, чтобъ ты, Димитрій Тимоѳѣичь,
Прилежно разсудивъ о пользахъ Царства
И отложивъ розряды и заслуги...

ТРУБЕЦКОЙ. Къ чему ведетъ рѣчь хитрая твоя?

РЖЕВСКІЙ. Честная рать идетъ Нижегородцевъ
Подъ знаменемъ *Великаго Гнѣзда!*
Достойный въ ней Начальникъ, Князь Димитрій
Михайловичь Пожарскій, Царскій Стольникъ;
А съ нимъ вся Русь отъ Волги до Днѣпра,
Отъ мразнаго Архангельска до Крыма;
Съ нимъ подвиги Зарайска и Москвы,
Съ нимъ усыпленныя молитвой раны,
Съ нимъ наконецъ благословенье Неба...
Народъ кипитъ; Бояре и Дворяне,
Прилѣжно разсмотрѣвъ всѣ наши смуты,
Единогласно положили: — Князю
Пожарскому вручить всю власть; розряды
Пусть замолчатъ на это время; трудно
И споръ вести и быть единодушнымъ. —
Ты Русскій, Князь Димитрій Тимоѳѣичь!

Тебѣ легко преодолѣть себя
И быть примѣромъ славнаго смиренья!

ТРУБЕЦКОЙ *(про себя, въ размышленіи)*.
Онъ только Стольникъ, я давно Бояринъ!..

—

ТѢ-ЖЕ и ИЗМАЙЛОВЪ съ Боярами и воеводами.

ИЗМАЙЛОВЪ. Князь, добрый день!

ТРУБЕЦКОЙ. Взаимно! Вамъ извѣстно
Прибытіе Нижегородской рати?

ИЗМАЙЛ: И твой отвѣтъ посламъ извѣстенъ также!
Не хочешь ты Пожарскаго признать
Главой святаго ополченья. Князь
Димитрій Тимоѳѣичь, ради Бога,
Забудь, что ты Бояринъ, Воевода,
Что ранами покрыта грудь твоя,
Что ты привыкъ начальствовать войсками!
Припомни только, ужъ который мѣсяцъ
Мы мучимся вокругъ Москвы несчастной,
И нѣтъ конца ужаснымъ испытаньямъ!
Пожарскаго нельзя лишить начала.
Ты слышалъ ли о чудѣ исцѣленья?
Вся Русь горитъ его руки коснуться,
Вся Русь къ нему имущество несетъ.
Какъ исполинъ, онъ медленно идетъ,
Но будетъ скоръ въ побѣдѣ, — если мы
О первенствѣ, заслугахъ позабудемъ,
Соединимся съ нимъ для общей цѣли; —
И Божій вождь на насъ свой блескъ оставитъ!
И насъ потомство сопричтетъ къ Стратигамъ,
Избавившимъ отечество отъ Ляха!

ТРУБЕЦКОЙ *(про себя)*.
Онъ только Стольникъ, я давно Бояринъ!
Святая Русь! Я для тебя живу!

Но честь моя пострадаетъ этой жертвой;
А послѣ Вѣры, честь всего дороже...

—

ТѢ ЖЕ и МИНИНЪ.

МИНИНЪ. Я мимо шелъ и слышу споръ вождей;
Разлился хладъ по грѣшному челу;
И это ли, подумалъ, я, Стратиги,
Идущіе за вѣру подвизаться!
Нѣтъ, мужики мои, Нижегородцы,
Великодушнѣе, честнѣе были,
Когда свои пожитки приносили
На даръ Руси, на заступленье Вѣры!
Къ чему же споръ? — Вы думаете: вами
Погибнетъ иль воскреснетъ Русь? — Слѣпцы!
Богъ повелитъ — и Русская сѣкира
Одна пройдетъ чрезъ рвы и чрезъ окопы
И тмы враговъ единая разгонитъ!
Речетъ, — Москва, златистыми главами,
Обрушится на васъ и на враговъ,
И стыдъ вашъ, вмѣстѣ съ вами, похоронитъ!
Мечтатели о первенствѣ и власти!
Не въ книгахъ ли лежатъ заслуги ваши
И не въ розрядахъ ли дѣла?

ТРУБЕЦКОЙ Козьма!..

МИНИНЪ. Умолкните передъ глаголомъ Неба!
Проклятіе...

ТРУБЕЦКОЙ. Проклятіе! Постой!
Я Русскій, какъ и вы! Мое несчастье
Въ васъ поселяетъ подозрѣнье! Люди,
Прошла пора измѣнъ и личныхъ видовъ.
Я предъ судомъ Творца и всей Руси.
Скажите мнѣ: чѣмъ можно упрекнуть
Боярина и Князя Трубецкаго?

Кто болѣе меня любилъ отчизну?
Кто болѣе смирялся, Воеводы,
Передъ простымъ Рязанскимъ Дворяниномъ?
Кто не презрѣлъ союза съ Казакомъ?
И для кого? — Для матери моей
И вашей, для Руси! — Довольноль? — Нѣтъ!
Вамъ мало этихъ жертвъ! Такъ знайте-жъ, люди,
Что въ Русскомъ нѣтъ предѣловъ благородству,
Великодушію, любви къ отчизнѣ!
Я признаю Пожарскаго главой,
Не языкомъ, а сердцемъ. Воеводы,
Сего дня же, какъ только рать придетъ,
Мы всѣ пойдемъ къ Пожарскому съ поклономъ!

МИН: Позволь упасть къ ногамъ твоимъ, Бояринъ!

ТРУБЕЦ: Ты оскорбилъ меня, Козьма, сомнѣньемъ,
Но Богъ съ тобой! Естественное чувство.
Въ тебѣ любовь къ отечеству сильнѣе,
Чѣмъ разумъ. — Будь мнѣ другомъ, Сухорукій!

МИНИНЪ. Рабомъ твоимъ...

ТРУБЕЦКОЙ. Нѣтъ, другомъ, Мининъ, другомъ!

—

ТѢ-ЖЕ И ЗАРУЦКІЙ.

ЗАР: Князь! Я пришелъ къ тебѣ за важнымъ дѣломъ.

ТРУБЕЦ. Нѣтъ важныхъ дѣлъ межъ нами, Атаманъ!
Къ Пожарскому! Онъ главный Воевода;
Мы власть ему и первенство вручаемъ.

ЗАРУЦКІЙ. Пожарскому? Но что же мы съ тобой,
Вожди отъ лѣтъ? Мы привели полки
Подъ пушки супостата; наша кровь...

МИНИНЪ. Гдѣ раны, Атаманъ, изъ коихъ кровь
Твоя за Русь Святую проливалась?
Гдѣ подвиги достойнаго вождя?

Не подлое-ль убійство Ляпунова?
Не грамота-ль подложная твоя,
Что уловила кровожадныхъ братій? —
Не хитрости-ль твоихъ сношеній съ Ляхомъ?

ЗАРУЦКІЙ. Молчи, мужикъ! — Тебя не знаю я!

МИНИНЪ. Безвѣстенъ я, а ты злодѣйствомъ славенъ.

ЗАРУЦКІЙ. Кто ты такой?

МИНИНЪ. Я? — Темный мѣщанинъ,
Посолъ Большой Нижегородской рати!
Смирись, Казакъ! — Пожарскій избранъ Русью.
Подъ Троицей собравшись города,
Бояре, пашники и воеводы,
Великіе дворяне и градскіе,
Приказные, стрѣльцы, казаки, гости
Торговые, посадскіе, жильцы,
Цари, Царевичи, Князья, Мурзы, —
За разумъ, правду, за дородство, храбрость,
Ко всѣмъ дѣламъ какъ ратнымъ, такъ и земскимъ,
Пожарскаго избрали цѣлымъ сонмомъ,
Доколѣ Русь, собравшись воедино,
У Господа не вымолитъ Царя!

ЗАРУЦКІЙ. Такъ! Воля вольному, а я не знаю
Пожарскаго! Я вождь не отъ руки
Какихъ нибудь бродягъ Нижегородскихъ.
Я Атаманъ, и долженъ сохранять
Честь войска моего. Пожалуй, дѣти
Московскіе уйдутъ отъ Поляковъ
И выберутъ дитя же Воеводой;
Провозгласятъ, что Богомъ избранъ онъ,
И мнѣ велятъ покорствовать ребенку!
Восторгъ народный разсуждать не можетъ.
На слѣдствіяхъ покажется, что глупо
Мѣнять вождей безъ нужды и причины!

Я Атаманъ Казаковъ Запорожскихъ
И равенъ Стольнику, когда не выше...
Я не для васъ прошелъ почти полъ-свѣта!
Я нуженъ вамъ, но *вы* не нужны мнѣ!

МИНИНЪ. Благодарю, Творецъ, благодарю!
Теперь чистѣй союзъ нашъ Христіанскій;
Межъ нами нѣтъ злодѣя.

(Слышны трубы).

ГОЛОСА МЕЖЪ ВОЕВОДЪ: Трубы! — Трубы! —
Приходитъ рать, Димитрій Тимоѳѣичь!

ТРУБЕЦКОЙ. О Русскіе! Не Воеводу, брата
Мы поспѣшимъ принять въ свои объятья!
Кто не идетъ, на томъ Козьмы проклятья!

(Уходитъ; за нимъ всѣ, кромѣ Заруцкаго, который остается въ размышленіи).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Улица въ Москвѣ.

ТОЛПА НАРОДА.

«**ГРАЖД**. Ну, братъ, Якимъ, когда ты правду молвилъ...

«**ЯКИМЪ**. Самъ Воевода далъ указъ; призвалъ
«Меня къ себѣ и грамоту мнѣ отдалъ,
«Сказавъ: «Якимъ! ты кажется смышленъ!»
«Я поклонился въ поясъ. Воевода
«Опять сказалъ: «Я слышалъ, будто ты
«Въ Москву тайкомъ умѣешь пробираться?»
«Я поклонился и примолвилъ Князю:

«Да, батюшка кормилецъ, такъ и сякъ,
«Мнѣ удалось разъ десять быть въ Москвѣ.»
«—«За Поляковъ?» спросилъ. «За Поляковъ!»
«Ну, такъ ступай!» сказалъ онъ: «Богъ съ тобою!
«Да отнеси моей Московской братьѣ!...

«1-й **гражданинъ**. Слышь, братьѣ....

«**якимъ** *(продолжая)*.
«Грамотку отъ Воеводы
«И поклонись имъ отъ меня и молви:

«1-й **гр**. Слышь, кланяться велѣлъ намъ Воевода!

«**якимъ** *(продолжая)*.
«Друзья мои!»

«1-й **гражданинъ**. Ахъ, онъ кормилецъ нашъ!
«Друзья! Вотъ Князь, дай Богъ ему здоровье!

«**якимъ**. Да дай-же кончить!...

«1-й **гражданинъ**. Ну, кончай, кончай!

«**якимъ**. Друзья мои! Я завтра бой начну,
«Уволью васъ отъ плѣна и несчастій;
«Да только вы въ домахъ сидите смирно,
«Чтобъ невзначай, съ горлатыхъ пушекъ, вашу
«Кровь Христіанскую намъ не пролить!»

«1-й **граж**. Ахъ батюшки! да какъ же намъ сидѣть
«Сложивши руки, если Князь начнетъ
«Имъ головы ломать?....

«**якимъ**. Сидите смирно!
«Князь приказалъ, а Мининъ тутъ примолвилъ:
«Да попроси, чтобъ, сидя по домамъ,
«Молили Господа объ окончаньи
«Сраженія благополучномъ.»...

«1-й **гражданинъ**. Слышишь!
«Да развѣ мы и безъ него не знаемъ?

«2-й **гр**. Ну, по домамъ, такъ по домамъ! Онъ воленъ
«Приказывать; онъ первый на Руси!

«1-й **гражданинъ**. А Мининъ что?

«2-й **гражданинъ**. А Мининъ-то второй!
«И святъ совѣтъ — совѣтъ молиться Богу!

—

Тѣ-же, офицеръ и нѣсколько солдатъ.

«**офицеръ**. Кто тамъ?

«1-й **гражданинъ**. Свои!

«**офицеръ**. До тысячи чертей!
«Москали! Гей! пошли домой, домой!

«1-й **гр**. Молчи, жолнѣръ! Не долго вамъ буянить!
«И завтра мы васъ проведемъ дубьемъ!

«**офицеръ**. Домой! Я говорю вамъ очень ясно!
«Идите прочь, не то велю стрѣлять. —

«2-й **граж**. Пойдемъ, сосѣдъ! Вѣдь мы на кулакахъ
«Не перебьемъ ихъ сабель, карабиновъ...

«**офиц**. Идите-жъ прочь, я вамъ сказалъ, Москали!
«Слова мои я исполнять привыкъ!

(Толпа расходится).

«1-й **гражданинъ** *(уходя)*.
«Добро! — Ужо́ мы потеребимъ васъ,
«Плѣшивыя, надутыя индѣйки!

—

«**офицеръ** съ рундомъ, **гонсѣвскій** и **сапѣга**.

«**офицеръ**. Кто тамъ? Стой! отвѣчай!

«**гонсѣвскій**. Король и Слава!

«**офицеръ**. Свои, свои! Оставимъ ихъ; впередъ!

—

«**Гонсѣвскій** и **Сапѣга**; **Заруцкій**, тихо оглядываясь, слѣдуетъ за ними.

«**Гонсѣвскій**. Заруцкій обѣщалъ при этой церкви
«Явиться къ намъ съ какимъ-то важнымъ дѣломъ.

«**Сапѣга**. Вы вѣрите, а я ему не вѣрю.
«Я не могу понять: онъ насъ просилъ
«Къ себѣ во станъ для тайныхъ уговоровъ,
«А самъ теперь просилъ опасный листъ
«Ему прислать! Онъ точно будетъ?

«**Заруцкій**. Точно!
«Я, какъ Полякъ, привыкъ свои слова
«Вмѣнять себѣ въ законъ святѣйшій....

«**Гонсѣвскій**. Браво!
«Вы Атаманъ по чувствамъ и по силѣ!
«Скажите: какъ вы ходите въ Москву,
«Не бывъ ни кѣмъ примѣчены?

«**Сапѣга**. Лисица
«Подходитъ такъ къ курятнику, Гонсѣвскій!

«**Заруцкій**. Я вамъ принесъ надежнѣйшее средство
«Избавиться опасности.

«**Сапѣга**. Мы знаемъ
«Опасности, Заруцкій, знаемъ средства!

«**Гонсѣвскій**. Мы знаемъ, такъ; но если вамъ угодно
«Намъ предложить свои, весьма охотно
«Мы примемъ ихъ, когда они согласны
«Съ благоразуміемъ и съ нашей честью.

«**Заруцкій**. Честь въ сторону!....

«**Сапѣга**. Прошу прощенья; вамъ
«Она совсѣмъ ненужна, Панъ Заруцкій,
«А намъ она послѣдняя надежда!

«**Заруцкій**. Не поздно ли? Обливши кровью Русь,
«Ограбивъ Русь, покрывъ селенья пепломъ,

«Опустошивъ, разрушивъ города,
«Воинскою вы хвастаете честью....
«Сапѣга! Ты извѣстенъ. Самъ Жолкѣвскій
«Тебя достойно осудилъ! Давно ли
«Ты былъ врагомъ Гонсѣвскому? Давно ли
«Ты возвратился въ бѣдную столицу,
«Чтобы спасти свою особу... Съ честью
«Не далеко зайдете. Ты начальникъ
«Срѣлецкаго приказа безъ стрѣльцевъ,
«Что можешь ты противу этихъ Русскихъ,
«Что какъ песокъ обсыпали Москву?
«Подумайте! Ужасна сила Русскихъ;
«Не перечесть ихъ пушекъ и снарядовъ!
«Въ запасахъ ли у Русскихъ недостатокъ?
«Послѣдній воинъ больше ѣстъ и пьетъ,
«Чѣмъ сами вы, вожди...
«**САПѢГА.** Имъ на здоровье!
«Они ведутъ осаду, мы въ осадѣ.
«**ЗАРУЦКІЙ.** Но знаете-ль всю тайну силы ихъ?
«Пожарскій — вождь! Пока вождемъ онъ будетъ,
«До той поры не одолѣть вамъ, Ляхи!
«Хоткѣвичъ вашъ, что ѣдетъ, какъ Паша,
«Осматривать свой Пашалыкъ, погибнетъ,
«А съ нимъ и вы!
«**САПѢГА.** Все это можетъ быть!
«**ЗАРУЦК**: Да, можетъ быть, и будетъ, Панъ Сапѣга!..
«**САПѢГА.** Такъ что жъ? Умремъ! Не дважды умирать..
«**ГОНСѢВСК**: Ну, хорошо! Пусть будетъ ваша правда!
«И ежели по вашимъ описаньямъ
«Такъ велика опасность, что жъ намъ дѣлать?
«**ЗАРУЦКІЙ.** Вы искренно хотите знать совѣтъ,
«Который мнѣ внушаетъ долгій опытъ
«И личная преданность къ Королю?

«**гонсѣвскій**. Прошу!
«**заруцкій**. Послушайте! Вы точно дѣти,
«Что мышь боятся задавить, а кошку
«Въ своихъ рукахъ и мучатъ и терзаютъ.
«**сапѣга**. Панъ Атаманъ, нельзя ли безъ сравненій?
«**заруцкій**. Народъ принесъ присягу Владиславу;
«Давно онъ Царь, не вѣнчанный, но сильный
«И тайными и явными друзьями....
«**гонсѣвскій**. Все это очень хорошо, да только
«Я вашихъ средствъ не вижу...
«**заруцкій**. Погодите!
«Вамъ можно поселить раздоръ во станѣ,
«Вы можете продлить въ переговорахъ
«Столь драгоцѣнное въ осадѣ время;
«Все это можете легко вы сдѣлать,
«Но не съ такимъ врагомъ, каковъ Пожарскій...
«Остался путь по моему единый:
«Зажечь пожаръ на трупѣ Воеводы;
«Убить его оружіемъ убійцы;
«Тогда возстанетъ пря надъ страшнымъ гробомъ
«И Русь на Русь со злобой ополчится...
«Сильнѣйшій — я. Замкнутъ мои Казаки
«Всѣмъ несговорчивымъ Русинамъ горло,
«И я, вашъ другъ, ставъ Русскимъ Воеводой,
«Какъ вѣрный рабъ, предамся Владиславу.
«**гонсѣвскій**. Не гладокъ путь...
«**заруцкій**. Не гладокъ, Панъ Гонсѣвскій,
«Для робкихъ душъ. .
«**гонсѣвскій**. Заруцкій, не забудьте,
«Что горсть моихъ солдатъ не разъ, не два
«Уничтожала ваши покушенья,
«И при какомъ вождѣ, при Ляпуновѣ!
«Но если вашъ Пожарскій не умнѣе,

«Не осторожнѣе, — мы не боимся,
«И завтра бой докажетъ, правъ ли я?
«**ЗАРУЦКІЙ.** Кровавый бой !Погибнете, какъ мухи!
«**САПѢГА.** До тысячи чертей! Молчи, Заруцкій!
«Кто смѣетъ насъ пугать кровавымъ боемъ,
«Тотъ головой....
«**ГОНСѢВСКІЙ.** Сапѣга, успокойтесь!
«Послушайте, Заруцкій! Ваши средства
«Не честны; мы не можемъ ихъ принять;
«Но если вы питаете преданность
«Къ Республикѣ и Королю Зыгмунду;
«Когда въ душѣ вы принесли присягу
«Законному Царю, то докажите
«Торжественно, что вы безъ ухищреній
«Безъ замысловъ, покорны Владиславу;
«Оставьте станъ и вмѣстѣ съ вашей ратью,
«Придите къ намъ въ Москву, какъ наши братья!
«Когда въ душѣ вы сознаете святость
«И правоту столь горестнаго дѣла,
«Идите къ намъ и съ нами раздѣлите
«И трудности и славу предпріятья!
«**ЗАРУЦКІЙ.** Вамъ кажется, что нашихъ Казаковъ
«Легко сманить въ Москву на гладъ и жажду,
«Когда во станѣ море изобилья!
«**ГОНСѢВСКІЙ.** Когда нельзя, такъ приходите сами!
«Примѣръ Главы важнѣе часто боя;
«Вамъ нечего расчитывать и думать!
«Оставьте Русь, когда она преступна!
«Оставьте насъ, когда одной измѣной
«Хотите вы торжествовать надъ Русью!
«Она умна! О, вѣрьте мнѣ, умна!
«Я больше къ ней питаю уваженья,
«Чѣмъ полагаетъ Атаманъ Заруцкій!

«Я, какъ солдатъ, люблю сражаться съ нею,
«Какъ человѣкъ, желалъ бы ей помочь!
«И, еслибъ не Король, упрямый Зыгмундъ,
«Быть можетъ, ужъ давно-бъ закрылись раны
«Несчастнаго, но доблестнаго Царства.
«Но всѣ труды Жолкѣвскаго — въ ничто
«Превращены! — Чѣмъ? Гнусною измѣной,
«Коварными, безчестными путями!
«Вотъ вамъ отвѣтъ рѣшительный, Заруцкій!
«Я не пойду на тайное убійство!
«Пріятно мнѣ съ Пожарскимъ состязаться,
«Но на стѣнахъ Москвы, на ратномъ полѣ!
«А тайный ядъ, оружіе убійцы,
«Приличны лишь разбойнику и вору!

(Уходитъ).

«**САПѢГА**. Мы оставляемъ эту честь для васъ,
«Для храбраго убійцы Ляпунова:

(Уходитъ).

—

«**ЗАРУЦКІЙ** *(одинъ)*.
«Все рушилось! — Надутые павлины!
«Честь ваша — хвостъ, что ноги закрываетъ,
«На коихъ вся повисла храбрость ваша!
«Вамъ кажется: вы совершили дѣло!
«Но у меня еще осталось много!
«Осталось золото добычи ратной
«И тысячи проворныхъ Казаковъ!
«Увидите, какъ сгибнетъ вашъ Пожарскій!
«И вами же, пустыми хвастунами,
«Я трупъ его накрою, какъ могилой!
«Пусть цѣлый свѣтъ противъ меня возстанетъ,
«Заруцкій на Престолъ Царей возсядетъ.

(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ставка Князя Пожарскаго.

—

ПОЖАРСКІЙ *(одинъ)*.
О бѣлокаменная мать Москва,
Огромная отечества Святыня?
Я предъ тобой! — Поклонникъ и съ мечемъ,
Съ молитвой и съ свирѣпой жаждой крови!
Москва! Москва! Кого ты не разбудишь,
Не воскресишь, прекрасная, изъ гроба!
Душа кипитъ, душа горитъ отрадно!
Завистливо глаза глядятъ на солнце,
Что дивно утопаетъ на закатѣ:
Зачѣмъ оно такъ скоро протекло,
Ночь цѣлую бездѣйствовать велѣло?..
Вездѣ Господь! — Ночь эта — отдыхъ войску,
А мнѣ — молитвы безмятежной время...

—

ПОЖАРСКІЙ, ТРУБЕЦКОЙ, РЖЕВСКІЙ съ Боярами, Воеводами и дворянами, и **МИНИНЪ.**

ТРУБЕЦКОЙ *(остановясь со всѣми у входа)*.
Привѣтствуемъ защитника Святыни,
Главу святаго ополченья, Князя...

ПОЖАР. Не такъ, не такъ, Димитрій Тимоѳѣичь!
Въ объятія!..

ТРУБЕЦКОЙ. Въ объятія, Димитрій
Михайловичь! *(Обнимаются.)* Вотъ мой Боярскій санъ:
Любовь и уваженіе Героя!

ПОЖАРСКІЙ *(отира слезы)*.
О сколько слезъ отрадныхъ!

ТРУБЕЦКОЙ. Сколько пользы
Въ слезахъ любви! Нѣтъ, мой Боярскій санъ

Такой одной слезы не стоитъ... Князь,
Дай нагляжусь на свѣтлыя черты,
На богатырской взоръ очей орлиныхъ!..

ПОЖАРСКІЙ. Еще, еще, Димитрій Тимоѳѣичь,
Приди въ объятія роднаго брата! *(Обнимаются)*.
Присядемъ, Князь!

ТРУБЕЦКОЙ. Я предъ тобой не сяду;
Ты первый Воевода...

ПОЖАРСКІЙ. И послѣдній!
Я власти не ищу; лѣта и опытъ
Я уважать привыкъ.

ТРУБЕЦКОЙ. Всѣ Воеводы
Тебя вождемъ поставили верховнымъ.

РЖЕВСКІЙ. Князь Димитрій
Михайловичь! Руси — священна просьба,
И отвергать ее не смѣешь...

ПОЖАРСКІЙ. Люди!
Отвѣтственность...

ТРУБЕЦКОЙ. Мы отвѣчаемъ Богу,
А ты неси, что возлагаетъ Русь.
Не соглашайся, — это будетъ знакомъ,
Что ты отечества не любишь...

ПОЖАРСКІЙ. Братья!
Я повинуюсь. — О Царю Царей!
Яснѣй, яснѣй Твое опредѣленье —
И съ сей поры моя надежда крѣпче!..
Друзья мои и братья по отчизнѣ!
Я постараюсь оправдать вашъ выборъ
И завтра же васъ поведу на бой, —
И завтра же Москва свободна будетъ!
Приближьтесь! Я хочу вести бесѣду
О томъ святомъ, торжественномъ мгновеньи,

Когда любовь къ отечеству и Вѣрѣ
Знамена разовьетъ безмѣрной рати. —
Но помните, что если кто изъ васъ
Единодушнымъ не горитъ восторгомъ —
И, гордость задушивъ въ коварномъ сердцѣ,
Содѣйствовать не хочетъ прямодушно,
То лучше пусть сего дня насъ оставитъ,
Пусть въ домъ свой возвратится, на покоѣ
Забудетъ про отечество и Вѣру…
Безъ ревности союзникъ — непріятель;
Онъ только общимъ подвигамъ помѣха,
И болѣе — бездѣйствіемъ своимъ
Онъ уничтожитъ трудную побѣду..
Но всѣ-ли здѣсь?

ТРУБЕЦКОЙ. Одинъ Иванъ Заруцкій
Не захотѣлъ тебя признать главой —
И не пришелъ.

ПОЖАРСКІЙ. Онъ не имѣетъ права
Не признавать иль признавать. Наемникъ
Враговъ Руси, ставъ Русскимъ Воеводой,
Повиноваться долженъ общей волѣ.
Козьма, зови Заруцкаго ко мнѣ!

—

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **МИНИНА**.

ПОЖАРСКІЙ. А между тѣмъ, пока придетъ Заруцкій,
Подумаемъ, Димитрій Тимоѳѣичь,
Какъ намъ идти на супостата? Трудно
Намъ очень раздѣляться. — Панъ Хоткѣвичъ
Довольно силенъ, Гетманъ Панъ Гонсѣвскій
Не менѣе его имѣетъ войска…

ТРУБЕЦКОЙ. Я думаю напасть на нихъ раздѣльно.

ПОЖАРСКІЙ. Нѣтъ! Мой совѣтъ, Хоткѣвича пустить

Къ Москвѣ, какъ можно ближе—и потомъ
Ударить вдругъ на обоихъ.

ТРУБЕЦКОЙ. Но если
Они соединятся?

ПОЖАРСКІЙ. Въ томъ и дѣло,
Не дать соединиться! Отъ Москвы
Мы можемъ отойти, но жаль народа;
Голодной смертью люди умираютъ!
Да и грѣшно Святыню Государства
Такъ долго оставлять въ рукахъ поганыхъ!
Народъ въ цѣпяхъ и Патріархъ въ темницѣ!
И мы пойдемъ искать ничтожной славы,
Когда Москва, какъ мученица, страждетъ!
Я золъ на ночь, что не даетъ теперь же
Ударить на Гонсѣвскаго и Струса,
Освободить народъ и Патріарха
И пасть передъ Петромъ и Алексіемъ!
Друзья мои, а Царскія могилы?
При этой мысли, сердце ваше нѣмо?
Предъ вами не стоитъ тѣнь Іоанна,
Безмѣрная величіемъ ужаснымъ?
Не упрекаетъ васъ тѣнь Θеодора?
О мало-ли священнаго для Русскихъ
Заключено въ стѣнахъ столицы Русской!
Друзья мои, я спать и ѣсть не буду,
Пока не отслужу въ Успенскомъ Храмѣ
Побѣднаго молебна!

ИЗМАЙЛОВЪ. Но Хоткѣвичь
Намъ можетъ помѣшать...

ПОЖАРСКІЙ. Не помѣшаетъ!
Мы завтра же къ Москвѣ его приманимъ.

—

Тѣ-же, Мининъ, Заруцкій, Просовецкій, Заварзинъ, Казацкіе Атаманы и Есаулы.

Заруцкій. Князь, я пришелъ по твоему желанью...

Пожарскій. Скажи мнѣ, Атаманъ, кто ты?

Заруцкій. Заруцкій!

Пожарскій. Я это знаю. Именемъ своимъ
Наполнилъ ты Святую Русь довольно;
Заруцкій и Сапѣга для несчастныхъ
Предметы страха и проклятій;—долго,
Какъ коршуны, терзали православныхъ,
Облили Русь и кровью и соблазномъ,
Широкій путь порока утоптали...

Заруцкій. Я Русскій Воевода!

Пожарскій *(гнѣвно).* Воевода!
Но кто тебя украсилъ этимъ саномъ?
Кто на Руси быть можетъ Воеводой
Безъ воли православнаго народа?
Гдѣ, укажи, Бояре и Дворяне,
Которые тебя вождемъ избрали?
Грабитель! Ужасъ, не любовь народа,
Тебѣ злодѣйствовать позволилъ. — Долго
Терпѣла Русь, но не потерпитъ больше!
Союзъ твой намъ не нуженъ! Безъ Казаковъ,
Царь Іоаннъ, Царь Ѳедоръ, Царь Борисъ,
Безмѣрной Русской силой обладали.
Вмѣшались вы, измѣнники — и Русь
Облилась братней кровью!

Заруцкій. Князь Димитрій
Михайловичь! Я сознаюсь, довольно
Я пролилъ Русской, Христіанской крови;
Но вѣдь измѣну начали не мы;
Насъ призвали злодѣйствовать Бояре,
Князья, такіе, какъ и ты!

Пожарскій. Заруцкій!
Тѣ васъ призвали,—мы васъ отвергаемъ;
Мы денегъ не дадимъ, — а тѣ давали;
Тѣ позволяли грабить Русь и жечь, —
Мы не позволимъ! Понялъ-ли, Заруцкій?
Есть разница межъ нами.

Заруцкій. Князь Димитрій
Михайловичь! Къ чему же рѣчь твоя?

Пожарскій. Къ тому, что бы сегодня-же Казаки
Оставили нашъ станъ.

Заруцкій. Нѣтъ, никогда!
Зачѣмъ-же я пришелъ изъ Запорожья?
Чтобы уйти, безъ славы и добычи?!

Пожарскій. Кто о добычи думаетъ,—безчестенъ!
Такого я уйти отъ насъ заставлю!

Заруцкій. Какая жъ цѣль твоей войны?

Трубецкой. Свобода
Святой Руси!

Заруцкій. Мы перестали вѣрить
Порывамъ безкорыстнымъ...

Пожарскій. Замолчи!
Тебѣ-ли вѣрить? Надо быть не воромъ,
Не предводителемъ безчестныхъ шаекъ,
Не головой развратныхъ игроковъ,
Грабителей и грубыхъ сластолюбцевъ,
Чтобы понять цѣль сей святой войны.
Сегодня-же тебѣ повелѣваю
Оставить станъ; итти, куда угодно,
Хоть къ Полякамъ, да только прочь отъ насъ!
Да Русь не упрекнетъ меня союзомъ
Съ виновникомъ ея страданій тяжкихъ...
Прочь, прочь отъ насъ, грабители Казаки!

Атаманы и есаулы *(тѣснясь и приближаясь къ Пожарскому)*.
Помилуй, Князь! Мы также православны;
Москва и намъ родная мать...

Пожарскій. Родная?
А кто-жъ вокругъ бездѣйствовалъ коварно?
Препятствовалъ усиліямъ вождей?
Съ врагами Государства сообщался
И даже до измѣны доходилъ?
А Ляпуновъ?—Краснѣйте, о, краснѣйте!
Не то еще вамъ жаркій адъ готовитъ!
Изъ всѣхъ грѣховъ, нѣтъ большаго грѣха,
Какъ измѣнить отечеству!—Не стыдно-ль?..

Атам: и ес: *(снова приближаясь къ Пожарскому)*.
Прости намъ, Князь, но мы не измѣняли.

Пожарск: Ахъ! Я-бъ желалъ вамъ вѣрить, но Заруцкій
Самъ словъ моихъ не отвергаетъ...

Заруцкій. Князь!
Мы, можетъ-быть, ошиблись, но измѣны
Въ насъ не было.

Пожарскій. Но самая холодность,
Бездѣйствіе — не таже-ли измѣна?
Но гордость безъ заслугъ, разрядъ безъ права,
Желанье первенства — опять измѣна!
Пусть умолчу я тайныя коварства,
Но эти явны... Для чего отдѣльно
Ты хочешь управлять Казацкимъ войскомъ?
Что можетъ быть отдѣльнаго въ войнѣ,
Въ которой всякъ къ одной стремится цѣли?
Ты гость у насъ,—и не имѣешь права
Не признавать меня, иль признавать
Главой святаго ополченья!— Дерзкій,
Ты думалъ дать междоусобью пищу;

Ты думалъ, Князь Димитрій Тимоѳѣичь
Не Русскій, что-ли?—Ты воображалъ,
Что на Руси конца не будетъ смутамъ;
А въ смутахъ ты хотѣлъ торжествовать,
Съ союзниковъ добычу собирая!
Чего-жъ ты ждешь теперь? Мы не позволимъ
Писать подложныхъ грамотъ, разсылать
Для грабежа Казачіе отряды,
Жечь села и деревни, и сноситься
О гибели Святаго Государства
Съ врагами!

Заруцкій. Князь! Напраслина и только!
Чтобъ доказать передъ народомъ Русскимъ
Мою невинность, чтобъ отнять предлогъ
Къ несправедливымъ обвиненьямъ,—Князь!
Я признаю тебя вождемъ верховнымъ
И докажу, что я такой же Русскій,
Какъ ты, какъ Князь Димитрій Тимоѳѣичь,
Какъ всѣ вожди, какъ Мининъ Сухорукій.
Казаки! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ Воевода обижалъ Казаковъ,
Гдѣ отвергалъ союзъ нашъ и корилъ
Измѣной,—здѣсь произнесемъ присягу
Служить ему безъ хитрости, во имя
Отца и Сына и Святаго Духа!

Пожарск: О какъ ты простъ, Заруцкій! Мнѣ ли вѣрить
Твоимъ обѣтамъ? Для тебя нѣтъ клятвы...

Заруцкій *(Заруцкій преклоняя колѣна, а за нимъ Атаманы и Есаулы).*
Мы на колѣнахъ, Князь, союза просимъ!

Пожарскій. Не новое-ль замыслилъ ты коварство
И уловить желаешь насъ лукаво?

АТАМАНЫ. Мы непозволимъ, Князь, мы не позволимъ!
Не отвергай насъ и прости!

ПОЖАРСКІЙ (*помолчавъ*). Прощаю!

АТАМАНЫ И ЕСАУЛЫ. Ура!

ТРУБЕЦКОЙ. Теперь Святая Русь цѣла, какъ небо.

ПОЖАРСКІЙ. Пойдемъ, вожди! Возсядемъ на коней
И станъ осмотримъ. Ночь свѣтла довольно.
Заутра бой!

(**Уходитъ, всѣ за нимъ слѣдуютъ**).

—

ЗАРУЦКІЙ и ПРОСОВЕЦКІЙ.

ЗАРУЦКІЙ (*удерживая Просовецкаго за руку*).
Андрей, Андрей, послушай!
Ты напиши къ Гонсѣвскому письмо,
Увѣдоми его, что завтра утромъ
Казачье войско перейдетъ въ Москву.

ПРОСОВ. Что это значитъ? Охъ Иванъ Мартынычъ!
Не сдобровать тебѣ...

ЗАРУЦКІЙ. Не безпокойся!
Ты грамоту пиши, не разсуждая.
Ты думаешь, я испугался Князя
И по неволѣ присягнулъ? — Андрей,
Не знаю, кто обманется: Заруцкій
Иль этотъ Воевода многословный?
Заутра бой, онъ говорилъ: заутра,
Въ пылу сраженья, будетъ мстить Заруцкій!
Народъ, какъ нива, стелется покорно
Въ ту сторону, куда стремится вѣтеръ.
Сегодня онъ ихъ обаялъ словами,
А завтра я ихъ обольщу добычей.
Есть разница межь серебромъ и рѣчью! —
Ты грамоту пиши, не разсуждая!

(**Уходитъ съ Просовецкимъ**).

Пожарскій входитъ одинъ.

Нѣтъ, ночь темна; я стана не видалъ,
Но сердцемъ чувствовалъ его обширность.
Ахъ! Скоро ль день? Душа моя въ огнѣ;
Рука сжимаетъ мечь нетерпѣливо;
По сердцу радость и приволье ходятъ...
Святая Русь! Какъ не любить тебя,
А какъ любить тебя душѣ отрадно!
Но ты больна, ты жаждешь исцѣленья;
О, какъ не сострадать къ твоимъ недугамъ!
Заутра бой, заутра ты воскреснешь!
Москва, твое единственное сердце,
Начнетъ дышать спокойно и свободно;
Въ изнеможенныхъ, дальнихъ членахъ Царства
Возобновятся жизненныя силы...
И эту честь Ты мнѣ опредѣлилъ,
Святой Отецъ!.. Чѣмъ заслужилъ я славу,
Которой Русь одѣнетъ Воеводу?
Что сдѣлалъ я достойнаго вниманья,
Довѣренности Вышняго Владыки?...
Такъ! Я—ничто! Я только мечъ Твой, Боже,
Но быть мечемъ небеснаго всесилья
Превыше всѣхъ честей и славы міра.

—

Пожарскій и **Марина**.

Марина. Дозволитъ ли великій Воевода
Женѣ несчастной пасть къ его ногамъ!

Пожарск: Къ чему?—Приди, скажи, чего желаешь?

Марина *(падая на колѣни)*.
Ты Божій мечъ, ты Божія гроза!
Передъ тобой колѣна преклоняю
Невольно!..

Пожарскій. Встань, жена! Чего ты хочешь?
Скажи, когда твое прошенье право,
Исполнить я обязанъ.

Марина. Князь Пожарскій!
Не узнаешь, не хочешь ты узнать
Несчастнаго Димитрія супруги?

Пожарскій. Марина Юрьевна! О, какъ узнать
Ту, гордую, блестящую Царицу
Передъ Пожарскимъ на колѣнахъ? Право,
Не думалъ я тебя еще увидѣть.
Я мыслилъ: Судъ Господній совершился;
Но здѣсь узналъ, что ты не оставляешь...

Марина *(съ живостью)*.
Князь! Зломъ не поминай! — Свершилась кара;
Наказана уже моя гордыня.

Пожарс: Ктожъ виноватъ?.. Въ задатокъ исправленья
Ты бросилась въ объятья Казака.

Марина. Ты знаешь-ли пословицу: *кто тонетъ,
Хватается за бритву!*

Пожарскій. Нечестивы,
Марина Юрьевна, такія мѣры!
Но женщину мнѣ совѣстно корить,
Когда она сама уже винится.
Ты на землѣ ужъ потеряла все,
Подумай о небесномъ!

Марина. Князь Пожарскій,
Какъ поступить, дай мудрый мнѣ совѣтъ!

Пожарскій. Въ твоихъ словахъ я узнаю смиренье.
Дай Господи, чтобъ испытанья Неба
Твой гордый нравъ и душу измѣнили!
Придетъ пора, и Богъ устроитъ мудро
Святую Русь; тогда и ты, Марина,
Найдешь въ душѣ спокойствіе и радость.

МАРИНА. Я жажду, какъ и ты, послѣдней брани,
И Русь люблю, какъ Русская жена;
Я отреклась отъ родины моей —
И, преступя предѣлъ Святаго Царства,
Я принесла священную присягу:
Святую Русь считать моей отчизной,
Съ ея судьбой соединить мою,
И устремить всѣ способы и силы
На пользу, счастье, на блаженство Руси...
Но не далъ Богъ на опытъ представить
Всѣ доказательства моей усердной
Заботливости о Великомъ Царствѣ.
Такъ Богъ судилъ! Его Святая воля!

ПОЖАРСКІЙ. Чѣмъ болѣе я слушаю тебя,
Тѣмъ болѣе съ тобою примиряюсь.
Во истину, ты умная жена!

МАРИНА. О добрый Князь! Слова твои отрадны;
Нѣтъ робости предъ судіею строгимъ,
Но справедливымъ. Такъ, вся жизнь моя
На пользу Государства посвящалась —
И всѣ мои мечтанія и мысли
Въ единую сливались мысль: о благѣ,
О покровительствѣ несчастныхъ, бѣдныхъ,
Объ украшеньи Храмовъ православныхъ,
Воздвиженьи Обителей, Церквей.

(Отираетъ слезы).

ПОЖАРСКІЙ. Ты тронула меня, жена несчастья!
Кто любитъ Русь, тотъ для меня такъ дорогъ,
Какъ сынъ родной. — И такъ тебѣ открою
Всѣ помыслы, какъ другу своему,
И дамъ совѣтъ спасительный, Марина!
Оставь Заруцкаго;—вашъ бракъ безъ Церкви;—
Оставь его, — и, съ сыномъ Іоанномъ,
Приди ко мнѣ, во время общей битвы.

Я сдѣлаю свои распоряженья
О безопасности твоей; въ Москвѣ
Я дамъ тебѣ приличное жилище
И содержанье; если-жъ Богъ даруетъ
Намъ Русскаго Царя, я буду первый
Предстатель твой; но если ты желаешь
Въ свою отчизну возвратиться...

МАРИНА *(съ живостью)* Нѣтъ!
Я отреклась отъ ней; мнѣ Русь отчизна;
Не отвергай моей мольбы, Пожарскій!

ПОЖАРСКІЙ. Теперь я не могу рѣшить, Марина;
Но ежели Царю угодно будетъ,
Ты, можетъ быть, останешься у насъ.

МАРИНА. Богъ милостивъ! Созрѣютъ и плоды
Щедротъ твоихъ и доброты сердечной,
И ратной мудрости и прямодушья;
И Русь, освобожденная тобою,
На голову отца и Воеводы
Возложитъ знакъ признательности... Правда,
Народная признательность ничѣмъ
Такихъ заслугъ вознаградить не въ силахъ;
Но, можетъ быть, ты будешь безкорыстенъ;
Останешься въ Москвѣ, чтобъ мудро править,
За малолѣтствомъ юнаго Царя...

ПОЖАРСКІЙ. Марина Юрьевна, не понимаю,
О чемъ ты говоришь?

МАРИНА. Къ чему притворство?
Ты молодъ, Князь, но опытенъ и мудръ;
Рука твоя во брани искусилась;
Твой свѣтлый разумъ можетъ разбирать,
Что выгодно, что вредно Государству;
Въ дѣлахъ земли ты постигать умѣешь,
Гдѣ недостатокъ, гдѣ излишекъ; чувства

Твои такъ искренни и благородны,
Что ты нигдѣ величія Престола,
Высокаго достоинства Царей,
Въ своихъ поступкахъ не унизишь... Но!
Мы видѣли, какъ Годуновъ и Шуйскій,
Избранные, вѣнчанные народомъ,
Судомъ Творца низвержены съ Престола!
О мудрый Князь, не увлекайся чувствомъ
Опаснаго, пустаго честолюбья...

ПОЖАРСК: Правдивъ совѣтъ, но онъ не нуженъ мнѣ!
И мнѣ ли жизнь свою обезобразить
Преступными надеждами Престола?

МАРИНА. Я вѣрю, ты далекъ отъ этой мысли;
Ты благороденъ, гордъ, и пользу Царства
Ты предпочтешь своекорыстнымъ видамъ;
Захочешь быть неслыханнымъ примѣромъ
Умѣренности, честности — и будешь!
Но сколько есть кругомъ тебя льстецовъ,
Которые, изъ зависти и злобы,
Предательскій совѣтъ тебѣ откроютъ
И, указавъ тебѣ Престолъ въ награду,
На тотъ Престолъ, какъ жертву, поведутъ!
Отъ имени невиннаго владыки
Разсѣютъ зло и смуту по землѣ;
Всѣ темныя, ужасныя дѣянья,
Всѣ безпорядки, злоупотребленья,
Отравы, казни, ссылки и убійства, —
Все — одному источнику припишутъ.
Будь ангеломъ, — народъ тебя не взлюбитъ;
Толпа глупа; легко ее обманутъ;
Ты раздавай подарки, милуй, жалуй, —
Всѣ милости твои припишутъ страху
За похищенье Царскаго Престола.
Будь строгъ въ судѣ, — найдутъ несправедливость;

Будь справедливъ въ наградахъ, — будутъ люди
Обиженные, безъ заслугъ и права...

ПОЖАРСКІЙ. Марина Юрьевна, присядь, пожалуй!
Мнѣ нравится рѣчь умная твоя. *(Садятся)*.

МАРИН: Такъ, свѣтлый Князь, въ тебѣ я не ошиблась!
И думаю, что мысль моя другая
Покажется не менѣе достойной
Вниманья твоего.

ПОЖАРСКІЙ. Я съ нетерпѣньемъ,
Марина Юрьевна, тебѣ внимаю.

МАРИНА. Я думаю, нашъ малолѣтній Царь
Избрать себѣ помощниковъ не можетъ;
Онъ въ пеленахъ ..

ПОЖАРСКІЙ *(вставъ)*.
Какъ въ пеленахъ, Марина?

МАРИНА *(продолжая)*.
Не можетъ онъ еще сказать; *то зло*,
То благо. Нуженъ опытъ многолѣтній,
Чтобъ разбирать нравъ хитрый царедворцевъ.
Иной умомъ блистаетъ, знаньемъ дѣла,
А въ сердцѣ червь порока обитаетъ;
Другой притворно ищетъ книжныхъ знаній,
Мечтательно раскрашиваетъ средства,
Которыми блаженствуютъ народы;
На опытѣ, мечтательныя средства
Ведутъ ко злу, а исправленье — трудно.
Иной, безъ сна, трудится надъ закономъ,
Но, безъ способностей, его труды
Безъ пользы длятъ часъ нужныхъ улучшеній.
Не такъ ли, Князь? — И мало ли иныхъ,
Какъ кажется, людей полезныхъ, умныхъ,
А въ существѣ ничтожныхъ, даже вредныхъ?
Вотъ почему, мнѣ кажется, ты долженъ,
До времени, Правителемъ быть Царства...

ПОЖАРСКІЙ *(удивленный)*.
Правителемъ!
МАРИНА. Подъ руководствомъ Князя,
Нашъ юный Царь пріобрѣтетъ познанье,
Какъ наблюдать способности людей
И обращать ихъ въ пользу Государства.
Кто пылкія движенія души
Къ добру направитъ безкорыстнымъ словомъ?
Кто ранній умъ державнаго младенца
Научитъ трудному искусству — править
Огромнымъ Государствомъ? — Князь Пожарскій,
Ты Царскій Стольникъ, первый воевода!
Избрать вождей, — твой выборъ будетъ вѣренъ;
Издать законъ, — ты знаешь нужды Царства.
Такъ согласись, что ты необходимый
Правитель Государства...
ПОЖАРСКІЙ. Нѣтъ, Марина!
Ошиблась ты. Мнѣ Богъ опредѣлилъ:
Спасти Москву, Русь отъ враговъ очистить,
Собрать народъ всѣхъ званій, состояній,
И испросить у Господа — Царя.
МАРИНА *(вставъ, съ особенною живостью)*.
Ты хочешь Русь повергнуть снова въ бурю
Кровавыхъ смутъ междоусобной брани!
И могутъ ли сановники твои,
Испытанные въ клятвахъ и измѣнахъ,
Своекорыстныхъ видовъ не питая,
Избрать Царя, съ желаньемъ постояннымъ:
Хранить къ нему любовь и уваженье,
И безусловной волѣ Государя
Въ смиреніи и вѣрѣ покоряться?..
Не лучше ли вамъ снова обратиться
Къ державному въ пеленкахъ Государю —
И сына моего признать Соборомъ...

Пожарскій. Умолкни! Громъ да разразитъ тебя!..
Сынъ вора на Престолѣ Іоанновъ!!
Не будетъ Шведъ, не будетъ Ляхъ Царемъ,
Не будетъ сынъ порока и соблазна,
Проклятый Патріархомъ Ермогеномъ!
Намъ нуженъ Царь отъ православныхъ предковъ,
Отъ Царской крови.

Марина (*въ испугѣ*).
Выслушай!

Пожарскій. Умолкни!!
Въ мечтахъ своихъ ты дурно расчитала,
Какъ уловить меня на преступленье!

Марина (*падая на колѣни*).
Будь хладнокровенъ, Князь!

Пожарскій. Ни слова, лжица!
Твой хитрый умъ несчастныхъ уловлялъ
И былъ виной толикихъ бѣдствій нашихъ.
Смирись, жена лукавая, покайся!
Въ монастырѣ забудь свои надежды!

Марина (*вставъ*).
Князь! Есть предѣлы женскому смиренью,
Но нѣтъ предѣловъ материнскимъ чувствамъ!
И если я смиреньемъ не взяла,
Такъ я найду другія средства...

Пожарскій. Боже!
О, не она-ль символъ несчастій нашихъ!
Не ты-ль, жена, какъ злобная колдунья,
Смущала Русь порокомъ и соблазномъ?
Не ты-ль, не ты-ль на Царство православья
Тѣнь гнусную измѣны навела?
Въ пиру страстей, отъ смерти Годунова
До нашихъ дней, — ты чашу обносила,
Сосудъ неистощимаго соблазна!

Ты памятникъ воспоминаній страшныхъ!
И если-бъ ты не женщиной была,
Я-бъ вылилъ жизнь изъ гнуснаго сосуда!
Напрасенъ ковъ! — Я приписалъ несчастью,
Чему виной твой непокойный разумъ!
Марина, знай: для твоего отродья
И для тебя — нѣтъ Царскаго вѣнца,
Нѣтъ Царства Русскаго; — одни проклятья,
Проклятія на матери и сынѣ!..

МАРИНА *(въ чрезмѣрной злобѣ).*
О, будь же проклятъ ты, съ твоею Русью!
Умри безславной смертью, честолюбецъ!
Ты для себя освобождаешь Царство,
Но никогда Престола не достигнешь!
Вся голова въ огнѣ; ты можешь слышать,
Какъ бьется это сердце... — Не напрасно!
Есть выше власть — и доведетъ меня
До Царскаго вѣнца...

ПОЖАРСКІЙ. О нѣтъ! На плаху,
Проклятая жена!

МАРИНА *(въ ужасѣ).*
На плаху! Боже!
И вотъ палачъ, вотъ этотъ красный Князь!

ПОЖАРСКІЙ. Безумная!

МАРИНА. Я соберу всю Русь
И ей прочту всю душу честолюбца!..
О Іоаннъ! О сынъ мой! Совершилось!

—

ПОЖАРСКІЙ *(одинъ).*
Врагъ человѣческій! Какъ слабы сѣти!
Ночь не прошла, одна стыдомъ распалась,
Проклятіемъ разсыпалась другая. *(садится).*

—

ПОЖАРСКІЙ и ВОЕВОДЫ (приходятъ, одинъ послѣ другаго).

ПЕРВЫЙ ВОЕВОДА. Отъ Гетмана Хоткѣвича отрядъ
Идетъ — въ Москву прорваться.

ПОЖАРСКІЙ. Уничтожить
Отрядъ, Начальника забрать въ полонъ!

ВТОРОЙ. Полковникъ Струсъ выходитъ изъ Кремля.

ПОЖАР. Прогнать назадъ! Черкаскій, твой чередъ!

ТРЕТІЙ. Самъ Гетманъ въ Слободѣ Стрѣлецкой!

ПОЖАРСКІЙ. Выгнать!
Вы, Мансуровъ и Образцевъ, возьмите
Свои полки!.. Честь ваша впереди!..

ИЗМАЙЛОВЪ. Будило вышелъ на Дѣвичье поле!

ПОЖАРСКІЙ. Взошло ли солнце?

ИЗМАЙЛОВЪ. Нѣтъ!

ПОЖАРСКІЙ. Такъ обождетъ!
Пусть въ полный день свое увидитъ бѣгство.

РЖЕВСКІЙ. Бой начался на всѣхъ концахъ Москвы!

ПОЖАРСКІЙ. Благодарю, Творецъ, благодарю!
О подними изъ водъ златое солнце,
Разсѣй туманъ и Самъ воззри на насъ!

ТРУБЕЦКОЙ. Казаки отступаютъ!

ПОЖАРСКІЙ. Стыдъ при нихъ!
И отъ стыда Казаки не отступятъ!

(Всѣ съ изумленіемъ смотрятъ на Пожарскаго, обнаруживающаго нетерпѣливое ожиданіе).

МИНИНЪ. Пожаръ въ Москвѣ!

ПОЖАРСКІЙ. Пожаръ въ Москвѣ? Ура!
Богъ началъ казнь — и горе супостату!
За мной, Вожди! Богъ началъ казнь!

(Уходитъ).

ВСѢ *(за нимъ слѣдуя).* Ура!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Келья.

—

«**ЧЕРНЕЦЪ** *(одинъ)*.
«Правдива-ль вѣсть, что ополчились люди
«И съ Княземъ Стародубскимъ къ намъ идутъ?
«О, не за нихъ ли Патріархъ въ молитвѣ?
«Ужъ третій день постится Патріархъ
«Постомъ неслыханнымъ... Ни днемъ, ни ночью,
«Глазъ не смыкаетъ и всегда стоитъ
«Предъ образомъ Спасителя смиренно;
«Одно движеніе — въ земныхъ поклонахъ;
«И пищи принимать не хочетъ... Страшно
«Величіе его!... Онъ, какъ Святой,
«Небесной благодатію сіяетъ;
«Глаза, какъ жаръ; слова — языкъ пророковъ...
«О, если и молитва Патріарха
«Насъ не спасетъ, тогда ужъ нѣтъ надежды...

—

ЧЕРНЕЦЪ и ГОНСѢВСКІЙ.

«**ГОНСѢВСКІЙ**. Просите Патріарха! Я хочу
«Съ нимъ говорить....
«**ЧЕРНЕЦЪ**. Онъ молится.
«**ГОНСѢВСКІЙ**. Не время!
«Мнѣ нужно съ нимъ поговорить. Просите!
«**ГОНСѢВСКІЙ** *(одинъ.)*
«Ночь. Патріархъ въ молитвѣ. Любопытно,
«О чемъ молился неприступный старецъ?
«Да, отъ него теперь зависитъ много; —
«И если онъ не согласится — клятвой
«Отъ приступа, отъ брани удержать
«Разгнѣванный народъ, — тогда напрасно

«И защищать огромную Москву: —
«Она падетъ, Гонсѣвскому могилой...

—

ПАТРІАРХЪ ЕРМОГЕНЪ, ЧЕРНЕЦЪ и ГОНСѢВСКІЙ.

«**ГОНСѢВСКІЙ**. Святитель! Извини, что я молитву
«Осмѣлился прервать....

«**ЕРМОГЕНЪ**. Когда съ любовью
«Приходишь ты — намъ объявить желанье
«Оставить Русь, — Господь тебѣ проститъ; —
«Но если съ новымъ замысломъ коварнымъ, —
«Господь тебя накажетъ. — Говори!
«Я слушаю, Гонсѣвскій!

«**ГОНСѢВСКІЙ**. Патріархъ!
«Я получилъ недавно донесенье,
«Что новый бунтъ затѣяли Русины
«И привели свой замыслъ въ исполненье;
«Мятежникъ Князь Пожарскій и Козьма,
«Прозваньемъ Сухорукій, ополчили
«Весь Нижній Новгородъ и все сосѣдство,
«И привели безчисленную тму
«Народа подъ Москву. И что же? Завтра
«Я уничтожу эту саранчу,
«Я разгоню овецъ пугливыхъ стадо;
«На лобномъ мѣстѣ, предъ глазами свѣта,
«Падутъ главы зачинщиковъ возстанья;
«Я не Король, и миловать не смѣю;
«А сохраняя пользу Государства,
«Чтобъ отучить отъ мятежа Русиновъ,
«Я принужденъ прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ...
«Но есть еще другія средства: можно
«Не проливая крови бунтъ унять,
«И привести мятежниковъ къ закону.

«Ты—Патріархъ; твой санъ и добродѣтель
«Тебѣ велятъ посредникомъ быть нашимъ,
«И приказать мятежному народу
«Законной власти покориться. Слово
«Изъ устъ твоихъ, или руки твоей,
«И весь мятежъ утихнетъ самъ собою;
«А погрози анаѳемой, — вся Русь
«Изъ подъ знаменъ, какъ стадо, разбѣжится...

«**ЕРМ**: Ты правъ, Гонсѣвскій! Такъ, скажу лишь слово,
«И рать непобѣдимая отъидетъ!
«Возьму лишь Крестъ и грозно подниму, —
«И ницъ падутъ передъ Крестомъ Русины! —
«Въ моей все этой власти... очень знаю...
«Но не скажу спасительнаго слова,
«Не подниму Креста для анаѳемы...
«Нѣтъ! Я пошлю во станъ глаголъ привѣта,
«Благословлю дѣтей Руси, во имя
«Отца и Сына и Святаго Духа!
«На брань, на казнь враговъ Руси и Церкви!
«Посредникъ я — межъ Богомъ и народомъ;
«Безъ алтаря, безъ причта, облаченья,
«Я день и нощь, въ моей темницѣ душной,
«Передъ Престолъ Небеснаго Царя
«Молитву православныхъ возношу —
«И—близокъ часъ, услышится молитва...

«**ГОНСѢВСКІЙ**. О Патріархъ! Напрасная молитва!
«Всѣ цѣловали крестъ...

«**ЕРМОГЕНЪ**. Не Сигизмунду!...

«**ГОНСѢВСКІЙ**. Но Владиславъ пріѣдетъ....

«**ЕРМОГЕНЪ**. Не пріѣдетъ!
«На что намъ Владиславъ, когда коварно
«Готовитъ онъ, съ своимъ отцомъ коварнымъ,
«Отечеству и вѣрѣ униженье?

«**гонсѣвскій**. Но мало-ль вы унижены уже?
«**ермогенъ**. Несчастіе еще не униженье.
»Русь никогда унижена не будетъ;
«На ней Господняя почіетъ сила;
«Всесильный Царь свою святую землю
«Естественною крѣпостью украсилъ,
«А бѣдствія не испугаютъ Русскихъ;
«Да и пугаться ихъ они не смѣютъ,
«*Зане* всегда прямые Христіане
«Должны просить, а не бѣжать креста!
«**гонсѣв**: Но кто-же, какъ не ты, надменный старецъ,
«Присягу принималъ съ народа?
«**ермогенъ**. Я! —
«И только я, на всей Святой Руси,
«Присягу разрѣшить имѣю право...
«И разрѣшилъ...
«**гонсѣвскій**. Ты разрѣшилъ присягу?
«**ермогенъ**. Ты знаешь ли всю силу Патріарха?
«Велю, — вся Русь падетъ предъ Владиславомъ!
«Скажу, — вся Русь на Польшу устремится!
«Я брошу анаѳему, — вся земля
«Наполнится проклятьемъ Патріарха!
«Но я не смѣю, противъ убѣжденья,
«Играть всесильнымъ словомъ Патріарха.
«Есть Божій Судъ, — и перваго меня
«Постигнетъ онъ. Людей бояться — стыдно,
«А Бога должно!
«**гонсѣвскій** *(съ жаромъ.)*
Патріархъ, есть муки;
«И въ нихъ ты будешь только человѣкомъ...
«**ермогенъ**. Господь! Ты укрѣпишь меня на муки!
«Съ Тобой огонь не жжетъ, желѣзо тупо... —
«Гдѣ-жъ эти муки, человѣкъ?

«**гонсѣвскій.** Святитель!
«Ты хочешь быть великимъ изъ упрямства,
«Ты хочешь кровь пролить ста тысячъ братій,
«Чтобъ твердости твоей дивились люди...

«**ермог:** Сто тысячъ Христіанъ!... Благословляю!
«Пролейте кровь за вѣру и отчизну!
«Пусть я умру, но Русь моя воскреснетъ,
«И предъ Творцемъ мой подвигъ будетъ свѣтелъ!
«Благословляю васъ, благословляю
«Тебя, Димитрій, и тебя, Козьма,
«И всякаго Стратига, *иже* идетъ
«На брань за Церковь и за Русь, во имя
«Отца и Сына и Святаго Духа.

(Уходитъ съ Чернецомъ.)

—

«**гонсѣвскій** *(одинъ)*.
«Мнѣ остается только умереть,
«Какъ слѣдуетъ честному человѣку.

(Уходитъ.)

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ *).

Сцена представляетъ довольно обширную площадь; вокругъ домà; въ отдаленіи видѣнъ Кремль.

—

*) Этому Явленію въ первыхъ представленіяхъ предшествовало другое, какъ и напечатано въ первомъ изданіи; но въ послѣдствіи этотъ актъ передѣланъ. Исключенное явленіе помѣщаемъ здѣсь въ цѣлости.

ПОЖАРСКІЙ, ТРУБЕЦКОЙ, ИЗМАЙЛОВЪ, ЗАРУЦКІЙ, МИНИНЪ, РЖЕВСКІЙ, Воеводы, Бояре, Дворяне, Казаки и войско.

ПОЖАР: Итакъ Господь благословилъ нашъ приступъ!

Сцена представляетъ широкую улицу; вдали Кремль.

ЗАРУЦКІЙ, ЗАВАРЗИНЪ и КАЗАКИ *въ боевомъ порядкѣ; слышны отдаленные пушечные выстрѣлы.*

ЗАВАРЗИНЪ. Да первый приступъ удался на славу!—
Китай городъ за нами; но Кремля
Пожарскому такъ скоро не добыть.
Пальба идетъ удачно, а на приступъ
Насъ не ведутъ... Задумался Пожарскій!..

ЗАРУЦ. Теперь ужъ нашъ чередъ! Хоткѣвичъ въ бѣгствѣ
Съ горы Поклонной стыдъ понесъ съ собой!
Гонсѣвскій заперся въ Кремлѣ и ждетъ,
Чтобъ я пришелъ съ Казаками на помощь, —
И я приду на смерть ему и Струсу! —
Марины нѣтъ; куда она дѣвалась?..
Но сынъ у насъ — и для меня довольно!
Настало время кончить наше дѣло!
Когда Пожарскій войско обойдетъ
И станетъ на своемъ обычномъ мѣстѣ,
Сманимъ полки богатствами Кремля,
Сомкнемся въ рядъ и, будто бы на приступъ,
Подвинемся тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Пожарскій
Стоитъ; въ толпѣ своей его смѣшаемъ;
И, Богъ судья! — окончимъ наше дѣло
Ударомъ мѣткимъ вѣрнаго кинжала! —
Что, понялъ ты?

ЗАВАРЗИНЪ. Понять, я понимаю;
Но этотъ Вождь — любви народной идолъ...

ЗАРУЦКІЙ. Онъ любъ живой, а мертвый ненавистенъ!
Поговорятъ и перестанутъ. Знаешь,
Какъ свѣтъ идетъ? — Молва живетъ не долго.
Упустимъ ли счастливое мгновенье?

—

Китай-городъ ужъ снова Русскій городъ;
Авось и Кремль намъ выдастъ супостата!
Нѣтъ отдыха! И стыдно отдыхать,
Когда кресты Кремлевскіе надъ нами,

ТѢ-ЖЕ ПОЖАРСКІЙ, ТРУБЕЦКОЙ *и многіе Воеводы.*

ПОЖАРСКІЙ. *(поспѣшно проходя сцену).*
Жаль православныхъ! — Боже! Столько тысячъ
На смерть подвинуть! Врагъ, сегодня, завтра,
Къ ногамъ моимъ безъ боя упадетъ...
Какъ думаешь, Димитрій Тимоѳеичъ?

ТРУБЕЦКОЙ. Вели — и громъ орудій прекратится.

ПОЖАРСКІЙ. Но жаль и Москвичей! Въ суровомъ плѣнѣ
Какъ милостыни, приступа желаютъ!
Но что же дѣлать? Два, три дня, не больше —
И врагъ придетъ съ повинной головой!..

ЗАРУЦКІЙ, ЗАВАРЗИНЪ *и Казаки.*

ЗАРУЦКІЙ. Друзья мои, сподвижники и братья!
Вы видите гордыню Воеводы,
Вы слышите, какъ онъ враговъ жалѣетъ!
Онъ голодомъ намѣренъ Русь спасти
Отъ многихъ тысячь супостата! Братья!
Ругаются Кремлю Нижегородцы!
Добычу всю и златомъ и вещами
Берутъ они! А приступъ отлагаютъ
Единственно изъ страха, опасенья,
Чтобъ гордый Кремль богатствъ своей добычи
Не удѣлилъ и намъ. А сколько злата,
Сребра въ Кремлѣ! Заморскіе напитки
Въ Боярскихъ тайникахъ хранятся; деньги
Зарыты въ огородахъ! Князь Пожарскій
Безъ боя хочетъ Кремль добыть; поживу
Изъ рукъ Казаковъ бѣдныхъ вырвать! Братья,
Позволимъ ли кичиться Воеводѣ?
За мной, друзья! На грозный приступъ! Пушки
Мы выхатимъ изъ подъ руки трусливой —
И наши: честь и Кремль и супостатъ!
Впередъ, друзья, за мной...

(Идетъ).

Глядятъ на насъ съ надеждой и сомнѣньемъ;
Когда въ Кремлѣ родные наши братья
Безъ сна и пищи молятся объ насъ... —
А мы объ нихъ мечемъ не порадѣемъ?

КАЗАКИ *(въ сильномъ волненіи, за нимъ слѣдуя).*
Впередъ! впередъ!

—

МИНИНЪ *(держа въ рукѣ грамоту).*
Назадъ, назадъ, толпа безчестныхъ воровъ!
(Казаки отступаютъ).

ЗАРУЦКІЙ. Впередъ!

МИНИНЪ. Молчи! Я Божій судъ несу!
И громъ небесъ изъ устъ моихъ постигнетъ
Коварнаго убійцу Воеводъ!

ЗАРУЦКІЙ. Ты, волкъ передовой Нижегородцевъ!

МИНИНЪ. Стыдъ на тебѣ, терзатель, коршунъ дикій!
За тѣмъ ли ты съ Казаками своими
Въ далекую страну спѣшилъ изъ дома,
Чтобы смущать ее измѣной?
(Обращаясь къ Казакамъ).
Братья!
Помилуйте, вы также Христіане!

ЗАРУЦКІЙ. Не слушайте лисицу!

КАЗАКЪ. Атаманъ!
Онъ доблій мужъ, онъ — Мининъ Сухорукій!

МИНИНЪ. Друзья мои, я — Мининъ Сухорукій!
Я правдой жилъ, слова мои не вѣтеръ!
Смотрите сами! слушайте!
(Развертываетъ грамоту).

ЗАРУЦКІЙ. Ни слова!
Впередъ!
(Бросается на Минина, но Казаки, схвативъ его за руки, удерживаютъ).

КАЗАКЪ. Молчи, Заруцкій! Пусть онъ скажетъ!

МИНИНЪ. Господній судъ донынѣ воздержался
Измѣнника предъ свѣтомъ обличить!
Онъ не на приступъ велъ васъ, — нѣтъ, Казаки,
Онъ велъ васъ на погибель Воеводы.

Измайлъ. Оно бы такъ, но видишь Князь Димитрій
Михайловичъ, какъ уморилось войско;
И конь, и всадникъ, и пушкарь, и пѣшій,

ЗАРУЦКІЙ (*вырываясь*).
Пусти, Казакъ!

ГОЛОСА МЕЖДУ КАЗАКАМИ. Нѣтъ, не пускай его!
Быть можетъ, онъ не доброе затѣялъ.

МИНИНЪ. Онъ измѣнилъ Святому православью!
Онъ продавалъ Святыню Государства,
Тому, кого казался онъ врагомъ...

КАЗАКЪ (*Заруцкому*).
Не вырывайся! Дай Козьму дослушать!

МИНИНЪ. Вотъ грамота къ Гонсѣвскому! Читайте!
Онъ обѣщаетъ въ ней, съ Казацкимъ войскомъ,
Сегодня же перебѣжать въ Москву,
Но прежде истребивъ Стратиговъ Русскихъ!
Самъ Просовецкій грамоту мнѣ отдалъ,
Онъ самъ своихъ поступковъ устыдился.
Читайте и судите, Христіане!

МНОЖЕСТВО ГОЛОСОВЪ МЕЖДУ КАЗАКАМИ.
Да что читать? — Читать мы не умѣемъ! —
Ты говоришь. — Кто Минину не вѣритъ? —
Измѣнника Богъ слушать не велитъ! —
Вязать его! — На судъ Казачій...

ЗАРУЦКІЙ (*вырываясь*).
Судъ?..
Я Атаманъ и васъ отдамъ на судъ!

КАЗАКЪ. Отдашь на судъ? Довольно насъ морочить!
Вязать его!

ЗАРУЦКІЙ (*вырвавшись, обнажаетъ саблю и бросается на Казака*).
Вязать? — Я проучу васъ!

КАЗАКИ. Что? драться?

КАЗАКЪ. Драться? Смерть тебѣ, нечистый!
Вотъ два рубца, припомни ихъ, Заруцкій!
Молокососъ, но не прощу измѣны!

ЗАРУЦКІЙ (*сражаясь съ толпою Казаковъ*).
Что жъ, Заварзинъ, ты мнѣ не помогаешь?

Ногъ подъ собой не слышатъ; ихъ усталость
Чтобъ не была во вредъ святому дѣлу.
МИНИНЪ. Измайловъ! Царь Господь подастъ имъ силу;
Небесной пищей утолитъ ихъ голодъ;

ЗАВАРЗИНЪ. Я говорилъ тебѣ всегда Заруцкій:
Не по тебѣ Царей тяжелый скиптеръ!
МИНИНЪ. Онъ посягнулъ на Русскую державу!
О Русскій Богъ, смири его гордыню!
КАЗАКИ *(поражая Заруцкаго копьями).*
Смерть подлому измѣннику! Ура!
ЗАРУЦ: *(упадая).* Ахъ! Такъ погибъ Прокопій Ляпуновъ!
(Умираетъ).
МИНИНЪ. Ужасно видѣть казнь злодѣя! Братья,
Возьмите тѣло и землѣ предайте!
За гробомъ месть кончается людская.
(Нѣсколько Казаковъ уносятъ трупъ Заруцкаго; за сценой слышны крики).
Проломъ! Проломъ!

ТѢ-ЖЕ *и* ПОЖАРСКІЙ.

ПОЖАРСКІЙ. Казаки! Гдѣ Заруцкій?
Измѣнникъ! Я его итти заставлю
На приступъ. Мининъ, гдѣ Заруцкій?
МИНИНЪ. Князь!
Нѣтъ болѣе Заруцкаго! Онъ — тамъ
Судомъ Господнимъ судится безчестный,
За тяжкую измѣну Православью!
ПОЖАРСКІЙ. Но кто убилъ!
КАЗАКЪ. Мы, повелѣньемъ Божьимъ!
ЗА СЦЕНОЙ. Второй проломъ!
ПОЖАРСКІЙ. За мной, друзья, за мной!
Я буду самъ Казацкимъ Атаманомъ!
Я буду самъ послѣднимъ Казакомъ!
Но только Русь спасемъ, друзья и братья!
На приступъ! Съ нами Богъ!
(Уходитъ съ Мининымъ).
КАЗАКИ *(за ними слѣдуя).*
Ура! На приступъ! —

И много-ли для православныхъ нужно!
Глянь на Москву, пройдетъ твоя усталость;
Глянь на своихъ,—пройдетъ твой нищій голодъ!

пожар: Козьма, теперь не въ красной рѣчи сила!
Смотри: ужъ солнце подошло къ полудню,
Пора въ Кремлѣ служить молебенъ!.. Дѣти,
Нѣтъ отдыха!.. Въ ряды! Всѣ по мѣстамъ!
Поднимемся на бой послѣдній!.. Князь
Димитрій Тимоѳеичь, ты усталъ-ли?

трубецкой. Маленько, только отдыхать не стану.
Скорѣе въ Кремль, въ наслѣдственный мой теремъ;
Тамъ отдохну, съ святою Русью вмѣстѣ!

пожарскій. А ты, Заруцкій?

заруцкій. Я готовъ идти!
Пошли насъ, Князь, куда тебѣ угодно...

пожарскій. Иванъ Мартынычъ, ты иди на право,
Ударь на Поляковъ — и противъ пушекъ
Поставь свои! Казакамъ въ помощь — Ржевскій
Съ дворянами. Прощай, Иванъ Мартынычъ!
Благослови тебя Господь...—Казаки!
Послѣдній бой, въ Кремлѣ раздамъ награды!

казаки *(строясь)*. Ура! впередъ!

заруцкій *(Заварзину)*. Попался Воевода!
Не смѣтливъ Князь! Онъ самъ насъ отпустилъ.
Чуръ не плошать! Я первый подниму
Условленное знамя. Просовецкій
Узнаетъ насъ.

заварзинъ. А онъ въ Москвѣ?

заруцкій. Въ Москвѣ!
(Тихо).
Прощай, надменный Князь, до грозной встрѣчи!
(Обращаясь къ Казакамъ).

За мной, Казаки! Съ нами Богъ!
КАЗАКИ *(слѣдуя за нимъ)*. Ура!

—

ПОЖАРСКІЙ, ТРУБЕЦКОЙ, ИЗМАЙЛОВЪ, МИНИНЪ, Воеводы, Бояре и войско.

ПОЖАРСКІЙ. Теперь тебѣ, Димитрій Тимоѳѣичь!
Зайди на лѣво и своимъ полкомъ
Возможность отступленья уничтожь!
Прощай, родимый! Можетъ быть, на смерть
Я посылаю брата, иль на славу!
(Обнимаетъ Трубецкаго).
ТРУБЕЦКОЙ. А развѣ смерть въ бою—не таже слава!
ПОЖАР: Да! Кто за Русь падетъ, тотъ Божій воинъ!
Но вамъ пора, Димитрій Тимоѳѣичъ;
Спѣшите, братья; можетъ быть, Казаки
Уже въ Кремлѣ... Передъ престоломъ Бога
Увидимся...
ТРУБЕЦКОЙ. Въ Успенскомъ храмѣ, Князь!
За мной, на приступъ, съ нами Богъ!
ИЗМАЙЛОВЪ *и часть войска, слѣдуя за нимъ:* Ура!

—

ПОЖАРСКІЙ, МИНИНЪ, Воеводы и Войско.

ПОЖАРСКІЙ. Господь! Твое святое око блещетъ;
То радость Божія о Русскомъ войскѣ!
То благодать на Русь святую льется!
О! кто великъ передъ народомъ Русскимъ!
Орудія гремятъ. То Божій Ангелъ
Уноситъ жизнь по Божьему велѣнью.
Я узнаю сей громъ великолѣпный!
Другой напѣвъ у нашей Русской пушки!
Ея слова—послѣдній судъ и казнь!
Пора и намъ, товарищи, на приступъ...
О матушка Москва! Какъ бьется сердце,

Все существо становится молитвой,
Душа кипитъ небеснымъ утѣшеньемъ!..
Любовь къ отечеству—ты Божій Ангелъ,
Твое же небо—Русская душа...
Но громъ замолкъ! Что это значитъ?.. Боже!
Смотри, Козьма, Казаки отступаютъ.
Ты видишь ли, бѣжитъ какой-то воинъ;
Зачѣмъ ему, злодѣю, возвращаться!
Несчастный! Или Кремль, иль небеса —
Другой тутъ нѣтъ дороги...
МИНИНЪ. Это Ржевскій!

—

ТѢ-ЖЕ И РЖЕВСКІЙ.

ПОЖАРСКІЙ. Зачѣмъ ты воротился?
РЖЕВСКІЙ. Князь Димитрій
Михайловичъ! Неволя приказала!
Мы подошли было уже къ Кремлю;
Въ устахъ: ура! и на голо мечи,
А пушкари заѣхали на право
И грянули въ свой боевой набатъ.
И потряслась Кремлевская земля,
На наши пушки стономъ отвѣчала!
И мы, въ слезахъ любви и умиленья,
Казалось, стонамъ матери внимали,
И шли впередъ стѣной нераздѣлимой.
«Стой!» закричалъ Заруцкій, и ряды
Остановились. «Чтожъ, Иванъ Мартынычь?..»
Сказалъ я Атаману:» намъ велѣли
Итти, а не стоять... — «Молчи, слуга
Нижегородскихъ псовъ!» онъ отвѣчалъ мнѣ:
«Теперь я самъ и Князь и Воевода!»
А между тѣмъ изъ нашихъ Русскихъ пушекъ,
Что въ злыхъ рукахъ, остались супостата,
Пошли гулять враги по нашемъ войскѣ.

И пушка знаетъ своего! Что кинетъ
Ядро, то не впопадъ; иль не дохватитъ,
Иль переброситъ черезъ насъ... Заруцкій
Тогда, оборотясь къ Казакамъ, началъ
Учить измѣнѣ, и тебя корилъ,
И Князя Трубецкаго, и Козьму,
И говорилъ, что всю съ врага добычу
Берешь иль ты, иль Дмитрій Тимоѳѣичь,
И толковалъ, что Гетманъ Панъ Гонсѣвскій
Сильнѣе насъ, богаче и умнѣе,
И если Казаки пойдутъ на приступъ,
То болѣе отчизны не увидятъ;
Совѣтовалъ скорѣе передаться
Гонсѣвскому, и первый поднялъ знамя...

ПОЖАРСКІЙ. Чтожъ ты молчалъ?

РЖЕВСКІЙ. Да что мнѣ говорить,
Когда самъ Богъ заговорилъ съ Заруцкимъ!
Онъ не успѣлъ еще воздвигнуть знамя,
Онъ не успѣлъ покрыть стыдомъ Казаковъ,
Какъ пушка Русская его узнала,
И, плѣнница, измѣннику отмстила!..
Еще слова въ устахъ его дрожали,
Какъ вдругъ ядро летитъ со стѣнъ Кремлевскихъ
И на главу Заруцкаго упало.

ПОЖАРСКІЙ. Благодарю за судъ твой, Всемогущій!
Но почему Казаки отступили?

РЖЕВСКІЙ. Они итти со мной не захотѣли,
А Атаманы спорили, кто старше.

ПОЖАРСКІЙ. Нашли же время разсуждать о чинѣ!
Друзья, въ ряды! Я разрѣшу ихъ споры,
Я буду самъ казацкимъ Атаманомъ,
Я буду самъ послѣднимъ Казакомъ,
Но только бы освободить отчизну!

—

ТѢ-ЖЕ и ИЗМАЙЛОВЪ.

ИЗМАЙЛОВЪ *(входя поспѣшно)*.

Князь, поспѣши на правое крыло
И раздѣли врага; намъ стало жутко
Отъ вражьихъ пушекъ; съ лѣвой стороны
Мы одолѣемъ, иль со славой ляжемъ;
Да только намъ на правой помоги,
А какъ раздѣлишь ихъ, побѣда наша!

ПОЖАРСК: Нетакъ легко насъ одолѣть, Измайловъ!
Спѣши къ своимъ и молви отъ меня,
Что я въ Кремлѣ жду братій на молебенъ!..
(Къ войску).
Впередъ! На приступъ! Съ нами Богъ!

ВСѢ. Ура!

(Мининъ, Ржевскій и войско уходятъ за Пожарскимъ въ ту сторону, куда пошелъ Заруцкій съ Казаками, а Измайловъ туда, куда пошелъ Князь Трубецкой съ войскомъ).

МАРИНА *(одна)*.

Я видѣла, какъ трупъ его несли!
Я видѣла, какъ звѣри хоронили,
Послѣднюю надежду... О! Заруцкій!
Что ждетъ меня теперь? Палачъ и плаха!
Ахъ! голова отъ жару распадется...
(Падаетъ безъ чувствъ; пушечная пальба прекращается; раздается колокольный звонъ; Марина поднимается въ помѣшательствѣ).
Колокола! Колокола! То Шуйскій
На мужа моего Москву сзываетъ!
О Іоаннъ! Онъ не отецъ тебѣ!..
А кто жъ отецъ?.. Тушинской воръ!.. Молчи!..
Не повторяй!.. Ты говорить умѣешь,
Проклятое дитя? — Молчи, молчи!
Смотри: на небесахъ Святое Око

Глядитъ, на насъ и видитъ наше сердце...
Да, видитъ!.. Нѣтъ, не видитъ; такъ темно
У насъ въ душѣ и сердцѣ... Тише, тише!..
Какъ крадется коварная рѣка;
Она бѣжитъ въ Москву на торжество
И намъ измѣнитъ. Спрячемся!.. Молчи,
Не плачь!.. Ура! въ ушахъ моихъ гремитъ;
Колокола, какъ совѣсть, воютъ; крики
Моихъ соотчичей меня терзаютъ!..
Московскіе колокола, уймитесь!
Уймись и ты, убійственная совѣсть!

Я обманулась! Это пѣсни,
Хвалебный гимнъ моей души.
Какъ по струнамъ рука дѣвицы
Проходитъ звуками печали —
И вдругъ перестаетъ играть...

Такъ жизнь людей, въ согласныхъ, плавныхъ звукахъ,
Течетъ красиво, тихо... Хохотъ, хохотъ!
Вы слышите, — смѣется вѣтръ въ листахъ,
Язвительной улыбкой блещетъ солнце
И хладной жжетъ насмѣшкой... О, какъ больно!
Куда итти?.. Пойду въ Москву... сожгутъ!
Пойду въ Литву... насмѣшкой заморозятъ!
Вездѣ бѣда!.. Пойдемъ въ пустыню,
Въ дремучій лѣсъ! Тамъ будемъ пѣсни пѣть,
Сбирать цвѣты и на свою могилу
Носить, носить... Вѣдь на мою могилу
Никто, никто съ цвѣтами не придетъ!
Не увлажитъ дернъ гробовой слезами
И о душѣ моей молитвъ не скажетъ!

Цвѣтъ могилы
Лучшій цвѣтъ.
Въ жизни здѣшней
Жизни нѣтъ.

Только въ гробѣ
Мы живемъ,
Только смертью
Воскресаемъ...
Колокола! въ Москву! въ Москву! Тамъ гробъ
Несчастную Марину ожидаетъ!
Колокола на грозный судъ зовутъ...
Иду, иду на грозный Неба судъ?
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Красное крыльце и площадь.

—

ТОЛПА НАРОДА со всѣхъ сторонъ бѣжитъ къ крыльцу.

ГОЛОСА. Сюда!- Сюда!-Князь вышелъ изъ Собора!-
Идетъ сюда на Красное крыльце! —
Дай разъ взглянуть на Князя! — Князя нѣтъ! —
Не говорила-ль я тебѣ, сосѣдка:
Въ Терентьевъ день возмутъ Москву, а ты
Въ день Несторовъ. Чья правда? — Ну, твоя;
Да и моей не много есть. — Пожалуй. —
Да скоро ли увидимъ наше солнце?..
(Народъ приходитъ въ сильное движеніе).
Идутъ! — Идутъ! — Дворяне впереди,
А тамъ Бояре! — Вотъ и Князь! Ура!

—

ПОЖАРСКІЙ, сопровождаемый **ТРУБЕЦКИМЪ** и другими Боярами и Дворянами; за нимъ **МИНИНЪ,** съ другою толпою народа.

ПОЖАРСКІЙ. Москвитяне! Насъ Богъ благословилъ!
Свободна Русь!

НАРОДЪ. Ура!

ПОЖАРСКІЙ. Въ столицѣ Русской
Нѣтъ ни единаго врага!

НАРОДЪ. Ура!

ПОЖАРСКІЙ. Исполнилось Господнее велѣнье!
«Возстани Русь!» — рече Творецъ Небесъ, —
И встала Русь, какъ юная дѣвица,
Подъ радостный убранная вѣнецъ!
Въ тяжеломъ снѣ она видала горе,
Страданія, мучительства и казни;
Но рекъ Господь... — распался тяжкій сонъ,
И очи пробудившейся дѣвицы
Узрѣли въ торжествѣ златое солнце!
Смотрите: нѣтъ ни облачка на небѣ
И солнце, какъ женихъ, призванный Русью,
Возносится, подъ голубымъ покровомъ... —
Миръ вамъ, упадшіе на полѣ брани!
Миръ вамъ, отцы, погибшіе въ невзгодѣ!
Миръ вамъ, вожди, приведшіе полки,
Но подъ Кремлемъ уснувшіе на трупахъ!
Миръ вамъ въ землѣ и царствіе небесно!
Прошла гроза! Богъ ликъ Свой обратилъ,
Да узритъ Русь во брачномъ торжествѣ;
Да возгорится въ храмахъ православныхъ,
Какъ жертва душъ, чистѣйшій ѳиміамъ!
Да снова Русь, на лонѣ Государя,
Согрѣется, окрѣпнетъ, разцвѣтетъ!
Но, граждâне, смягчивъ Святую волю,
Не предавайтесь вѣтренности дѣтской,
И помните: кого Господь вѣнчалъ,
Кого Господь помазалъ на державу,
Тотъ пріобщенъ Его небесной силѣ,
Тотъ высшій духъ, уже не человѣкъ,
Хотя хранитъ обыкновенный образъ.
Мы постигать умомъ не можемъ таинствъ,
Такъ слѣпо вѣровать должны. — Граждане!
Страдала Русь и кровью обливалась,

По воздуху ходилъ огонь небесный,
И солнце, безъ лучей, какъ рана, страшно
На съромъ куполъ краснъло; — мъсяцъ,
Какъ желтое пятно болъзни тяжкой,
Пугалъ глаза, предсказывая горе;
Гладъ по землъ ходилъ, какъ исполинъ,
И поражалъ безчисленныя жертвы!
То Божій перстъ каралъ васъ за невърность,
За легкомысліе, за страхъ, за ропотъ!
Вы отвращались сердцемъ отъ Царей,
Вы не хотъли службъ служить, какъ должно...
Не видано, не слыхано донынъ,
Чтобъ Русскій измънялъ; — вы измъняли!
Вы нарушали долгъ святой присяги!
Пылала Русь, вы умножали пламя!

НАРОДЪ *(рыдая)*.
Помилуй, Князь, помилуй!

ПОЖАРСКІЙ. Христіане!
Я говорю не съ тъмъ, чтобъ огорчать,
Но чтобъ исправить Русь! — Она прекрасна!
Щедротами Небеснаго Отца,
Она взойдетъ на высшія ступени!
Орелъ ея, подъ крылія свои,
Полъ-свъта приметъ, но... ужъ насъ не будетъ!
Погибли-бъ мы до тла, когда бы Русь
Избраннымъ Царствомъ не была Господнимъ!
Вамъ кажется, моя рука спасла васъ,
Иль доблесть воевъ, иль враговъ ничтожность?
Нътъ, граждане! Безсильны-бъ были мы,
Когда-бъ не Богъ присутствовалъ во брани!
Вотъ вамъ примъръ: Заруцкій измънилъ,
Врагамъ своимъ задумалъ передаться,
И Самъ Господь ядро въ него направилъ,
И Самъ Господь за Русь Свою вступился!

Другой примѣръ: Марины хитрый разумъ
Лукавые выдумывалъ обманы,
Смущалъ меня, смущалъ Бояръ и войско —
И разума лишилъ ее Господь!
Врагъ человѣческій повсюду ковы
Мнѣ, Минину, другимъ вождямъ и воямъ
Усердно разставлялъ; но я не слышалъ,
Какъ падали орудія измѣны;
Какая-то невидимая сила
Сосуды ада сокрушала.... Люди.
Во прахъ предъ Нимъ!... Онъ спасъ Святое Царство!!
(Народъ преклоняетъ колѣна.)

Голоса. Пресвѣтлый Князь! Мы познаемъ десницу
И всѣ тебя усердно слезно молимъ:
Прими Престолъ, тобой освобожденный
И мудростью закрой всѣ раны Царства!

Народъ *(подымаясь съ шумною радостію.)*
Да здравствуетъ Царь всей Руси, Димитрій
Михайловичь!

Пожарскій. Вотъ видите, какъ дѣтски,
Какъ легкомысленны порывы ваши!
Одинъ сказалъ, не разсудивъ прилежно,
И новости готовы всѣ предаться!
И кто вамъ право далъ — такой Святыней
Располагать такъ произвольно? Дѣти!
Мнѣ быть Царемъ? Ногою святотатца
Вступить на тронъ, не мнѣ принадлежащій!
Я только мечъ! Пора мечу въ ножны! —
Нѣтъ, православные, я отрекаюсь
Отъ Царскаго вѣнца, отъ всѣхъ честей,
Отъ благодарности, похвалъ и славы... —
А васъ, прошу: молитесь, Христіане! —
Двадцать осьмое Октября сего-дня!
Отъ дня сего поститесь три седьмицы!

Всѣ храмы будутъ вамъ отверзты; люди
Со всѣхъ концевъ Руси пускай приходятъ,
Пусть молятся, постятся вмѣстѣ съ вами,
Да вразумитъ Господь соборъ народный:
Кого избрать на Русскую державу?
Сего дня же Правленье Временное
Пошлетъ Указъ во всѣ предѣлы Царства,
Да съѣдутся всѣхъ состояній люди —
У Господа Царя Руси испросятъ!
А срокъ: день двадцать первый Февраля
Сего же лѣта! —
Граждане, простите!
На западѣ еще враги стоятъ.
Не положу меча, доколь отчизны
Отъ злыхъ враговъ въ конецъ я не очищу!
Тѣмъ временемъ молитесь! Не за насъ; —
Мы Божіе оканчиваемъ дѣло;
Но да подастъ намъ мудрость и смиренье,
Да, отряхнувъ всѣ личныя надежды,
Мы изберемъ Царя — отца народу,
Царя — грозу врагамъ Святаго Царства!
Да осѣнитъ Господь васъ благодатью
И ниспошлетъ терпѣніе и вѣру!

Народъ. Съ тобой благословеніе Господне!

—

Тѣ-же и Марина.

«**Марина.** Остановитесь! Я на судъ пришла!..
«Послушайте! Я запою вамъ пѣсню,
«Что птица пѣла надъ Заруцкимъ... Тише!
«Его со мной топили, утопили;
«Онъ тамъ остался, я домой пришла,
«Какъ рыба мокрая... Но этотъ холодъ
«Такъ и несетъ могилой. — Замолчите!..
«Ага! Вотъ онъ, вотъ этотъ красный Князь,

«Что растерзалъ меня, какъ звѣрь!.. Узналъ?
«Узналъ и засмѣялся! Ха, ха, ха!..
«Что сдѣлалъ ты? Не смѣйся, ради Бога!
«Ты знаешь ли, какая эта грудь?
«Какое въ ней когда-то было сердце,
«Огромное и чистое, какъ небо!..
«А нынче... посмотри... Гдѣ это сердце?
«Есть, есть! Но въ лоскуткахъ, въ кусочкахъ...Ты,
«Ты разорвалъ.

«**ПОЖАРСКІЙ.** Не я.

«**МАРИНА.** Такъ кто же?

«**ПОЖАРСКІЙ.** Богъ!

«**МАРИНА.** Кто это Богъ?

(Погружается въ глубокую задумчивость).

«**ПОЖАРСКІЙ.** *То Божіи дѣла!*
«*Въ Заруцкомъ жизнь была одна измѣна,* —
«*Богъ отнялъ жизнь! Въ ней разумъ былъ опасенъ,*—
«*И разума лишилъ ее Господь!*
«Москвитяне! Я поручаю вамъ
«Несчастную хранить въ святой столицѣ,
«Доколь указомъ Русскаго Царя
«Ея судьба не разрѣшится... Люди!
«Но заклинаю васъ! Она несчастна;
«Не оскорбляйте больше горькой жизни,
«Не умножайте наказаній Неба!
«Небесный гнѣвъ лишилъ ее разсудка,
«Но вы ее покоя не лишайте!
«Богъ миловать велѣлъ своихъ враговъ,
«А судъ грѣховъ Своей оставилъ волѣ!

(Отходитъ).

«**НАРОДЪ** *слѣдуя за нимъ, повторяетъ:*
«Съ тобой благословеніе Господне!

—

«**МАРИНА.** *(одна, то выходя из задумчивости, то снова впадая въ оную).*
«Кто это Богъ?.. Кто это Богъ?..»

АКТЪ ПЯТЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность Грановитой Палаты.

МИНИНЪ и **РЖЕВСКІЙ** (идутъ къ выходу, у коего на часахъ стоитъ Казакъ).

КАЗАКЪ. Настал день двадцать первый Февраля,
День радостный избранія Царя!
Князь и Москва во храмѣ молятъ Бога,
А мы, невольники, на долгой стражѣ,
Не можемъ Богоматери молиться,
Да ниспошлетъ Свое благословенье....

МИНИНЪ. Господній Домъ вездѣ, гдѣ есть молитва!
Молись и ты, и будетъ храмъ въ тебѣ!

РЖЕВСКІЙ. Святая Русь стеклась со всѣхъ сторонъ!
По улицамъ несмѣтныя толпы
Готовятся къ избранію Царя....
Бояре не рѣшатъ, рѣшитъ народъ.

МИНИНЪ. Пусть не мѣшается; ума довольно
И у Бояръ....

РЖЕВСКІЙ. Но кто удержитъ ихъ?

МИНИНЪ. Господь и Князь!.. Идутъ! Уйдемъ скорѣе!..

ТѢ-ЖЕ и **ПОЖАРСКІЙ** (сопровождаемый Соборомъ Воеводъ, Бояръ, Дворянъ и выборныхъ людей.)

ПОЖАРСК. Постой, Козьма! Ты былъ на полѣ брани,

Ты словомъ помогалъ, ты дѣлалъ дѣломъ;
Какъ грозный вождь, ты поражалъ враговъ;
Ты охранялъ несчастныхъ; раны братій
Цѣлительнымъ окладывалъ растеньемъ,
И всѣхъ усердные молился! — Мининъ!
Присутствуй же избранію Царя! —

МИНИНЪ. *(низко кланяясь.)*
О свѣтлый Князь! Могу ли я ничтожный
На сонмъ Бояръ ходить?

ТРУБЕЦКОЙ. Всѣ просятъ, Мининъ!
И твой совѣтъ Боярскаго не хуже!

МИНИНЪ. Благодарю, Бояре! Богъ воздастъ
Сторицею Боярамъ православнымъ;
Но я не сяду, нѣтъ — я мѣщанинъ.
Позвольте мнѣ, великіе Бояре,
Внимать вамъ, стоя у дверей!

ПОЖАРСКІЙ. Какъ хочешь!
Честь предъ тобой, но принуждать не смѣемъ,
Изъ уваженія къ твоимъ заслугамъ.
Возсядьте же, Бояре и Дворяне,
Сановники и Выборные люди!
Васъ призвалъ я на трудное избранье;
Но благъ Господь! Онъ намъ Покровъ и Сила.

(Весь Соборъ занимаетъ приготовленныя мѣста около столовъ, на которыхъ стоятъ чернильницы и разбросана бумага.).

ПОЖАРСКІЙ *(сидя.)*
Свободна Русь, Господнимъ заступленьемъ!
Исчезли тмы враговъ, и благость неба
Избрать Царя намъ нынѣ дозволяетъ!
Но, братія, съ слезами на очахъ,
Молю: не избирайте иновѣрца!
Святая Русь своихъ Царей имѣла,
Единственно на свѣтѣ православныхъ!

Родясь, уже Царь будущій пріемлетъ
Помазанье отъ Господа-Царя!
Царь на землѣ Господній представитель!
Онъ мудростью небесною исполненъ,
Онъ крѣпостью небесной препоясанъ!
И можно ли, чтобъ чуждый иновѣрецъ,
Священную Царей пріемля шапку,
Въ душѣ своей всѣ чувства заглушилъ,
Которыя его влекутъ за море!
Мы видѣли ужасные примѣры
Въ сосѣдствѣ нашемъ и у насъ самихъ.
Еще въ предѣлы Царства не вступая,
Ужъ сколько зла посѣялъ Владиславъ?
И, можетъ быть, десятокъ лѣтъ, другой,
Не высосутъ убійственнаго зла.
Но благъ Господь! — Вы обратите взоры
На поколѣніе Царей Московскихъ!
Не ужели Богъ вовсе уничтожилъ
Потомковъ Калиты и Іоанновъ?
Не ужели отъ Царской крови вовсе
Намъ отрасли послѣдней не осталось?
Отъ Царской крови... Да, Соборъ Великій!
Отъ Царской крови долженъ быть Владыка
И Повелитель многихъ Царствъ и Княжествъ!
Чтó личныя достоинства Вельможи?
Чтó предковъ рядъ и доблестныхъ и славныхъ?
Монашеская лѣтопись — и только!
Раздоръ предъ нимъ, раздоръ за нимъ; невольно
Гласъ слышится въ душѣ: *онъ былъ мнѣ равенъ!*
Считается смѣшнымъ повиновенье
Тому, кто самъ всегда повиновался!
Прилична ли тому Царей держава,
Кто царствовать безъ трепета не можетъ?
А наконецъ скажу я вамъ: Держава

Не можетъ быть наградой за труды,
За личныя заслуги Государству.
На то помѣстья, золотыя цѣпи,
И знаки разные Монаршей ласки;
На то чины, на то Царей вниманье,
Народная любовь и одобренье, —
А наконецъ Небесъ благословенье...
А Царская Порфира — не награда!
И только тотъ ее свободно носитъ,
Кто въ пеленахъ ее уже примѣрилъ —
И каждый день, крѣпясь и возрастая,
Къ ней постепенно, долго привыкалъ!
А не рожденному отъ Царской крови
Она тяжка, какъ Божіе проклятье
За святотатство! Мало ль честолюбцевъ
Подъ бременемъ Порфиры упадали?
И кто изъ васъ не помнитъ Годунова,
Отрепьева и Шуйскаго не помнитъ?
Вы слышали, какъ за моремъ предатель
Вѣнецъ Царей, какъ тать ночной, похитилъ?
Вы помните: Великій Іоаннъ
Съ нимъ не хотѣлъ имѣть сношеній; честно
Отвергнулъ миръ, безчестье наносящій,
И Царское послалъ ему презрѣнье!
И вѣрьте, кто въ порфирѣ не родился,
Тотъ не умретъ въ порфирѣ, какъ законный,
Наслѣдственный Помазанникъ Небесъ!
Не онъ, такъ дѣти кровію заплатятъ
За похищенье Царскаго Престола!
Пусть мудрствуютъ умомъ честолюбивымъ;
Но разумъ нашъ, вы знаете, какъ шатокъ!
Мы извиняемъ наши преступленья,
Мы осуждаемъ слабости другихъ,
Какъ намъ полезнѣй, выгоднѣе, лучше...

Но что жъ? Придетъ съ мечемъ суровый опытъ,
И грѣшные, мы каемся, но поздно! —
Я все сказалъ. Вотъ правила мои.
Кто не согласенъ съ мнѣніемъ моимъ,
Пусть намъ свое объявитъ.

(Продолжительное молчаніе.)

Вы молчите!
Благодарю Небеснаго Отца,
Что Онъ словамъ моимъ далъ крѣпость, силу
И убѣдительность! — Теперь къ избранью!
Но, братія, спокойно углубитесь,
Внимательно разслѣдуйте былое,
И въ будущность смотрите безкорыстно!
Не забывайте, жребій испадетъ,
А съ нимъ судьба отечества и ваша!
Я знаю, что межъ вами много есть,
Которые меня считаютъ другомъ,
Приверженцемъ ихъ собственнаго счастья,
И потому со мной вездѣ готовы!
Я это испыталъ на полѣ брани.
Чтобъ отдалить упреки Государства,
Всѣ признаки разрушить заговора,
Не объявлю я мнѣнья моего,
Но тайно поручу его бумагѣ:
Вы моему послѣдуйте примѣру.

Пожарскій пишетъ и всѣ, разрывая лежащую по столамъ бумагу, на лоскуткахъ пишутъ, свертываютъ и оставляютъ предъ собой.)

Мининъ *(невольно подвигаясь впередъ.)*
Творецъ благій! Какой священный часъ!
Какъ сердце замерло! Морозъ и трепетъ
По членамъ ходятъ! — Господи! Пошли
Единодушіе сему Собору!
Да согласитъ всѣ нужды Государства

И у Тебя испросить намъ Владыку!

(Продолжительное молчаніе, избраніе продолжается).

ПОЖАРСКІЙ *(тихо.)*

Въ душѣ моей и трепетъ и надежда.

(Молчаніе.)

МИНИНЪ. О не оставь въ послѣднюю минуту
Святой Руси!

(Молчаніе.)

ПОЖАРСКІЙ. Ты велъ меня на славу!
О увѣнчай усилія честныя!

(Молчаніе.)

ИЗМАЙЛОВЪ. Князь, повели собрать...

ПОЖАРСКІЙ *(отирая слезы.)*

О братья, братья!
Что, если здѣсь раздора сѣмена?..

ТРУБЕЦКОЙ. По совѣсти мы мнѣнія писали...

ИЗМАЙЛОВЪ. И клятву вновь мы подтвердить готовы!

ПОЖАРСКІЙ. Не трепеталъ я смерти въ ратномъ полѣ,
А здѣсь тоска и страхъ стѣснили сердце!
Но благъ Господь и не оставитъ насъ.
Ты голоса не подавалъ, Козьма!
Такъ собери-жъ чужіе голоса!

(Мининъ, взявъ со стола золотое блюдо, обходитъ всѣ столы и собираетъ голоса.)

Стань здѣсь, при мнѣ, и отбирай: какой,
Кѣмъ данъ и на кого?

МИНИНЪ *(отобравъ множество голосовъ и предлагая каждый Князю Пожарскому, съ изумленіемъ:)*

Глазамъ не вѣрю!

(Продолжаетъ разбирать голоса тѣмъ же порядкомъ, и приходя постепенно въ большее и большее удивленіе).

Не слыхано! не видано!

(Опустивъ послѣдній голосъ.)

О чудо!

Твою ль десницу не узнаетъ грѣшникъ?
Единодушна Русь, единогласна!..

(Въ восторгѣ, поднявъ глаза и руки къ небу, стоитъ, какъ бы пораженный нѣкимъ чудомъ.)

ИЗМАЙЛОВЪ. О не терзай Соборъ нетерпѣливый
И возгласи: кого Господь назначилъ?

ТРУБЕЦКОЙ. Смотрите: онъ безмолвенъ, недвижимъ!
Глаза горѣ вознесъ и льются слезы!

ИЗМАЙЛОВЪ. Князь, объяви!

ПОЖАРСКІЙ *(съ жадностію и съ неменьшимъ удивленіемъ перебирая голоса).*

И я внимаю чудо!

Единодушно, такъ, единогласно
Соборомъ избранъ: Михаилъ Романовъ,
Сынъ Ѳедора, въ монахахъ Филарета!

(Вставъ.)

Провозгласимъ отъ сердца и души:
Да здравствуетъ Царь Михаилъ Романовъ?

ВСѢ *(вставъ.)*

Да здравствуетъ Царь Михаилъ Романовъ!

ПОЖАРСК: *(обнимая Трубецкаго, потомъ и другихъ.)*

Обнимемся, Бояре! Этотъ день —
День радостный любви и воскресенья!

(Всѣ другъ друга обнимаютъ, проливая слезы.)

ТРУБЕЦКОЙ *(обнимая Измайлова.)*

Что, помнишь ли, какъ ты подозрѣвалъ?

ИЗМАЙЛОВЪ. О перестань! Забудь свою обиду!

ТРУБЕЦКОЙ *(обнимая Минина).*

Прости, Козьма!

МИНИНЪ *(почтительно кланяясь.)*

Прости меня, Бояринъ!

ПОЖАРСКІЙ. О радуйтесь и плачьте отъ восторга!
(За дверьми слышны голоса.)
Ура! Ура! Да здравствуетъ!..
ПОЖАРСКІЙ. Кричатъ!
Не разберу! Народъ пришелъ въ волненье!..

ТѢ-ЖЕ и ТОЛПА НАРОДА вламывается въ двери.

ГОЛОСА: Къ чему Соборъ?-Чего онъ медлитъ?-Братья!
Объявимъ все Собору...
(Пожарскій идетъ къ народу; толпа отступаетъ.)
Князь! Самъ Князь! Назадъ!
ПОЖАРСКІЙ (*гнѣвно*).
Что это значитъ, Русь? Опять измѣна?
ГРАЖДАНИНЪ (*низко кланяясь.*)
Князь! Извини! Совѣтъ твой прерываемъ!
Но вся Москва тебя съ слезами молитъ
Ихъ челобитную услышать!
ПОЖАРСКІЙ. Просимъ!
ГРАЖД: «Намъ нуженъ Царь!» кричатъ они: «Соборъ
Напрасно мудрствуетъ, когда законный
Наслѣдникъ есть отъ крови Іоанна,
Отъ крови Анастасіи прекрасной!»
У нихъ свой толкъ. Единогласнымъ сонмомъ
Москва, вся Русь Собору бьетъ челомъ,
Да изберетъ на Царство Михаила
Романова! (*Низко кланяясь*). Не гнѣвайтесь, Бояре!
Мы общее блаженство предлагаемъ!
ПОЖАРСКІЙ (*обнявъ гражданина.*)
Другъ, если можешь, обними Москву
Такъ пламенно, какъ я тебя лобзаю!
Поздравъ Москву! Соборъ единогласно,
Единодушно избралъ Михаила!

Нѣтъ, не Соборъ, Господь избралъ, и Слава
Ему отъ нынѣ и до вѣка!

ВСѢ. Слава!
Да здравствуетъ Царь Михаилъ! — Ура!

ПОЖАР. Свершилось! Богъ благословилъ отчизну!
Царь Михаилъ, помазанный отъ вѣка,
Пріемлетъ Русь въ родительскія руки —
И благо ей!..
Но что со мной, Всесильный?
Какая радость по сердцу разлилась!
Какая тма объемлетъ всю Палату,
А Небеса въ сіяніи раскрылись!
Внемлите! Гласъ, не мой ничтожный гласъ,
Но свыше гласъ изъ устъ моихъ стремится!
Воскресла Русь! Гремятъ колокола!
Святители несутъ иконы; люди
Густой толпой тѣснятся съ крестнымъ ходомъ
Предъ Костромскимъ монастыремъ! Святитель
Пріемлетъ крестъ и именемъ народа
Зоветъ Царя! Но... юноша прекрасный
(Онъ видѣлъ смуты, слышалъ о несчастьяхъ
Святой Руси), — колеблется, не хочетъ
Идти туда, куда Господь зоветъ!
Но Божій гласъ раздался у Обѣдни!
Съ Евангельемъ и со Крестомъ Святымъ,
Святитель сталъ предъ юнымъ Михаиломъ;
Зоветъ его, зоветъ Господнимъ гласомъ, —
И се! гремитъ на встрѣчу Михаилу
То Русское, громовое ура,
Ура любви и радости ура,
Которымъ Русь встрѣчаетъ Государя!
Смутился умъ, смутились чувства! Гдѣ я?
Внизу лежитъ обширная Москва,

Вокругъ нея тѣснятся города!
Огромна Русь отъ моря и до моря!
Орлы сидятъ по четыремъ концамъ!
На сѣверѣ безбрежный океанъ,
На югѣ — нѣтъ конца!.. Все это — Русь!
Я въ будущность, какъ въ грамоту, смотрю
И нѣтъ конца Великому Колѣну!
О братія! Смотрите: это Онъ!
Величіемъ безмѣрнымъ осіянный!
На море сталъ могучею пятой,—
Изъ подъ пяты ряды ширококрылыхъ,
Огромныхъ кораблей несутся въ море!
Земля дрожитъ отъ тяжести Его,
А небеса Его главу вмѣщаютъ!
Неизмѣримъ сей Русскій полубогъ!
Въ объятіяхъ онъ сжалъ Святое Царство,
Покровомъ обвивая многоцѣннымъ
Для насъ еще непостижимыхъ благъ!
Святая Русь! Обыкновенный разумъ
Судьбы твоей въ себѣ вмѣстить не можетъ!
О ты, Святая Матерь, Русь родная!
Красуйся подъ державой Михаила!
Чтобъ дня сего не истребилась память,
Чтобъ Русскій родъ объ милости Господней
Не забывалъ — я къ вамъ взываю, братья,
Святой Руси безчисленные дѣти!
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока потухнетъ солнце,
Пока людей не истребится память,
Святите день избранья Михаила,
День двадцать первый Февраля!

ВСѢ. Ура!

(Занавѣсъ падаетъ.)

КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ
СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 20 Августа 1851 года.

Цензоръ *Ал. Крыловъ.*

ПОСВЯЩЕНО

Василію Андреевичу

Каратыгину.

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ на Александрынскомъ театрѣ въ бенефисъ В. А. Каратыгина 14-го Генваря 1835 года.

КНЯЗЬ
Михаилъ Васильевичъ
СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.
ЕКАТЕРИНА, жена его.
КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ
ПРОКОПЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛЯПУНОВЪ.
ВАЛУЕВЪ.
АДАДУРОВЪ.
ГОЛОВИНЪ.
РЖЕВСКІЙ.
ЧУЛКОВЪ.
} Воеводы подъ Кн. Скопинымъ.
БОЛОТНИКОВЪ.
ПАШКОВЪ.
СУНБУЛОВЪ.
} Воеводы мятежниковъ.
ДЕЛАГАРДИ, Шведскій Воевода.
ФИДЛЕРЪ, врачъ въ домѣ Дм. Шуйскаго.
Французскій Генералъ.
ЯША, Божій человѣкъ.
АНАСТАСЬЯ, няня Екатерины.

Боярскій сынъ, Сѣнныя Дѣвушки, Воеводы, Рязанскіе и другіе мятежники, народъ Московскій.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

—

Поляна окруженная рѣдкимъ лѣсомъ; вдали сквозь деревъ видно Село Коломенское. — Свѣтаетъ.

—

ПРОКОПЪ ЛЯПУНОВЪ, ИВАНЪ БОЛОТНИКОВЪ, ИСТОМА ПАШКОВЪ, ГРИГОРІЙ СУНБУЛОВЪ, и другіе вожди мятежниковъ спятъ на грубыхъ войлокахъ, подъ головами сѣдла; **ИВАНЪ РЖЕВСКІЙ,** связанный по рукамъ и ногамъ веревками, сидитъ на камнѣ.

РЖЕВ. Спи, стая псовъ!.. Спи непробуднымъ сномъ
До Страшнаго Суда, — тогда воскресни
И прямо въ адъ, измѣнники! — И Богъ
На Русскую Державу ополчился!
Онъ попустилъ холопей нечестивыхъ
Торжествовать надъ Русскою землей!...
Болотниковъ — холопъ, Татарскій плѣнникъ,
Проклятый бусурманъ, поганый нехристь,
За деньги проданъ и за деньги купленъ...
Онъ, окаянный, — Русскій Воевода,
Онъ — Самозванца, Тушинскаго вора
Довѣренный слуга! А Лжедимитрій?
Перекрещенный жидъ и чернокнижникъ
Нарекъ себя рожденьемъ Іоанна!
Но Ляпуновъ... Пускай себѣ холопъ,
Продажный рабъ за золото измѣнитъ;

И то ужъ грѣхъ, и то ужъ стыдъ отчизнѣ;
Но ихъ Господь письмомъ неумудряетъ; —
Но дворянинъ, отъ православныхъ предковъ
Слуга меча, сынъ Церкви Православной,
Рука Царя во градѣ и на полѣ —
Измѣнникъ!.. Стыдно Русскому Дворянству!

—

Уменъ, какъ попъ — и грамотенъ, какъ дьякъ,
Силенъ, какъ левъ — и красенъ, какъ дѣвица;
Онъ Ангелу уподобляться могъ-бы,
А уподобился... Прости мнѣ, Боже,
И вымолвить грѣшно. —

—

Чтó, еслибъ Богъ
Дозволилъ мнѣ распутать ноги, руки;
Какъ тѣнь твоихъ отцовъ, возсталъ-бы Ржевскій;
Какъ страшный сонъ, твою смутилъ-бы душу;
Какъ тать, неслышимо твой ножъ похитилъ,
Принаровясь къ твоей груди широкой,
Я вылилъ-бы ножемъ изъ ней измѣну
Ты-бъ застоналъ, я помолился-бъ Богу
И о твоей душѣ, Прокопъ Петровичъ!..
Измѣнника убить и ночью можно,
Тутъ нѣтъ грѣха... Охъ, еслибъ... Нѣтъ, Господь
Хранитъ тебя для грознаго примѣра!
Веревками и ранами покрытый,
Бушуетъ Ржевскій, какъ безсильный вѣтръ,
И, какъ безсильный вѣтръ, улечься долженъ!
И я одинъ изъ тысячи дворянъ
Святыми ранами не упокой,
А срамный плѣнъ стяжалъ себѣ несчастный;
И я одинъ на пиръ измѣны гнусной
Смотрю, какъ рабъ!.. О, Господи, помилуй! —

Ляпуновъ *(сквозь сонъ).*
О, Господи, помилуй!..

Ржевскій. Застоналъ
Измѣнникъ! Что?! — Во снѣ, не на яву;
Тамъ совѣсти нельзя запить виномъ
Иль заглушить ее убійствомъ новымъ...

Ляпуновъ *(приподымаясь и озираясь).*
Нѣтъ никого!.. То сонъ, но сонъ ужасный!..
Святая Русь... Неужели?.. О, нѣтъ?..
То навожденье дьявола и только...
(Вставъ.)
Проклятія!.. И матерь проклинала!
И въ пеленахъ ребенокъ проклиналъ,
И на соборной паперти Святитель
Прокопа Ляпунова проклиналъ!
И Русскій Царь, въ вѣнцѣ изъ Божьей Силы,
Прокопа Ляпунова — проклиналъ!
И братъ родной, съ слезами на очахъ,
И Русская земля въ огнѣ и гладѣ,
И Небо Русское въ осеннихъ тучахъ,
Все Русское — Прокопа проклинало!...
О Боже мой, что́, если я измѣнникъ!...
И снова сонъ! — Гремятъ колокола,
Народъ кипитъ предъ Храмомъ Михаила
И на помостѣ рака Чудотворца
И вся Москва, съ слезами умиленья,
Какъ будто-бы единая жена,
Колѣна преклонивъ предъ чудной ракой,
Усердно молитъ: О Святый Димитрій
Помилуй насъ! — И се!.. возсталъ безногій,
Се — сухорукій — поднялъ къ небу руки,
Слѣпецъ — прозрѣлъ... и восхваляя Бога,
Клянутъ меня проклятіемъ ужаснымъ...
О Господи, что́, если я измѣнникъ?

Что́, если онъ не истинный Димитрій?
Что́, если... Боже! Я неизмѣнялъ,
Я вѣровалъ въ Димитрія, какъ въ совѣсть. —
И можно-ли, чтобъ Русскій Богъ дозволилъ
Колѣну православному изсякнуть?..
Нѣтъ, онъ Димитрій, истинный Димитрій,
Сынъ Іоанна!.. Можетъ-ли злодѣй
Смутить такимъ обманомъ Государство?
Всѣ бросились къ нему сыновнимъ сердцемъ;
Руси безмѣрной перси взволновались;
По всей землѣ, какъ тѣнь, прошелъ Димитрій,
И, не видавъ его, всѣ покорились...
Но эти мощи, эти чудеса!.. —
Я самъ видалъ слѣпцовъ и хромоногихъ,
Что изъ Москвы съ весельемъ возвращались
И славили за изцѣленье Бога;
Я слышалъ самъ отъ иноковъ честныхъ
О чудесахъ нетлѣннаго младенца...
Но не ужели это самъ Димитрій?

(Возвыся голосъ.)

Рязань, Рязань! Какъ чистая голубка,
Ты тихо жизнь вела въ довольствѣ, въ мирѣ,
И я смутилъ тебя родимый городъ!
За мной, какъ стадо, понеслись Рязанцы
И вотъ Москва почти въ моихъ рукахъ!..
Что́ если я иду — за Самозванца?
Что́, если я, подъ Троицкимъ Селомъ,
Кровь неповинную преступно пролилъ?
Когда святыя мощи Чудотворца
Я оскорбилъ невѣріемъ преступнымъ!
Спаситель, я съ прямой любовью въ сердцѣ,
Съ желаніемъ отечеству добра, —
Сталъ палачемъ моихъ единовѣрцевъ

И Церкви Православной поругался...
О Господи, что̀ если я измѣнникъ? —

Ржев: Измѣнникъ?.. Нѣтъ, ты больше, Ляпуновъ!
И Курбскій — былъ измѣнникъ...

Ляпуновъ. Дерзкій пёсъ,
Рабъ Шуйскаго, молчи!..

Ржевскій. Мои уста
Не скованы неволею и плѣномъ;
Я взятъ живой, но безъ меча, весь въ ранахъ;
Легка побѣда надъ полуубитымъ.
Ты могъ меня, Прокопъ, лишить свободы,
Но устъ моихъ ты не лишишь проклятій,
Пока отъ ранъ моихъ не онѣмѣю,
Пока послѣднею моей молитвой
Не обращу Небеснаго проклятья
На подлаго отступника̀ отъ Церкви,
Измѣнника Царю и Государству...

Ляпун: Царь въ Тюшинѣ; изъ Польши воротился;
А вашъ Василій...

Ржевскій. Стыдно, Ляпуновъ!
Какой же Царь пойдетъ къ еретикамъ
Искать наслѣдственной своей Державы?
Повѣрь мнѣ, твой Димитрій — Самозванецъ,
Поганый жидъ...

Ляпуновъ. Жидъ??.. Непорочь Царя!
Давно Московскую мы слышимъ сказку,
И знаемъ, кто ее сложилъ... Василій, —
Дрожа отъ страха, на канунѣ казни,
За похищенье Царскаго Престола, —
Одно спасенье видитъ въ клеветѣ!
Вы, вѣрные, боитесь нашей встрѣчи!
Кто знаетъ совѣсть, тотъ незнаетъ страха.
Мы отстоимъ отечество отъ срама,

И на Престолъ Царей Боговѣнчанныхъ
Законнаго Наслѣдника воздвигнемъ!..

РЖЕВ: Тюшинскій воръ наслѣдникъ Государству!—
О да зальетъ Господь смолой кипящей
Твою богохуливую гортань...

ЛЯПУНОВЪ. Клевретъ слѣпаго шубника, умолкни

РЖЕВСКІЙ. Не только я; завопіютъ могилы
На ваши богомерзскія дѣла!
И твой отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ твой,
Что́ вѣдаютъ сокрытыя дѣянья,
Что видятъ въ ликѣ ангеловъ предъ Богомъ
Царевича Димитрія Святаго,
За Русь свою несущаго молитвы!
И Церковь, и земля, и небеса...
Все — на тебя проклятіе обрушитъ...

ЛЯПУНОВЪ (*встревоженный*).
Проклятія!.. Онъ подсмотрѣлъ мой сонъ!
Проклятія! О, Господи, помилуй!..

РЖЕВСКІЙ. Сынъ Іоанна въ Тюшинѣ! Такъ кто-же
Среди Собора, въ ракѣ драгоцѣнной,
Глядитъ нетлѣнный, будто бы живой,
За смерть свою убійцъ благословляетъ, —
И чудеса творитъ Москвѣ и Царству?..

ЛЯПУНОВЪ (*про себя*).
О Господи! Когда державный родъ
Воистину пресѣкся — и Господь
Его послѣднюю, младую отрасль
Благоволилъ украсить свѣтлымъ саномъ
Угодника и Чудотворца... Боже,
Державный родъ пресѣкся... Невозможно!
(громко.)
Мы знаемъ васъ, Московскихъ хитрецовъ,
А Шуйскаго не узнавать намъ снова! —

Быть можетъ эта сказка, передъ смертью,
Послѣднее, отчаянное средство...

РЖЕВСКІЙ. О богохульникъ! Церковью шутить?!
Святая Русь чудовища такого
Незнаетъ и незнала... Небеса
Обманывать не станутъ чудесами...

ЛЯПУН: Оставъ, Иванъ! Напрасны разсужденья!
Увѣримся, когда возьмемъ Москву.

РЖЕВСКІЙ. Увѣришся, когда, на лобномъ мѣстѣ
Тебѣ въ глаза палачъ сѣкирой взглянетъ,
А на твою преступную главу
Святители анаѳему положатъ!
И дня того свидѣтель страшный будетъ:
Святый Димитрій Чудотворецъ...

ЛЯПУНОВЪ *(отходя отъ Ржевскаго)*. Боже,
Умилосердись! Мало-ли чудесъ
На Русскую ниспосылаешь землю;
А я одинъ напрасно чуда жажду!..
Я грѣшникъ, Отче, можетъ быть измѣнникъ;
Ты милостью Своей меня не взыщешь!

—

Когдабъ Твой перстъ мнѣ указалъ дорогу,
Спокойно-бы за нимъ я шелъ впередъ,
И сердце красовалось бы молитвой;
И Шуйскій задрожалъ бы на престолѣ;
И Русь въ лице-бъ Димитрія узрѣла,
И пала-бъ ницъ передъ лицемъ его... —
И сынъ Царя — Царемъ, и Русь — спокойна,
Во храмѣ Православномъ Литургія,
По улицамъ идетъ великій праздникъ,
Въ семействахъ миръ, и на землѣ родимой
Ни одного не видишь чужеземца!
Какъ въ праздникъ Воскресенія Христова,

Народъ нашъ православный произноситъ:
«Воскресла Русь, — воистину воскресла!»
И это я, Рязанскій дворянинъ,
Я воскресилъ Отечество отъ смерти,
Я Русь воздвигъ вотъ этой слабой дланью!
О сколько славы, чистой, Божьей славы!
Какая мысль: я благодѣтель Царства!
А если, Боже сохрани, измѣнникъ,
Хоть и невольный, на престолъ Царей
Я возведу холопа, иль разстригу,
И по святымъ ступенямъ высшей власти
Пройдетъ нечистый сынъ нечистыхъ предковъ,
И воръ раздастъ помѣстья и чины
Единокровнымъ душегубцамъ... Скоро
Почуетъ Русь, кто на святомъ престолѣ; —
И, какъ гроза, взволнуется народъ;
Какъ Божій громъ, проклятья раздадутся... —
Во храмѣ православномъ нѣтъ молитвы;
Народъ въ тоскѣ, какъ въ судный день, застонетъ:
«Погибла Русь, — воистину погибла!»
И это я — злодѣй своей отчизнѣ...
И только я! — Не темные-жъ холопья,
Что на позоръ Димитрію и мнѣ,
Вчера съ моей большой Рязанской ратью
Подъ Троицкимъ селомъ соединились;
Болотникову грѣхъ не въ грѣхъ, но я...

Болотниковъ (*просыпаясь*).
Чуть чуть свѣтаеть; рано, стало быть...
Что, братъ Прокопъ, такъ рано поднялся?

Ляпуновъ. И онъ со мной братается, нечистый!..

Болотниковъ (*встав, всѣ другіе вожди и мятежники подымаются*).
Знать не усталъ вчера, Прокопъ Петровичъ?
А мы и погуляли и соснули...

Дрожь пронимаетъ послѣ сна; а любо
Вчера подъ Троицкимъ кипѣла сѣча!
И зналъ кого послать Василій Шуйскій.
Бояръ, Дворянъ, Окольничьихъ, Дьяковъ...

ЛЯПУНОВЪ. То слуги Царства, не кори другихъ;
Когда въ тебѣ заснула укоризна;
Быть можетъ... Но ты не поймешь меня...
Да я и самъ себя не понимаю!..
О еслибъ мнѣ увѣриться... Напрасно!..
Мнѣ завязалъ Господь глаза на жизнь,
А въ гробѣ ихъ развяжетъ,—только поздно...

ВОЛОТНИК. Эге, Прокопъ, да ты псаломъ читаешь!
Что это значитъ, Ляпуновъ?

ЛЯПУНОВЪ. Тебѣ
Какое дѣло?

ВОЛОТНИКОВЪ. Мнѣ какое дѣло?
Да развѣ я не также Воевода?
Да развѣ я не жертвую собой,
Въ крови враговъ поганыхъ не купаюсь?..

ЛЯПУН. Ты оскорбляешь братій Православныхъ,
Отечество...

ВОЛОТНИКОВЪ. Отечество? Теперь
У насъ другой предметъ кровавой брани;
Теперь моя дружина удалая,
Разгульная веселая толпа,
Не тѣмъ полна.. Жги, рѣжь, опустошай!
Шаръ покати, нигдѣ не спотыкнется,
Все гладь, да гладь! Вотъ любо, вотъ война!
А тамъ, что будетъ, вѣдомо не намъ,
Да намъ и дѣла нѣтъ...

ЛЯПУНОВЪ (*съ ужасомъ*). И я въ союзѣ
Съ безчестнымъ мужикомъ!.. О Всемогущій!
Ему ли быть вождемъ великой рати?

Въ немъ сердце кротъ: и холодно и слѣпо;
Онъ не согрѣтъ любовію къ отчизнѣ;
Его душа добычи подлой жаждетъ,
Пожаровъ, смерти, крови, разрушеній,
И онъ мнѣ равенъ, Боже, онъ мнѣ равенъ!..
Я Русь люблю, какъ собственную душу,
Я къ ней горю сыновнею любовью,
Я за нее продамъ себя Татарамъ,
Я за нее пойду въ полонъ Турецкій,
Все за нее, весь за нее готовъ
Куда она велитъ, — и онъ мнѣ равенъ!!

ФОЛОТИ: Опять задумался Прокопъ Петровичъ!
Смотри, свѣтло! Пора намъ въ путь-дорогу.
Вонъ сквозь деревъ проглядываютъ кровли
Богатаго села; ударимъ дружно,
Боярскій домъ подниможемъ на копье,
Разбудимъ красныхъ дѣвушекъ пожаромъ;
Поищемъ въ сундукахъ сребра и злата;
Кто съ нами, тотъ живетъ, а кто не съ нами
Тотъ умеръ; похоронимъ по колодцамъ,
Иль въ рѣчкѣ, если рѣчка есть... Пойдемъ,
Потѣшимся!..

ЛЯПУНОВЪ. Я весь дрожу отъ злости,
Рука за мечь хватается... Разбойникъ,
Ты вѣруешь-ли въ Бога, окаянный?
На то-ли ты поставленъ воеводой,
Чтобъ мать свою терзать, какъ волкъ волчицу,
Да и у волка въ этомъ будетъ совѣсть!
А у тебя... Прости, мой край родимый!
Я не причастенъ бѣшенству злодѣевъ!
Я мечь несу за правду и за Церковь,
За честь твою, святая мать моя!..
И да изсохнетъ эта длань; да очи
Слѣпотствуютъ до одинокой смерти,

Когда коснусь чужаго достоянья,
Или смущу спокойство мирныхъ братій!

ВОЛ. Эхъ, братъ, Прокопъ, съ тобой намъ не поладить;
Ты все несешь какую-то любовь;
Все проповѣдь поповскую читаешь!—
Ты знать ведешь не лютую войну;
А бранную потѣху; потѣшайся!
Посмотримъ, какъ сведешь концы; — а мы
По прежнему займемся нашимъ дѣломъ;
Погрѣемся у сельскихъ пепелищъ
Красавицей, рублемъ, виномъ иль пивомъ...

ЛЯПУНОВЪ. Неужели послалъ тебя Димитрій
За этимъ на святую Русь?!..

ВОЛОТНИКОВЪ. Димитрій?—
Да что мнѣ онъ? Отецъ иль мать?..

ЛЯПУНОВЪ. О Боже!
Такъ ты не за него сражался?..

ВОЛОТНИКОВЪ. Нѣтъ!

ЛЯПУНОВЪ. И не за Церковь?

ВОЛОТНИКОВЪ. Нѣтъ.

ЛЯПУНОВЪ. Такъ за кого же?

ВОЛОТНИКОВЪ. Самъ за себя! Я мщу твоей Руси!
Да, Русскіе, меня нечистымъ Туркамъ
Вы продали... Невольникъ бусурманъ,
Въ одеждѣ смрадной, на работѣ смрадной,
Гнилъ, какъ болотный червь въ прудѣ изсохшемъ,
А Русь меня спасти не приходила.—
Кто сжалился надъ участью Ивана,
Кто выкупилъ меня изъ злой неволи?
Не Русскіе, а Фряжскіе купцы.
Не на Руси я сталъ умнѣй и лучше,
Не на Руси я началъ понимать,

Что значитъ пламень брани и пировъ
И сладость молодеческой добычи!
И я пришелъ на Русь: — искать пировъ
И брани и добычи молодецкой.
Давай ихъ Русь, не то ножемъ я вырву!..

ляпуновъ. Не вырвешь, окаянный! Самъ Димитрій
Велитъ сковать злодѣя своего.
Ты Царству вреденъ, вреденъ и ему...

волот. Какъбы не такъ? — Димитрія мы знаемъ...
Вѣдь онъ изъ *нашихъ*...

ляпуновъ. Объяснись, Иванъ!

вол. Ты знаешь-ли, что̀ въ Польшѣ значитъ: *нашъ*? —
Жидъ, нехристъ...

ляпуновъ. Ну!!

волотниковъ. Ну, твой Димитрій—нехристъ!

ляпуновъ (*выхвативъ мечъ*).
Вотъ мечь, Иванъ! Ты шутишь, или нѣтъ!

волотн. Нѣтъ, не шучу; а ты простякъ и вправду
Подумалъ, что возсталъ Святый Димитрій?
Эхъ братъ, Прокопъ, ты хоть и умный малый;
А разчитать того не могъ, что если
Кого убьютъ, такъ тотъ ужъ не воскреснетъ!
Нѣтъ, твой Димитрій хуже насъ съ тобой;
Ты дворянинъ, я хоть мужикъ, да Русскій;
А твой Димитрій—просто жидъ; я самъ
Съ нимъ жилъ въ Венеціи; я самъ
Съ нимъ за одно червонцы промышлялъ;
Было намъ жутко; мы бѣжали вмѣстѣ,
И вмѣстѣ къ вамъ пожаловали въ гости, —
И что̀ тебѣ: Димитрій, или нѣтъ? —
Вѣдь деньги тѣже, таже власть и прибыль.....

ляпун. Молчи, молчи! Свершилось! Я измѣнникъ!

СУНБУЛ. Прокопъ Петровичъ, что съ тобою сталось?

БОЛОТНИКОВЪ. Съ ума сошелъ!

ЛЯПУНОВЪ. Да я ума лишился!

О еслибъ мнѣ и памяти лишиться!
Ахъ, какъ я жилъ, какъ я нечистъ и грѣшенъ!
А совѣсть... Бѣдная, она ужасна!
Русь успокоилась на Царскомъ лонѣ,
Затихла буря, солнце просіяло, —
И, какъ младенецъ въ колыбели, тихо
Заснула Русь отдохновеньемъ сладкимъ,
И Царь царей привѣтный взоръ послалъ
На землю имъ любимую, и снова
На всей Руси Господня благодать!
Я, окаянный грѣшникъ, грѣшной думой,
Отъ дьявола наставленный, задумалъ —
И на родной землѣ—война родная!
Я братій свелъ и братій погубилъ!
Невинныхъ я повергъ подъ Анаѳему
И новобрачныхъ овдовѣть заставилъ!
Намъ Патріархъ писалъ о Самозванцѣ,
И мать-Царица плакалась народу,
И самъ Димитрій изъ земнаго праха
Пришелъ въ Москву, нетлѣнный и прекрасный,
Свидѣтельствовать правду чудесами...
А я, какъ будто бы не Христіанинъ,
Воздвигся за жида! И православныхъ
Повелъ врагу Христову поклониться;
За нехристя страдать и умереть!..
За чѣмъ меня неупредила совѣсть,
Зачѣмъ болѣзнь меня не одолѣла?
Я измѣнилъ... простите, Христіане!
Простите грѣшнику прощеньемъ братскимъ;
Господь и вамъ долги отпуститъ ваши!

(ставъ на колѣна).

Богохранимая, Святая Русь,
Умилосердись надъ несчастнымъ сыномъ!
Забудь, что я существовалъ на свѣтѣ;
Прости мнѣ, Русь! Прости, Святая Матерь!
Во прахѣ предъ тобой великій грѣшникъ!
О Царство Русское, вотъ твой измѣнникъ!
О люди Русскіе, я васъ смутилъ,
Я васъ облилъ грѣхомъ смертельнымъ... Стыдно!
Я не могу глядѣть вамъ прямо въ очи!

РЯЗАНЦЫ *(толпой окружая Ляпунова)*.
Прокопъ Петровичъ! — Ахъ, Прокопъ Петровичъ,
Мы также грѣшны.— Также измѣнили...
Мы избрали тебя, Прокопъ Петровичъ,
Рязанскимъ Воеводой.— Мы тебя
Поставили въ отвѣтственность.— Прости насъ,
Прости насъ, Батюшка, Прокопъ Петровичъ!..

ЛЯПУНОВЪ. Сюда!.. Ко мнѣ!.. Падите на колѣни!..
Со мной просите милости Господней...
Вы всѣ невиннѣе меня!... Молитесь!
Быть можетъ Богъ смягчится!..Ахъ,быть можетъ,
Онъ и меня помилуетъ за васъ...

РЯЗАНЦЫ. Прости,намъ Господи,Царю нашъ,Боже!

ЛЯПУНОВЪ. А я не смѣю призывать Тебя!
Смутивъ твою любимую Державу,
Обливъ отечество родною кровью,—
Молиться, грѣшный, не могу.—Да будетъ
Твоя святая воля!..

СУНБУЛОВЪ. Что, Иванъ,
И на твоей щекѣ слеза повисла?

БОЛОТНИКОВЪ *(отирая слезу)*.
Вотъ выдумалъ! *(про себя)*. Проклятая слеза!
Охъ, это память о счастливомъ дѣтствѣ...
И я былъ Русскимъ... сердцу тяжело...

Теперь не то... И въ правду я разбойникъ...
Не льзя назадъ *(громко)* Проклятая слеза!..

Ржевскій. Болотниковъ, лови твою слезу!
Она дороже камней самоцвѣтовъ...
То исповѣдь невольная твоя!..

Ляпуновъ (*подходя къ Ржевскому.*)
Иванъ, прости меня! Я такъ обидѣлъ,
Такъ оскорбилъ честнаго человѣка!
Будь Русскимъ такъ, какъ должно Русскимъ быть:
Какъ плѣнникъ, гордъ и добръ, когда свободенъ.—

Ржевскій. Я гордъ и добръ во всякомъ состояньи;
Я не измѣнникъ.

Ляпуновъ. Не напоминай...
Не говори!.. Ахъ, ты еще въ верёвкахъ,
Ты плѣнникомъ измѣнниковъ нечистыхъ?

(съ поспѣшностію распутывая веревки)

Скорѣй, скорѣй! Пусть этотъ срамный видъ
Не представляетъ грозной укоризны:
Скорѣй! скорѣй! И Богъ не разорвалъ
Позорныхъ узъ. О Ржевскій, ты свободенъ! —
Кровь на рукѣ? Позволь поцѣловать
Святую рану доблести и чести...

Болотниковъ. Врагъ побери Прокопа Ляпунова,
Слова его ножами сердце рѣжутъ...

Ляпуновъ. Теперь иди — и объяви народу
Что я несу земное покаянье!
Иванъ, замолви за меня словечко!
Толпа тебѣ повѣритъ... Разскажи ей,
Какъ я люблю народъ нашъ православный,
И Матушку Москву и Русь родную!
Ты разскажи, какъ я съ тобой прощался,
Какъ твердо шелъ на плаху умереть,

Какъ умеръ... Пусть помянутъ Ляпунова
Въ молитвахъ безъ укора и презрѣнья!
РЖЕВСКІЙ. Ты сомнѣвался-ли когда-нибудь
Въ Господней милости, Прокопъ Петровичъ?
ЛЯПУНОВЪ. Нѣтъ, никогда!
РЖЕВСКІЙ. Не упадай-же духомъ,
И въ Царской милости не сомнѣвайся!
ЛЯПУН: О, Ржевскій, нѣтъ! Я не простой измѣнникъ!
Царь можетъ пожалѣть моихъ Рязанцевъ,
Царь долженъ ихъ помиловать, но я —
Ужасный памятникъ его державства!
И если только плахой обойдется,
Я обниму и плаху, словно милость. —
РЖЕВ. Безъ милости, Царь быть Царемъ не можетъ.
ЛЯПУНОВЪ. О добрый другъ, я не хочу надежды;
Не утѣшай меня напрасно, Ржевскій! —
Наставь, повѣдай лучше, что мнѣ дѣлать...
РЖЕВСКІЙ. Скорѣй нести повинную къ Царю!
ЛЯПУНОВЪ *(послѣ минутнаго молчанія)*.
Василій, для спокойствія отчизны,
Смиреніе мое границъ не знаетъ!
Несу и эту жертву пользѣ общей!
(снимая кафтанъ).
Долой кафтанъ! Обрызганъ братней кровью,
Ты, какъ ярмо, на плечахъ Ляпунова...
(снявъ мечь и держа его въ рукахъ).
Прости мой мечь! Мой удалой товарищъ!
Ты и въ грѣхѣ былъ другомъ безкорыстнымъ,
Ты, какъ жена, со мной былъ неразлученъ,
Какъ рабъ, участвовалъ въ моихъ злодѣйствахъ!
Но Богъ велѣлъ, разорваны всѣ узы;
Мы никогда не свидимся! Прости!
Прости мой братъ! Очисться, если можешь,

И стань за Русь и за святую Церковь!
Но не въ моихъ рукахъ! Прости, мой милый,
Сердечный другъ! *(цѣлуетъ и бросаетъ его).*
(снявъ шлемъ) Прости, мой шлемъ тяжелый,
Ты подавлялъ движенія разсудка...
Я разстаюсь съ тобой безъ сожалѣнья...
(снимая обувь).
И нагъ и босъ!.. Меня увидятъ люди,
И съ памятью преступной примирятся!
(взявъ веревку).
И вотъ на что̀ мѣняю воеводство,
И гордый санъ, и власть, и серебро!
Никѣмъ непобѣжденный, самъ собою,
Иду на плаху, будто-бы на пиръ...
(надѣвъ на шею веревку.)
Теперь на смерть! Простите, Христіане!
Молитесь обо-мнѣ въ молитвахъ вашихъ
И зломъ не поминайте!...

Рязанцы. Всѣ съ тобой
Повинную несемъ, Прокопъ Петровичъ! —
Пусть Царь казнитъ за наши преступленья,
Небесное искупимъ за земное!..

Волотн. Прокопъ Петровичь, погоди маленько!

Ляпуновъ. Прощай, разбойникъ!..

Волотниковъ. Нѣтъ, Прокопъ Петровичь,
И я иду! Заныло больно сердце...
Охъ, эта Русь досадная!.. Какъ долго
Я не хотѣлъ быть Русскимъ! — Не въ терпежъ!
Кто въ силахъ разлюбить родную матерь?
Нѣтъ, Ляпуновъ, равна измѣна наша,
Такъ на одной и той-же ляжемъ плахѣ!

Ляпун: Скорѣй на смерть! Мечь съ насъ измѣну сниметъ
И наши трупы Русь, какъ мать, обниметъ! —

АКТЪ ВТОРОЙ.

ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДѢ.

ЯВЛЕНІЕ.

Внутренность Дворца въ Александровской Слободѣ.

ГОЛОВИНЪ и АДАДУРОВЪ.

ГОЛОВИНЪ. Князь всталъ уже? —

АДАДУРОВЪ. Онъ всталъ до пѣтуховъ,
Читалъ молитвы; въ этой слободѣ
И на него монашество находитъ.

ГОЛОВ. Да, здѣсь когда то жилъ Иванъ Васильичъ,
Уединенно, смирно, словно схимникъ;
Вѣдь и Царю подъ часъ бываетъ горько?

АДАДУРОВЪ. Эхъ, Головинъ! Вѣдь у Царя хлопотъ
По-больше нашего; война, дай денегъ,
Дай войска, дай снарядовъ и коней;
А миръ, — не обойди кого наградой,
Не оскорби кого нибудь судомъ,
А насъ-то, слава Богу, сколько?

ГОЛОВИНЪ. Правда,
Да Грозный, кажется, другимъ былъ занятъ;
Другое горе мучило его...

АДАД: Легко выдумывать, по смерти, басни.
Покойникъ нѣмъ, а нашъ языкъ лукавый
На то ужъ созданъ, чтобъ кого порочить;
А знаешь, грѣхъ какой клепать на мертвыхъ. —
Когда-бъ мы видѣли вблизи все дѣло,
То-бъ, можетъ быть, о Грозномъ пожалѣли,
А неразумной рѣчью не корили-бъ...

Пойди въ Москву! Послушай, какъ кричатъ
Противъ Василія; а расмотри
Чего хотятъ, — невольно молвишь: дѣти,
Не выросли, а разсуждаютъ!.. — Голодъ!
Ну, голодъ; эко диво голодъ. — Кто-же
Имъ виноватъ? — Неужто Царь? — Не Онъ
Поля оставилъ; сами, бросивъ села,
Пошли въ мятежъ, оставили семейства,
За золотомъ безумно погнались
И хлѣбъ насущный потеряли! Такъ
На свѣтѣ все. — Князь Михаилъ Васильичъ,
Ужъ нечего сказать, хитрецъ военный
И добрый, справедливый человѣкъ;
Послушай-же, что говорятъ о немъ!
О, Головинъ, для глупости народной
Предѣловъ не положишь... —

ГОЛОВИНЪ. Да, Скопинъ
Ужъ точно ангелъ. — Ты всегда при немъ.
Скажи мнѣ, Ададуровъ, какъ онъ дома?
Я слышалъ, будто онъ всегда сидитъ
Съ какимъ нибудь изъ нехристей заморскихъ,
А съ Русскими словца не перемолвитъ?

АДАД: Вотъ видишь, Головинъ, моя-же правда!
Князь Михаилъ Васильичъ иногда
Изволитъ съ Делагарди разсуждать
О ратныхъ хитростяхъ, а всѣмъ сдается,
Что онъ уже братается со Шведомъ. —

ГОЛОВИНЪ. Легокъ-же на поминѣ Делагарди!

—

ТѢ-ЖЕ и ДЕЛАГАРДИ.

ДЕЛАГАРДИ. Князь всталъ?

АДАДУРОВЪ. Давно.

ДЕЛАГАРДИ. Могу я видѣть?

АДАДУРОВЪ. Можешь.
ДЕЛАГАРДИ. Въ опочивальнѣ Князь?
АДАДУРОВЪ. Въ опочивальнѣ.

—

ТѢ-ЖЕ и КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

КНЯЗЬ. Здорово, Яковъ! Я твой слышалъ голосъ
И вышелъ самъ. Что новаго?
ДЕЛАГАРДИ. Незнаю.
Всѣ новости въ твои приходятъ руки!
КНЯЗЬ. Да, у меня есть радостныя вѣсти.
Прокофій Ляпуновъ съ Рязанской ратью
Василію повинную принесъ,
Но Царь его въ Москву къ себѣ не принялъ,
А приказалъ ему, со всею ратью,
Итти комнѣ — и въ станѣ ждать указа!
Другая новость: Млоцкій отошелъ
Къ Серпухову; Димитрій Самозванецъ
Оставивъ Тюшино, бѣжалъ въ Калугу,
А Князь Рожинскій снова вышелъ въ поле.
Жду только, что напишетъ мнѣ Валуевъ,
Теперь Рожинскій у него въ рукахъ;
И такъ одинъ Сапѣга остается. —
АДАДУРОВЪ. Мы слышали сегодня въ слободѣ,
Что Поляки отъ Лавры отступили. —
КНЯЗЬ. Не можетъ быть, любезный Ададуровъ!
Опять пустая хитрость; Авраамій
Хорошій воинъ, угадаетъ. Впрочемъ
Сегодня объяснится, гдѣ Сапѣга?
И если онъ дѣйствительно намѣренъ
Напасть на насъ, то нападетъ сегодня.
Дай Богъ ему счастливаго пути
Обратно въ Польшу; если-же посмѣетъ
Мой крѣпкій станъ безумно потревожить;

Я буду правъ въ моей кровавой мести;
И Богъ проститъ и люди извинятъ.

ДЕЛАГАРДИ. Къ чему врага жалѣть?

КНЯЗЬ. Мы, Христіане,
Не жадны крови человѣка. Яковъ,
Мнѣ удивительно, что полководцы,
Великіе герои всѣхъ временъ,
Смотрѣли на людей, какъ на животныхъ,
Которыхъ жизнь ихъ жизни не равна.
Я извинить могу необходимость,
Какъ, напримѣръ, теперь у насъ; нельзя
Не воевать, не лить потокомъ крови!..
И тутъ стараюсь я, елико можно,
Сраженія выигривать безъ крови,
Гдѣ кроткимъ убѣжденьемъ, гдѣ угрозой,
И только тамъ мой обнажаю мечь,
Гдѣ нѣтъ уже надежды кончить миромъ.

ДЕЛАГ: Послушаешь, такъ ты войны не любишь!

КНЯЗЬ. Люблю войну — но за свою отчизну!
Люблю войну — но на чужой землѣ!
Ахъ, Яковъ, не беретъ тебя раздумье,
Когда въ глазахъ богатое село
И Церковь Божія по серединѣ,
И на небѣ, какъ звѣздочка, сверкаетъ
Нашъ Русскій Крестъ, нашъ православный Крестъ?
Какъ стражъ небесный, тихо смотритъ долу,
А на него съ молитвой смотрятъ люди
И Ангеломъ-Хранителемъ зовутъ.
И вдругъ война — село беретъ пожаромъ,
И Церковь Божія въ огнѣ, а Крестъ,
Отъ пламени краснѣя постепенно,
Не на своихъ съ небесъ далекихъ смотритъ,
А зажигателю сверкаетъ въ очи,

Упрекомъ, Яковъ, Божескимъ упрекомъ!
Какая мысль: — я жгу свою отчизну!
Ты понимать меня не можешь, Яковъ!
Вамъ, иностранцамъ, лишь-бы гдѣ подраться,
Попировать, повеселиться; васъ
Война манитъ, какъ на богатый пиръ
И вы за ней на край готовы свѣта.

ДЕЛАГ: Нѣтъ, Князь, не глупая охота драться
Влечетъ на брань и Шведовъ и Норвежцевъ;
Другая мысль тревожитъ наши думы;
Намъ тяжело спокойно жить; намъ горько
Въ могилу лечь, безъ подвиговъ и славы.

КНЯЗЬ. Тщеславіе!.. Что безполезный подвигъ?..
Что ратный умъ, безъ прибыли для Царства?..
Что храбрость, безъ любви къ своей отчизнѣ?..
Мучительная слава, ты сладка!
Я вѣрю — любъ молвы могучій голосъ
И упоителенъ привѣтъ побѣды...
О, сколько разъ и я, передъ сраженьемъ,
Безъ сна, тонулъ въ роскошныхъ сновидѣньяхъ!
И весь кипѣлъ невыразимымъ чувствомъ.
Я ожидалъ чего-то въ свѣтломъ блескѣ,
Устами пилъ небесное сіянье;
Но разумъ бралъ свое, и съ огорченьемъ
Мнѣ говорилъ: не забавляйся славой!
Ахъ, рано я узналъ, мой добрый Яковъ,
Что слава не въ мечѣ живетъ булатномъ;
А вотъ гдѣ: въ сердцѣ, въ добротѣ сердечной!

ДЕЛАГ: Не постигаю; можно-ль быть героемъ
Съ такими чувствами.

КНЯЗЬ. Не постигаю
Какъ можно быть безъ нихъ прямымъ героемъ!

ДЕЛАГАР. Но ты въ кровавой сѣчѣ—левъ жестокій!

князь. Тамъ я стою противъ враговъ Руси
И тамъ меня весь свѣтъ не одолѣетъ!

делагарди. Гдѣ-жъ доброта сердечная?

князь. Мой другъ!
Есть воеводы, отъ которыхъ врагъ
Иль убѣжитъ, или живымъ не сдастся;
А я люблю обнять врага по братски...
Вотъ въ этомъ слава есть. Не такъ-ли?—

делагарди. Князь,
Ты побѣдитель и мечемъ и словомъ!
Что ни случится, ты всегда Великъ,
А твой удѣлъ—дѣйствительная слава!

ададуровъ *(Головину тихо)*.
Что, Головинъ? Шведъ этотъ молодецъ!..

гол. Да жаль, что Шведъ; зачѣмъ ему быть Шведомъ!

—

ТѢ-ЖЕ и БОЯРСКІЙ СЫНЪ.

боярск. сынъ. Пріѣхалъ воевода твой, Валуевъ,
И проситъ видѣться...

князь. Что за обряды!
Впусти, проси скорѣе!

—

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ, ГОЛОВИНЪ, АДАДУРОВЪ и ДЕЛАГАРДИ.

князь. Что подумать?
Какъ толковать прибытье Воеводы?
Я ждалъ письма, а онъ пріѣхалъ самъ;
Что если онъ единственный остатокъ
Отъ цѣлой рати... Боже сохрани!

—

ТѢ-ЖЕ и ВАЛУЕВЪ.

князь. Ахъ, Господи! Неуже-ли одинъ?..

валуевъ. Одинъ,—съ побѣдой прихожу поздравить.

князь (*нетерпѣливо*).
А рать моя?

валуевъ. Цѣла! Уронъ не важенъ;—
Насъ Богъ благословилъ побѣдой легкой;
Твоимъ умомъ мы выиграли дѣло!

князь (*обнимая его*).
Здорово, милый другъ!.. Скорѣй гонца
Къ Царю въ Москву и къ Палицыну въ Лавру!..
Благодарю, Валуевъ!.. Мало крови
И много дѣла; въ этомъ ратный разумъ!.
Валуевъ, поздравляю, поздравляю!..
Садись, мой другъ, и разскажи, какъ было?
(садится).

валуевъ. Разсказывать не долго. Ты принудилъ
Рожинскаго оставить монастырь
Іосифовъ и выйти въ поле. Долго
Пытался онъ войти опять въ Обитель...
Напрасно; мы его не допустили,
И, неотступно слѣдуя за нимъ,
Мы ночью подошли на выстрѣлъ къ стану
И, съ первымъ блескомъ утренней зари,
Ударили. Ничто не удержалось!
И полъ-часа не продолжалась битва;
Мятежники и Ляхи въ полномъ бѣгствѣ
Покрыли верстъ десятка два собой;
Преслѣдовать намъ не было труда;
Какъ комаровъ, мы побивали Ляховъ.

князь (*вставъ*).
Не хорошо, не хорошо, Валуевъ!
А мой наказъ?

валуевъ. Въ жару кровавой сѣчи
И самъ себя забудешь. А Рожинскій
Опомниться и воротиться могъ бы;
Мы не дали опомниться ему;
До вечера кровавый пиръ кипѣлъ
И наконецъ угасъ съ закатомъ солнца.

князь. О сколько жертвъ ожесточенной мести!
Но эти жертвы нужны для Руси,
Какъ лѣтняя гроза землѣ горящей...
Но гдѣ-жъ Рожинскій?

валуевъ. Онъ—въ Волоколамскѣ,
Отъ злости, изнуренья и досады,
Окончилъ жизнь...

князь. Уменъ, могучь и молодъ
Онъ кончилъ жизнь не съ знаменемъ побѣды,
Не въ теплотѣ душевнаго восторга,
Не съ сладкою надеждою на славу;—
А съ горькимъ помысломъ о жизни вѣчной,
Предъ чернымъ образомъ прошедшей жизни...
Вотъ подвиговъ земныхъ земная участь!
Вотъ слава многихъ, многихъ полководцевъ!

—

ТѢ-ЖЕ и ЧУЛКОВЪ.

чулк. Князь Михаилъ Васильевичъ! Въ Слободу
Пришла толпа измѣнниковъ мятежниковъ
Съ повинной головой...

князь *(радостно)*. А! Ляпуновъ!..
Давно я ждалъ его и дождался! —
Невольно сердце тосковало думой:
Что, если онъ, Василіемъ презрѣнный,
Не впущенный въ Москву, возстанетъ снова...
Невольный страхъ мою тревожилъ душу...

ДЕЛАГАРДИ. Неужели ты полагалъ донынѣ,
Что онъ намъ страшенъ?

КНЯЗЬ. Страшенъ, Делагарди!
Я-бъ долженъ былъ казнить заблудшихъ братій;
Я-бъ уничтожилъ Ляпунова, правда;
Но свѣтлый мечь потускъ-бы Михаила!
Я-бъ долженъ хоронить убитыхъ мною,
И тамъ, гдѣ лягу самъ, сложить ихъ кости...
Вѣдь Русь и мнѣ и имъ родная матерь!
Но, слава Богу! Онъ грозу пронесъ!..
Чулковъ, иди къ заблудшимъ нашимъ братьямъ
И къ намъ зови Прокопа Ляпунова;
А прочіе—пусть обождутъ меня;
Я выйду ихъ прянять...

—

ТѢ-ЖЕ кромѣ **ЧУЛКОВЪ.**

КНЯЗЬ. Что, Делагарди?..
Въ тебѣ нѣтъ смуты? Ты покоенъ сердцемъ?

ДЕЛАГАРДИ. Да отъ чего-же мнѣ смущаться, Князь?
Передъ измѣнникомъ!..

КНЯЗЬ. Передъ несчастнымъ!—
Когда онъ былъ мятежнымъ Воеводой
И силой обладалъ,—я хладнокровно-бъ
Въ глаза ему взглянулъ мечемъ булатнымъ;
Не я, а онъ смутился-бъ предо мною!
Но кто съ себя сложилъ и власть и силу,
Кто и въ грѣхѣ умѣлъ быть благороднымъ,
Кто собственный свой мечь спокойно бросилъ
И передъ совѣстью умѣлъ склониться;
Того я презирать не въ силахъ, Яковъ!
Могу-ли я взглянуть спокойно въ очи,
Въ которыхъ стыдъ съ величіемъ дружатся?
Могу-ль не трепетать, чтобъ гордой рѣчью

Не оскорбить души, ужé убитой,
И ранъ его не отравить насмѣшкой,
И совѣсти не взволновать укоромъ?..

Делагарди. Не ужели простить его ты хочешь?!

Князь. Какъ думаешь?— Я тронутъ, Делагарди!
Хочу быть справедливымъ судіей,
Но больше—справедливымъ человѣкомъ.
Скажи мнѣ твой совѣтъ?—

Делагарди. Я полагаю
Примѣромъ устрашить людей мятежныхъ,
Напомнить Царству строгость Іоанна,
При немъ измѣна не смущала Русскихъ:
Притомъ ты долженъ людямъ показать,
Что не боишься ихъ ожесточенья.
По моему, измѣнникъ Ляпуновъ
Достоинъ смерти, а другихъ ты можешь
Помиловать.

Князь. *(задумчиво)*. Царь ждать велѣлъ указа.

Делагарди. Но Царь тебѣ-же поручилъ расправу
На жизнь и смерть мятежниковъ; и вѣрно,
Пославъ къ тебѣ Прокопа Ляпунова,
Онъ разсчиталъ, что войско при тебѣ,
Что здѣсь не можетъ быть сопротивленья;
А онъ въ Москвѣ—одинъ...

Князь. *(про себя)*. Одинъ въ народѣ!..
И вотъ объ насъ какъ судятъ чужеземцы!

—

ТѢ-ЖЕ, ЧУЛКОВЪ и ЛЯПУНОВЪ (въ послѣднемъ костюмѣ 1-го Акта).

Ляпуновъ *(про себя)*.
Какъ стыдно!.. Это все родные братья!
А я ни одного обнять не смѣю;

Я не могу пожать имъ дружно руку
И Русское произнести: здорово!
И Ляпуновъ межъ ними чужеземецъ!
Смотрю, ищу, готова-ль плаха?—Нѣтъ!
Ты не жалѣлъ, тебя не пожалѣютъ;
До смерти мучься, мучься послѣ смерти!..
Охъ, какъ ужасно тяжела измѣна!..

князь *(про себя).*
Онъ стонетъ!.. Горько видѣть Ляпунова!
Не знаю, какъ начать съ нимъ рѣчь. На битвѣ
Мой грозный мечь звучать не устаетъ!
Между пословъ, межъ думныхъ хитрецовъ,
Я рѣчь веду, какъ о дѣлахъ домашнихъ.
А здѣсь? Но должно быть виликодушнымъ,
Мое молчаніе его замучитъ.

делагарди *(тихо Князю).*
Князь, помни, и въ рѣчахъ должна быть строгость!

князь. Прокопъ Петровичь, подойди ко мнѣ!

ляпуновъ *(упавъ къ ногамъ Князя, шепотомъ).*
Мнѣ стыдно, Князь, мнѣ больно...

князь *(встревоженный).* Ты заплакалъ?
О чемъ, Прокопъ Петровичъ?

ляпуновъ. О себѣ!

князь *(въ совершенномъ смущеніи).*
Встань, Ляпуновъ!

ляпуновъ. Князь Михаилъ Васильичъ,
Прости меня не такъ, какъ Воевода:
Я не хочу на сей землѣ прощенья,
А ты прости меня, какъ Христіанинъ?

князь. И Богъ проститъ, и я тебя прощаю!

ляпуновъ. Такъ я могу взглянуть тебѣ въ глаза?
Не встрѣчу въ нихъ упрека и презрѣнья?

КНЯЗЬ. Смотри, смотри! Я плачу, какъ и ты!

ЛЯПУН: Князь, я блаженъ! Вся Русь меня прощаетъ!
Ты Ангелъ, Князь, ты Ангелъ всей Руси!
Теперь казни закономъ, безъ пощады!
Скорѣй казни, не дай страдать такъ долго!
Мнѣ жизнь тяжка! — Скорѣе, Князь, скорѣе!..

КНЯЗЬ. По милость Царя и Государя,
Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ,
Отъ рода Шуйскихъ, Старшій Воевода,
Бояринъ и Царя Пріятель Ближній, —
По власти, данной намъ, и по внушенью
Святаго Неба,—именемъ Царя
Василія Иванича,—прощаемъ
Въ измѣнѣ дворянина Ляпунова,
Снимаемъ Царскую съ него опалу,
На всѣ его дѣла—кладемъ забвенье...
И братскимъ поздравленьемъ поздравляемъ!

ЛЯПУНОВЪ *(вставъ и сбросивъ веревку)*.
Здорово, Князь! Теперь тебѣ я равенъ!
Я снова Русскій; снова дворянинъ!
Я снова чистъ передъ моей отчизной!
Я, блудный сынъ, въ домъ отчій воротился
И мать утѣшилась моимъ приходомъ.

КНЯЗЬ. Но ты въ такой одеждѣ! Ададуровъ!
Съ плеча кафтанъ я жалую ему
И обувь съ ногъ моихъ!

ТѢ-ЖЕ кромѣ **АДАДУРОВА**.

КНЯЗЬ. Прокопъ Петровичъ!
Ты много претерпѣлъ въ пути опасномъ!..

ЛЯПУН: Князь, подъ твоимъ крыломъ затихнетъ рана,
Печать душевнаго самоубійства!

Ты возвратилъ мнѣ жизнь могучимъ словомъ,
Ты далъ мнѣ снова чувствовать себя!.. —
Не трудно смертью отуманить очи,
Легко втоптать въ могилу человѣка,
Одинъ ударъ — и онъ не существуетъ!
Но воскресить убитаго душею,
Но сердце разбудить біеньемъ прежнимъ,
Изъ тмы извлечь и снова въ свѣтъ поставить...
Такихъ героевъ много не найдешь!!

—

ТѢ-ЖЕ и АДАДУРОВЪ (за нимъ слуга съ кафтаномъ и обувью).

КНЯЗЬ. Надѣнь кафтанъ и обувь! Я надѣюсь,
Ты не откажешься, Прокопъ Петровичъ,
Откушать вмѣстѣ съ нами хлѣба-соли.
(Ляпуновъ, поклонясь, отходитъ въ сторону и одѣвается).
Ахъ, я о прочихъ позабылъ! — Валуевъ,
Сходи братъ на крыльце и объяви
Всѣмъ, кто пришелъ съ Прокопомъ Ляпуновымъ,
Что, именемъ Царя, я всѣхъ прощаю,
И кланяюсь имъ дружескимъ поклономъ;
А боевой снарядъ я самъ раздамъ,
Самъ, лично.

—

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **ВАЛУЕВА**.

КНЯЗЬ. Ададуровъ, у меня
Въ опочивальнѣ, мечь виситъ булатный,
Турецкой стали, съ Русскими орлами.
Сходи и принеси!

—

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **АДАДУРОВА**.

ДЕЛАГАРДИ (*тихо*), Мечь Ляпунову,
Безъ Царскаго указа!

КНЯЗЬ (*тихо*). Делагарди,

Да; миловать не должно въ половину!
Кто можетъ силу неба ограничить?
А милость дочь Господняя; она,
Въ предѣлы заключенная, не будетъ
Ужъ милостью, а развѣ оскорбленьемъ,
Онъ Русскій; оскорбить его не смѣю
И не хочу...

—

ТѢ-ЖЕ и АДАДУРОВЪ (приноситъ мечь).

КНЯЗЬ. Вотъ мечь, Прокопъ Петровичъ!
Возьми его! Онъ — по рукѣ тебѣ,
А злымъ врагамъ по головѣ придется...

ЛЯПУНОВЪ *(схвативъ мечь обѣими руками).*
Мечь, добрый мечь! Я снова Божій воинъ!
Здорово, другъ, товарищъ дня и ночи!
Здорово, братъ родной! Ты у кого
Въ рукахъ гулялъ, ты съ кѣмъ о жизни спорилъ,
Кого смертельнымъ поцѣлуемъ встрѣтилъ?
Скажи!.. — Да! Еслибъ всѣ мечи заговорили,
Не ту-бы лѣтопись вели монахи
И не одно-бъ сказанье стало сказкой!
Дай, посмотрю на свѣтлое лице
(обнажая мечь)
И въ блескѣ стали образъ свой увижу!
Князь! Онъ въ крови!

КНЯЗЬ. Ты самъ его омоешь!

ЛЯПУНОВЪ. Омою, Князь, омою вражьей кровью!
Широкій мечь, могучій и разгульный,
Мы больше не разладимъ; въ грозной сѣчѣ
Мы дружно постоимъ за Русь Святую,
Кровавую раскосимъ дружно жатву,
Сочтемъ число поганыхъ чужеземцевъ!
Гуляй, мой мечь! Пришла твоя трапеза,

Твой жирный пиръ! Гуляй, мой другъ, гуляй!
Сюда, еретики! — На Русскій мечь,
На руку Русскую скорѣй бѣгите!
Мы двое съ братомъ; разлучите насъ!
Какъ-бы не такъ! Вамъ будто неизвѣстно,
Что Русскій мечь съ рукою Русской сросся;
Что Русскій мечь и Русскій человѣкъ,
Святаго Царства дѣти-близнецы!

князь *(тихо Делагарди)*.

И ты считалъ его достойнымъ плахи?

делаг: Я и теперь такъ думаю; предатель,
Разъ измѣнилъ, измѣнитъ и въ другой разъ!

ляпуновъ. Кто этотъ Воевода?

князь. Делагарди.

ляпун: Какъ? Шведскій Воевода? Чужеземецъ?
Отъ нихъ все зло: и мятежи и смуты!
Кто создалъ Самозванцевъ? — Чужеземцы!
Кто Русь облилъ измѣной? — Чужеземцы!
Какъ саранча голодная, за моремъ
Они почуяли богатство Русскихъ,
И душу продали для душегубства!

делагарди. Молчи, измѣнникъ!..

ляпуновъ. Шведъ, незабывайся!
Я дѣло говорю. — Когдабъ не вы,
Святая Русь, какъ дѣва-бъ красовалась,
Не соблазнились-бы нечестьемъ люди,
Не упивались-бы порокомъ, скверной,
Не вызвали-бъ къ измѣнѣ Ляпунова!
Кто къ намъ пустилъ, какъ призракъ Іоанна,
Ужаснаго Димитрія; кто басню
Такъ хитро сплелъ, такъ распустилъ лукаво?

делагарди. Не Шведы...

Ляпуновъ. Да, не Шведы; чужеземцы,
Всѣ чужеземцы сколько васъ ни есть!
Въ безсильной зависти къ Святому Царству,
Вы не живыхъ людей къ намъ посылали,
А мертвецовъ, безбожники, будили;
Подъ именемъ, всегда святымъ для Русскихъ,
Вели на Русь неслыханный обманъ!
Вотъ подвиги честныхъ людей!.. Стыдитесь!

Делагарди. Князь, прикажи ему молчать!

Ляпуновъ. Молчать!
Молчать за Русь, за Вѣру и за нравы!
О Богохульники! И кто не помнитъ,
Какъ съ псами по Церквамъ они ходили,
Передъ священникомъ не гнули шапокъ,
Въ Великій Постъ мясную ѣли пищу,
Бояръ, некрѣпкихъ въ Вѣрѣ, соблазняли?
А нравы, наши нравы, Делагарди!
Когда ты честенъ, Шведскій Воевода,
И уважать умѣешь справедливость,
Такъ не сердись, а выслушай меня. —
Не въ нравахъ-ли таится жизнь народа?
Не въ нравахъ-ли всѣхъ доблестей народныхъ
Лежатъ святые корни? Не на нихъ-ли,
Какъ на гранитѣ все почіетъ Царство?
И мы святые нравы сохраняли;
Мы съ ними жили столько сотень лѣтъ;
Привыкли. Что-жъ? Приходятъ чужеземцы,
Порочатъ наши нравы, нашу Церковь...
Все предразсудокъ у людей заморскихъ,
Обычаи смѣшны, смѣшна одежда,
Нашъ разумъ не разуменъ, наши чувства
Безъ благородства... Шведскій Воевода,
Ты перенесъ-бы это у себя,
Когда-бъ къ тебѣ, *хоть я*, пришелъ порочить

И нравы и обычаи и вѣру;
А я-бъ нашелъ чему смѣяться, вѣрь мнѣ!.. —
Давно-ли на Руси чужое платье
Бояринъ носитъ? Въ праздники святые,
Не въ Русскомъ платьѣ онъ идетъ къ обѣднѣ,
А въ Польскомъ кунтушѣ, въ заморской шапкѣ;
А прежде только такъ шутовъ рядили!..
Прогнали Поляковъ, Жиды остались;
Ихъ прежде не увидѣлъ бы за деньги;
А нынче — торгъ ведутъ товаромъ тайнымъ;
Въ одеждѣ Христіанской, предъ Соборомъ;
Передъ Царемъ проходятъ невредимо!! —
— Въ Великій Постъ, когда Святая Церковь
Велитъ уединяться и молиться,
Бояре пиръ ведутъ, а скоморохи
Соблазнь и скверну громко припѣваютъ!
И мы еще несчастіямъ дивимся,
Которыми насъ взыскиваетъ Небо!
Мы сами, добровольно, злой заразѣ
Широкія ворота отворили;
Мы призвали изъ-за-моря людей,
Что-бъ горю и бѣдѣ насъ научили!

ДЕЛАГАРДИ. Послушай, Ляпуновъ!

ЛЯПУНОВЪ. Нѣтъ, Воевода,
Твоя рѣчь впереди, а ты дослушай!
А наши жены, дочери и сестры?
Имъ Богъ велѣлъ, въ завѣтной тишинѣ,
Обязанность семейственную править; —
И чистота была удѣломъ нашимъ!
Въ дѣлахъ земли ничтоженъ женскій умъ;
Въ ихъ мягкомъ сердцѣ страсти въ вѣчной бурѣ;
Но мудрость предковъ все предусмотрѣла,
Разчислила: гдѣ быть женѣ, гдѣ мужу, —
И провела границу ихъ властямъ.

Не знали мы разводовъ и разрывовъ!
Что связывалъ Господь на небесахъ,
Того мы на землѣ не разрывали!
И о грѣхѣ не думала жена,
И о грѣхѣ не снилось красной дѣвѣ!
Теперь — не то! По матушкѣ-Москвѣ
Боярыни, боярышни гуляютъ,
Не только безъ фаты и рукавовъ, —
Съ открытой грудью, да, съ открытой грудью!
Я самъ видалъ еще весьма не давно,
Какъ Нѣмецъ цѣловалъ у дѣвы руку
И на завѣтныя глаза — лукаво
Свой сладострастный взоръ вперялъ, безбожникъ!
Неужели все это хорошо?
Вамъ кажется смѣшно, а мнѣ ни мало;
На слѣдствія смотрите, и тогда
Судите, правъ-ли я?

КНЯЗЬ. Прокопъ Петровичъ,
Я самъ съ тобой почти во всемъ согласенъ.

ЛЯПУНОВЪ. Согласенъ, а призвалъ еретиковъ!
Согласенъ, а братается со Шведомъ! —

КНЯЗЬ. Кто-жъ виноватъ? Не ты-ли Ляпуновъ
Самъ первый поднялъ знамя возмущенья,
Самъ первый научилъ измѣнѣ?..

ЛЯПУНОВЪ. Князь,
Коли простилъ, такъ не кори измѣной!
Князь Михаилъ Васильичъ, мы загладимъ
Измѣну нашу, только Шведовъ прочь!

ДЕЛАГАРДИ. Не думай, Ляпуновъ, чтобъ мы хотѣли
Итти къ вамъ добровольно; Царь просилъ
У Короля противу *васъ* подмоги,
И Князь Скопинъ самъ лично пріѣзжалъ
И насъ повелъ почти насильно...

ЛЯПУНОВЪ. Боже!
И это Царство Русское! О стыдъ!
Да знаетъ-ли вашъ пресловутый Западъ,
Что если Русь возстанетъ на войну,
То вамъ почудится сѣдое море,
Что буря гонитъ на берегъ противный!..
Мы можемъ затопить, какъ наводненье!
Мы можемъ, какъ пожаръ, весь Западъ сжечь!
У насъ есть Крестъ, святѣйшій изъ крестовъ!
У насъ есть мечь, сильнѣйшій изъ мечей!
Къ чему намъ чужеземцы? Воевода,
Вѣдь мы съ тобой, вся Русь теперь съ тобою;
Еретиковъ не стыдно-ли бояться,
Еще стыднѣе быть въ союзѣ съ ними...
Жени ихъ прочь, Князь Михаилъ Васильичъ!
Когда не будетъ ихъ, вся Русь съ любовью
Освободителя обниметъ Церкви.
Не имъ-ли метить обиды Православныхъ?
Не имъ-ли стать за Русскаго Царя?
Кого благодарить имъ за побѣду?
Въ какомъ Соборѣ имъ служить молебенъ?!.
КНЯЗЬ. Ужасный человѣкъ!. Прокопъ Петровичъ,
Согласенъ я во всемъ съ тобой; но Шведы,
Что прибыли со мной, не таковы;
Мой Яковъ Делагарди — благороденъ,
Благонамѣренъ, честенъ...
ЛЯПУНОВЪ. Вѣрю, вѣрю!
Но подъ тобой и Турокъ будетъ честенъ!
Дай волю имъ, переродятся... Впрочемъ,
Вѣдь онъ одинъ не составляетъ войска.
Онъ посланъ Королемъ, какъ Воевода.
А съ нимъ кто посланъ? Воры, душегубцы,
Грабители... Князь Михаилъ Васильичъ,
Жени ихъ прочь! А если ты боишься,

Что-бъ не зажечь междоусобья въ Царствѣ;
Дай мнѣ назадъ измѣнниковъ моихъ,
И мы отъ насъ проводимъ ихъ по-Русски!

ТѢ-ЖЕ и ВАЛУЕВЪ.

ВАЛ. Князь Михаилъ Васильичъ! Къ намъ пріѣхалъ
Гонецъ полка передоваго. Ляхи
Съ Сапѣгой къ Слободѣ подходятъ.
КНЯЗЬ. Яковъ,
Пошли Зоме узнать подробнѣй дѣло:
Какъ много ихъ, съ какимъ идутъ снарядомъ,
И держатъ путь на насъ или на Польшу?
Валуевъ, войско приведи въ порядокъ!
Всѣ ставки снять, весь боевой снарядъ
Везти съ собой; мы перемѣнимъ мѣсто;
И если побѣдимъ Сапѣгу, дѣло
Окончено!—Я самъ веду мой Полкъ!
Въ Сторожевомъ Полку, Прокопъ Петровичъ,
Ты остаешься Главнымъ Воеводой!

КНЯЗЬ СКОПИНЪ и ЛЯПУНОВЪ.

ЛЯПУН: Князь Михаилъ Васильичъ, ради Бога!
Позволь мнѣ стать въ лице моимъ врагамъ,
Позволь мнѣ возвѣстить мечемъ булатнымъ,
Что я съ тобой, что Ляпуновъ ужъ Русскій,
Что мечь въ рукахъ моихъ ужъ не за ересь,
А за Святую Церковь и за правду!
КНЯЗЬ. Прокопъ Петровичъ, докажи смиреньемъ,
Что искренне раскаянье твое!
Ты безъ заслугъ еще, Прокопъ Петровичъ,
И можетъ быть я дурно поступилъ,
Вручивъ тебѣ сторожевое войско;

Но я давно твой ратный умъ замѣтилъ
И промѣнялъ на старшихъ воеводъ.

ляпун: Князь Михаилъ Васильичь! Ради Бога,
Пусти меня, не Царскимъ Воеводой,
А воиномъ послѣднимъ, но впередъ,
Впередъ, въ глаза еретикамъ поганымъ!
Позволь мнѣ стать въ ряды твоихъ стрѣльцевъ,
Иль на коня, — я буду Казакомъ,
Иль пушку дай,—я стану пушкаремъ,
Но только бы врага почуять въ полѣ,
Съ нимъ повести кровавую бесѣду,
Потѣшиться на праздникѣ смертельномъ! —

князь. Нельзя, Прокопъ Петровичь! Самъ подумай,
Какъ много я нарушилъ изъ обрядовъ...
Простилъ тебя безъ Царскаго прощенья,
Далъ мечь безъ Царскаго соизволенья,
Какъ духовникъ, измѣну отпустилъ
И надъ Боярами тебя поставилъ!

ляпун: Все, все назадъ!.. но только въ это поле
Пусти меня, Князь Михаилъ Васильичь!
Казни меня, но послѣ этой битвы!
Послѣдній бой быть можетъ съ супостатомъ,
И я моихъ грѣховъ не смою кровью;
Все тѣмъ-же я измѣнникомъ останусь,
Измѣнникомъ, изъ милости прощеннымъ!

князь. Прокопъ Петровичь, будь благоразуменъ!
Пойми меня, ты можешь понимать!
Я съ умысломъ тебя здѣсь оставляю.
Намъ трудно-ли Сапѣгу одолѣть?
Вѣдь рать моя противу Польской — море!
Мы въ полъ-часа разсѣемъ гордыхъ Ляховъ,
Ты все таки измѣны не загладишь,
Хотя-бъ и былъ со мной; а здѣсь въ Полку

Умѣй сойтись съ боярами и войскомъ;
Умѣй ихъ привязать къ себѣ любовью!
Ты нуженъ мнѣ. Придетъ пора, Прокопъ
Петровичь, въ Польшу мы пойдемъ съ тобою;
Мы грянемъ въ нихъ непобѣдимой ратью,
Разсыплемъ хвастуновъ по цѣлому свѣту,
Отмстимъ имъ поруганье Годунова,
Неуваженье славы Іоанна,
Нововведенія и порчу нравовъ,
Отнимемъ драгоцѣнную добычу,
Сохой пройдемъ мятежную Державу
И гробъ Баторія, какъ стягъ, положимъ!

ЛЯПУНОВЪ. Ура! Ты точно Русскій Воевода!
Князь-Ангелъ, Князь-Надежа, повинуюсь!

КНЯЗЬ. Заговорили пушки! Слава Богу!
Прости мой другъ!

ЛЯПУНОВЪ. Прости, мой Воевода!

ТѢ-ЖЕ И ВАЛУЕВЪ.

ВАЛУЕВЪ. Сапѣга нападаетъ!

КНЯЗЬ. Отражайте,
Вы бейте, я добью. Прокопъ Петровичь,
Въ походъ готовься! Я хочу придвинуть
Всю нашу рать къ Москвѣ первопрестольной!
Прости, Прокопъ Петровичь, до свиданья!

ЛЯПУНОВЪ *(одинъ)*.
Великій человѣкъ! Съ какимъ смиреньемъ,
Съ какой заботой онъ несетъ свой санъ!
Далъ Богъ Руси, по Царству, Воеводу!
Скорѣй бы въ Польшу, долгъ платить кровавый,
Высчитывать обидами обиды,
И завалить колодезь ядовитый,

Изъ коего мы черпаемъ заразу...
Князь Михаилъ Васильичъ, ты постигъ,
Что я люблю Святую Русь, какъ Бога!
Ты отгадалъ, что я не измѣнялъ,
А только по ошибкѣ заблуждался!
Ты взвѣсилъ, что измѣнникъ Ляпуновъ
Полезнѣе вѣрнѣйшихъ чужеземцевъ!
Ты правъ, ты правъ! Разсчетливъ разумъ твой;
Я другомъ сталъ твоимъ и крѣпкимъ другомъ;
Какъ не любить спасителя отчизны,
И какъ намъ знать, быть можетъ на тебя
Вѣнецъ Царей наслѣдственно нисходитъ?
Врагъ мѣстничества, врагъ боярской спѣси,
Сынъ Церкви и войны, сынъ доблихъ предковъ,
Братъ мужества и другъ прямыхъ достоинствъ...
Съ такимъ Царемъ что̀ можетъ значить Русь?..
Наслѣдственно?.. А время улетаетъ;
Василій слабъ; умретъ и на Престолъ
Взойдетъ Димитрій Шуйскій, столь-же слабый,
Не столь благоразумный, какъ Василій!
Василію подъ стать такой преемникъ;
Онъ не затмитъ его полезныхъ дѣлъ
Великими дѣяньями своими;
За то кровавую дѣлъ страшныхъ память
Димитрій новой кровію закраситъ!
Святая Русь! Ужасенъ жребій твой!
Ужели ждать конца твоимъ несчастьямъ
И не дерзнуть перемѣнить судьбы,
Простымъ, единственнымъ и вѣрнымъ средствомъ?..
Безъ смутъ, безъ крови, безъ опасныхъ споровъ
Мы можемъ молодаго Воеводу
Склонить къ принятію вѣнца; столь юный,
Столь пылкій, можетъ быть честолюбивый,
Не устоитъ передъ соблазномъ власти!

Младой орелъ — окинетъ взоромъ міръ,
Взмахнетъ крыломъ, испытывая силу...
— Могущь! силенъ! и вотъ на яркомъ небѣ
Орелъ виситъ недвижными крылами,
И ловитъ міръ, далекую песчинку!
Таковъ Герой, когда въ младой душѣ
Сознаетъ мощь способностей и воли!
Таковъ Скопинъ! — Умѣйте только двинуть
Его могучимъ сердцемъ; это сердце
Не долго свѣжимъ жаромъ пламенѣетъ;
Земля полна тѣхъ ядовитыхъ чувствъ,
Что лучшія младой души стремленья
Порокомъ иль соблазномъ отравляютъ.
И часто юноша съ умомъ великимъ,
Бываетъ слабоумнымъ старикомъ;
Бездѣйствіе — душевная отрава!

И такъ не станемъ времени терять!
Теперь пора! Не должно ждать блаженства,
Которое быть можетъ и не можетъ,
Когда предъ нами вѣрное блаженство!

Князь говорилъ, что рать свою къ столицѣ
Придвинуть хочетъ; что во-мнѣ есть нужда...
Быть можетъ не нарокомъ, вѣщимъ сердцемъ,
Я угадалъ мысль тайную его...
О Михаилъ! Великая надежда
Моей Руси! Такъ, Ляпуновъ рѣшился,
И съ упованьемъ на тебя и Бога
Святую Матерь нашу, эту Русь,
Отъ восхожденья солнца до Днѣпра,
Отъ вѣчныхъ льдовъ Архангельскихъ до Турокъ,
Онъ заключитъ въ единственное слово —
И это слово будетъ — твой вѣнецъ!

Ахъ! Подъ твоимъ отеческимъ крыломъ,
Святая Русь войдетъ въ свои предѣлы,

Отниметъ то, что отнято у ней
И должникамъ долги свои заплотитъ!
И не безъ дѣла будетъ Ляпуновъ;
Твой первый другъ, твой первый Воевода,
Съ отдѣльной ратью грянетъ Ляпуновъ
На гордаго сосѣда; затрепещетъ
Надменный Жигмондъ; Римскій Императоръ
Смутится слухомъ о моихъ знаменахъ;
И Русь, какъ лебедь, въ чистотѣ и силѣ,
На Океанъ возляжетъ бѣлой грудью.

ЛЯПУНОВЪ И РЖЕВСКІЙ.

ЛЯПУНОВЪ. Возможно-ли? Такъ скоро изъ Москвы?
Здорово, милый гость, здорово, Ржевскій!
РЖЕВСКІЙ. Здорово, Ляпуновъ! Князь въ полѣ?
ЛЯПУНОВЪ. Въ полѣ.
РЖЕВСКІЙ. Я Грамоту привезъ къ нему?
ЛЯПУНОВЪ. Какую?
РЖЕВСКІЙ. Царь милости въ ней посылаетъ войску,
И ты, Прокопъ Петровичъ, не забытъ.
ЛЯПУНОВЪ. Я незабытъ? — Царь милостивъ...
РЖЕВСКІЙ. И очень.
Я говорилъ тебѣ, что онъ проститъ.
ЛЯПУНОВЪ. Я ужъ давно прощенъ.
РЖЕВСКІЙ. Не Царскимъ словомъ.
Князь угадалъ Цареву мысль, въ добавокъ —
Ты въ Думные пожалованъ Дворяне.
ЛЯПУНОВЪ. Я — въ Думные пожалованъ Дворяне?
РЖЕВСКІЙ. Отъ сердца поздравляю!
ЛЯПУНОВЪ. Полно-ль вправду
Я Думный Дворянинъ? Ты не ошибся?

РЖЕВСКІЙ. Нѣтъ, не ошибся я, Прокопъ Петровичъ!
Теперь бѣгу поздравить воеводъ;
Пріятно первому Цареву милость
Имъ объявить. — Прости, Прокопъ Петровичъ!

—

ЛЯПУНОВЪ (одинъ.)

Я думный Дворянинъ!! Нашелъ награду
Тому, кого Бояре трепетали,
Кому вся Русь повиновалась слѣпо
И только отъ его могучей воли
Войны иль мира смутно ожидала!
Довно-ль Москва, какъ море передъ бурей,
Моимъ умомъ и волей колебалась!
Я въ Думные пожалованъ Дворяне!
Насмѣшка это, или тайный умыслъ
Меня унизить въ мнѣніи народномъ!!

—

ЛЯПУНОВЪ и многіе **ВОЕВОДЫ.**

ПЕРВ:ВОЕВ:Пожаловалъ!Ужъподлинновънасмѣшку!
Прислалъ двѣ шубы!

ВТОРОЙ ВОЕВОДА. Какъ прислалъ двѣ шубы,
А мнѣ, подумать стыдно, кубокъ...

ПЕРВЫЙ. Кубокъ!
Ужъ подлинно въ насмѣшку! — Воевода,
Мы знать съ тобой незаслужили больше!

ВТОРОЙ. Незаслужилъ! Не знаю сколько кубковъ
Я пролилъ крови за его спасенье...

ПЕРВЫЙ. Добро-бъ уже отъ Царской крови Царь;
И шапкой подаритъ, и то ужъ милость,
А слово красное иной разъ лучше,
Богаче съ золотомъ мѣшка...—А Шуйскій?
Свой братъ; бывало я ему дарилъ
О праздникахъ пушистыхъ соболей...

второй. Братъ! Не хвались! Еще при Годуновѣ,
Я въ имѣнины посылалъ къ нему
И не такіе кубки съ поздравленьемъ,
А онъ теперь шлетъ кубокъ въ награжденье.

третій. И ништо намъ! Противу общей воли,
Мы Шуйскаго поставили Царемъ.
Надѣялись, что равный намъ Бояринъ
Озолотитъ наградами друзей...

ляпуновъ. Ну, не легко вамъ угодить, Бояре!
Василій старъ, дѣлами озабоченъ,
Какъ каждаго упомнить воеводу
Въ такой огромной рати; наградить
Достойно каждаго; шестой десятокъ
Ужъ на исходѣ; память ослабѣетъ,
Особенно при смутахъ безпрерывныхъ.

ТѢ-ЖЕ и другіе **ВОЕВОДЫ.**

четв. воевода. Пожаловалъ, Господь ему прости!
Прислалъ два сорока рублей въ награду!
ляпуновъ. Эхъ, согласиться должно, Воеводы,
Казна истощена, а нашъ Василій
Ужъ больно старъ; мытарствуютъ Бояре,
А онъ не примѣчаетъ, да и трудно
Въ такія лѣта, что нибудь примѣтить.

перв. воевода. Что, Ляпуновъ! Ты умный человѣкъ;
Мы знаемъ, оправдать его съумѣешь!
Василію спрячь красныя слова!

второй. Нѣтъ, слушайте, не то онъ затѣваетъ:
Онъ дѣло началъ.

первый Слушаемъ! Ну, чтожъ?

ляп. Чтобъ управлять такимъ огромнымъ Царствомъ
Въ такое время — нуженъ человѣкъ

И молодой и умный и отважный!
Вы помните Василія въ Боярахъ?
Для пользъ своихъ онъ нежалѣлъ сокровищь,
Для пользъ чужихъ копѣйки не давалъ.

перв: воев: Какъ намъ не помнить? Вмѣстѣ Самозванца
Мы извели.

второй. Молчите! Пусть онъ кончитъ!

Ляпуновъ. Онъ цѣлый день молился; за молитвой
О хитростяхъ и казняхъ помышлялъ;
Лукавствовалъ предъ сильнымъ Годуновымъ,
Былъ другомъ вдругъ Царю и Самозванцу,
И сталъ врагомъ при первой перемѣнѣ.

третій. Охъ, страшно слушать!..

второй. Говори потише!..

Ляпун: Я правду говорю; чего бояться?
Неслушайте! Вамъ непонятенъ строгій,
Но справедливый голосъ Ляпунова!
Я Русь люблю, вы любите себя!
Я за покой отечества страдаю,
А вы страдаете за ваши шубы,
За ваши кубки и оклады. — Сердце
У васъ молчитъ, когда браздами Царства
Не Царскій сынъ, а равный вамъ Бояринъ
Спокойно правитъ; надъ Розрядомъ вашимъ
Смѣется, какъ надъ сказкой дурака!
Еще хитритъ Василій; будетъ время,
Когда пойдетъ открыто противъ васъ;
Не дастъ не только шубы и оклада,
Но собственность послѣднюю отниметъ...

перв: Прокопъ Петровичъ, я съ тобой согласенъ,
Но средствъ не вижу зло предупредить!

второй. И, правду молвить, нечего спѣшить.

Хотя Василій избранъ не Соборомъ;
Однакоже народъ къ нему привыкъ...

ТРЕТІЙ. А ежели Князь Михаилъ Васильичь
Преемникомъ ему объявленъ будетъ? —

ЛЯПУН: А Князь Димитрій?.. Ждите! Богъ поможетъ
Василію десятокъ лишній жить;
Тогда и Князь принаровится къ дядѣ.
Да никогда не быть ему Царемъ.
Завистливъ взоръ Василія! Нарочно
Онъ назоветъ преемника такого,
Который превзойдетъ его въ обманахъ,
Въ лукавствѣ, хитростяхъ! О ждите, ждите!

ВОЕВОДЫ *(между собою)*.
Послушайте, онъ дѣло говоритъ. —
Предложимъ Князю Шапку Мономаха. —
Но Князь не согласится! — Согласится. —
Онъ честенъ. — Искушеніе безмѣрно... —
Вся Русь за насъ... — Кто этого не знаетъ;
Да какъ онъ самъ....

ЛЯПУНОВЪ *(про себя)*.
Совѣтуйтесь, Бояре!
Совѣтъ вашъ глупъ, умно согласье ваше. —

—

ТѢ-ЖЕ И КНЯЗЬ СКОПИНЪ.

КНЯЗЬ. Все кончено! Послѣдній врагъ бѣжалъ!
Съ побѣдой поздравляю, Воеводы!

ВОЕВ: Да здравствуетъ Князь Михаилъ Васильичь!

КНЯЗЬ. Благодарю, друзья! Сбылось желанье!
Потери нѣтъ. Отъ перваго удара
Смѣшались Ляхи; Шведы дружнымъ рядомъ
Пошли впередъ — и побѣжалъ Сапѣга.
Его теперь преслѣдуетъ Зоме

И Делагарди. Что, Прокопъ Петровичъ,
Не видишь ли расчета въ этомъ дѣлѣ,
Который льститъ твоимъ расчетамъ?
Ляпуновъ. Такъ,
Князь Михаилъ Васильичъ! Вижу ясно,
Что ты рожденъ на счастіе отчизны!
Тебя Господь вождемъ поставилъ войску,
Какъ на ступень къ другому назначенью!
Ты не рожденъ для подвиговъ военныхъ;
Жалѣя крови, ты не ищешь битвъ;
Ты, какъ отецъ, о воинахъ печешься,
Ты справедливъ въ наградахъ и расправѣ;
Умѣренъ въ жизни, набоженъ и добръ,
Умомъ своимъ объемлешь Государство,
Смущаешь хитрость, знанье уважаешь,
И тѣсно поле брани для тебя!
Другое поле Богъ тебѣ назначилъ;
Внемли его всесильному призыву!
Князь. Прокопъ Петровичъ! Рѣчь замысловата...
Ляпуновъ. Дослушай, Князь! Святая наша Русь
Отъ смерти Ѳедора скорбитъ и страждетъ...
И Годуновъ — такой же Самозванецъ,
Хотя онъ избранъ полной Земской Думой;
Онъ самъ навелъ свой незаконный выборъ
И путь къ Престолу уготовалъ кровью...
Другаго Богъ судилъ судомъ верховнымъ
За оскорбленье имени Святаго.
Ужасные года! Не въ это-ль время
Святая Русь въ крови своей купалась?
Не въ это-ль время саранчи заморской
Убійственная туча налетѣла?
Не въ это-ль время добрый нашъ народъ
Сталъ подозрителенъ, непостояненъ;
Не на него-ль ярмомъ невыносимымъ

Вліяніе упало чужеземцевъ?
И онъ страдалъ отъ крови и коварства,
Отъ ратной хитрости гостей незванныхъ,
Отъ злобной хитрости заморскихъ знаній;
И я, и ты, и каждый гражданинъ
Оплакивали только нашу участь;
Мы вѣрили: минуетъ это время!
Мы вѣрили: Бояринъ Князь Василій
Иваничь Шуйскій свергнетъ это иго!
Всѣмъ равный судъ и равная расправа,
Любовь своимъ, опала чужеземцамъ,
Гроза врагамъ, покой святому Царству!
О, мало-ли блистательныхъ надеждъ
Съ Василіемъ вступало на престолъ!
Но не сбылись святыя ожиданья!
Онъ старъ и слабъ, привыкнувъ быть рабомъ,
Онъ на престолѣ рабствуетъ страстямъ;
Слабѣя тѣломъ, онъ слабѣетъ духомъ;
Нѣтъ, не ему вступить въ борьбу съ соблазномъ,
Святую Русь любовію обнять,
Смутить враговъ ума всемощной думой;
Стереть врага непобѣдимой ратью!..
Нѣтъ, не ему, Князь Михаилъ Васильичь!
Тебѣ, тебѣ назначенъ этотъ жребій!
(Преклоняетъ колѣна, нѣкоторые воеводы слѣдуютъ его примѣру, другіе неподвижно глядятъ на Князя).
Князь, Михаилъ Васильичь! Воеводы,
Бояре, Стольники, всѣ города,
Вся Русь — тебя Царемъ своимъ избрала!
Прими вѣнецъ!

КНЯЗЬ *(послѣ минутнаго молчанія, гнѣвно)*.
Повѣсить Ляпунова!
(Воеводы, всѣ, безъ исключенія, бросаются обезоружать Ляпунова).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ МОСКВѢ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность терема Дмитрія Шуйскаго.

ЕКАТЕРИНА *(одна, у отворенного окна).*
Какое торжество! Колокола
Не устаютъ гремѣть, какъ будто въ праздникъ!
Народъ съ разсвѣта у воротъ Кремлевскихъ
Ждетъ Князя Михаила... О Василій!
Не сдобровать тебѣ! Пріятель ближній
И побѣдитель въ тысячѣ сраженій
Съумѣетъ воевать Москву и Царство! —
— О, солнце высоко! — Такъ высока
И Царская держава. Кто достигъ
Ее трудомъ своимъ, тотъ пусть боится,
Чтобъ не упасть съ безмѣрной вышины!
Вѣдь власть его — искуственное солнце... —
— Бездѣтенъ Царь, Царица безнадежна.
Наслѣдуетъ Василію Димитрій,
А Ей наслѣдуетъ Екатерина! —
Мои, мои Кремлевскія палаты!
Въ Соборѣ — я на первомъ мѣстѣ; люди,
Какъ на икону, смотрятъ на Царицу. —
Задумаю — и словно колдовствомъ
Сбываются малѣйшія желанья!
Молюсь-ли я, — все молится со мной!
Засну-ли, — все безмолвьемъ спитъ, безъ сна!
Печальна-ль я, — и всѣ со мной печальны;
Я весела, — и всѣ цвѣтутъ весельемъ!
Небесный санъ, во-истину небесный!

О скоро-ли?.. Какой ужасный шумъ!..
(За сценой слышенъ глухой крикъ.)
Да здраствуетъ Князь Михаилъ Васильичъ!

ЕКАТЕРИНА *(смотря въ окно).*
Вотъ онъ, нашъ юный вождь и побѣдитель!
На колесницѣ, безъ коней; народъ,
Въ густой толпѣ сливаясь воедино,
Запрягся и везетъ его. — Василій,
Ты смотришь-ли на это торжество?
Здѣсь много думъ въ толпѣ народной тонетъ
И каждая грозитъ раздумьемъ горькимъ! —
Вотъ мужъ мой, Духовенство и Бояре
На паперти соборной вышли встрѣчу!
О, Князь Димитрій, можетъ быть врага
Ты поздравляешь братскимъ поздравленьемъ! —
Но Князь, какъ слышно, добръ и благороденъ;
Онъ, говорятъ, Прокопа Ляпунова
Велѣлъ казнить за предложенье Царства.
Но если все одинъ обманъ?!.. Василій,
Ты былъ уменъ, не оплошай въ концѣ,
Не то, не быть Димитрію въ вѣнцѣ?

ЕКАТЕРИНА и **ФИДЛЕРЪ** (оставаясь у входа).

ЕКАТЕРИНА *(смотря въ окно).*
Замолкла площадь, все ушло въ Соборъ!
Поистинѣ, и я должна-бъ молиться;
Но силы нѣтъ; таинственная дума,
Какъ будто-бы докучливая муха,
Не отстаетъ... Минуй меня, Спаситель,
Твоимъ Крестомъ. *(Отходя отъ окна и увидѣвъ Фидлера)*
Ахъ, здраствуй, добрый Фидлеръ!
Ты во-время пришелъ, я не здорова.

ФИДЛЕРЪ. Что съ вами?

ЕКАТЕРИНА. Ахъ! Я и сама не знаю;
Такъ не здоровится; потѣю, зябну,
И жаръ, и холодъ ..

ФИДЛЕРЪ. Простудились, вѣрно;
Такъ долго у окна...

ЕКАТЕРИНА. Да... у окна...
Изъ любопытства...

ФИДЛЕРЪ. Любопытный праздникъ!
Такого, говорятъ, въ столицѣ здѣшней
Не видано, не слыхано...

ЕКАТЕРИНА. Да, правда.
При Іоаннѣ, кажется...

ФИДЛЕРЪ. О нѣтъ!
Вѣдь это Императорскій тріумфъ!

ЕКАТЕРИНА. Ты говорилъ объ этихъ торжествахъ;
Я помню...

ФИДЛЕРЪ. Я смотрѣлъ на весь тріумфъ,
И, признаюсь, я не встрѣчалъ и въ книгахъ
Такого торжества! Народъ Московскій,
Въ какомъ-то упоительномъ восторгѣ,
Смотрѣлъ на гордаго любимца славы
И радостной надеждой трепеталъ,
Что этотъ Князь наслѣдникъ Царскій.

ЕКАТЕРИНА *(стремительно)*.
Фидлеръ!

ФИДЛЕРЪ. Княгиня, вы встревожены?

ЕКАТЕРИНА *(въ совершенномъ смущеніи)*.
О нѣтъ...
Да, я встревожена восторгомъ общимъ...
Я раздѣляю радость православныхъ...
Я трепещу... я плачу... видишь, плачу...

ФИДЛЕРЪ. О чемъ, Княгиня?

ЕКАТЕРИНА. Фидлеръ, я больна!
Когда нибудь ты не найдешь меня!

ФИДЛЕРЪ. Княгиня, наши средства вамъ помогутъ!
Позвольте руку...

ЕКАТЕРИНА (*тихо*).
Нѣтъ, не дамъ руки;
Онъ можетъ догадаться, чернокнижникъ,
Чѣмъ я больна. (*громко*) Къ чему тебѣ рука,
Когда страдаетъ голова и сердце?..
(садясь.)
Оставь мою болѣзнь въ покоѣ, Фидлеръ!
Ты разскажи мнѣ лучше что нибудь; —
Такъ много ты читалъ, видалъ и слышалъ!

ФИДЛЕРЪ. Вамъ кажется, что свѣтъ у насъ другой,
Что мы съ луны на шаръ земной спадаемъ!
Все тѣ же люди; только нравы разны,
Религія и кругъ познаній...

ЕКАТЕРИНА. Фидлеръ,
Но для чего-же разница?

ФИДЛЕРЪ. Княгиня,
Спросите: для чего на свѣтѣ люди?..

ЕКАТ. Чтожъ, ты доволенъ нашимъ Государствомъ?

ФИДЛ. Нѣтъ! — Перемѣны ваши слишкомъ быстры.
Давно-ль я на Руси, а три Царя
Одинъ другаго съ трона низвергаютъ!
И, можетъ быть, не далѣе недѣли,
Мы на Престолѣ новаго увидимъ!

ЕКАТЕРИНА (*вставъ*).
Кого-же это?

ФИДЛЕРЪ. Князя Скопина!

ЕКАТЕРИНА. Господь съ тобой!..

ФИДЛЕРЪ. Вы женщина, Княгиня!
На смуты черни вамъ нельзя смотрѣть;
Огромныя васъ отдѣляютъ стѣны
Отъ поприща и козней и страстей!
Къ вамъ — только отголоски достигаютъ.

ЕКАТ: О, Фидлеръ, нѣтъ! Ты знаешь, я люблю,
Подобно женамъ Запада, познанья;
Люблю участвовать въ мужскихъ занятьяхъ;
И, можетъ быть, я лучше вижу вещи,
Чѣмъ многіе мущины. —

ФИДЛЕРЪ. Нѣтъ сомнѣнья;
Но васъ къ тому недопускаютъ нравы.

ЕКАТЕРИНА. Не для меня ихъ суетный законъ!
Не вся ли Русь Димитрія считаетъ
И умнымъ и смышленымъ человѣкомъ?
Не такъ-ли?..

ФИДЛЕРЪ. Такъ! И это вы, Княгиня?

ЕКАТ: Неспрашивай! Скажи мнѣ лучше, Фидлеръ,
Что думаешь о Князѣ Скопинѣ?

ФИДЛЕРЪ. Я думаю, что голосъ всѣхъ сословій,
Достигнетъ до Василія; Москва
Сегодня громко говорила: должно
Наслѣдникомъ быть Князю Скопину;
Послѣдній мѣщанинъ, на Князя глядя,
Кричалъ, да здравствуетъ Наслѣдникъ Царскій!
И это не восторгъ одной минуты;
Я тайно слышалъ разговоры гражданъ,
Бояръ, сановниковъ; единогласно,
Обдуманно всѣ прочатъ Михаила
Въ преемники Василію; при томъ-же
Бездѣтенъ онъ, и старъ и слабъ и боленъ;
Онъ долженъ скоро объявить свой выборъ,—
И нѣтъ сомнѣнья, онъ падетъ на Князя...

ЕКАТ: Нѣтъ, Фидлеръ, нѣтъ! Онъ добръ и благороденъ;
Ему-ль Престолъ чужой принять лукаво,
Ему-ли оскорбить роднаго дядю?...

—

ТѢ ЖЕ И КНЯЗЬ ДМИТРІЙ.

КН: ДМИТРІЙ. Ухъ! Какъ усталъ! И нечему дивиться;
Толпа такая, тѣсно, душно, жарко!
Я полагалъ: народонаселенье
Въ Москвѣ гораздо меньше... Слава Богу,
Что кончилось...

ЕКАТЕРИНА. А гдѣ-же Князь теперь?

КН: ДМИТРІЙ. Онъ у Царя на единѣ остался;
Мы разошлись...

ЕКАТЕРИНА. Что-жъ слышно во дворцѣ?

КН: ДМИТРІЙ. Что? Ничего! Шушукаютъ Бояре...
Не разберешь о чемъ ихъ тайный шепотъ,
Но видно всѣ довольны.

ЕКАТЕРИНА. О Димитрій,
Ты не разслушалъ ихъ рѣчей коварныхъ,
Не подглядѣлъ причины ихъ веселья!

КНЯЗЬ. На что мнѣ знать?—Не обо мнѣ ихъ шопотъ.

ЕКАТЕРИНА. Ахъ, о тебѣ, Димитрій, о тебѣ!
То на тебя лукавыя насмѣшки.

КНЯЗЬ. И, мать моя, пускай себѣ смѣются;
Вѣдь имъ-же худо будетъ, какъ узнаю.

ЕКАТЕРИНА. Узнаешь? — Да, узнаешь по неволѣ!
Но не тогда, когда-бы должно знать. —
Смотри: сегодня, завтра Михаила
Преемникомъ объявятъ...

КН: ДМИТРІЙ. Ну, такъ что-жъ?

ЕКАТ: Какъ что? Не ты-ль Василію преемникъ?!

КНЯЗЬ. Что за законъ, когда Царю угодно?
Что Богъ Царю на Царскій умъ положитъ,
Тому и быть; а намъ съ тобой жена
Не мудрствовать противу Божьей власти!
Ужъ ты мнѣ надоѣла, Катерина,
Съ Престоломъ Царскимъ! Ты займись своимъ!
Ахъ, Господи! Чуть не забылъ о дѣлѣ,
Изъ пустяковъ. Я молодаго Князя
Просилъ къ себѣ сегодня отобѣдать.
Вотъ бабье дѣло: припаси всего;
Устрой, какъ пиру быть, да и сама
Принарядись! — А я пойду, прилягу,
Чтобъ за столомъ не отставать отъ прочихъ.

ЕКАТЕРИНА и ФИДЛЕРЪ (поодаль).

ЕКАТЕРИНА. Ребенокъ слабоумный, вотъ объ чемъ
Такъ суетно, старательно хлопочетъ!
Когда Престолъ глядитъ ему въ глаза
И просится къ безумному насильно; —
Онъ самъ его спокойно отвергаетъ
И мальчику свой жребій уступаетъ! —

ФИДЛЕРЪ (*про себя*).
О чемъ моя задумалась Княгиня?

ЕКАТЕРИНА (*про себя*).
Престолъ Царей! Повелѣвать другими,
А не самой другимъ повиноваться!
Быть независимой въ своихъ поступкахъ,
Поступками чужими управляя!..
Князь Михаилъ Васильичъ, — до вѣнца
Какъ отъ меня — до Вышняго Отца!

ФИДЛЕРЪ (*тихо*).
Лице играетъ, бурно ходятъ перси.
О, какъ неугадать твоихъ движеній?

Екатерина (*про себя*).
Къ вѣнцу какой дорогой ходятъ люди? —
Не нужно-ли разбойникомъ засѣсть
И гордеца убить на перепутьи,
А тайной — трупъ, какъ саваномъ, обвить? —
Коснуться-ли ехидной ядовитой,
Твоей главы, побѣдами увитой?..

. . .

Нѣтъ! Царствуй, Богъ съ тобой, спокойно Царствуй?.

. . .

Быть можетъ твой вѣнецъ тяжелымъ гнетомъ
Задавитъ гордеца!.. О Михаилъ!
За что, за что — я, слабая жена,
Любимая, любившая когда-то,
Волнуюсь на ужасныя дѣянья
И справедливой славы ненавижу!..
Невиненъ ты въ твоемъ великомъ сердцѣ
И въ добротѣ и въ храбрости невиненъ!
Невиненъ ты и въ радости народной;
Ты неучаствуешь въ надеждахъ дерзкихъ.
Не ты-ль казнилъ злодѣя Ляпунова
За тоже предложенье? О, не ты-ли
Василію Престолъ его спасалъ?
Вездѣ, всегда великъ и бескорыстенъ,
Прости меня, я втайнѣ согрѣшила:
Какъ вора, я героя обвинила!

Фидлеръ (*приближаясь*).
Княгиня...

Екатерина. Ахъ, ты здѣсь еще?.. Пора
Готовить пиръ.

Фидлеръ. И для кого, Княгиня?
Заблаговременно къ Царю привыкнуть,
Задобрить Царское его вниманье,
Чтобъ миловалъ и жаловалъ?.. Не дурно!

ЕКАТ: Послушай, Фидлеръ! Ты намъ другъ, я знаю,
Я вижу ты о тайнѣ догадался;
Ты понялъ, что грозитъ тебѣ и намъ;
Любимецъ прежній — новому Владыкѣ
Несносенъ и противенъ... Точно-ль, Фидлеръ,
Ты къ намъ, какъ сынъ, какъ братъ родной, привязанъ?

ФИДЛЕРЪ. Я къ вамъ привязанъ выгодой и сердцемъ.

ЕКАТЕРИНА (*про себя*).
Въ нихъ выгода надежнѣе, чѣмъ сердце!
(громко).
Дай мнѣ совѣтъ, по мудрости твоей,
Простой, съ твоими чувствами согласный!
Быть — иль не быть ему Царемъ? —

ФИДЛЕРЪ. Не быть!

ЕКАТЕРИНА. И такъ?

ФИДЛЕРЪ. Рѣшительность и осторожность!

ЕКАТЕРИНА. А средства?

ФИДЛЕРЪ. Есть.

ЕКАТЕРИНА. Какія-жъ это средства? —

ФИДЛЕРЪ. Путь честолюбія гористъ и тѣсенъ;
Путь чистой славы ровенъ и широкъ;
Его любовь народа сторожитъ;
И надо быть отважнымъ, даже дерзкимъ
Чтобъ этотъ путь разрыть непроходимо.
Люблю вашъ домъ, къ нему душей привязанъ,
Но не могу въ себѣ несогласиться,
Что все одно: Димитрій, Михаилъ;
Оклады тѣже, таже милость...

ЕКАТЕРИНА Фидлеръ!
Князь при себѣ врача терпѣть не можетъ,
За тѣмъ, что въ немъ онъ неимѣетъ нужды;
А мы тебя въ дому, какъ сына, держимъ,

И милуемъ и жалуемъ, какъ сына!..
Какія-жъ средства, говори!

ФИДЛЕРЪ. Княгиня,
Единственный остался путь къ Престолу...

ЕКАТЕРИНА. Какой-же это путь?

ФИДЛЕРЪ. Вѣдь послѣ пира
Пріятно спать, заставьте спать покрѣпче ..

ЕКАТЕРИНА *(съ ужасомъ отступивъ)*.
О, низачто!— Я и сама могла-бъ
Ужасный путь найти въ моемъ умѣ!—
До сей поры рука Екатерины
Единственно добро творить умѣла;
До сей поры молитвы Христіанъ
И обо мнѣ напоминали Богу;
И я чиста передъ людьми и Небомъ!
Я на рукахъ его носила, Фидлеръ!
О, сколько разъ у матери его
Я отнимала рѣзваго ребенка
И тѣшилась, какъ собственнымъ рожденьемъ;
О, сколько разъ, прекрасное дитя,
Лобзалъ меня сыновнимъ поцѣлуемъ!..
И я—его убійца!!.. Невозможно!—

ФИДЛЕРЪ. И выросло прекрасное дитя,
И доростетъ еще до Царской Шапки,
И, вмѣсто рѣзвости и поцѣлуевъ,
Суровый рабства чинъ на васъ возложитъ.

ЕКАТЕРИНА. Онъ добръ и благороденъ; не забудетъ
Почтенія къ роднымъ и не захочетъ
Сѣсть на Престолъ, принадлежащій дядѣ...

ФИДЛЕРЪ. Незнаю, что сильнѣе: честолюбье
Иль дѣтская привязанность къ роднымъ?
Не долго ждать. Онъ сядетъ на Престолѣ;
Тогда уже не свергнете его.

Уменъ и остороженъ, онъ пойметъ,
Откуда вѣтръ опасный вѣять можетъ. —
И первыхъ—Васъ съ Димитріемъ схоронитъ
Тѣмъ самымъ средствомъ...

ЕКАТЕРИНА. Тише, тише, Фидлеръ!
Подслушать могутъ... Ахъ, на что рѣшиться?
Какимъ путемъ?.. Ужели острый ножъ
Въ рукѣ убійцы...

ФИДЛЕРЪ. Это слишкомъ дерзко!
Есть средство незамѣтное — отрава...

ЕКАТЕРИНА. Но какъ достать?

ФИДЛЕРЪ. Княгиня, я достану.
Но если на Престолъ взойдетъ Димитрій,
А вы Царицей будете,—какая
Награда мнѣ?

ЕКАТЕРИНА. Три добрыя села
И санъ Боярскій...

ФИДЛЕРЪ. Я готовъ, Княгиня!

ЕКАТЕРИНА. Нѣтъ, погоди! Неужели нѣтъ средства
Другимъ путемъ предупредить невзгоду?
Неужели? — Нѣтъ, Фидлеръ, не могу...

ФИДЛ. Нѣтъ въ цѣломъ мірѣ столько тайной тайны
Какъ тайна ядовитая... Рѣшайтесь!

ЕКАТЕРИНА. Рѣшаюсь: быть рабой, но не убійцей!..

—

ТѢ ЖЕ и ЯША.

ЯША. Возрадуйтесь о Милости Господней!
Миръ дому вашему и миръ усопшимъ,
Заие и мы уснемъ на ложѣ смерти!

ЕКАТЕРИНА. А это Яша, божій человѣкъ. —
Здорово, Яша!

ЯША. Здравствуй, Катерина,
Пока Господь даетъ тебѣ здоровье,
И веселись, пока съ тобой веселье!
Но придетъ день, его же знаетъ Небо,
И... Горе намъ!.. Восплачется весь міръ
И сердце наше Богу обнажится.

ЕКАТЕРИНА *(про себя)*.
Вѣщунъ проклятый!.. Господи, помилуй!
Слугу Творца я прокляла напрасно...
(громко).
Что, Яша, ты здоровъ-ли и спокоенъ?

ЯША. По прежнему! Сегодня Царь утѣшенъ,
А завтра вся утѣшится Москва!
Я за тобой пришелъ, пойдемъ молиться,
Молиться за Царя и Михаила...

ЕКАТЕРИНА. Что̀ это значитъ, Яша?

ЯША. Много значитъ!
Царь даровалъ прощенье Ляпунову,
Заступничествомъ Князя Скопина̀!

ЕКАТЕРИНА. Но онъ уже казненъ...

ЯША. Нѣтъ, Катерина!
Онъ только былъ на казнь приговоренъ
И ждали только Царскаго Указа...
Но Михаилъ смягчилъ Царево сердце
И Благовѣрный Царь, передъ Иконой
Спасителя, припомнилъ, что Христосъ
Велѣлъ врагамъ прощать великодушно
И милостью удобрился небесной! —
Пойдемъ молиться за Царя и Князя! —

ЕКАТЕРИНА *(про себя)*.
Такъ стало предложенье Ляпунова
Тебѣ по сердцу, Князь честолюбивый?
Такъ нѣтъ надежды кончить миролюбно?

ЯША (*возвысивъ голосъ*).
Жена, предъ тѣмъ, кто ниже, не склоняйся!
Кто выше сталъ; тому неси поклонъ!
Къ нему съ земной молитвой обращайся;
Зане онъ *здѣсь* въ санъ горній облеченъ!

ЕКАТЕРИНА (*про себя, въ волненіи*).
Уймись, уймись страстей душевныхъ буря!
О чемъ онъ говоритъ, пойми, мой разумъ!

(громко).

Что, Яша, что? —

ЯША. Вѣнецъ на Михаилѣ!..

ЕКАТЕРИНА. Молчи, старикъ!

ЯША. Пророчество идетъ,
Какъ солнце, по землѣ; сегодня утро
И завтра утро, утро послѣ завтра...
Такъ и слова Пророка, каждый день
Умрутъ и воскресаютъ. Есть слова,
Которыя, безъ книгъ, живутъ въ народѣ;
Сбываются великія слова:
Вѣнецъ Царей Руси на Михаилѣ!

ЕКАТЕРИНА (*подавая ему деньги*).
На милостыню и — поди домой!

ЯША. Мой домъ вездѣ, вездѣ моя дорога.
Я Царь — не только мѣста и покоя,
Но Царь страстей! — И милостыни скверной
Я не приму отъ дочери заблудшей,
Зане въ сердцахъ ты подала ее. —
Нѣтъ, я пойду къ преемнику Престола...
Князь Михаилъ Васильичъ — Христіанинъ
Побольше нашего съ тобой! Онъ будетъ
Царемъ благочестивымъ, кроткимъ, добрымъ!
Благодаримъ Василія за выборъ! — (*хочетъ идти*).

ЕКАТЕРИНА *(схвативъ его за руку).*
Постой, старикъ! Скажи мнѣ, выборъ сдѣланъ,
Объявленъ и народъ его услышалъ!...
Ну, говори!... Чтожъ ты молчишь?... Ахъ, Яша,
Скажи скорѣй!...

ЯША *(пристально смотря въ ея глаза).*
Святая вѣсть — съ святымъ
Пріемлется вниманьемъ, Катерина! —

ЕКАТЕРИНА. Ты видишь я спокойна, весела;
Я радуюсь заранѣе....

ЯША. Кто хочетъ
Другихъ ввести въ обманъ—тотъ самъ въ обманѣ!

ЕКАТЕРИНА. Ну, полно, Яша! Разскажи понятно,
Чтó Михаилъ?...

ЯША *(громогласно).*
Наслѣдникомъ объявленъ!

ЕКАТЕРИНА *(съ бѣшенствомъ).*
Прочь, съ глазъ долой, юродивый старикъ!!
(въ полголоса).
Ты слышалъ, Фидлеръ! Три села твои!
Спѣши: я жду тебя передъ обѣдомъ....
(Быстро проходитъ мимо Яши).

ЯША *(останавливая ее за руку).*
А чтó-жъ за вѣсть? —

ЕКАТЕРИНА. Проклятіе!

ЯША. Взаимно. —

ФИДЛЕРЪ *(одинъ).*
Теперь вопросъ: къ чему я въ это дѣло
Вмѣшался такъ неосторожно?.. Нѣтъ!
Расчетъ мой вѣренъ! — Если мнѣ удастся
Помочь ей въ изведеньи Скопина,

Какъ женщина, — она заплотитъ щедро,
И капля каждая моей отравы
Пудъ золота потянетъ на вѣсахъ
Жены честолюбивой. — Я Бояринъ!
Со мной введу товарищей моихъ...
Мой голосъ въ Царской Думѣ — первый голосъ!
Кругомъ Москвы — богатыя помѣстья,
Роскошный домъ, роскошный столъ, награды
Самъ буду брать, самъ буду раздавать!
А если облако вражды замѣчу,
Иль умыслъ отъ меня освободится, —
Съ богатствами свернулся и ушелъ!
Европа широка, пускай отыщутъ!
Но время улетаетъ, поспѣшимъ!
Ея горячка можетъ охладиться.....

(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Покои Князя Скопина.

—

КНЯЗЬ СКОПИНЪ и ЛЯПУНОВЪ.

КН: Такъ! Ты прощенъ, Прокопъ Петровичъ! Помни,
Что Царь къ тебѣ въ послѣдній разъ склонился. —
Я знаю, изъ любви къ моей особѣ,
Ты совершилъ такое преступленье....
Я испросилъ прощенье у Царя,
Давъ въ вѣрности твоей мою поруку.

(Съ улыбкой).

Теперь ты *мой!*

ЛЯПУНОВЪ. Твой, до скончанья жизни!
Сбылись мои завѣтныя желанья,
И я, смотря на Ангельскій твой образъ,
Не трепещу за Русь мою ужъ болѣ....

КНЯЗЬ. Еще одинъ совѣтъ, Прокопъ Петровичъ!
Въ поступкахъ и рѣчахъ будь остороженъ;
У насъ враговъ не мало.

ЛЯПУНОВЪ. Да, не мало;
А все за Шведовъ сердятся....

КНЯЗЬ. Молчи,
Дай срокъ, я все устрою.....

—

ТѢ-ЖЕ, ДЕЛАГАРДИ и АДАДУРОВЪ.

КНЯЗЬ. Делагарди!
Царь Государь, признательный къ заслугамъ,
Велѣлъ тебя благодарить прилично
И Царскіе послалъ къ тебѣ подарки...!
Все кончено! — Очищена вся Русь;
Вездѣ народъ Творцу молебень правитъ,
И, нѣтъ сомнѣнья, миновалась буря! —
Мнѣ жаль съ тобой разстаться, добрый Яковъ,
Но самъ ты знаешь, столько тысячь войска,
На жалованьи содержать — намъ трудно.
Казна отъ безпрерывныхъ смутъ народныхъ
Въ конецъ истощена; намъ должно думать,
Какъ бережливостью ее пополнить.
И такъ, съ сердечнымъ сокрушеньемъ, Яковъ
Я долженъ объявить тебѣ желанье
Царя: чтобъ ты со всѣмъ союзнымъ войскомъ
Отправился въ обратный путь. Василій
Напишетъ Королю о всѣхъ заслугахъ
Союзной рати, о тебѣ особо;
Распорядись-же, храбрый Делагарди,
Когда и какъ отбыть твоимъ дружинамъ;
И сколько денегъ нужно для тебя,
Подводъ, прислуги, лошадей, припасовъ;
Все напиши подробно и отдай мнѣ;

Я все исполню въ точности; — теперь-же
Отправимся къ Димитрію на пиръ!
Уже не рано. —

ДЕЛАГАРДИ. Да, уже не рано!
Послѣдній пиръ, Князь Михаилъ Васильичъ!
Удастся-ли опять сойтись съ тобой,
Попировать не въ золотой Палатѣ,
А въ чистомъ полѣ...

КНЯЗЬ. Если мысль моя
Понравится Царю и Королю,
Я думаю, мы въ Краковѣ сойдемся,
И нашу дружбу, дружной вспомнимъ битвой.

ЛЯПУН: Тому не быть, Князь Михаилъ Васильичь!
Довольно насъ однихъ на Поляка. —
А Шведамъ — за моремъ сидѣть спокойно,
Стругать струги для воиновъ наемныхъ!
У нихъ вѣдь сбродъ со всѣхъ предѣловъ свѣта!

ДЕЛАГ: Князь! Я терплю обиды черезъ силу!
Онъ вольный человѣкъ и дворянинъ?
Позволь намъ съ нимъ мечами расчитаться!

КНЯЗЬ. Нѣтъ, никогда! Прости его душѣ
Любви къ отечеству безмѣрный пламень!
Онъ заблуждается въ своихъ поступкахъ,
Но поводы его всегда прекрасны. —
Такихъ людей удерживать намъ должно,
Но ими жертвовать грѣшно. — Такъ, Яковъ,
Умѣй почтить Прокопа Ляпунова,
За то, что въ немъ почтенія достойно;
Умѣй простить обиду безъ обиды....

ЛЯПУН: Князь Михаилъ Васильичъ! Эта рѣчь
Грызетъ меня. Мнѣ кажется, ты мыслишь,
Что я не въ силахъ съ Шведомъ поравняться?..
— Шведъ! Я иду на смертный поединокъ! —

ДЕЛАГ: Пойдемъ-же, Ляпуновъ!

КНЯЗЬ. Я запрещаю!
Вы оба подъ моимъ еще началомъ
И я повиноваться васъ заставлю!
Долой мечи!

ЛЯПУНОВЪ *(отдавая мечь)*.
Князь! Вотъ мой мечь, возми!
Но не давай мнѣ съ Шведомъ повстрѣчаться,
И безъ меча сражаться можетъ Русскій!

КНЯЗЬ *(Делага́рди)*.
Подай твой мечь!

ДЕЛАГ: Князь Михаилъ Васильичъ!...

КНЯЗЬ. Ни слова! Мечь! Мнѣ Русскій отдалъ мечь!
Такъ ты отдать еще скорѣе долженъ!!

ДЕЛАГ: Обида, Князь!

КНЯЗЬ. Обида, Делагарди,
Что ты вождю забылъ повиноваться!
Не самъ-ли ты вождей, тебѣ подвластныхъ,
Такимъ же наказаньемъ наказуешь!

ДЕЛАГ: Я никогда меча не отдавалъ
Ни даже Королю; и самъ Василій
Позволилъ мнѣ, въ присутствіи Своемъ,
Носить мой мечь. —

ЛЯПУНОВЪ. Шведъ, я тебя прощаю!

ДЕЛАГАРДИ *(отдавая мечь)*.
Князь! Вотъ мой мечь, но горе Ляпунову!..
Я отыщу его....

ЛЯПУНОВЪ. О, я не спрячусь!

КНЯЗЬ. Объ этомъ послѣ пира мы разсудимъ. —

(Отдавая мечи Ададурову и снимая свой.)

Возми и мой; пиръ не война! — Теперь

Пойдемъ, пора.—*(Ляпунову)* Ты оставайся здѣсь,
Я скоро возвращусь...
ЛЯПУНОВЪ. И ты останься!
Князь не ходи на пиръ! Тамъ насъ не любятъ,
Съ тѣхъ поръ какъ ты Наслѣдникомъ объявленъ,
А я прощенъ. — Бываетъ на душѣ
Иной разъ странно. Часто мнѣ случалось
За дѣло приниматься съ грустной думой,
И никогда неудавалось дѣло!
Иной разъ невозможное затѣешь,
А нá сердцѣ легко — и все удастся...
Бываетъ такъ: самъ спросишь у себя:
Приняться-ли за дѣло или нѣтъ?
Задумаешь приняться — и сгруснется,
Задумаешь оставить — отойдетъ.
Хоть ты не я, Князь Михаилъ Васильичъ,
Но, согласись, ты также человѣкъ!
Ты близокъ мнѣ по сердцу и по духу;
И у тебя вѣдь цѣльная душа;
Ты мнѣ родной, и словно за себя,
Заботливо хлопочетъ это сердце!
Нѣтъ, не иди, Князь Михаилъ Васильичъ!
Чуть тронешься на пиръ, по сердцу холодъ,
И что-то воетъ грустно вдалекѣ
И что-то страшное пискливо стонетъ,
И въ свѣтлый день нахмурясь смотритъ небо!
КН. Ты, братъ, встревоженъ думой поединка,
И чудится тебѣ и страхъ и ужасъ. —
ЛЯПУНОВЪ. Ты не видалъ меня на чистомъ полѣ?
Среди мечей, людской обрызганъ кровью,
Недвижно я стоялъ въ толпѣ враговъ,
Щепалъ щиты на щепки; мракъ сраженья
Я освѣщалъ себѣ мечемъ булатнымъ,
И кровь лилась, какъ свадебное пиво!

Ты не видалъ меня на чистомъ полѣ,
И никогда, быть можетъ, не увидишь! —
— Князь Михаилъ Васильичъ, будетъ время,
Пойдутъ пиры разгульные; ты самъ
Намъ Царскія пошлешь съ привѣтомъ блюда;
Но хлѣбъ, отравленный недоброходствомъ,
Невкусенъ, Князь! —

князь. Ребячишся, Прокопъ!

ляпун: Ты называлъ меня когда-то другомъ?
Ты обѣщалъ мнѣ Польшу воевать?
Рука съ рукой итти хотѣли въ Краковъ,
Быть неразлучными всегда?.. Не такъ-ли?

князь. Такъ!

ляпуновъ (*рѣшительно*).
Я иду съ тобой на пиръ! —

князь. Нельзя!
Ты нѐзванъ...

ляпуновъ. Про опальнаго забыли,
А въ милости и Царскій шутъ пріятенъ.

князь. Нельзя! Ты такъ горячь, Прокопъ Петровичъ!
Я приказалъ тебѣ, въ моихъ палатахъ,
Спокойно моего ждать возвращенья. —
Прости, мой другъ!

ляпуновъ (*обнявъ его*).
Прости, мой милый Князь,
Моей Руси роскошная надежда,
Прости Архистратигъ Святаго Царства!
Да сохранитъ тебя Отецъ небесный
Молитвами Прокопа Ляпунова! —

делаг: Князь, намъ пора....

князь. Пора, Прокопъ Петровичъ!

ляпун: Нехочется мнѣ выпустить тебя

Изъ пламенныхъ объятій Ляпунова!
Въ нихъ только безопасно для тебя;
А этотъ Шведъ, наемный другъ....

КНЯЗЬ *(освобождаясь изъ его объятій).*
Довольно!
Ты снова горячишся!.. До свиданья! —

ЛЯПУНОВЪ. *(грустно).*
Прости!

—

ЛЯПУНОВЪ *(одинъ, отирая слезу).*
И Ляпуновъ умѣетъ плакать!
О, еслибъ сердце вѣщее ошиблось!.... —

. . .

Когда плыветъ, по небу голубому,
На черныхъ крыльяхъ, лѣтняя гроза;
Далекій громъ торжественно катится
И память вѣчную глаголетъ міру; —
Не все-ли, что живетъ, предслышитъ бурю,
Заблаговременно спѣшитъ укрыться...
А человѣкъ? — Святой грозѣ смѣется!
«Успѣю!» говоритъ онъ горделиво... —
И гдѣ-же человѣкъ? Успѣлъ — погибнуть!

—

ЛЯПУНОВЪ и ЯША.

ЯША. На Господа святое упованье!
На разумъ — мысль! На тѣло — тяжкій трудъ!
Но чары, колдовство и волхвованье, —
У двери Ада, — Землю стерегутъ...

ЛЯПУНОВЪ. А это Яша! Ты куда идешь?

ЯША. Я не нашелъ; и онъ меня не найдетъ! —

ЛЯПУНОВЪ. Князь Михаилъ? — Пошелъ на пиръ..

ЯША. На смерть!

ЛЯПУНОВЪ. Что, Яша, что?

ЯША. Сбывается Писанье!
И близокъ часъ, — возплачется Москва,
И дьяволу удастся волхкованье:
Падетъ полу-вѣнчанная глава!

ЛЯПУНОВЪ. Силы небесныя!

ЯША. Не съ нами служатъ!
Онѣ молчатъ...

ЛЯПУНОВЪ. За чѣмъ-же ты молчишь?

ЯША. Я зрѣлъ грозу; она плыла отъ Юга —
И громъ несла на Князя Скопина! —
Не знаю, что̀ Господь на Небѣ судитъ:
Пройдетъ-ли, нѣтъ, смертельная гроза;
Но вѣдаю: едва сомкнешь глаза —
И похоронный звонъ тебя разбудитъ!

ЛЯПУНОВЪ. Но кто умретъ?

ЯША. Умретъ Руси Ходатай,
Нечестія исполнится земля,
Густымъ волчцемъ покроются поля,
И станетъ плугъ, *зане* погибъ Оратай!

ЛЯПУНОВЪ. Неужели Князь Михаилъ...

ЯША (*громогласно*) Погибнетъ!

ЛЯПУНОВЪ. (*въ ужасѣ*).
Погибнетъ?! нѣтъ, еще есть время! —

—

ЯША (одинъ).

Время
Не съ нами-ли живетъ и умираетъ?
О Господи! Дай крылья Ляпунову!
Творецъ, останови святое око!
Нѣтъ, ты склоняешься златое солнце!..
—ѣ пора итти на колокольню,

Ударить въ колоколъ соборный... Страшно!
Что, если православныхъ Христіанъ
Не позову къ вечернѣ ежедневной,
А вѣсть подамъ о смерти Михаила?.. —
О Ляпуновъ! Съ тобой Крестная Сила!

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЪ МОСКВѢ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшая комната въ домѣ Князя Дмитрія.

ЕКАТЕРИНА (одна; нѣсколько чашъ стоитъ на золотомъ подносѣ; главная или большая чаша съ крышкой впереди; въ рукахъ баночка).

Здѣсь жизнь, здѣсь жизни радость и веселье,
Душа бесѣды, остроумныхъ шутокъ; —
Здѣсь смерть, здѣсь сила молніи и грома! —
Какъ смертъ и жизнь граничатъ безпрерывно...
Дать смерть легко! Дать жизнь — мы не умѣемъ;
За что-же отнимать ее хотимъ?..
Вино готово! Ахъ, за чье здоровье
Ты выпьешь, Князь, отравленную чашу?
Рука дрожитъ! Впустить-ли это пламя
Въ твое вино, Князь Михаилъ Васильичъ?
Князь, бѣдный Князь! Довольными очами,
Въ очахъ друзей читаешь доброхотство!
Все радостью бушуетъ непритворной;
Ты думаешь, что нѣтъ на свѣтѣ сердца,
Которое тебя любить не можетъ?..
И ты спокоенъ, веселъ и безпеченъ!..
А эта чаша?.. Веселись, несчастный!..

Не только въ океанѣ и крови
Честолюбивый тонетъ человѣкъ;
Я утоплю тебя въ ничтожной каплѣ! —
О Боже мой! И это Катерина!..
Меня отецъ, неистовый Малюта, —
Что кровь людей, какъ воду, жадно пилъ, —
За доброту, за кротость не любилъ! —
И это я, къ кому Москва, съ молитвой,
Всѣхъ нищихъ и увѣчныхъ посылала
И я сама имъ раны обмывала?!..
И это та простая Катерина,
Что стараго Василія свирѣпость
Совѣтомъ добродушнымъ умягчала
И вся Москва ее благословляла! —
Нѣтъ, низачто! Проклятіе людей,
Какъ чары, умерщвляетъ человѣка!
И мнѣ-ли совѣсть бросить на позоръ,
Склонить главу на плаху, подъ топоръ?
Всему есть казнь и нѣтъ предъ Богомъ тайны!..
Живи, мой Князь!..

. . .

А Царская Порфира,
А злой толпы коварныя насмѣшки?..
И рабствовать передъ женой ребенка,
Котораго я на рукахъ носила!..
По прихоти завистливыхъ Бояръ,
По волѣ легковѣрной, глупой черни
Отдать ему, что намъ дано отъ Бога?..

(откупоривая стклянку.)

Нѣтъ, бѣдный Князь! Мнѣ жаль тебя, несчастный,
Но эта смерть — необходимость, нужда!..

(держа стклянку надъ большой чашей.)

Свершается ужасное дѣянье!
Я смерть, какъ пряжу, дѣлаю руками...

Могильный сонъ, какъ паръ, надъ этой чашей!..
Мнѣ чудится: огромный гробъ стоитъ,
Я отпѣваю и, рукой желѣзной,
Держу, чтобъ не возсталъ мертвецъ ужасный!
Рука дрожитъ, а члены костенѣютъ;
Колеблется завистливая воля;
Моя душа, какъ дикое кладбище,
Полна и мертвецовъ и привидѣній!
Гдѣ я, скажите, ради Бога, гдѣ я?..
Что дѣлаю?..

—

ЕКАТЕРИНА и ДМИТРІЙ.

ДМИТРІЙ. Жена! Подай вина!..

ЕКАТЕРИНА (*поспѣшно опрокинувъ стклянку надъ чашей и еще поспѣшнѣе спрятавъ ее*).
Ахъ, совершилось!

ДМИТРІЙ. Что съ тобой, жена!
Дрожишь, какъ листъ!..

ЕКАТЕРИНА (*съ принужденной улыбкой*).
Стыжусь гостямъ казаться!
Все молодые, много иностранцевъ...

ДМИТРІЙ. Надѣнь фату! — Неси скорѣй вино;
Всѣ ждутъ; а гость нашъ дорогой — давно
Изволилъ о тебѣ освѣдомляться;
Онъ жалуетъ тебя, какъ мать родную.

ЕКАТЕРИНА. Ахъ, Господи!

ДМИТРІЙ. Да не стыдись, жена;
Вѣдь этотъ намъ родной; бери-же чашу...

ЕКАТЕРИНА. Родной! Ахъ, Господи!!..

ДМИТРІЙ. Жена не мѣшкай!
Нехорошо! Князь Михаилъ Васильичъ
Меня осыпалъ ласками своими

И говорилъ, что если, Божьей властью,
На свой Престолъ взойдетъ, то незабудетъ
Моей любви къ нему и уваженья!..
Ну, я пойду, пошлю тебѣ слугу,
Чтобъ эти чаши несъ, а ты не мѣшкай!..

—

ЕКАТЕРИНА *(одна, схвативъ большую чашу).*
Забудетъ, слабоумный! Я ручаюсь!
Отецъ! Теперь ты выйди изъ могилы
И помоги злодѣйству Катерины!..
(уходитъ съ чашей, слуга приходитъ и взявъ подносъ съ прочими чашами, уноситъ его въ слѣдъ за Екатериной). —

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Столовая въ домѣ Дмитрія.

—

КНЯЗЬ СКОПИНЪ, ДЕЛАГАРДИ, ВАЛУЕВЪ, ГОЛОВИНЪ, многіе Русскіе Бояре и Воеводы, иностранные Генералы и Офицеры, сидятъ за богатымъ столомъ, на коемъ множество блюдъ и украшеній.

КНЯЗЬ. Я вѣрю, Генералъ, что вашъ Франциснъ
Былъ славный воинъ; только похвалить
Его нельзя за вѣтренность... Король
Попался въ плѣнъ! Неслыханное дѣло!
Когда уже въ расчетъ обманулся
И войско потерялъ неосторожно;
По крайней мѣрѣ не сдавайся самъ!
Есть обстоятельства, въ которыхъ можно
И полководцу съ честью умереть!
Но сдаться въ плѣнъ вождю и Королю!..
Какъ хочешь, а мнѣ стыдно за Франциска...

ФРАНЦ. ГЕНЕРАЛЪ. Онъ думалъ о спасеніи отчизны.

КНЯЗЬ. Тѣмъ болѣе сдаваться въ плѣнъ нельзя!
Онъ зналъ, что можно съ силами собраться,
Возстать войною свѣжей и загладить
Потери прежнія. — Но что-же плѣномъ
Францискъ успѣлъ для Государства сдѣлать?
Онъ подписалъ условія такія,
Какихъ бы я не подписалъ на плахѣ.
Признайся другъ! Хвастливъ народъ Французскій;
По *вѣтренности* сдѣлаетъ *ошибку*,
По *гордости* зоветъ ее *расчетомъ!*

—

ТѢ ЖЕ и Кн. ДМИТРІЙ.

ДМИТРІЙ *(садясь на свое мѣсто)*.
Князь, извини! За дѣломъ отлучался.
О чемъ у васъ тутъ шумный разговоръ? —

АДАДУР: О храбрости сомнительной Французовъ!

ДМИТРІЙ. Да что они?! Мы помнимъ Маржерета;
Что ступитъ, то солжетъ; хвастливый нехристь
Разъ тридцать измѣнялъ; какъ жидъ поганый,
О жалованьи вѣчно торговался...

АДАДУР. Позволь сказать; (Почтенный Делагарди,
Вамъ не въ обиду, вы отъ Короля)
А такъ, примѣромъ, о другихъ народахъ...
Я не люблю наемниковъ; мнѣ стыдно
Смотрѣть въ глаза корыстолюбцевъ подлыхъ, —
Какъ на примѣръ и Маржеретъ и много
Другихъ, еще храбрѣйшихъ иностранцевъ, —
Что храбростью торгуютъ, какъ товаромъ.
Ты ихъ наймешь, они съ тобой пойдутъ;
Найметъ ихъ врагъ, они и съ нимъ готовы:
Имъ дѣла нѣтъ, за что идутъ сражаться,
Кто правъ, кто виноватъ? Хотя разбойникъ,
Да плотитъ деньги, имъ уже довольно. —

Люблю я нашихъ въ этомъ отношеньи:
Ужъ Русскаго не сманите добычей!
По совѣсти, — пойдетъ онъ противъ моря,
Одинъ противу тысячи мечей;
А противъ совѣсти, — за Божье солнце,
За всѣ сокровища Востока, — Русскій
Своей души неправдѣ не продастъ!

—

ТѢ ЖЕ и ЕКАТЕРИНА (съ чашей; за ней слуга съ подносомъ).

ДМИТРІЙ. Вотъ и вино, Князь Михаилъ Васильичъ!

КНЯЗЬ. *(вставъ съ мѣста, всѣ немного приподнимаются)*.
Екатерина! Боже, сколько лѣтъ
И сколько зимъ мы невидались съ нею!!.
Здорова-ли Княгиня?

ЕКАТЕРИНА. Слава Богу!
Отвѣдай, Князь, во здравіе вина...

КНЯЗЬ. Благодарю за честь! Изъ полной чаши
Я выпью только радость и веселье!
Позволь, Княгиня! Чаша тяжела!
(Взявъ отъ нея чашу, ставитъ на столѣ).
Ты помнишь-ли меня, Екатерина,
Ребенкомъ у тебя въ свѣтлицѣ?..

ЕКАТЕРИНА. Помню.

КНЯЗЬ. Когда отецъ мой кончилъ славный путь
И сиротой остался я на свѣтѣ,
Не ты-ли нѣжной, материнской лаской
Искоренять мое старалась горе?
Благодарю, еще благодарю,
И за твое здоровье выпью чашу! —

ЕКАТЕРИНА. *(смущенная)*.

Нѣтъ, Князь, не пей!..(*про себя*) Спасите, Силы Неба!
Не вырвать-ли изъ рукъ его отравы?!

КНЯЗЬ. И почему-жъ мнѣ за тебя не пить?

ЕКАТЕРИНА. Ахъ, Господи! Нечистое вино;
Въ немъ что-то мутно...

КНЯЗЬ. Полно, Катерина!
Въ немъ такъ свѣтло, какъ у меня на сердцѣ.
Позволь же пить твое здоровье.

ЕКАТЕРИНА. Нѣтъ!
Не за меня, не за меня!

КНЯЗЬ. Димитрій
Ивановичь! Такъ за чіе-жъ здоровье?

ДМИТРІЙ. За здравіе Царя и Государя!

РУССКІЕ БОЯРЕ И ВОЕВОДЫ.
А мы и за Преемника прибавимъ.

ЕКАТЕРИНА. Пей, Князь, воздравіе! (*про себя*) Пей,
чашу смерти!

КНЯЗЬ. (*поднявъ чашу вверхъ*).
За здравіе Царя и Государя,
Его Супруги благовѣрной! Дяди
Димитрія Иваныча съ супругой!

РУССКІЕ	**ИНОСТРАНЦЫ**
Ура!	Vivat! —

КНЯЗЬ. Да здравствуетъ Святая наша Русь!
Миръ падшимъ на кровавомъ полѣ брани!
Забвеніе семейственнымъ раздорамъ!
Покой, богатство, милость Государству!
Удача на враговъ Святаго Царства!
А пиру нашему — разгулъ и радость!..

(Пьетъ не много и, поставивъ чашу на столъ, садится.)

РУССКІЕ Ура!

ИНОСТРАНЦЫ Vivat!

ДЕЛАГАРДИ. А я, отпивъ за здравіе Царя
И всѣхъ, кого Князь Михаилъ Васильичь
Провозгласилъ,—берусь опять за чашу, —
И именемъ священнымъ Короля
И благородной Швеціи — пью снова
За здравье побѣдителя Поляковъ,
Спасителя отчизны, Скопина! *(пьетъ)*.

РУССКІЕ Ура!

ИНОСТРАНЦЫ Vivat!

КНЯЗЬ *(взявъ чашу и подымаясь)*.
Благодарю, друзья, благодарю!
(пьетъ).
Ахъ, Боже мой! Въ глазахъ позеленѣло!
Какъ закружилась голова...

АЛАДУРОВЪ. Всесильный!
Ты поблѣднѣлъ!

КНЯЗЬ *(поставивъ чашу и садясь)*.
Я не могу допить!
Нѣтъ, на вино плохой я воевода! —

ДЕЛАГАРДИ. Князь! Что съ тобой?

КНЯЗЬ. Хотѣлъ я осушить
Всю чашу вдругъ, не допилъ половины;
Туманъ въ глазахъ и шумно въ головѣ.
Мнѣ дурно...

ДМИТРІЙ. Князь!..

КНЯЗЬ *(забываясь)*. Прости Екатерина!
Простите, братья!.. *(вскочивъ и выбѣгая на предсцену)*
Гдѣ мой Царскій мечь?
Гдѣ Шапка Мономаха?.. Повинуйтесь!!..
(всѣ, оставивъ мѣста, бѣгутъ и окружаютъ его).

ЕКАТЕР: *(схвативъ чашу и спрятавъ ее подъ фату).*
Здѣсь Царскій мечь, здѣсь Царская Порфира!..

ДМИТРІЙ. Что это значитъ? Былъ здоровъ и веселъ,
И вдругъ...

КНЯЗЬ. Молчи! Ты слышишь! Змѣй ползетъ!

ЕКАТЕРИНА *(приближаясь къ дверямъ).*
Сбылись слова: Вѣнецъ на Михаилѣ...

КНЯЗЬ *(схвативъ себя за голову).*
Га! Все въ огнѣ! Горитъ земля и небо;
Ахъ, голова! На этой головѣ
Побѣдъ, торжествъ несмѣтное число —
И все — горитъ огнемъ неугасимымъ! —

ДМИТРІЙ. Жена, воды! Авось поможетъ Князю!

ЕКАТЕРИНА *(тихо).*
Ахъ! Какъ сокрыть отравленную чашу!

КНЯЗЬ *(падая къ ногамъ ея).*
Екатерина, сжалься надо мной!
Дай мнѣ воды, дай льду! У ногъ твоихъ,
Прошу, молю! Врачуй меня, врачуй!..

ЕКАТЕР: *(въ замѣшательствѣ отъ него отступая).*
Князь, не могу! Я и сама въ огнѣ!
Князь, отойди! О дальше, дальше, дальше!..

ДМИТРІЙ. Все для меня темно, непостижимо!

—

ТѢ ЖЕ и ЛЯПУНОВЪ.

ЛЯПУНОВЪ *(толкая слугу).*
Прочь, злой холопъ, я Царскій Воевода!
Гдѣ Михаилъ? Не вижу! Воеводы,
Гдѣ Михаилъ?

КНЯЗЬ *(подымаясь на полу, гробовымъ голосомъ).*
Я здѣсь! Мнѣ стало легче!..

ЛЯПУНОВЪ *(отчаянно)*.
Убитъ! Отравленъ!.. Господи помилуй!
За что, за что?— Пусть смерть твоя падетъ
На гордецовъ, измѣнниковъ, злодѣевъ; —
Но на него! — Нѣтъ ты не милосердъ,
Когда даешь такимъ злодѣйствамъ волю!..

КНЯЗЬ. Духовника! Похороните смирно,
Безъ пышности, какъ воина простаго!
Какъ сердце съѣла смерть! Духовника!

ЛЯПУНОВЪ. Нѣтъ, добрый Князь! Я выхвачу тебя
У злобной смерти, я спасу тебя!
Пусть судитъ Богъ за тайныя дѣянья,
А я спасу тебя на зло злодѣйству! —
(поднимаетъ Князя на руки и уноситъ).

—

ТѢЖЕ, кромѣ **КНЯЗЯ** и **ЛЯПУНОВА**.

ДМИТРІЙ. Ну, растолкуй, жена, что это значитъ?

ДЕЛАГАРДИ. Князь никогда вина въ походѣ непилъ!

ДМИТРІЙ. Вотъ что! Такъ стало и недугъ пройдетъ,
Коль скоро Князь поотдохнетъ маленько.

—

ТѢ ЖЕ и **ЯША**.

ЯША. Пройдетъ недугъ, но не пройдетъ злодѣйство!

ДМИТРІЙ. Ты какъ попалъ сюда?

ЯША. Пришелъ спросить:
Звонить-ли на вечерню, или вѣсть
Пустить въ народъ о смерти Михаила!

ДЕЛАГАРДИ. Повремени! Поспѣшностью такою
Ты всю Москву смутишь...

ЯША. Смущу Убійцу!
И васъ смущу, завистливое племя!

Вы закопали зависть глубоко!
Хоть поле лжи темно и широко,
Но васъ найдетъ и тамъ крутое время.

ДЕЛАГАРДИ. Безумецъ!

ЯША. Чужеземцы, уходите!
Господь возсталъ и собираетъ Судъ!
Хоть предъ людьми вы тайну сохраните,
Но Ангелы виновнаго найдутъ!

ДЕЛАГАРДИ *(къ воеводамъ)*.
Безуменъ онъ?

ВОЕВОДЫ. Безуменъ, Воевода!
Оставь его, неговори!..

ЯША. Слѣпцы,
Избранники великаго народа,
Возрадуйтесь о смерти Михаила!
Въ ночи, безъ солнца, совамъ повиднѣй!
Хоть много звѣздъ, но нѣтъ такой звѣзды,
Чтобы на мѣстѣ солнышка повѣсить!
А вамъ завистники того и надо...

—

ТѢ-ЖЕ и СТОЛЬНИКЪ.

СТОЛЬН: Ужасный слухъ дошелъ до Государя,
Что якобы Князь Михаилъ Васильичъ
На пирѣ у тебя отравленъ ядомъ!

ЕКАТЕРИНА. Великій Боже!

ДМИТРІЙ. Клевета какая!
Послушай, Катерина, что намъ дѣлать!
Ты вся дрожишь....

ЕКАТЕРИНА. Боюсь опалы Царской!
Скорѣй къ Нему спѣшите, успокойте,
Откройте, разувѣрьте, докажите!

ДЕЛАГ: Пойдемте всѣ!

СТОЛЬНИКЪ. Царь на одрѣ болѣзни
И только Князя приказалъ позвать.

ЕКАТЕР: Всѣ, всѣ до одного! Скорѣй спѣшите!
Не то, насъ непріятели погубятъ!

ДМИТРІЙ. Пойдемъ, друзья! Не шуточное дѣло!
Но какъ наказъ нарушить?...

ЕКАТЕРИНА. Какъ исполнить,
Спросилъ-бы лучше! Царь васъ ждетъ, идите!

ДМИТРІЙ. Пойдемъ! Ей лучше знать!

—

ЕКАТЕРИНА И ЯША.

ЯША *(хочетъ идти).*

И я за вами!
Вы во дворецъ, а я на колокольню!

ЕКАТЕРИНА. Стой, Яша, стой!

ЯША. Молись, Екатерина!
Молись одна, а я съ твоей молитвой
Моей молитвы не смѣшаю.

ЕКАТЕРИНА. Яша!!..

ЯША. Не отъ людей, жена, бываетъ буря;
Отъ Господа и молнія и громъ;
Уже давно мы прокляли другъ друга;
Чего-жъ теперь ты хочешь отъ меня?

ЕКАТЕРИНА. За грѣшницу молитвы....

ЯША. И проклятья?
Я далъ его и не возьму назадъ....
Въ твоихъ рукахъ вся тайна, Катерина!

(Она дѣлаетъ невольное движеніе еще болѣе спрятать чашу.)

Не прячь, не прячь! Лица ты не закроешь!
Не улыбайся! На твои уста
Не ту улыбку Божій гнѣвъ положитъ;

И заблестятъ глаза зеленымъ свѣтомъ,
Что ходитъ надъ отверженной могилой!

ЕКАТЕР: *(въ бѣшенствѣ поднявъ на него чашу)*.
Сѣдой колдунъ!

ЯША. Откуда эта чаша?

ЕКАТ. Гдѣ чаша? Ахъ! *(стремительно убѣгаетъ)*.

—

ЯША *(одинъ)*.
Теперь весь свѣтъ — пустыня!
Нѣтъ ни былинки, гдѣ-бы тайну спрятать!
Гори огнемъ, несчастная жена!
Томись горящей жаждой преступленья!
Ты аду — на землѣ обречена,
И въ адъ сойдешь въ день страшный Воскресенья!
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Покои Князя Скопина.

—

ЛЯПУНОВЪ несетъ Князя **СКОПИНА** и кладетъ на постель.

КНЯЗЬ. Другъ! Ты усталъ?

ЛЯПУНОВЪ. Князь, обо мнѣ не думай!
Что, легче-ли?

КНЯЗЬ. Полегче; только сердца
Не чувствую.

ЛЯПУНОВЪ. Я за врачемъ послалъ.

КНЯЗЬ. Напрасно.—Отъ людей ничтожна помощь,
Когда Господь судилъ позвать раба
Въ обитель вѣчную... Съ меня довольно!
Я все узналъ въ моей короткой жизни:

И блескъ честей, и сладость чистой славы,
И дружбы упоительный привѣтъ!
Благодарю тебя, Прокопъ любезный!
Одинъ, въ часъ смерти, ты одинъ со мною,
Одинъ, въ цѣпяхъ страдавшій за меня!!..
А гдѣ-же тѣ, которыхъ въ ратномъ полѣ
Я къ сердцу звалъ и къ сердцу прижималъ!...
Неблагодарные! Прости имъ, Боже! —

ляпуновъ. Они не знаютъ о твоей болѣзни...

князь. Неговори! Я на пиру ихъ видѣлъ;
Я простиралъ отравленную чашу
Къ ихъ чистымъ чашамъ, — и никто, никто
Меня слезой не встрѣтилъ сожалѣнья!

ляпуновъ. Но какъ имъ знать?...

князь. Я тоже полагаю.
Одинъ Господь въ сердца людскія смотритъ...—

ляпуновъ. И открываетъ ихъ людскому взору!
Оправишься, откроется убійца
И ты отмстишь за умыселъ.

князь. Прощаю!
А этотъ Шведъ!.. Постой, Прокопъ Петровичъ!
Вели скорѣе въ путь собраться Шведамъ.
Пока живу, пускай Москву оставятъ!
Бѣги, мой другъ... Нѣтъ, я недоживу!..
Послѣднія мгновенья сочтены...

. . . .

Такъ будь-же ты хранителемъ отчизны?
Я отъ тебя и мертвый неотстану,
И всякій шагъ записанъ будетъ въ книгу,
И ты сомной въ могилѣ разочтешься?
Любить безъ бѣшенства, казнить безъ злости!
Люби Святую Русь, какъ любятъ матерь!

Казни враговъ, какъ ты казнилъ-бы сына!
Всегда, вездѣ разсудку повинуйся,
А сердцу не давай безумной воли!
Меня, Прокопъ, ты можешь позабыть,
Но незабудь Царя, Руси и Церкви!
Прости, мой другъ!

ЛЯПУНОВЪ. Князь Михаилъ Васильичъ,
Тебя забыть?

КНЯЗЬ. Забвенье наша слабость;
Есть мѣсто, другъ, гдѣ память освѣжится.

ЛЯПУНОВЪ. Живутъ-же люди вѣкъ чужой! Ему
И *своего* дожить не позволяютъ! —
Ты неумрешь, Князь Михаилъ Васильичъ!
И свой законъ Богъ можетъ измѣнить;
Вѣдь онъ Всесиленъ!..

КНЯЗЬ. Да, но Богъ — Премудръ!
Что *разъ* положитъ, то положитъ вѣрно! —
Но, добрый другъ, приподними подушку!
Вотъ такъ! Ахъ, какъ привольно и легко!
Приди ко мнѣ и поцѣлуй меня! *(умираетъ)*

ЛЯПУНОВЪ. *(поцѣловавъ его).*
Что?.. Ты заснулъ?.. Князь?.. Ты заснулъ?..
Молчитъ.
Не умеръ-ли?.. Гдѣ этотъ врачь проклятый!..
Позеленѣлъ! *(стараясь его разбудить)* Князь, ради
Бога, Князь:

(въ ужасѣ бѣжитъ къ окну).

Онъ умеръ! Помогите! Умеръ! Умеръ!

(отворивъ окно.)

Два солнца наши дружно закатились!
Но есть заря на пламенномъ закатѣ,
И ты взойдешь заутра въ новомъ блескѣ!
А это солнце! Нѣтъ ему востока,

Нѣтъ для него земли, лучей и неба!
Онъ умеръ! Помогите!.. Пусто, дико!
Какъ будто свѣту до него нѣтъ дѣла;
Какъ будто онъ не тотъ Герой Великій,
Что сѣялъ смерть, чтобы пожать безсмертье!
(обнявъ его трупъ.)
Я весь въ жару; онъ холоденъ, какъ ледъ.
Князь, я тебя душой моей согрѣю.
Нѣтъ! Смерть еще безчувственнѣй убійцы;
Злодѣй еще къ раскаянью способенъ,
А эта и разскаяться не можетъ! —

—

ТѢ-ЖЕ и ФИДЛЕРЪ.

ЛЯПУНОВЪ. *(увидавъ его).*
Ага! Ты здѣсь! Спасай его, спасай!
Гдѣ ваши чары, ваши волхвованья?
Что, можно оживить? Не бьется-ль сердце?..
Прислушайся! Я ничего не слышу.

ФИДЛЕРЪ. *(взявъ руку Князя).*
Онъ умеръ!

ЛЯПУНОВЪ. Знаю, окаянный, знаю;
Да развѣ мертвыхъ воскрешать нельзя?

ФИДЛЕРЪ. Я немогу.

ЛЯПУНОВЪ. Такъ что-же можешь ты?
Здороваго лечить и я умѣю,
А ты — умѣешь только убивать!

ФИДЛ: Кто вамъ сказалъ? Онъ умеръ отъ прилива
Излишней крови...

ЛЯПУНОВЪ *(схвативъ его за руку).*
Отъ прилива крови?
А эта зелень на лицѣ? — Смотри!
Не ясно-ли, что онъ отравленъ ядомъ?

ФИДЛЕРЪ *(въ смущеніи)*.
Да!.. Ядомъ!.. Нѣтъ... онъ умеръ...

ЛЯПУНОВЪ. Ты трепещешь!
Неужели самъ Богъ мнѣ дозволяетъ
Взглянуть въ твою діавольскую душу!
(на улицѣ слышенъ глухой шумъ, Ляпуновъ бросается къ окну)
Проснулись!.. Поздно!

НАРОДЪ *(за сценой)*
Подавай Убійцу!
(Фидлеръ дѣлаетъ невольное движеніе уйти).

ЛЯПУН: Куда? Ни съ мѣста! Фидлеръ, признавайся!
Мнѣ нечего тебя жалѣть...

НАРОДЪ. Убійцу,
Убійцу подавайте, душегубца! —

ЛЯПУН: Ты слышишь, какъ зоветъ тебя народъ?

ФИДЛЕРЪ *(въ ужасѣ)*.
Меня? Помилуй! Въ чемъ-же я виновенъ!

ЛЯПУН: Открой мнѣ все! Ты другъ Екатеринѣ;
Въ ея дому злодѣйство совершилось...
Ты онѣмѣлъ? Я говорить заставлю...
(вынимаетъ ножъ).

ФИДЛЕРЪ *(падая ему въ ноги)*.
Спаси меня! Я все тебѣ открою...

ЛЯПУНОВЪ. Спасти тебя, безчестный! — Говори!
Кто Князя отравилъ?..

ФИДЛЕРЪ (*на колѣнахъ, дрожащимъ голосомъ*).
Екатерина!

ЛЯПУН: Ага! — А слово клятвой подтвердишь? —

ФИДЛЕРЪ. Клянусь Святымъ Петромъ!

ЛЯПУНОВЪ. Кто изъ Бояръ
Съ ней въ заговоръ былъ?

ФИДЛЕРЪ. Никто.

ЛЯПУНОВЪ. Никто?
А приготовилъ ядъ?

ФИДЛЕРЪ. Она сама!

ЛЯПУН: Сама!—За чѣмъ-же ты вѣсь побагровѣлъ?
Ты зналъ о заговорѣ безъ участья!
Да! Ты убійства равнодушный зритель!

НАРОДЪ. Давайте намъ убійцу!

ЛЯПУНОВЪ *(поднимая ножъ).*
Признавайся,
Ты ядъ принесъ!

ФИДЛЕРЪ *(обвиваясь вокругъ ногъ его.).*
Я! — Но прости меня;
Она меня принудила

НАРОДЪ. Убійцу!

ЛЯПУНОВЪ *(таща за руку Фидлера.)*
Кто могъ тебя, еретика, принудить!
О Михаилъ! Есть для меня отрада,
Есть бѣдное, пустое утѣшенье!
Я раздавить могу твою змѣю,
Я по кускамъ могу терзать злодѣя,
Живаго закопать въ могилу.... Небо,
Наставь меня — быть безконечно лютымъ!

ФИДЛ: Прости меня, прости, Прокопъ Петровичъ!

ЛЯПУНОВЪ. Тебя простить?—И твой языкъ лукавый
Смѣлъ о прощеньи говорить!

НАРОДЪ. Убійцу!

ЛЯПУНОВЪ *(поднимая его на ноги.)*
Тебя отдать? — Отдамъ полуживаго;
Сквозь истязанья ада проведу!
Сначала разниму тебя по членамъ
И по кускамъ — толпѣ разсвирѣпѣвшей,

Какъ псамъ голоднымъ, въ пищу разбросаю....
Плачь, нехристь, плачь!

НАРОДЪ. Давайте душегубца!!

ЛЯПУНОВЪ *(бѣшено)*.
Разстаться-ль мнѣ съ моей проклятой жертвой,
Отдать-ли мнѣ сокровище, мой кладъ,
Мою находку дорогую?!!
(поднявъ Фидлера на руки.)
Люди! *(несетъ его къ окну.)*

ФИДЛЕРЪ *(пронзительнымъ голосомъ.)*
Помилуй, Ляпуновъ!

ЛЯПУНОВЪ *(выбрасывая его въ окно)*.
Вотъ вамъ убійца!
Ловите, Христіане!

НАРОДЪ. Любо! Любо!

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Въ Москвѣ.

ЯВЛЕНІЕ.

Спальная Князя Дмитрія. Налѣво отъ зрителей кровать съ цвѣтными занавѣсками; онѣ отдернуты; постель не тронута, въ порядкѣ; за кроватью видѣнъ свѣтъ отъ иконныхъ лампадъ, закрытыхъ покровомъ; впереди два стола; на правомъ — закрытая чаша; на лѣвомъ — тускло горящій свѣтильникъ; глубокая ночь; слышенъ заунывный звонъ погребальныхъ колоколовъ.

ЕКАТЕРИНА (одна, полураздѣтая, облокотясь головой на столъ. — Продолжительное молчаніе.)

Ужъ ночь! За ней другая ночь пройдетъ....

Тамъ третія, тамъ вѣчность, тамъ Господь
Велитъ судить преступницу... Всесильный!
Неужели и Ты безъ милосердья?
Скажи мнѣ: сомнѣваться или вѣрить?
Не сомнѣваться въ строгости Господней
И вѣрить гнѣву Твоему... О Боже!...
Страдать, страдать, не тяжкою болѣзнью,
Тѣлесныхъ силъ недужнымъ разслабленьемъ!
Нѣтъ, цѣльною душой въ здоровомъ тѣлѣ
Страдать — и не видать конца страданьямъ...
Вотъ участь горькая Екатерины!

(поднимается, отъ ея движенія свѣтильникъ гаснетъ.)

Неугасай лампада, ради Неба!...
Нѣтъ! Видно Богъ отвергъ Екатерину!..
Темно и страшно! *(беретъ лампаду и медленно приближается къ иконамъ.)*
Тамъ стоятъ Иконы,
Тамъ свѣтъ горитъ... Увы! Не для меня!!..
Угодники Святые, сколько разъ
Предъ вами простиралась я съ молитвой,—
И всякій разъ, съ сердечнымъ утѣшеньемъ,
Я оставляла тихую бесѣду
Съ Спасителемъ!.. Увы! Теперь не то...
Господь отвергъ преступницу, отвергъ!!
И ночь послалъ, и отнялъ свѣтъ послѣдній!!..

(подходитъ къ иконамъ; не смотря на нихъ, отдергиваетъ покровъ и прикладываетъ свою ламцу къ передиконнымъ.)

Зажгись, моя лампада; освѣти
Печальный теремъ трепетной надеждой!
Въ могильный мракъ небесный лучь заходитъ...
Но въ душу черную жены преступной...

(увидавъ, что свѣтильникъ не занялся)

Ахъ Господи!.. (*хочетъ зажечь его, поднявъ глаза на Иконы и отбъгая отъ нихъ съ ужасомъ*)
Глядятъ! Они глядятъ!
Спасите! Силы Неба!... Страшнымъ взоромъ
И состраданія и укоризны
Они глядятъ; Они видали все!
И Господу мой тайный грѣхъ раскажутъ!
(падаетъ безъ чувствъ.)

—

ЕКАТЕРИНА и АНАСТАСЬЯ.

АНАСТАСЬЯ (*со свѣтильникомъ.*)
Что, дитятко, что по ночи кричишь?
Не домовой-ли? Господи помилуй!
Оставила въ постелькѣ, а она
Лежитъ безъ чувства на полу!..

ЕКАТЕР: (*приподымаясь и всматриваясь въ няню.*)
Ты—или тѣнь твоя?.. Свѣтъ!.. О, какъ больно!..

АНАСТАСЬЯ. Вотъ что! Такъ ты больна?..

ЕКАТЕРИНА (*вставъ, съ ея помощію.*)
Да, няня, да!..

АНАСТАСЬЯ. Жаль, уходили Фидлера злодѣя,
А то-бы онъ...

ЕКАТЕРИНА. Какъ, развѣ онъ убитъ?..

АНАСТАСЬЯ. Акакъ-жематьмоя?Вѣдь этотъ нехристь
Извелъ отравой Князя Михаила! —

ЕКАТЕРИНА (*принужденно улыбаясь*).
Да, это онъ, повѣрь мнѣ, няня, онъ!..

АНАСТАСЬЯ. Прости ему! Довольно онъ наказанъ!
Ужъ дали знать ему еретику!
На мелкіе кусочки растерзали!

ЕКАТЕРИНА (*торопливо*).
А онъ молчалъ?..

АНАСТАСЬЯ. Куда ему молчать,
Да слушать не имѣлъ никто охоты!

ЕКАТЕР. Однако-жъ... Да, народъ ему не вѣрилъ?..
Ахъ, няня, ты не вѣрила ему?...

АНАСТАСЬЯ. Я не была. Господь ихъ знаетъ, что
Онъ имъ разсказывалъ...

ЕКАТЕРИНА. Неслушай, няня;
Молю тебя, не слушай! Клевета!

АНАСТ. Что, матушка? Ты какъ въ горячкѣ, бредишь!
Присядь, душа, вотъ тутъ; поотдохни!
Авось пройдетъ; кабы достать водицы
Да уксусу... Ну, мать моя, присядь...
(подводитъ ее къ правому столу).

ЕКАТЕРИНА *(въ ужасѣ отступая)*.
Здѣсь Царскій мечь! Здѣсь Царская Порфира!...
Ахъ, няня, плачь! Молись и горько плачь!
Тамъ на столѣ стоитъ моя судьба!

АНАСТАСЬЯ. Ужъ подлинно диковинныя рѣчи! —
Присядь хоть здѣсь, коли лежать не хочешь;
Я окроплю тебя святой водою,
Прочту молитвы...

ЕКАТЕРИНА. Поздно, Анастасья!..
Мнѣ скучно, няня, горько, тяжело...
Одна въ такой Палатѣ... Князь Димитрій
До сей поры еще не возвращался...
Ты знаешь: Князь на пирѣ занемогъ
У насъ въ дому... Боюсь... Народъ свирѣпъ
И глупъ... Чтобъ не обидѣлъ на дорогѣ...

АНАСТАСЬЯ. И, мать моя! Димитрія всѣ любятъ,
Всѣ жалуютъ.—Царь и теперь прислалъ
Для страха сотни три стрѣльцовъ Московскихъ,
Чтобъ отгоняли злаго человѣка ..
А Князь Димитрій съ нимъ совѣтъ ведетъ...

ЕКАТ: Стрѣльцы? Въ моемъ дому стрѣльцы? За чѣмъ?
Что, развѣ я преступница? Стрѣльцы!
Три сотни!.. Такъ! Подъ стражей Катерина!
Они возмутъ меня, не правда-ль, няня?..

АНАСТАСЬЯ. Да изъ чего-же брать тебя?

ЕКАТЕРИНА. Мнѣ страшно;
Уйдемъ куда нибудь.

АНАСТАСЬЯ. О успокойся!
Ты не здорова, матушка; прилягь,
Сосни! Ужъ скоро будетъ полночь... (*слышенъ глухой шумъ*).

ЕКАТЕРИНА. Ты слышишь, няня?

АНАСТАСЬЯ. Слышу, мать моя!

ЕКАТЕРИНА. Мы только двое...

АНАСТАСЬЯ. Такъ позвать прикажешь
Еще кого нибудь.—

ЕКАТЕРИНА. Да, позови!
Кого-жъ? Всѣ спятъ.—

АНАСТАСЬЯ. Нѣтъ дѣвушки не спятъ
И вышиваютъ. —

ЕКАТЕРИНА. Позови ихъ, няня!
Пускай придутъ; я стану съ ними шить...
Вели зажечь огни!.. Ахъ, няня, няня,
Оставь мнѣ свѣту; засвѣти мою
Лампаду... Нѣтъ, неуходи! Ты слышишь,
Какъ все по улицамъ шумитъ.

АНАСТАСЬЯ. Народъ
Расходится!

ЕКАТЕРИНА. А если сходится?

АНАСТ: Ужъ за полночь! Стрѣльцы его разгонятъ!

ЕКАТЕРИНА. Иди-же няня, поскорѣй иди!

Не опоздай! Мнѣ страшно, очень страшно!
Я не привыкла..

Анастасья. Погоди маленько!
Я духомъ созову моихъ красавицъ:
Ты, матушка, присядь, поотдохни!

Екатерина одна.

Вотъ адъ! Онъ здѣсь! Не за предѣломъ гроба!
Онъ въ сердце глубоко! Здѣсь адскій пламень,
Которымъ угрожаетъ намъ Писанье!!
Здѣсь тма кромѣшная!.. О чаша, чаша!
Не ты-ль моя могила?— Въ полумракѣ,
Какъ памятникъ надгробный, ты стоишь!
Увы! Безсиленъ голосъ покаянья!
Злодѣйство насъ отъ Неба отдаляетъ;
Невинность думаетъ о страшномъ адѣ,
Но съ состраданіемъ къ чужимъ мученьямъ;
А грѣшница о Небѣ помышляетъ,
Но безъ надежды, безъ успокоенья!
И смерть ея торжественно страшна!
Душа ея въ огонь облечена
И, сожигая тѣло, улетаетъ,
Чтобы самой горѣть неизцѣлимо
До Страшнаго, послѣдняго Суда! —
(шумъ извнѣ усиливается).
Ахъ, какъ шумятъ! О няня, гдѣ ты, няня!
Ты мѣшкаешь умышленно, старуха;
Ты догадалась о моемъ грѣхѣ,
И втайнѣ прокляла Екатерину!..

Екатерина, Анастасья и Дѣвушки (съ пяльцами и огнями),

Екатерина. Нѣтъ, вотъ она! Сюда, сюда, скорѣе

Бѣгите, дѣвушки! Какъ всѣ печальны,
Какъ блѣдны! Нѣтъ, то не живые люди...

Анастасья. Не правда-ли, мы скоро собрались?

Екатерина. Да, скоро...

Анастасья. Гдѣ прикажешь помѣститься?

Екатерина. Ахъ, это вы, подруженьки?.. Садитесь!
Меня томитъ безсонница, хвораю;
Одной мнѣ скучно, вмѣстѣ веселѣе;
Присядемъ, красныя, шитьемъ займемся;
Авось повеселѣю...

Анастасья. Мы потѣшимъ
Тебя голубушку. — Ну, что? Садитесь!
Уставили на барыню глаза,
И смотрятъ, какъ шельныя...

Екатерина. Смотрятъ, смотрятъ!
Подай мнѣ душегрѣю, Анастасья! —
Озябла!...

Анастасья. Слава Богу, ночь тепла!

Екатер. Да есть другой морозъ. Садитесь! Няня,
Садись и ты! *(дѣвушки выдвигаютъ скамьи на середину; становятъ пяльцы; садятся; Екатерина, безъ дѣла, въ серединѣ; дѣвушки начинаютъ шить, поглядывая на Екатерину.)*

Анастасья. Я рада ночь сидѣть,
Не жмуря глазъ; да только ты засни!

Екатерина. Нѣтъ, няня, рано!

Анастасья. Что ты, мать моя!
Да этакъ-ты и съ роду не ложилась.
Ужъ скоро запоетъ пѣтухъ...

Екатерина. Стѣснитесь!

Поближе, дѣвушки! Не опасайтесь!
Все кончего! Я не страшна ужъ болѣ! *(плачетъ)*

АНАСТАСЬЯ. Да этакъ ты здоровіе измучишь!
Не плачь, мое дитя! О чемъ кручина? —

ЕКАТЕРИНА. Ахъ, Анастасья, поцѣлуй меня,
Какъ ты меня когда-то цѣловала!
Быть можетъ я о многомъ позабуду,
О чемъ невольно помню… О, подруги,
Воображайте, что меня здѣсь нѣтъ,
И ясныхъ глазъ комнѣ необращайте! *(закрывъ глаза, погружается въ раздумье)*

АНАСТАСЬЯ. Запойте пѣсню, красныя! Быть можетъ
Ее уходитъ сонъ подъ вашу пѣсню.

ДѢВУШКИ. А что́ запѣть?.. Ты начинай! — Неладно
На сердцѣ у меня — Ты начинай,
Авось и мы подтянемъ.

АНАСТАСЬЯ. Начинайте!

ДѢВУШКИ. *(поютъ)*
Не соловушко на вѣткѣ качается,
И не жаворонокъ въ синевѣ чернѣется,
Нѣтъ, то дятелъ стучитъ по дуплу порожнему,
Созываетъ звѣрй хищнаго на чужое гнѣздышко.—

АНАСТАСЬЯ. *(тихо дѣвушкамъ)*
Смотрите, призадумалась; потише!
Авось ее сонъ сладкій одолѣетъ…

ДѢВУШКИ. *(продолжая пѣть)*
Ой ты дятелъ, дятелъ, и злой и завистливый!
Самъ ты безъ гнѣздышка по бѣлу свѣту маешься;
Такъ тебѣ чужое очи колетъ гнѣздышко…—

ЕКАТЕРИНА. *(вставъ)*
Довольно! О довольно! Въ простотѣ
Природы явственнѣе наша злоба.

Міръ полонъ зла. Не много добрыхъ зеренъ;
И тѣ плодотворить умѣютъ землю,
А сердце женское для нихъ безплодно!

—

Молчать! Въ устахъ ни слово не шелохнетъ!
Онѣ хотятъ мое подслушать сердце
И подсмотрѣть, что дѣлается въ немъ! —

—

Невинныя! Боюсь на васъ взглянуть!
Мнѣ стыдно будетъ встрѣтить ваши взоры.. (*садясь*)
Подруженьки, веселую запойте!

ДѢВ. Да чтожъ она смотрѣть на насъ не хочетъ!

АНАСТАСЬЯ. Не ваше дѣло! Шейте, припѣвайте,
А на Княгиню нечего зѣвать. —

ДѢВУШКИ. (*поютъ*)
Какъ у нашего у ближняго сосѣда
Дѣвушка-звѣздочка проживала;
У него жена подруженька, молодешенька,
Словно солнце ясное, красовалася;
И любилъ ее сосѣдъ, и миловалъ,
Ненаглядную, какъ куколку; —
И засѣла дѣвѣ на́ сердце
Дума тайная, дума черная:
Дай и мнѣ хозяйкой сдѣлаться,
Извѣсти хозяйку прежнюю...

ЕКАТЕРИНА. (*вскочивъ*)
Молчите! — Кто васъ пѣснѣ научилъ?
(на улицѣ подымается большой шумъ. дѣвушки встаютъ)
Ахъ, няня, погляди, что это значитъ?
Такой порой, такой ужасный шумъ!

АНАСТАСЬЯ. (*протирая глаза*)
Я было придремнула, мать моя!
Постой, я сбѣгаю и разузнаю. —

—

ТѢ-ЖЕ, кромѣ АНАСТАСЬИ.

(шумъ болѣе и болѣе усиливается)

ЕКАТЕРИНА. *(хватая за руки дѣвушекъ).*
Тѣснѣй! Дружнѣй! Кругомъ меня, кругомъ!
Сестрицы, ближе, ближе, ближе, ближе!
Ударьте пѣснь, чтобъ ничего не слышать!!.

(голоса за сценой).

Давайте намъ убійцу Михаила!
Давайте чародѣйку Катерину!!.

ЕКАТЕР. Онъ не смолчалъ! Онъ все открылъ народу!
О заглушите пѣснію громовой,
Веселой, свадебной, иль погребальной!..
Мнѣ все равно... — Подруженьки, кричите! —

ДѢВУШКИ. *(протяжно поютъ).*
Во заглохшемъ полѣ, подъ
плакучей ивою,
Безъ могилы гробъ сто-
ялъ, гробъ стоялъ не-
запертый;
Мертвеца въ немъ не бы-

ЕКАТЕРИНА. *(сжавъ руки и поднявъ очи къ небу).*
Царю мой, Боже, милостивый Боже!
Будь милосердъ и къ грѣшницѣ несчастной;
Спаси меня отъ ярости народной;
Не выдай на съѣденье псамъ голоднымъ!
Минуетъ буря, — въ монастырь пойду!
Отдамъ мои богатства въ пользу нищихъ;
Во всѣхъ Соборахъ отслужу молебенъ;
Жизнь поведу затворницей; не постъ,
А тяжкій голодъ, жажду наложу

ло, тотъ мертвецъ по-
гуливалъ
По полю заглохшему, подъ
плакучей ивою...

На тѣло грѣшное Екатерины;
Сама себя ужасно истязаю;
Но только казнь земную отложи! —
Дай мнѣ покаяться, по крайней мѣрѣ,
И бѣшенству народному не выдай!!.

—

ТѢ-ЖЕ и АНАСТАСЬЯ.

АНАСТАСЬЯ. Ну, отлегло! Проклятый еретикъ
Налгалъ народу на тебя, что будто
Ты Михаила отравила. Благо,
Что Царь стрѣльцовъ прислалъ, а то-бы худо
Пришлось намъ. — Отстояли молодцы!
Народу видимо невидимо;
Ревутъ, кричать: давайте, Катерину!
А тутъ стрѣльцы какъ пріударятъ дружно...

ЕКАТЕРИНА. (*съ восторгомъ обнимая дѣвушекъ*).
Благодарю, Творецъ, благодарю!
Я спасена, сестрицы, спасена!
Ахъ, няня, душенька, я спасена!!
Во всѣхъ Церквахъ велѣть молебень править;
Всѣмъ нищимъ — столъ обѣденный на завтра;
Всѣ бархаты мои, парчи и камки
Послать къ Успенію на ризы! — Няня,
Стрѣльцамъ раздать три тысячи рублей!

АНАСТАСЬЯ. Стрѣльцы не что! — Ихъ было одолѣла
Толпа народная; да Воевода
Какой то проходилъ, да какъ прикрикнетъ,
Какъ выйметъ мечь, — такъ вся толпа назадъ
Со страху-ужасу поотступила.

ЕКАТЕ. Но кто-же онъ?—Кто изъ Бояръ надменныхъ
За бѣдную вступился Катерину? —

АНАСТАСЬЯ. Не знаю, мать моя! А малый страшный,
Плечистый и высокій! Передъ нимъ
Стрѣльцы, что карлы... Вотъ онъ...

—

ТѢ ЖЕ и ЛЯПУНОВЪ.

ЕКАТЕРИНА. (*про себя*) Ляпуновъ!
Какъ? Мой спаситель — Ляпуновъ?.. Не вѣрю!
Но можетъ быть изъ всей толпы народной
Одинъ онъ не повѣрилъ?.. (*громко*) Воевода!
Позволь тебя благодарить...

ЛЯПУНОВЪ. За что?

ЕКАТЕРИНА. За жизнь. —

ЛЯПУНОВЪ. Не торопись, Екатерина!
(къ нянѣ и дѣвушкамъ)
Оставьте насъ! Проститесь навсегда
Съ Боярыней! Въ молитвахъ поминайте!
Она идетъ въ далекую обитель
И тѣсными закроется стѣнами!

АНАСТ. Помилуй, батюшка! Ты нашъ спаситель!..

ЛЯПУНОВЪ.. (*грозно*)
Прочь! Время драгоцѣнно! Удалитесь!
Ей нуженъ часъ покоя и молитвы!
Оставьте насъ!—(*дѣвушки разбѣгаются, няня медленно за ними уходитъ*).

—

ЕКАТЕРИНА и ЛЯПУНОВЪ.

ЛЯПУНОВЪ. Екатерина,
Ты можешь-ли молиться?

ЕКАТЕРИНА. Не могу!

ЛЯПУНОВЪ. Я такъ и думалъ. — Бѣдная жена,
Что́ совершила ты? —

ЕКАТЕРИНА. Убійство.

ЛЯПУНОВЪ. Да,
Убійство, но какое? — Ты не знаешь,
Не можешь знать, гдѣ Русь теперь стоитъ!
Безъ Ангела, и Царство можетъ сгибнуть!
Ты отравила съ Княземъ Михаиломъ
Святую Русь; — и Богъ велѣлъ судить
Судомъ земнымъ преступницу... Молись!
(вынувъ ножъ).
Послѣдній часъ на этомъ острiѣ!
Я отстоялъ тебя, не для тебя;
Я жертву сохранилъ великой тѣни, —
И вотъ — пришелъ заклать ту жертву!..

ЕКАТЕРИНА. Боже!..

ЛЯПУНОВЪ. Я самъ дивлюсь, чего еще я медлю!
Ты смерть несла спасителю отчизны,
Безъ трепета, ужасная жена; —
А я убить убійцу не рѣшаюсь!..

ЕКАТЕРИНА. Не убивай меня, неубивай —
И я еще покаяться съумѣю! —

ЛЯПУНОВЪ. Съумѣешь-ли ты Князя воскресить? —
О, женщина, безъ совѣсти и сердца,
Ты въ жизнь свою не плакала ни разу,
Не прижимала къ сердцу своему
Невиннаго ребенка или друга!
Ты та змѣя, что на родную матерь
Бросается стрѣлою ядовитой!
Ты то жерло, изъ коего Господь
Проклятія глаголетъ окаяннымъ! —
О еслибъ ты могла любить отчизну
И за нее страдать душей могучей,

Заже отчизна та въ кровавыхъ смутахъ,
Какъ въ бурномъ океанѣ утопаетъ; —
Ты-бъ поняла, кого ты отравила!..
За что, за что, — ты жаломъ ядовитымъ
Спасителя Отчизны уязвила?
О, не за то-ль, что онъ тебя избавилъ
Отъ ложа срамнаго, отъ посмѣянья,
Отъ плахи, отъ работы, отъ темницы?
Что эту Русь, родную нашу Русь
Онъ загадалъ очистить отъ соблазна?
О грѣшница, бывали преступленья;
Но твоему — нѣтъ равнаго примѣра! —

ЕКАТЕРИНА. О пощади, Прокопъ Петровичъ!

ЛЯПУНОВЪ. Что?
Тебя щадишь? Не думаешь-ли ты
Что состраданіе во мнѣ таится?
Что я способенъ пожалѣть того,
Кто всей Руси непожалѣлъ? — Увы!
Ты ошибаешься, Екатерина!
Я казнь тебѣ выдумываю... Страшно,
Торжественно хочу казнить тебя,
Во страхъ вѣкамъ, мучителямъ въ потѣху!

ЕКАТЕРИНА. Безчеловѣчный!

ЛЯПУНОВЪ. Я безчеловѣченъ!
И это говоритъ его убійца!
(Увидавъ чашу).
Не это-ли сосудъ отравы тайной?
Не здѣсь-ли утонулъ Скопинъ несчастный?
(Открывая чашу).
Недо́пита!! О строгій Судія!
Не для нея-ль ты сохранилъ отраву!?
(Подаетъ чашу Екатеринѣ).

ЕКАТЕРИНА. (*отклоняя чашу*).
Спасите отъ разбойника!

ЛЯПУНОВЪ (*громовымъ голосомъ*).
Молчать!
Благодарить! — Ты раздѣляешь чашу
Съ Божественнымъ избранникомъ Руси!
Отвѣдай! Го́рька-ли твоя отрава?
Не обманулъ-ли Фидлеръ!.. На, отвѣдай!..

ЕКАТЕРИНА (*на колѣнахъ*).
Дай часъ на покаяніе...

ЛЯПУНОВЪ. Откушай!

ЕКАТЕРИНА. Минуту...

ЛЯПУНОВЪ. Поздно! Время улетитъ
И ты найдешь другое волхвованье!
Пей, чашу, пей!
(*Екатерина пьетъ*) О Боже Всемогущій!
Змѣя и Ангелъ въ той-же гибнутъ чашѣ!
Какъ малъ и величайшій человѣкъ!.. —
Отвѣдала? Нѣтъ мало Катерина!
Покойный Князь до смерти пилъ отраву;
Пей до конца и ты!

ЕКАТЕРИНА. Я не могу!

ЛЯПУНОВЪ (*поднимая ножъ*).
Пей, Аспидъ! Смерть на свѣтѣ не одна!
Благодари еще, что скоро кончилъ;
Не такъ хотѣлъ я истязать тебя...
Пей подъ ножемъ Прокопа Ляпунова!
Пей подъ Анаѳемой Святаго Царства!

(Екатерина допиваетъ).

Вотъ такъ!

ЕКАТЕРИНА (*роняетъ чашу*).

Прости меня, Прокопъ Петровичъ!

(Слышенъ прежній шумъ черни).

Всему конецъ! Я каюсь предъ тобой!
Уже нельзя мнѣ къ жизни воротиться;
Не погуби души по крайней мѣрѣ!
Ты плачешь, Ляпуновъ?

ЛЯПУНОВЪ (*отирая слезу*).

О, какъ не плакать!
Исполненъ долгъ, но этотъ долгъ ужасенъ!
И къ преступленью должно сострадать.
Оно болѣзнь, недугъ души нетвердой...
Господь тебя прости, Екатерина! —

(Поднимаетъ ее).

Ты такъ тверда, спокойна ?!

ЕКАТЕРИНА. Совершилось!
Пока еще надежда въ жизни есть,
Да той поры волнуютъ грудь желанья;
Но если жизнь разорвана, — тогда
Другія ощущенья слышитъ сердце,

. . .

Какъ я слаба! Въ глазахъ позеленѣло!
Простятъ-ли мнѣ мой грѣхъ на небесахъ;
Простятъ-ли люди памяти преступной?

(Шумъ усиливается; Екатерина въ омраченіи разсудка).

Ахъ, загорѣлся свѣтъ! Вотъ Силы Неба
На черныхъ тучахъ въ воздухѣ плывутъ!
Ты видишь-ли: собрался Страшный Судъ!
Гдѣ Царскій мечь, гдѣ Царская порфира? —
Вотъ молнія! И загорѣлись души
Назначенныя аду; я одна...
Меня Господь и къ нимъ не причисляетъ;

Я ни Небесъ, ни ада недостойна...
Охъ, голова! На этой головѣ
Лежитъ одно единое злодѣйство!...
Какъ сердце съѣла смерть! Вся грудь пуста!
А голова раздавлена, разбита!....
Жизнь, жизнь! Плыветъ зеленый островъ въ морѣ!
Цвѣты на немъ, заморскія деревья...
Какъ воздухъ свѣжъ, какъ ароматенъ воздухъ!
То жизнь моя... Ловите, догоните!
Я утопаю... Тише! Вотъ онъ, вотъ онъ!
Ну, Слава Богу! Снова жизнь моя!
Потухъ пожаръ! Весь міръ въ святыхъ лучахъ;
Есть милость на землѣ — и въ небесахъ!

(Падаетъ и умираетъ).

—

ТѢ ЖЕ, АНАСТАСЬЯ и дѣвушки.

АНАСТАСЬЯ. Ахъ, батюшки! Спасайте, ради Бога!
Къ намъ ворвались злодѣи. Воевода,
Возьми свой мечь! Они тебя боятся!
Ахъ, Господи! Она мертва! Смотрите!..

—

ТѢ ЖЕ, и толпа народа съ факелами.

НАРОДЪ. Гдѣ чародѣйка?— Спряталась, небось!—
Неотколдуешься теперь.

ЛЯПУНОВЪ (*идетъ къ нимъ, всѣ отступаютъ.*)
Ни съ мѣста,
Разбойники! Есть Божій судъ безъ васъ, —
И этотъ судъ надъ нею совершился!—
Она мертва!

НАРОДЪ. Да вправду-ли мертва?
Змѣя всегда прикинется убитой,
Когда ее хотятъ убить

ЛЯПУНОВЪ. Нислова!

(обратясь къ трупу Екатерины.)

Ты грѣшница, въ честолюбивой злобѣ
Великое свершила преступленье,
Но ты покаялась предъ страшной смертью
И памяти несчастной нѣтъ упрека.

(къ народу.)

Молитесь-же за упокой души
Рабы усопшей Катерины Шуйской!

(Всѣ становятся на колѣна, занавѣсь опускается.)

ДЖУЛІО МОСТИ,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ,

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

СЪ ИНТЕРМЕДІЕЙ, ВЪ СТИХАХЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 14 Октября 1851 года.

Цензоръ *А. Фрейганъ.*

ДЖУЛІО МОСТИ.

Драма въ четырехъ частяхъ съ Интермедіей, въ стихахъ.

(Написана въ 1832—1833 г.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРКИЗЪ ЧИНТО, Болонскій вельможа.
ВЕРРИНО, его племянникъ.
МАРКИЗЪ СПАРПА.
КАВАЛЕРЪ ВАЛЬДОНИ.
ДЖУЛІО МОСТИ, художникъ Римскій.
АСТОЛЬФО ГОНТИ, художникъ Болонскій.
МАННИ, механикъ.
РОБЕРТО, домоуправитель дворца Чинто.
БЕРНАРДО ЗАМПІЕРИ, башмачникъ.
ДОМЕНИКО ЗАМПІЕРИ, сынъ его, впослѣдствіи прозванный Доменикиномъ.
ФРАНЧЕСКО АЛЬБАНИ, художникъ Болонскій, школы Караччи, другъ Доменикина.
НАДЗИРАТЕЛЬ за собраніемъ картинъ маркиза Чинто.
ЛОРЕНЦО ТЕКИ, врачъ при дворцѣ Чинто.
ПЕРВЫЙ СБИРЪ.
ВТОРОЙ СБИРЪ.
ТАДДЕО, слуга Мости.
ФРАНЧЕСКО, слуга Гонти.
МАРКИЗА ЧИНТО.
КІАРА, дочь Венеціанской нищей.
ЛАУРЕТТА, служанка маркизы.
ЖЕНА ЛОРЕНЦО ТЕКИ.
Болонскіе академики; ученики Д. Мости; маски; гости; сбиры; стража и народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Болоніи, спустя около пятнадцати лѣтъ послѣ смерти Торквата Тасса, то есть, около 1600 года.

Посвящено Ленорѣ.

Ты далеко, Ленора! — Земля тамъ и воздухъ — иные;
Русскій языкъ — неизвѣстенъ, Русскіе нравы — тамъ чужды;
Ты далеко. — До тебя высоко, какъ до неба. — Напрасно
Легкимъ, минутнымъ видѣньемъ слетаешь къ нѣмому страдальцу.
Снамъ ли безумно довѣрить сердечное горькое горе?!..
Нѣтъ! Благороднымъ и честнымъ струнамъ страдальческой лиры
Можно довѣрить тайну святаго страданья — и только!
Тайну разскажутъ добрыя струны — кому? Неизвѣстно!
Богу, Святымъ, — но не людямъ: а люди съ земнымъ любопытствомъ
Слухъ напрягутъ безуспѣшно, утѣшаться ложной догадкой.
Струны! Святите-жъ безъ страха сердцемъ избранное имя!
Трудъ мой любимый украсьте именемъ новой Леноры!
Первый разъ міру громко скажите: люблю! — и, затихнувъ,
Повѣсть любви и страданій мнѣ одному доскажите!
Къ бѣдному сердцу, ласкаясь, та повѣсть прильнетъ и разбудитъ
Пѣсни цѣлебныя, пѣсни надежды и вѣры — въ міръ замогильный.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МЕЦЕНАТЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Hoher Sinn liegt oft in kind'schem Spiel.
Шиллеръ.

(Картинная зала во дворцѣ маркиза Чинто, расположенная крестомъ и освѣщенная съ верху; множество картинъ покрываютъ стѣны, которыхъ верхнія части расписаны одноцвѣтомъ (in chiaroscuro); плафонъ передняго крыла, составляющаго авансцену, изображаетъ Аполона на колесницѣ съ принадлежностями. Внизу, около стѣнъ, разставлены статуи и бюсты; подъ куполомъ огромная бронзовая ваза съ барельефами, по рисункамъ Бенвенуто Челини, поддерживаемая четырмя женскими каріатидами. За вазой, вдали, видны украшенныя рѣзьбою двери. Картины передняго крыла расположены симетрически по величинѣ, и представляютъ странную смѣсь школъ и родовъ живописи; посрединѣ — два треножника, одинъ съ портретомъ Торквато Тассо, на другомъ полотно съ копіей, подмалеванною съ того же портрета. Вечерѣетъ.)

ДЖУЛІО МОСТИ (одинъ у треножника, съ кистію въ рукѣ).

Вотъ цѣлый день въ обширной галлереѣ
Работаю надъ копіей съ портрета, —

И ни одной черты похожей!.. Горько!
Я бросился въ искуство неразумно.
Тридцатый годъ, а славы нѣтъ какъ нѣтъ!
А я мечталъ, возьмусь ли за перо,
И загремятъ послушныя октавы;
Возьму ли кисть, и дивныя картины
Сами собой падутъ на полотно,
И я достигну славы и богатства!..

—

Богатства!.. Я такъ бѣденъ, какъ никто
Изъ всѣхъ поэтовъ бѣденъ не бывалъ.
Авралю и князь Антюхійскій,
Любимыя моей души поэмы,
Не окупили даже и издержекъ;
Враги воспользовались всѣмъ, чтобъ подло
Убить талантъ при самомъ появленьи,
И я поэзію возненавидѣлъ.
Кисть также не доставила ни славы,
Ни денегъ. Мало-ль маляровъ ничтожныхъ,
Поденьщиковъ какихъ нибудь Маркизовъ,
Лакеевъ кардинальскихъ, безъ заслугъ,
Безъ склонности къ искуству, безъ познаній,
Пріобрѣтаютъ славу и богатство!
А я одинъ не признанъ и отверженъ,
И только дружба Тасса для меня
Единственный источникъ пропитанья.
У нихъ есть средства; у меня ихъ нѣтъ.
Имъ путь знакомъ и къ славѣ и къ богатству,
Но отъ меня скрываютъ эту тайну...

—

Темнѣетъ; надо кончить... *(продолжаетъ писать).*

—

Д. МОСТИ, ВЕРРИНО и НАДЗИРАТЕЛЬ.

ВЕРРИНО. Такъ сегодня,
Ты говоришь, маркизъ съ маркизой будутъ?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Я полагаю.

ВЕРРИНО. Какъ уже давно
Я не былъ здѣсь! Умножились картины;
Но какъ смѣшно развѣшаны! Послушай!
Кто смотритъ за собраньемъ этимъ?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Гонти.
Маркизъ имъ недоволенъ.

ВЕРРИНО. Почему?

НАДЗИР: Художникъ онъ изрядный, только денегъ
Издерживаетъ много; говорятъ,
Что онъ не честно даже поступаетъ
Въ пріобрѣтеніи картинъ. Художникъ
Теперь работаетъ... Угодно видѣть?..

ВЕРРИНО. Къ чему? Я не хочу ему мѣшать.
Есть чѣмъ и здѣсь заняться До свиданья!

—

Д. МОСТИ и ВЕРРИНО.

ВЕРРИНО *(подошедъ къ портрету Тасса)*.
Я не видалъ оригинала,
Но этотъ не похожъ портретъ;
Въ немъ блескъ и прелесть идеала, —
А существа и тѣла нѣтъ!
Въ немъ есть старательность, искуство;
Въ немъ вѣрны тѣни, вѣренъ свѣтъ;
Въ немъ есть и жизнь, и жаръ, и чувство;
А только сходства... сходства нѣтъ!

Д. МОСТИ. Не знали вы его! Портретъ поэта —
Портретъ мечты. Оригиналъ чудесенъ;
Такъ долженъ быть чудесенъ и портретъ.

ВЕРРИНО *(не обращая на него вниманія).*

Портретъ мечты — портретъ поэта!
Мечта для кисти не предметъ;
Вотъ почему въ чертахъ портрета
Съ оригиналомъ сходства нѣтъ!

МОСТИ. Скажите мнѣ: въ горячкѣ вашихъ риѳмъ
Не снился вамъ когда-нибудь Торквато,
Пѣвецъ Аминты и Іерусалима?

ВЕРРИНО. Нѣтъ, никогда! Я Тасса прочиталъ,
Я выучилъ его Аминту; много
Я знаю изъ его Іерусалима;
Но никогда онъ мнѣ не снился, — нѣтъ!
И вашъ вопросъ мнѣ право не понятенъ.
Что̀ общаго имѣетъ вашъ портретъ
Съ Торкватомъ Тассомъ?

МОСТИ. Какъ, синьоръ, возможно-ль?
До сей поры не знаетъ стихотворецъ,
Что это Тассъ!..

ВЕРРИНО (*отступая*).
Портретъ Торквата Тасса!!.

Такъ, это онъ! Въ листахъ вѣнца
Богатая блистаетъ слава,
Безуміе въ чертахъ лица,
А на устахъ дрожитъ октава!
Такъ, это онъ! Его портретъ
Понятенъ для души поэта;
Онъ весь какъ томный лунный свѣтъ,
Онъ весь какъ музыка сонета;
Какъ риѳмы двѣ, его уста
Слила въ прекрасное лобзанье
Неуловимая мечта;
Въ чертахъ безумье и страданье, —

А каждая притомъ черта
Не лишена очарованья!

мости. О, напиши, почтенный незнакомецъ,
Чтó говоришь! Слова твои отрадны!
Я ихъ имѣть желалъ бы на бумагѣ,
Хранить ихъ въ этомъ сердцѣ... Незнакомецъ,
Не откажи.

веррино. Писать? Я не умѣю.
Я не хочу свободную мечту
Терзать перомъ; на тѣснотѣ бумаги
Я не могу излить тѣхъ помышленій,
Которыя, въ созвучьяхъ сладострастныхъ,
Изъ устъ моихъ согласно истекаютъ.
Мнѣ дивный даръ опредѣлило небо, —
Носить въ груди рой риѳмъ обильно-звучныхъ;
Я какъ паукъ изъ нихъ тку паутину;
Качаюсь въ ней далеко, въ поднебесьѣ,
Смотрю на міръ сквозь призму вдохновенья,
И въ радужныхъ цвѣтахъ воображенья
Сей старый міръ, съ ребячьей головой
Является мнѣ дѣвой молодой,
И риѳмами небеснаго напѣва
Украшена таинственная дѣва.
Да! это солнце, звѣзды и луна,
Высокій холмъ и берегъ моря плоскій,
Картинный залъ и дряхлая стѣна —
Поэзіи святые отголоски....
Все это риэмы, сладостныя риѳмы!
Вещь всякая, мысль каждая и чувство,
Имѣютъ въ мирѣ собственныя риѳмы!
И вы, и я, свои имѣемъ риѳмы...

мости (*вставъ*).
Вы, можетъ-бы; но я давно безъ риѳмы,
Когда вы риѳмой существа зовете,

Къ которымъ мы влечемся тайной силой.
Три существа моимъ владѣли сердцемъ,
Различныя, они имѣли сходство.
Три существа: — Розина, Тассъ и слава.
Я выходилъ изъ дѣтства, и любовь
Во мнѣ кровь тѣла, замѣнила; сладко
Мнѣ было чувствовать, какъ въ тонкихъ жилкахъ
Трепещетъ страсть, какъ сердце въ персяхъ ноетъ,
Какъ въ полнотѣ моей любви кипучей
Я плавалъ, разширялся, исчезалъ.
Но поцѣлуи охлаждаютъ чувство,
Когда оно созданіе мечты.
Насытьте страстныя уста лобзаньемъ,
И тайный жаръ хладѣетъ противъ воли.
Въ ребячествѣ любовь не хороша:
Она себя порокомъ знаменуетъ,
Иль безобразнымъ чувствомъ застываетъ.
Явился Тассъ, и я забылъ Розину.
Любовь мою тѣснилъ поэтъ изъ сердца;
Меня влекла краса невинной дѣвы,
А я краснѣлъ моей любви... И что же?
Я бросилъ все; какъ вѣрная Весталка,
На мигъ отъ жертвенника не отходитъ,
Такъ я не отходилъ отъ Тасса; часто
Я проникалъ возвышенныя мысли,
Нерѣдко самъ онъ открывалъ мнѣ тайны,
Которыхъ умъ простаго человѣка
Безъ объясненій постигать не можетъ.
Дитя! я утонулъ въ пучинѣ мыслей,
Въ роскошномъ, сладострастномъ морѣ звуковъ.
Пока онъ жилъ, — на этой зыбкой безднѣ
Его рука была моей опорой;
Онъ ободрялъ безсильное стремленье;
Онъ открывалъ пути къ тому безсмертью;

Къ той сладостной, отрадной, дивной славѣ,
Которая чудовищемъ стоглавымъ
Въ моемъ кипучемъ сердцѣ зародилась.
Но умеръ онъ, и слава поглотила
Несчастнаго ребенка-честолюбца:
Я захотѣлъ наслѣдникомъ быть Тасса,
Поэтомъ вѣка моего; въ добавокъ
Я захотѣлъ быть славнымъ живописцемъ,
Я захотѣлъ быть славнымъ музыкантомъ...
И въ головѣ смѣшалися искуства,
Предметы, звуки, риѳмы. Міръ безмѣрный
Я захотѣлъ опредѣлить, измѣрить...
И палъ подъ бременемъ искуства. Боже,
Тридцатый годъ въ апрѣлѣ наступаетъ,
А я еще, какъ скорпіонъ пустыни,
Въ ничтожествѣ презрѣнно веществую!

ВЕРРИНО. Чего-жъ вамъ надо?

МОСТИ. Славы, славы, славы!
Ахъ, незнакомецъ, славы жаждетъ Мости,
И никогда до славы не достигнетъ!
Я это чувствую, какъ свѣтъ небесный...
Нѣтъ простоты во всѣхъ моихъ работахъ;
Беру-ль перо, и безобразный стихъ
Мнѣ кажется готическою башней,
Осыпанной игрушками рѣзными;
Возьму-ли кисть,—на чистомъ полотнѣ
Являются уроды, не предметы;
Хочу-ли слить въ одно святые звуки,
И тѣ гремятъ въ раззвучьяхъ несогласныхъ.
(Заливается слезами).
Да, незнакомецъ, бѣденъ, бѣденъ я,
И никогда не наживу богатства.

ВЕР: (Онъ плачетъ. Странный человѣкъ! О чемъ же?
О суетной и даже глупой славѣ!)

Послушайте: изъ состраданья къ вамъ,
Я васъ спрошу, къ чему вамъ въ жизни слава?
Вы бѣдны? Слава вовсе не поможетъ.
Завистники, клеветники найдутся,
И слава — тяжкій грузъ на морѣ жизни.
Оставьте дѣтскія мечты! Любите
Одну любовь къ созданьямъ благодарнымъ,
Которыя доступнѣе искуства.
Съ прекрасною наружностью такою
Вы можете обнять живую музу
И въ ней одной похоронить всѣ чувства.
А если вамъ одна измѣнитъ муза,
Вы можете сыскать другую, лучше,
Прелестнѣе... Не девять музъ живыхъ,
Ихъ тысячи, и каждая изъ нихъ
Доставитъ вамъ занятія такія,
Въ которыхъ вы забудете искуство.

мости. (Какъ онъ меня ужасно уничтожилъ!)
Нѣтъ! Никогда! Я отдался искуству!
Пусть я послѣдній рабъ, но рабъ искуства,
Не женщины, — и я уже доволенъ;
Мнѣ болѣе не нужно; я доволенъ;
Впередъ моя работа: я доволенъ!

(Садится и хочетъ продолжать работу. Слышенъ разговоръ за дверьми).

первый голосъ. Иди, бѣднякъ, нельзя пустить.

второй голосъ. Бѣднякъ?
Ты правду молвилъ, стражъ земнаго рая!
Пусти меня, минуты не пробуду;
Такъ, посмотрю, поплачу и уйду.

первый. Вотъ есть за чѣмъ ходить!.. Нельзя!

второй. Помилуй!
Дай мнѣ взглянуть, сквозь щель твоихъ дверей,
На чудеса, что на стѣнахъ живутъ.

первый. Съ ума свихнулъ! Какія чудеса?
Статуи да картины, вотъ и все!

второй. Ради святаго твоего патрона,
Открой мнѣ дверь, Богъ наградитъ тебя!

первый. Безъ шутокъ ты ума лишился.

второй. Сжалься!
Вотъ два паоло; больше не имѣю.
Пусти меня...

первый. Ну, такъ и быть, иди!
О, счастливъ ты, что дома нѣтъ господъ!
А то-бы не пустилъ... Будь остороженъ!
Не замарай чего-нибудь, не скинь
И не разбей!

—

ТѢ ЖЕ и ДОМИНИКЪ ЗАМПІЕРИ (1).

(*вошедъ, останавливается, какъ-бы пораженный чѣмъ-то невидимымъ*).

ЗАМПІЕРИ. Какой недугъ по сердцу
Горячей искрой бѣгаетъ!... Спасите!...
Я ничего не вижу...

(Закрываетъ руками глаза и нѣсколько минутъ не смотритъ; потомъ, оглядываясь, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, продолжаетъ)

Чудеса!
Смотрите, міръ въ божественномъ убранствѣ
На стѣны вышелъ... Онъ идетъ, идетъ,
Идетъ торжественно, великолѣпно!
Тамъ первый геній въ радужной одеждѣ
Предводитъ сонмъ начальниковъ искуства!
Смотрите, тамъ одинъ великій жрецъ
У ночи тѣнь похитилъ, а другой

У солнца свѣтъ. Раздайтесь, звуки рая,
О, заиграйте пѣсню торжества!

(Сорвавъ со стѣны портретъ Форнарины, цѣлуетъ его, пляшетъ и поетъ:)

Форнарина Рафаэля! (2)
Форнарина Рафаэля!
Лейтесь, лейтесь поцѣлуи
Въ это чудо, въ это диво;
Расплетайся умъ широкій,
И жемчужнымъ ожерельемъ
Обернись вокругъ груди!
Ненавидь ее и милуй,
Выйми музыку изъ глазъ,
И на розовыя губки
Чувства положи печать!
Эту грудь разбей надвое,
И на каждой половинкѣ
Змѣемъ аспидомъ прилягъ,
И потомъ безпечно думай,
Какъ ихъ вновь соединить!

(Поставивъ картину у стѣны, съ важностью продолжаетъ:)

Не смотри на картину искуства,
На картину природы смотри.
Изучай у возлюбленной чувства,
А о чувствахъ съ сестрой говори!
Разсуждать не учись, это скучно.
Живописецъ задумчивый глупъ....
Вотъ — мечта! Съ ней лети неразлучно!
Безъ мечты, человѣкъ — хладный трупъ!

(Снова пляшетъ, говоря протяжно и мѣрно:)

Прилетай, моя мечта,
Ты, игрушка золотая!
Прокатись по небесамъ
Свѣтлымъ шарикомъ надежды,

Закатись въ младую грудь,
И зажги въ ней наслажденье,
Что̀ зоветъ людская чернь
Самороднымъ вдохновеньемъ!
Цаца, не пиши перомъ!
Ляля, не играй смычкомъ! (³)
Это мелко, и не трудно.
Нѣтъ, на бѣломъ полотнѣ
Цѣлый міръ представь въ огнѣ!
Да̀! въ огнѣ, но не въ пожарѣ:
Смерти страшной не люблю;
Но въ огнѣ прекрасной страсти,
Въ королевскомъ торжествѣ...

(Опустивъ голову и руки остается неподвиженъ у треножниковъ.)

ВЕРРИНО (*слегка тронувъ по плечу Мости.*)
Пріятель, вотъ кто истинно доволенъ
И будетъ онъ доволенъ до могилы!

МОСТИ (*съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.*)
Ребенокъ, сынъ безумья, нищеты,
Несвязнымъ жаромъ облитъ вдохновенья,
Безумнаго восторга кончилъ рѣчь,
А вы его искуству приписали...

ЗАМПІЕРИ (*въ это время внимательно разсматривавшій работу Мости.*)
Прекрасно, незнакомецъ! Только, право,
Ошибки есть въ устахъ и между глазъ..

МОСТИ (*сурово.*)
Дитя! я знаю самъ мои ошибки,
Я самъ уже учу, а не учусь.

(Отходя впередъ, тихо.)

И вотъ вѣнецъ моихъ мечтаній сладкихъ,
Награда всѣхъ трудовъ моихъ мозольныхъ:
Въ трудахъ моихъ *дитя* ошибки видитъ!

ЗАМПІЕРИ (*Верино.*)
Онъ боленъ, что ли?

ВЕРРИНО. Нѣтъ.

ЗАМПІЕРИ. Кто онъ?

ВЕРРИНО. Не знаю.
Скажи мнѣ лучше, милый, кто ты самъ?

ЗАМПІЕРИ. Кто я? Джованни Доменикъ Зампіери.

ВЕРРИНО. Сынъ живописца?

ЗАМПІЕРИ. Нѣтъ, отецъ башмачникъ?
А я учусь, хочу быть живописцемъ.

ВЕРРИНО. А у кого въ наукѣ?

ЗАМПІЕРИ. У Кальварта.
Но мнѣ его ученье не по нраву:
Скажу вамъ на ухо, — я не люблю
Учителя.

ВЕРРИНО. За что?

ЗАМПІЕРИ. И самъ не знаю.
Но только онъ не учитъ, а терзаетъ
Несносными уроками своими.
Есть, говорятъ, въ Болоніи учитель
Чудесный, но отецъ мой очень бѣденъ.

ВЕРРИНО. А какъ зовутъ чудеснаго?

ЗАМПІЕРИ. Караччи
Но, ради Бога, не проговоритесь!
Меня убьетъ ужасный Кальвартъ; строго
Онъ запретилъ намъ заходить къ Караччи,
Смотрѣть на ихъ произведенья... Поздно.
Ужъ потемнѣло... Надо мнѣ домой,
Мать будетъ безпокоиться... Простите!

—

ВЕРРИНО и **МОСТИ** (напереди сцены въ глубокомъ размышленіи.)

ВЕРРИНО. Почтенный незнакомецъ, вы печальны!

МОСТИ. Напротивъ, очень веселъ...

ВЕРРИНО. (*сомнительно*.)

Въ самомъ дѣлѣ?

Въ личинѣ гибкаго притворства
Не ходитъ истинный поэтъ!
Въ порывахъ злобнаго упорства
Поэзіи ни капли нѣтъ.
Художникъ смотритъ откровенно,
И откровенно говоритъ.
Онъ дышитъ рѣчью вдохновенной,
Когда языкъ его молчитъ.

(Отходитъ въ другую сторону галлереи.)

—

МАРКИЗЪ, РОБЕРТО и **ГОНТИ**, изъ лѣваго крыла; **МОСТИ**, и въ глубинѣ **ВЕРРИНО**.

МАРКИЗЪ. Роберто, много ли гостей?

РОБЕРТО. Не знаю;
Я вижу двухъ: одинъ художникъ Римскій,
Другой... Маркизъ, да это вашъ племянникъ!

МАРКИЗЪ. А, Данте мой, живая книга, здравствуй!
Ужъ больше года я тебя не видѣлъ.
Гдѣ пропадалъ?

ВЕРРИНО. Въ Неаполѣ я прожилъ
Весь этотъ годъ.

МАРКИЗЪ. Въ Неаполѣ? Ну, что,
Тамъ есть картины?

ВЕРРИНО. Очень мало.

МАРКИЗЪ (*съ самодовольствіемъ*) Мало!
Ну, а у насъ?

ВЕРРИНО. Маркизъ, я удивился,
Такъ пополнѣла ваша галлерея.

МАРКИЗЪ. Пожалуйста, побольше удивляйся,
Да только вслухъ. Ты умный человѣкъ,
Слова твои имѣютъ вѣсъ, — безъ лести
Я говорю. Жена мнѣ объяснила,
Что ты съ талантами. Я очень радъ,
Что ты прiѣхалъ. Это кто?

РОБЕРТО. Художникъ.

МАРКИЗЪ. Художникъ?

ВЕРРИНО. Да; изъ Рима.

МАРКИЗЪ. А! изъ Рима.
(*къ Роберто*) Просить его обѣдать завтра. — Гонти,
Прiѣхалъ къ намъ художникъ Римскiй; вотъ онъ!
Вы объяснитесь съ нимъ, и предложите
Остаться у меня при галлереѣ.

(**Отходя съ Веррино въ глубину.**)

Мнѣ хочется со всѣхъ моихъ картинъ
Одной рукой снять копiи; составить
Другую галлерею; помѣстить
Ее внизу; пусть эта для дворянства,
А та, внизу, для прочаго народа. —
Досадно видѣть, если поселянинъ
Мѣщанскимъ взоромъ мѣритъ Рафаэля,
И наравнѣ съ почтеннымъ дворяниномъ...

(**Дальнѣйшихъ разсужденiй Маркиза за отдаленностью не слышно**).

РОБЕРТО. Маркизъ васъ проситъ завтра кушать.

МОСТИ (*кланяясь*). Буду.

(**Роберто отходитъ къ маркизу**).

ГОНТИ (*подходя и разсматривая копiю*).
Прекрасная работа! Что за живость!

Какая кисть! Позвольте мнѣ узнать,
Какой вы школы?..

мости. Римской.

гонти. Безподобно.
А у кого изволили учиться?
У Караваджи или у Барокьо [4]).

мости. Нѣтъ,
Учился я у матери природы.

гонти. (Пустой хвастунъ). Надежнѣйшій учитель!
Природа — зеркало для живописца.
(Принять его! Онъ будетъ мнѣ полѣзенъ.)
Вы долго здѣсь намѣрены пробыть?

мости. Не знаю; какъ случится...

гонти. Если-бъ мѣсто
Въ Болоніи вамъ предложили съ платой,
Могли бы вы остаться?

мости. Неизвѣстно.

гонти. Какъ неизвѣстно? Это въ вашей волѣ...

мости. И воли-то продать я не хочу.

гонти. Но, напримѣръ, при этой галлереѣ?.

—

ТѢ-ЖЕ и МАРКИЗА, СПАРЦА, ВАЛЬДОНИ, изъ лѣваго крыла.

мости (*увидѣвъ маркизу*).
При этой галлереѣ?.. Я согласенъ...

гонти. (Что это значитъ? Странная поспѣшность!)

спарца. (*маркизѣ*).
Вы любите...

маркиза. Картины...

спарца. Да, картины...

маркиза (*поблѣднѣвъ*). Творецъ!

ВАЛЬДОНИ. Что съ вами?

МАРКИЗА. Жарко.

ВАЛЬДОНИ. Здѣсь прохладно!

МАРКИЗА (*съ усиліемъ оправляясь*).
Нѣтъ ничего, прошло! (Я испугалась.
Не призракъ ли? Мнѣ страшно оглянутся!).

ГОНТИ. Ого! Замысловатый quiproquo;
Но изъ всего ловить умѣйте пользу...

МАРКИЗЪ (*возвращаясь*).
Маркиза, нашъ Веррино возвратился!

МАРКИЗА. Я очень рада. Какъ здоровье ваше?
Вамъ помогла дорога; пополнѣли,
Поправились.

ВЕРРИНО. Да; нѣсколько. Однако-жъ
Я слабъ еще...

МАРКИЗЪ. Ну, что, каковъ художникъ?

ГОНТИ. Отличный живописецъ! Поздравляю.
Онъ согласился.

МАРКИЗЪ. Очень благодаренъ.
Маркиза, нравится тебѣ художникъ?

МАРКИЗА. Не видѣла...

МАРКИЗЪ. А, посмотри! Нашъ Гонти
Отлично отзывается. Веррино,
Мы подойдемъ къ нему и потолкуемъ.

МАРК: Пойдемъ смотрѣть, что пишетъ славный Гонти.

(Уходитъ въ правое крыло; Спарца и Вальдони за ней.)

МАРКИЗЪ (*къ Мости*).
Вы заняты портретомъ? (*къ Гонти*) Чей портретъ?

ГОНТИ (Торквата Тасса...)

МАРКИЗЪ. Да! Торквата Тасса.
Онъ стихотворецъ, кажется, — не помню, —

Но только онъ великій человѣкъ...
Великій, точно! За одинъ портретъ
Я заплатилъ четыреста цекиновъ
Венеціанскихъ!.. Точно стихотворецъ!
Ахъ, Господи! пятнадцать лѣтъ тому,
Его вѣнчали (*тихо Роберто*) Такъ-ли?

РОБЕРТО (*тихо*). Точно такъ!

ВЕРРИНО. Художникъ другъ ему; изъ разговора
Замѣтилъ я...

МАРКИЗЪ. Вы другъ Торквата Тасса?
О, вы мой гость! Вы можете остаться
Хоть на всю жизнь въ моемъ дворцѣ.
(*тихо Роберто*) Роберто!
Узнай, какого званія художникъ,
И отведи покои, по значенью. (*Громко*)
А сами вы — художникъ, стихотворецъ?

МОСТИ. (И вотъ поэзіи пустая слава:
Моихъ поэмъ не знаютъ Итальянцы!..)

МАРК: Что-жъ онъ молчитъ?.. Художникъ, ваше имя?

МОСТИ. Я? — Мости.

МАРКИЗЪ. Не слыхалъ.

МОСТИ. Я двѣ поэмы
Ужъ издалъ въ свѣтъ...

МАРКИЗЪ. А! помню, очень помню.
(*тихо*) О чемъ поэмы?

РОБЕРТО. (Я совсѣмъ не знаю!)

МАРКИЗЪ. Прекрасныя поэмы! Очень мило,
Съ большимъ искусствомъ вы ихъ сочинили;
Прекрасно изданы. Въ библіотекѣ
Я ихъ храню. (Роберто, отыщи,
Прочти и разскажи мнѣ содержанье.)
А повѣсти вы пишете?

МОСТИ. Пишу.

МАРКИЗЪ. Прекрасный родъ! Не правда ли, пріятно
Вечернимъ сномъ забыться послѣ чтенья?
Отъ повѣстей родятся сновидѣнья;
По вечерамъ, въ кругу семьи, друзей,
Отъ скуки повѣсть прочитать не дурно.
Вы намъ доставите пріятность эту?
Не отвѣчайте, я отвѣтъ предвижу,
Но скромность не у мѣста. До свиданья!

(отходя съ Роберто, тихо.)

Роберто, какъ ты думаешь, не много-ль
Я говорилъ съ художникомъ?

РОБЕРТО. Не много.

МАРКИЗЪ. Ну, слава Богу! Длиннымъ разговоромъ
Дарить не должно незнакомца.

РОБЕРТО. Точно.

МАРКИЗЪ. Онъ можетъ возмечтать, а наши ласки
Должны быть дороги...

РОБЕРТО. О, безъ сомнѣнья!

МАРКИЗЪ (*оборотясь*).
Веррино, ты со мной пойдешь; разскажешь,
Какъ тамъ въ Неаполѣ живутъ?

ВЕРРИНО. Извольте!

—

МОСТИ, ГОНТИ у вазы, **МАРКИЗА, СПАРЦА** и **ВАЛЬДОНИ** возвращаются.

МАРКИЗА. (Не ловко. Надо что-нибудь сказать.)

ГОНТИ. (О, если-бъ мы могли глазами слушать!..
А подойду, могу испортить дѣло.)

МАРК: Вамъ нравится портретъ Торквата Тасса?

МОСТИ (*въ смущеніи*).
Теперь я позабылъ о немъ, маркиза...

марк: Неблагодарность! Должно вѣчно помнить
Святую дружбу...

мости. И любовь, маркиза!

марк: Любовь — мечта. Вы помните, вашъ другъ
Бѣжалъ любви...

вальдони. И былъ всегда несчастливъ!

марк: Нѣтъ, никогда! Съ любовью былъ несчастливъ,
А безъ любви, свободенъ и спокоенъ.

вальдони. Не всѣ же Тассы...

мости. (Горькая насмѣшка!)

маркиза. Къ чему печаль, художникъ! Вы любили,
Любили Тасса, — больше никого!
Не удивительно, что ваше сердце
Сжимается при имени Торквата.
Онъ отнялъ васъ отъ міра и страстей,
И міръ и страсти вамъ теперь противны.
Я понимаю ваше положенье.
Разсѣйте грусть, чела храните свѣжесть;
Не то — васъ слава встрѣтитъ въ разслабленьи,
И съ горькими насмѣшками положитъ
На мертвеца вѣнецъ Капитолійскій...
Такой тріумфъ — печальная картина...
Насъ ждутъ, пойдемте, господа!..

мости. (*всплеснувъ руками*). Розина!..

—

МОСТИ и ГОНТИ.

гонти (*подошедъ съ послѣднимъ словомъ*).
Она знакома вамъ, художникъ Мости?...

мости. Къ чему вамъ знать? Она мнѣ незнакома.
Когда-то видѣлъ я ее; не помню....
Она была прекраснѣе, добрѣе;
Теперь не то....

гонти *(про себя).*
И онъ не зналъ ее!
Тутъ тайна есть! *(гром.)* Художникъ, съ сожалѣньемъ
На васъ смотрѣлъ я издали; я видѣлъ,
Какъ вы боролись съ памятью упорной;
Но памяти ничто не заглушитъ.

мости. Скажите мнѣ, художникъ ваше имя?

гонти. Астольфо Гонти.

мости. Ахъ, синьоръ Астольфо,
Вы смотрите во внутренность людей
И принуждаете остерегаться!

гонти. Къ чему? Вы ошибаетесь! Астольфо
Васъ понялъ, оцѣнилъ и сталъ вамъ другомъ.
Участіе во мнѣ заговорило.
Остерегаться не зачѣмъ того,
Кто объявляетъ самъ свои сомнѣнья.

мости. Но я не заслужилъ....

гонти. Къ чему смиренье?
Вамъ жребій назначаетъ роль, — играйте!
Откажетесь, — другой разъ не назначитъ.

мости. Не понимаю.

гонти. Если вамъ угодно
Зайти ко мнѣ, я объясню все дѣло.

мос: О! съ удовольствіемъ...(Вотъ странный вечеръ)!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Галлерея Антиковъ.

ДОМЕНИКИНЪ и его **СОНЪ**.

сонъ. Засни, дитя!

ЗАМПЕРИ. Отстань! Кто въ храмѣ спитъ?
Кто служитъ Божеству, тотъ сна не знаетъ.
Жить жертвами, чистѣйшимъ ѳиміамомъ,
Итти по міру, подъ крестомъ съ крестомъ,
И быть благовѣстителемъ блаженства;
Стать между небомъ и землей; въ восторгѣ
Забыть себя, свой жертвенникъ забыть;
Безъ страха, но почтительной рукою,
Поднять покровъ съ таинственной Изиды,
Но наготой не оскорбить приличій...
Сонъ, дай одно такое сновидѣнье,
И я — твой рабъ, пока возможно рабство.

СОНЪ. Засни, дитя!

ЗАМПЕРИ. А дашь ли сновидѣнье?

СОНЪ. Я не могу понять твоихъ желаній.

ЗАМПЕРИ (*быстро*).
Постой, я объясню....
О сонъ коварный!
Ты внутрь меня смотрѣлъ; ты ясно видѣлъ,
Что я и самъ себя не понимаю....
Вотъ что: представь мнѣ счастье безъ конца
И безъ начала; дѣву молодую,
Облитую кипящимъ наслажденьемъ,
Въ благоуханномъ воздухѣ, въ восторгѣ;
Представь мнѣ мужа, съ твердою душой, —
Въ рукахъ его разломанное солнце,
Въ устахъ язвительную жизни мудрость,
А въ сердцѣ чистое къ добру стремленье;
Представь мнѣ міръ съ разбитыми богами,
И посрединѣ чистую Діану,
Высокую, роскошную Гречанку,
Живой символъ античной чистоты;
Представь мнѣ міръ, любовью обновленный,

Любовью слитый въ цѣльную громаду;
Природу мнѣ, представь ты мнѣ природу,
Всю на одной картинѣ....

сонъ. Не могу.

зам: Не можешь?... Сонъ, ты больше мнѣ не нуженъ!..
Молитва будетъ сномъ моимъ ночнымъ,
А сномъ дневнымъ тяжелая работа...

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Pierios differ cantusque chorosque sororum:
Aes dabit ex istis nulla puella tibi.

Марціалъ.

(Небольшая комната, убранная съ возможною чистотою и опрятностью, но безъ особеннаго вкуса; треножники съ подмалевками и эскизами симметрически разставлены въ комнатѣ; эстампы и рисунки кучами, но въ отличномъ порядкѣ, въ красивыхъ портфеляхъ, лежатъ на видныхъ мѣстахъ; въ шкафу безъ стеколъ, съ множествомъ закладокъ, стоятъ красиво въ бѣлую кожу оправленныя книги и рукописи; около оконъ парусинныя ставни разной величины, цвѣта и прозрачности).

—

д. мости и гонти.

гонти. Вотъ уголокъ мой!

мости. Уголокъ прекрасный.
Довольство и удобство! Тишина!
Вамъ жизнь мила, я думаю....?

гонти. Не очень.

мости. Чего же вамъ недостаетъ, художникъ?

гонти. О, мало ли чего! Вѣдь жизнь обширна:
Какъ много въ ней божественныхъ даровъ,
А я ни одного изъ нихъ не принялъ

Въ наслѣдство человѣка къ человѣку....
Васъ рѣчь моя пугаетъ? Успокойтесь!
Живите сами долѣе, узнайте
Людей короче; можетъ-быть, и вы
Моимъ путемъ придете къ той же цѣли.
Присядемъ....

(Садятся; Гонти звонитъ).

—

ТѢ-ЖЕ и ФРАНЧЕСКО.

ГОНТИ. Принеси вина, Франческо!

—

Д. МОСТИ и ГОНТИ.

МОСТИ. Я никогда не пью...

ГОНТИ. Одинъ бокалъ
Не завредитъ. Вино, въ безцвѣтной жизни,
Что дорогая краска; отъ вина
Предметы ярче, чище становятся;
Оно умомъ, какъ кистью Рафаэля,
Другую жизнь на старой жизни пишетъ.
Вино есть свѣтлый умъ уединенья,
Вино есть другъ временъ давнопрошедшихъ.

—

ТѢ-ЖЕ и ФРАНЧЕСКО, поставивъ вино, уходитъ.

ГОНТИ. *(наливая)*.
Одинъ бокалъ... здоровіе маркизы!
Нельзя не пить... не правда ли?

МОСТИ. Да! правда.

ГОНТИ. А хороша прелестная маркиза!
Какъ жизнь щедра для свѣжей молодежи!
Имъ женщина, имъ каждая дѣвица —
Роскошная и новая надежда.
Блеснетъ ли взоръ кокетки черноокой,
Улыбка-ль на устахъ невинной дѣвы,

Минутной тѣнью пробѣжитъ... Счастливцы!
Они умно толкуютъ взоръ, улыбку,
И счастливы пока. И вы, художникъ,
Принадлежите къ этому числу...
Не такъ ли?..

мости. Нѣтъ. Я жизнь мою провелъ
Надъ гробомъ Тассо...

гонти. Да, надъ гробомъ Тассо.
Я позабылъ, что вы не такъ, какъ мы,
Жизнь провели въ усиліяхъ напрасныхъ.
Васъ наставлялъ во всемъ Торквато Тассо.
Такъ Аріостъ былъ другомъ Рафаэлю...
А я... Еще одинъ бокалъ художникъ!

мости. Я не могу.

гонти. Здоровіе маркиза
Необходимо выпить....

мости. Я согласенъ,
Но болѣе меня не принуждайте.

гонти. А я, вамъ говорю, въ прекрасной жизни
Не испыталъ, не видѣлъ наслажденій....
Я во Флоренціи учился: долго
Меня бранилъ учитель; наконецъ
Мнѣ Богъ помогъ задачу написать
Удачно. Я Флоренцію оставилъ,
Отправился въ Болонію, и здѣсь
Я предался искуству безусловно.
Отецъ мой былъ не бѣденъ: я хотѣлъ
Умѣренной довольствоваться платой;
Картины покупали, это правда,
Но дешевизна была ихъ оцѣнкой.
Всѣ говорили: недурной художникъ,
Талантъ посредственный... Увы, искуство
Съ тѣхъ поръ мнѣ становилось въ тягость, въ муку!

Я славы требовалъ, а люди гордо
Посредственностію меня корили.
Но та весна, когда душа пылаетъ
Славолюбивыми мечтами, быстро
Звѣздой падучей пронеслась, и опытъ
Мечтателю открылъ, что въ этомъ свѣтѣ,
Не все то, къ сожалѣнью, хорошо
Что мы хорошимъ называть привыкли.
Какъ осмотрѣлся, я перепугался
Прошедшей жизни. Вамъ легко понять,
Съ какимъ досаднымъ, горькимъ сожалѣньемъ
Я оглянулся на мои труды.
Что-жъ?— Я обратный путь направилъ: поздно!
Никто уже достоинствамъ моимъ
И дорогимъ не вѣрилъ; только Чинто
Еще въ моихъ картинахъ находилъ
Хорошія черты, и то затѣмъ,
Что я подъ вкусъ поддѣлывался Чинто,

мости. Неужели такія средства?..

гонти. Да!
Сначала я и самъ краснѣлъ: но что же?
Однажды я читать Вазари началъ, —
И что-жъ нашелъ?— Что Рафаэль Урбинскій
Подъ папскій вкусъ поддѣлывался также;
Что геній можетъ быть льстецомъ хорошимъ,
Не оскорбивъ величья своего.
Да и въ другихъ искуствахъ я нашелъ
Еще важнѣйшіе примѣры: Тассо,
Бокаччіо и Аріосто пѣли
Подъ ладъ своихъ высокихъ меценатовъ...
Повѣрите-ль, я съ горя захворалъ,
Что такъ безумно дѣтскимъ заблужденьямъ
Ребяческой душей повиновался!
И что-жъ? Теперь я нѣсколько поправилъ

И свой талантъ и состоянье. Чѣмъ?
Тѣмъ, что возвысилъ цѣну на картины
И вкусъ людей опредѣлилъ точнѣе.

мости. (Раздуміе беретъ, не это-лѝ путь
Широкій путь и къ славѣ и къ богатству?)

гонти. Въ искуствахъ многое еще зависитъ
Отъ зависти другихъ. Ну, будьте робки,
Не объявляйте мнѣнья своего,
И всѣ почтутъ васъ безталантнымъ, глупымъ.
Весь умъ въ словахъ; въ молчаніи вся глупость.
Отъ робости я пострадалъ довольно;
Завистники, мою примѣтивъ слабость,
Усиливали дерзость нападеній,
А я не смѣлъ, боялся защищаться...

мости (*съ живостью*).
Такъ и со мной! Я сочинилъ недавно
«Авреліо,» поэму, и другую
Изъ Крестовыхъ Походовъ. Первый опытъ
Былъ принятъ общимъ хохотомъ ученыхъ.
Я, признаюсь вамъ, оробѣлъ; а люди
Еще сильнѣй напали на поэмы.

гонти. Я не читалъ! Я вообще давно
Оставилъ книги; если другъ, художникъ...

мости. Я вамъ пришлю сегодня же поэмы...

—

ТѢ-ЖЕ и ФРАНЧЕСКО.

франческо (*къ Мости*).
Пришелъ Роберто, спрашиваетъ васъ.

мости. Кого? меня?

гонти. Да! Здѣшній управитель.
Проси!

—

ТѢ-ЖЕ и РОБЕРТО.

РОБЕРТО. По приказанію маркиза
Я вамъ отвелъ приличные покои.
Угодно ли пожаловать самимъ
Распорядиться?

МОСТИ. Да, мой другъ, Роберто,
Иду съ тобой!.. Художникъ, доброй ночи!

ГОНТИ. Мой другъ, поэтъ-художникъ, вашъ слуга!

МОСТИ. Надѣюсь, мы друзьями разстаемся...

ГОНТИ (*провожая Мости*).
Мой другъ, я вашъ покорнѣйшій слуга.

ГОНТИ одинъ.

Я угадалъ! Онъ именно таковъ,
Какимъ его желалъ я видѣть. Браво!
Народъ кричитъ, что Гонти шарлатанъ,
Что Гонти плутъ, пустой хвастунъ, невѣжа;
Источники богатства изсякаютъ;
Найдутся люди, убѣдятъ маркиза,
Мнѣ отказать отъ мѣста иль назначить
Другаго, старшаго. Нѣтъ, это дурно!
Пусть этимъ старшимъ будетъ славный Мости,
А въ славные произвести не трудно.
Исчезнетъ Гонти отъ людскаго взора.
Его закроетъ Мости отъ вниманья,
И сдѣлается самъ вниманья жертвой...
Въ моихъ рукахъ есть *тайна*... Этотъ геній
Во мнѣ нуждаться будетъ; прибыль таже,
За то отвѣтственности нѣтъ. О случай!
Въ одну бесѣду я достигъ желанья!
Онъ выслушалъ событій ложныхъ повѣсть;
Повѣрилъ мнѣ; непостоянный умъ

Смутился предъ картиной нищеты,
И устремился по моей дорогѣ.

—

И, можетъ-быть, вдвоемъ, гораздо больше
Найдемъ источниковъ богатства. Люди,
Вамъ все равно! Талантъ ли, не талантъ;
Вы ищете въ искуствахъ развлеченья,
Забавы суетной, мiрской потѣхи...
Мы вамъ доставимъ много развлеченья!
Посредственность, ты—золотое свойство!
Въ пространномъ смыслѣ — *золотое* свойство!..

—

ГОНТИ и ФРАНЧЕСКО.

ФРАНЧЕСКО. Отъ Мости книги...

ГОНТИ. А, подай! Что, если
Я не ошибся и по этой части? (*садясь къ столу*)
«Аврелio.» Прочтемъ! Иди, Франческо!

—

ЯВЛЕНIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Scendi propizia
Col tuo splendore,
O bella Venere,
Madre d'Amore!
Метастазio.

(Спальная комната, украшенная со всею роскошью XVI вѣка).

—

МАРКИЗА, стоитъ посреди комнаты въ глубокой задумчивости, держа въ рукахъ книгу. **ЛАУРЕТТА** входитъ.

ЛАУРЕТТА. Маркиза, вы читаете молитвы?

МАРКИЗА. Да!.. Нѣтъ... А что, маркизъ?..

ЛАУРЕТТА. Онъ въ кабинетѣ

Давно заснулъ. Роберто у него
Остался, и читаетъ что-то тихо
Самъ про себя. Я заглянула въ дверь...
Прикажете раздѣть васъ?..

МАРКИЗА. Нѣтъ, Лауретта...
Я, милая, сама раздѣнусь... Поздно?..

ЛАУРЕТТА. Не такъ еще. А знаете, маркиза,
У насъ есть гость... Хорошъ собой и скроменъ,
Какъ дѣвушка...

МАРКИЗА. Оставь меня, Лауретта!..
Уже пора молиться...

ЛАУРЕТТА. Доброй ночи!
Свѣтильникъ взять?...

МАРКИЗА. Оставь, я потушу.

—

МАРКИЗА *(одна.)*
Хорошъ собой, хорошъ! Не для меня!..
Прошедшее! О дѣтства райскій сонъ,
Пора любви и сладкихъ ожиданій,
Гдѣ ты, гдѣ ты?.. Уснуло-ль это сердце,
Иль умерло и схоронилось въ персяхъ,
И только возстаетъ могильной тѣнью
Пугать, тревожить пламенную душу?...
Какъ жарко здѣсь... (*отворяетъ окно*)
Плыветъ двурогій мѣсяцъ:
Онъ гонится за облакомъ летучимъ,
Но не догонитъ... А блестящъ, красивъ!
А облако? Дымъ вѣтренный, холодный,
Пустая тѣнь, нечистый паръ земли,
Ты презираешь чистую Діану,
И къ солнцу яркому плывешь. Напрасно!
Оно сожжетъ тебя лицемъ горящимъ,
Разрушитъ, уничтожитъ, и велитъ

Развѣять прахъ твой сѣверному вѣтру...
Такъ *онъ* бѣжалъ! За чѣмъ же возвратился?

—

О Господи, дай силу мнѣ молиться!
Дай, Господи, мнѣ крѣпости душевной,
Дай святости, познанія добра,
Всего, что составляетъ нашу твердость!

—

Какъ душно! Боже, свѣтъ Твой слишкомъ тѣсенъ,
Чтобъ сердце полное святаго чувства
Могло дышать свободно!.. Этотъ воздухъ
Неизмѣримъ!.. Спаси меня, Творецъ,
Отъ тяжкой муки моего томленья!
О, если-бъ можно все забыть, что было,
И въ будущность не вѣрить...
(послѣ краткаго молчанія, бросаясь на постель.)
Невозможно!
Мнѣ стыдно... Плачу... Отчего?.. Богъ знаетъ!..
Есть что-то, но для бѣднаго ума
Неизъяснима эта тайна... Тассо!..
(вскочивъ съ живостію.)
Пойдемъ, уйдемъ на чистый свѣжій воздухъ!
Здѣсь какъ-то связана душа и тѣло
Предметами работы человѣка.
А человѣкъ?.. Прости ему, Всевышній,
Какъ я ему давно уже простила!
(съ книжкой уходитъ въ садъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Gloria, che sei mai tu? Sei dolce frode,
Figlio di lungo affanno, un'aura vana,
Che fra i sudor si cerca, e non si gode...
Gloria flagel della superbia umana!

Джуліо Бусси.

(**Комната во дворцѣ маркиза Чинто; сквозь занавѣсы оконъ пробивается свѣтъ зари; на столѣ еще горитъ свѣтильникъ.**)

—

д. мости (*одинъ у стола, дописываетъ повѣсть.*)
Я самъ дивлюсь обилью чувствъ и мыслей!
Я самъ люблю мгновенное созданье
Моей мечты! Не даромъ я пылалъ
Къ прекраснымъ Музамъ дѣтскою любовью.
Пришла пора, — перо мое крылато,
Безъ робости слова и мысль дружатся,
Вѣрнѣе кисть на трудномъ полотнѣ,
Персты согласнѣе на клависинѣ...
О торжество! Приблизится то время,
Когда довольство нищету изгонитъ,
И славой озаритъ мой тихій вечеръ.

—

Теперь мой путь ровнѣй; мнѣ легче будетъ
Поддерживать общественное мнѣнье,
Трудиться и пріобрѣтать. Вотъ повѣсть
Окончена, и вѣрно новый случай
Представится прочесть ее маркизу...

—

д. мости и гонти.

гонти. Не спите вы?..
мости. Я мучился восторгомъ,
Ночь цѣлую въ безсонницѣ трудился...
гонти. Завидный жребій, истинно завидный!
Вамъ слава гонитъ сонъ.
мости. Почтенный Гонти,
Вы льстите мнѣ...
гонти. О, вамъ не нужна лесть!
Я не изъ тѣхъ, кому хвалить досужно.

Невольно я открылъ вамъ мысли. Правда,
Вамъ страненъ голосъ искреннихъ похвалъ;
За вами вслѣдъ, какъ тѣнь, стремится зависть,—
И впали вы въ опасное сомнѣнье...

мости. Кто вамъ сказалъ?

гонти. Двѣ небольшія книжки.
«Авреліо» и «Князь Антіохійскій...»

мости. Мои поэмы?

гонти. Да! Я понялъ ихъ.
Я въ нихъ нашелъ всѣ признаки поэта, —
Самоувѣренности не нашелъ.
Но, кажется, и скромность виновата,
Что приняли такія сочиненья
Съ насмѣшкой горькой. Нѣтъ ни предисловій,
Ни дерзкихъ примѣчаній; въ наше время
И самому себя хвалить не дурно.

мости. Какъ! самому себя хвалить?

гонти. Не дурно,
Мнѣ кажется; а впрочемъ это мнѣнье
Изъ собственнаго опыта возникло.
Вы поступайте какъ угодно; я
Сказалъ вамъ то, что думалъ. Извините!..

Прекрасные вамъ отвели покои!
Маркизъ нашъ — добрый, умный человѣкъ,
Тогда, когда онъ, собственнымъ умомъ,
Идетъ впередъ, не слушая людей,
Коварныхъ судій жизни и искуства...

мости. Присядемъ (*садятся.*)

гонти (*продолжая.*)
Онъ желаетъ просвѣщенья,
Онъ хочетъ быть Болонскимъ Медичи,

Хотя онъ просто частный человѣкъ,
Но знатенъ и богатъ... Что до маркизы...
Жаль, что она изъ низкаго семейства!..
Но это тайна, — вамъ по дружбѣ только...

мости. И полно, Гонти! Я маркизу знаю.
Розина первая моя любовь.

гонти (*съ притворнымъ удивленьемъ.*)
Не можетъ быть!...

мости. Ахъ, Гонти, сколько стóитъ
Преодолѣть воспоминанье счастья!
Но я хочу преодолѣть его,
И только быть любовникомъ искуства.

гонти. Напрасно.

мости. Какъ, напрасно?

гонти. Это чувство
Искуству не мѣшаетъ. И напротивъ,
Вамъ слѣдуетъ искать любви уснувшей.
Чѣмъ болѣе вамъ сладокъ будетъ міръ,
Тѣмъ болѣе возвысится искуство.

мости. Не понимаю.

гонти. Рафаэль Урбинскій
Былъ первымъ живописцемъ всѣхъ вѣковъ;
А гдѣ жъ онъ черпалъ лучшіе восторги?
Въ бесѣдахъ съ несравненной Форнариной.

мости. Она была свободна... но Розина...
И благодарность?

гонти. Кто же вамъ мѣшаетъ
Былъ благодарнымъ?.. Сотнею картинъ,
Безсмертныхъ вдохновеній живописца,
Украсьте галлерею; напишите
Огромную поэму въ честь маркиза;
Прославьте въ ней его величье, мудрость,

Богатство, щедрость; посвятите Чинто...
И может ли быть лучше благодарность?
Повѣрьте, онъ забудетъ о женѣ,
А будетъ помнить о великомъ Мости,
Который предаетъ его безсмертью...
И другъ вашъ, Тассъ, обязанъ былъ Альфонсу,
Но полюбить сестеръ не побоялся.
Кто назоветъ его неблагбродныкъ?
«Ерусалимъ» эгидой былъ для Тасса,
И может ли быть лучше благодарность?

мости (*вставъ.*)
Такъ много лѣтъ уже прошло...

гонти. Ну, вотъ
Опять нѣтъ твердости душевной! Полно
Въ великихъ силахъ сомнѣваться. Смѣло
Впередъ, впередъ! Твои и миртъ и лавръ!..

мости. Вѣнецъ... Розина на пути... Не вѣрю!
И кто поручится, что столько лѣтъ
Ея души не измѣнили?

гонти. Я!

мости. Но какъ ты знаешь?

гонти. Сердце мнѣ сказало,
Когда тебя нашли мы въ галлереѣ.
Еще вчера я говорилъ тебѣ,
Что вы давно между собой знакомы.
Измѣнчивость лица, груди волненье,
Огонь ланитъ и робость словъ... довольно,
Чтобъ догадаться о знакомствѣ вашемъ.
Она еще къ тебѣ не охладѣла.

мости. Но Чинто...

гонти. Угождай его желаньямъ.
Какъ Меценатъ, онъ проведетъ тебя

Въ храмъ славы и богатства, а Розина
Поддержитъ на пути слѣпаго мужа.
Но изучить его характеръ надо,
И не всегда быть откровеннымъ; часто
Онъ говоритъ отъ доброты сердечной...
Тогда ему нельзя противорѣчить...

мости. Какъ! Потакать?..

гонти. Не потакать, а скромно
Скрывать свое сужденье. Иногда
О славѣ Мецената говорить,
О Медичи, Висконти и подобныхъ,
Не безъ сравненій и съ маркизомъ Чинто.
Душа его равна его желудку:
Онъ приметъ все и все сваритъ.
Но, Мости,
Ты скромности вполнѣ не предавайся!
Когда тебя попросятъ сочинить
Сонетъ на что-нибудь, или новеллу,
На день рожденья пѣсню съ хоромъ, — тотчасъ
Пиши стихи, разучивай музыку,
Играй и пой, и вмѣстѣ торжествуй!

мости. Но честно ли?..

гонти. Таковъ нашъ свѣтъ. Напрасно
Ты думаешь безсмертія достигнуть
Прямымъ путемъ. Взлети орломъ могучимъ,
Возсядь на облака, и гордой лирой
Играй, греми! — Никто и не замѣтитъ
За облакомъ гремящаго пѣвца.
Сойди на землю, улыбнись лакею,
Привѣтствіе богатому съиграй,
Красавицѣ пропой сонетъ любовный,
И ты — предметъ всеобщаго вниманья... —
Ты не смотри съ сомнѣньемъ на меня!

Припомни лучше жизнь Торквата Тасса.
О, сколько гимновъ пѣлъ онъ Леонорѣ,
Лукреціи, другимъ феррарскимъ дамамъ!
Какую лесть онъ разсыпалъ Альфонсу!
А ты его не обвиняешь, такъ ли?

мости. Такъ, но...

гонти. Таковъ нашъ свѣтъ, я говорю.
Вотъ, напримѣръ, вчера маркизъ нашъ добрый
Просилъ тебя о повѣсти. Навѣрно
Ты и не думалъ.

мости. О, напротивъ, Гонти!
Она готова.

гонти. Безподобно! Есть-ли
Въ ней что нибудь про Чинто?

мости. Ничего.

гонти. Вотъ это дурно! Ты прибавь вступленье,
Гдѣ напрямикъ скажи: «Мой меценатъ
«Мнѣ повелѣлъ...»

мости. Какъ повелѣлъ?

гонти. «Представить
«Трудовъ моихъ посильный опытъ...»

мости. Опытъ?

гонти. «Не жду пустыхъ похвалъ, но если повѣсть,
«Которую вамъ нынѣ предлагаю,
«Вниманіемъ высокимъ одобрится, —
«Я награжденъ, и смѣло предаю
«Печати трудъ, столь лестно одобренный.»

мости. О Гонти, ты мнѣ другъ! Я вижу ясно,
Что твой совѣтъ отъ сердца происходитъ.
Прослушай повѣсть!

гонти. Очень радъ. Читай!

—

ТѢ-ЖЕ и МАРКИЗЪ СПАРЦА.

СПАРЦА. Мое почтеніе, художникъ Мости!
А, Гонти, вы ужъ здѣсь?..

ГОНТИ. Пришелъ недавно
Возобновить съ художникомъ знакомство.

СПАРЦА (*къ Мости*).
Мнѣ многіе хвалили васъ; (*Мости кланяется*) сказали,
Что ваша кисть удачно ловитъ сходство,
И я рѣшился обратиться къ вамъ.
Нельзя ли наскоро, въ два, три присѣста,
Списать портретъ мой...

МОСТИ. Въ три присѣста?

ГОНТИ. Можно.
Художникъ Мости очень скоро пишетъ;
Притомъ — поэтъ, умѣетъ пополнять
Фантазіей существенность портрета...

СПАРЦА. Фантазіей? Да, это хорошо!
Вѣдь не всегда мы сходствуемъ съ собою
Отъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ.
Когда-жъ начать намъ можно?..

ГОНТИ (*къ Мости*).
Завтра утромъ
Вы будете свободны, — и начните!

СПАРЦА. А какъ цѣна?

ГОНТИ (*тихо Спарцѣ*).
Маркизъ, вѣдь онъ изъ Рима!
У нихъ нѣтъ цѣнъ, и всякъ даетъ, что можетъ.

СПАРЦА. Благодарю! И такъ, я завтра буду.

Д. МОСТИ и ГОНТИ.

МОС. Какъ! Мнѣ писать портретъ маркиза Спарцы?

Всѣ недостатки этого лица
Изобразить на вѣрномъ полотнѣ?

гонти. И, кто велитъ?... Пиши его красавцемъ;
Пусть будетъ не похожъ, но миловиденъ,
И кисть твою толпа льстецовъ прославитъ.
Толпа людей отдастъ свое богатство,
Чтобъ красоты имъ удѣлилъ художникъ.
А ежели портретъ маркиза Спарцы
Съ оригиналомъ будетъ схожъ, — пропалъ ты!
Толпа тебя оставитъ, какъ безумца.

мости. Ты справедливъ. О, тяжело искуство,
Когда его мы къ жизни примѣняемъ.

гонти. Пора итти. Еще одинъ совѣтъ:
Когда къ тебѣ придетъ бѣднякъ, — спокойно
Работу принимай, но вмѣстѣ съ тѣмъ
Двойную цѣну назначай работѣ;
Но если знатная придетъ особа,
Не назначай цѣны своей работѣ,
И говори, что собственное чувство
Особы той оцѣнитъ трудъ достойно;
Тогда тебѣ платить не будутъ вдвое,
А вчетверо и больше. Ну, прости;
Пора итти...

мости. До скораго свиданья!

—

мости (одинъ).

Какой знатокъ и свѣта и людей!
Невольно соглашается съ нимъ разумъ, —
Такъ ясно все доказываетъ онъ...
Но, Гонти, тяжела твоя наука!

—

Нѣтъ, скученъ свѣтъ съ его холодной славой,

Съ его безнравственной привычкой злата,
Съ его умомъ, разсчетливымъ и жаднымъ!

—

Но что же слава, въ самомъ дѣлѣ? Слава!
(Съ возрастающимъ жаромъ.)
Нѣтъ, слава — сонъ! Я славенъ — и безъ хлѣба!
Рука моя покорствуетъ таланту;
Я погружаюсь въ океанъ познаній;
Какъ водолазъ, ищу на днѣ морскомъ
Чудесъ, сокрытыхъ для людскаго взора;
Нашелъ, и выношу на свѣтъ, полмертвый,
Облитый ужасомъ, изнеможенный...
И что жъ? всѣ эти чудеса не кормятъ;
Ихъ отнимаютъ для потѣхи общей,
А я, я — также бѣденъ, какъ и прежде!
Но подвигъ мой потомкамъ передастся,
Но въ лѣтопись мое положатъ имя,
И скажутъ: «Онъ былъ славенъ!» Вотъ награда!
Но пусть сей гулъ и блескъ безумной славы
Надеждой утѣшаетъ человѣка, —
Чтó жъ, разсмотрите, это существо,
И существа вы въ славѣ не найдете!
Какъ невещественный какой-то воздухъ,
Она манитъ не умъ, а только сердце;
Она влечетъ на дѣйствія сверхъ силъ,
На жертвы свыше состоянья.

—

Слава!
Не явная ль ошибка въ именахъ?
Мнѣ кажется, что слава есть тщеславье,
Горячка чувства, пламенная гордость,
Хвастливый пиръ способностей и воли,
Болѣзненный припадокъ себялюбья...
А истинная слава есть довольство,

Соединеніе удобствъ житейскихъ,
Земное счастье... Истинно, вотъ слава!
Вотъ жизни цѣль! О Гонти, понимаю!
Ты указалъ мнѣ путь. Я повинуюсь!

—

И Тассъ не бѣденъ былъ: какія деньги
Черезъ его переливались руки,
А онъ ихъ пренебрегъ и сталъ несчастливъ!
И Буонаротти былъ богатъ и счастливъ;
Рафаэль Санціо богатъ и счастливъ.

—

И кто не согласится, что богатство
Есть принадлежность настоящей славы
И знаменатель степени таланта?

—

Довольно, Я прозрѣлъ. Пойдемъ за славой!

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Sublatis studiorum pretiis, studia peritura.
Тацитъ.

(Библіотека маркиза Чинто. Въ самомъ строжайшемъ порядкѣ въ шкафахъ расположены книги по предметамъ: надъ шкафами огромными золотыми буквами, на черныхъ доскахъ, надписано: Iurisprudentia, Theologia, Historia sacra et profana, Thesaurum artium Liberalium, и прочая. Нѣсколько глобусовъ въ видѣ шара, груши и элипсоида (⁸), покрытые пылью, стоятъ на окнахъ, статуи Музъ и бюсты философовъ и поэтовъ древнихъ — въ промежуткахъ шкафовъ. Потолокъ расписанъ альфреско; посрединѣ столъ съ множествомъ книгъ, освѣщаемый многосвѣточною высокою свѣтильницею; занавѣски оконъ опущены; у входа, по обѣимъ сторонамъ дверей, низкія софы).

—

МАРКИЗЪ и РОБЕРТО.

МАРКИЗЪ (*на софѣ, просыпаясь*).
Ого, Роберто, браво! До утра
Читаетъ, да читаетъ.

РОБЕРТО (*оставляя книгу, встаетъ*).
По привычкѣ.

МАРКИЗЪ. Не хочешь ли, я сдѣлаю тебя
Библіотекаремъ моимъ? А пропасть
Прекрасныхъ книгъ, огромное хозяйство!
Что жъ ты читалъ?

РОБЕРТО. Теперь читалъ я Тассо.
Богатое, послѣднее изданье...

МАРКИЗЪ. Вотъ этого, что у меня виситъ.

РОБЕРТО. Такъ точно.

МАРКИЗЪ. Ну, читай и разскажи!
Не худо знать и мнѣ объ этомъ Тассѣ.
Ахъ, да! А гость нашъ? Что его поэмы?
Ты ихъ читалъ?

РОБЕРТО. Читалъ, и поздравляю.
Съ рѣшительнымъ талантомъ...

МАРКИЗЪ (*вскочивъ*). Въ самомъ дѣлѣ?
Да это страшно! Съ умными людьми
Молчать нельзя, а трудно говорить.

РОБЕРТО. О, нѣтъ! Изъ двухъ его поэмъ — я вижу
Въ немъ сердце доброе и кроткій нравъ.
И ваше покровительство для Мости
Могло бы всей литературѣ нашей
Значительную пользу оказать.

МАРКИЗЪ. Неужто въ самомъ дѣлѣ? Я готовъ.
Но, видишь, этотъ Мости неизвѣстенъ...

РОБЕРТО. Маркизъ, всѣ были прежде неизвѣстны;
Потомъ прославились...

МАРКИЗЪ. Да! это правда.

РОБЕРТО. Таланты, въ книгахъ я читалъ, родятся,
Какъ рѣдкія растенья странъ далекихъ.
Но какъ растеніе, безъ солнца, чахнетъ, —
Безъ покровительства, талантъ скудѣетъ.
И потому, маркизъ, я опасаюсь
За Мости: прочитавъ его поэмы
Я полюбилъ его, какъ сына. Жалко!
Талантъ рѣшительный, необычайный!
И если вы спасти его хотите,
Возьмитесь быть Болонскимъ Меценатомъ.

МАРКИЗЪ. А кто-же этотъ Меценатъ? (6)

РОБЕРТО. Вельможа
При Августѣ. Виргилій и Горацій,
Всѣ вообще художники, поэты,
И словомъ всѣ науки и искуства,
Въ немъ видѣли опору и защиту.

МАРКИЗЪ. Быть этимъ Меценатомъ я не прочь.
Я самъ люблю стихи, картины, бюсты:
Да какъ быть тѣмъ, что было за сто лѣтъ?

РОБЕРТО. Стараться дать рѣшительнымъ талантамъ,
Какъ Мости, напримѣръ, всѣ средства къ жизни,
Распространять извѣстность ихъ твореній,
Совѣтами ихъ пылкость умѣрять...

МАРКИЗЪ. Пожалуй! Ну, еще что должно дѣлать?

РОБЕРТО. Давать пиры ученому сословью,
Участвовать въ ихъ преньяхъ, разговорахъ,
Съ учеными учтиво обращаться,
А чтобъ умы ихъ содержать въ работѣ,
То задавать имъ трудные вопросы.

МАРКИЗЪ. Пожалуй! Только?

РОБЕРТО. Только.

МАРКИЗЪ. Слава Богу!
Я полагалъ быть этимъ Меценатомъ
Довольно трудно; между-тѣмъ, напротивъ,
Весьма легко. Благодарю, Роберто!
Съ сего же дня я Меценатъ! Ты слышишь!
Сегодня же проси ко мнѣ обѣдать
Всю академію. Ученымъ мужамъ
Представлю я художника-поэта.

—

Ужъ дѣйствовать, такъ дѣйствовать, Роберто,
Рѣшительно. Зови всѣхъ живописцевъ!
Ты можешь прямо, думаю, сказать
Ученымъ: «Меценатъ васъ проситъ кушать!»

РОБ. Домъ Чинто будетъ славенъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Васъ назовутъ Болонскимъ Медичи.

МАРКИЗЪ. Какъ, Медичи? Хочу быть Меценатомъ!
Объ этомъ послѣ. Ты иди сзывать
Ученый міръ обѣдать. Я одѣнусь,
И сообщу женѣ про эту новость.
(Уходятъ въ разныя стороны).

—

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Kann der Liebe süss Verlangen,
Emma, kann's vergänglich seyn?
Was dahin ist und vergangen,
Emma, kann's die Liebe seyn?
Шиллеръ.

(Садъ; посрединѣ большой фонтанъ; кругомъ бассейна высокіе кипарисы; противъ фонтана скамейки).

—

ВЕРРИНО (стоитъ на краю бассейна).

Бѣги фонтанъ, лети фонтанъ,
Алмазной пылью разсыпайся!

Блестящимъ солнцемъ осіянъ,
То упадай, то возвышайся!
Ты жизнь моя, ты мой портретъ!
Одинъ, въ саду благой природы,
Не вѣдая мірскихъ суетъ,
Въ бесѣдѣ чувства и свободы,
Съ моей божественной мечтой,
Съ моею радостью прекрасной,
Слова, въ созвучности согласной,
Мечу обильною струей.
Я счастливъ, какъ и ты! Свободно
Я лепечу слова мои,
Какъ ты бросаешь своевольно
Свои зеркальныя струи.
Я не желаю глупой славы,
И гордыхъ не маню очей,
Не пью людскихъ похвалъ отравы,
И не горю въ огнѣ страстей...

(прохаживаясь около фонтана).

И въ самомъ дѣлѣ, счастливъ я. Напрасно
Иной разъ взоръ нарялнаго глупца,
Съ презрѣніемъ на мнѣ остановленный,
Меня гнететъ насмѣшкою холодной:
Отворочусь, и снова я спокоенъ,
И снова жизнь и счастіе — мои.
Но счастіе, однакожъ, очень зыбко;
Лукавый взоръ красавицы роскошной,
Иль яркій взоръ божественныхъ очей
Иной разъ пробуждаетъ бурю въ сердцѣ.

ВЕРРИНО и МАРКИЗА, съ книгой.

МАРКИЗА. Другъ, добрый другъ!

ВЕРРИНО. Ахъ, это вы, маркиза!

Я занялся фонтаномъ, не примѣтилъ,
Какъ подошли. . . .

МАРКИЗА. Оставьте извиненья.
Не вамъ — языкъ учтивости притворной.

ВЕРРИНО. Вы правы. Да! несносно лицемѣрить.
Но что же дѣлать? Злобенъ человѣкъ.
Чтобъ быть счастливымъ, надо скрытнымъ быть.

МАРКИЗА (*задумчиво*).
Ты образецъ поэтовъ.

ВЕРРИНО. Нѣтъ, маркиза,
Я не поэтъ. Гдѣ читывали вы
Мои стихи? Нигдѣ! Ихъ нѣтъ въ печати.

МАРКИЗА. Они въ груди блаженнаго поэта!
Дай Богъ тебѣ носить всегда въ себѣ,
Всю полноту поэзіи прекрасной,
Не выливать ея на судъ пристрастный,
Не отдавать святаго достоянья
Ничтожнымъ людямъ; ихъ насытить чувствомъ,
А самому, какъ трупу, опустѣть;
Безъ жизни жить и славиться безъ счастья!
И вотъ примѣръ. Читалъ ты эту книгу?

ВЕРРИНО. «Авреліо?» Нѣтъ, не читалъ. Позвольте!

МАРКИЗА. Возьми себѣ, она мой врагъ....

ВЕРРИНО. Маркиза,
Не понимаю васъ.

МАРКИЗА. Поймешь, но поздно.
О, авторъ этой книги былъ прекрасенъ,
Изъ чувства созданъ, счастіемъ увѣнчанъ!
Онъ просто пѣлъ, какъ говорилъ, какъ думалъ.
И что же? Слава голову вскружила:
За мотылькомъ погнался добрый Мости.

ВЕРРИНО. Какъ, Мости?

МАРКИЗА. Да! Каковъ же онъ теперь?
Себялюбивый оставъ человѣка,
Холодный трупъ самоубійцы.... Да!
Самоубійца Мости; чувство жизни
Онъ добровольно отдалъ глупымъ людямъ,
А самъ сталъ пустъ. А люди? Боже, Боже!....

—

Положимъ, трудъ его былъ слабъ и жалокъ;
Но Мости начиналъ. Великій Данте
Не началъ поприща безсмертнымъ «Адомъ.»

—

Мужъ принялъ Мости въ домъ, какъ живописца;
Но я боюсь, что и на этомъ полѣ
Его найдутъ и клевета и зависть.
Ахъ, добрый другъ, простите состраданью!
Онъ созданъ былъ не для пера и кисти....

ВЕРРИНО. А для чего жъ, маркиза? Для любви?
Но вамъ гадать не слѣдуетъ объ этомъ.
Предайте Мости жребію его.
Давно ему назначена дорога;
Но если человѣкъ, въ противность небу,
Захочетъ путь другаго измѣнить....
О, дорого за дерзость взыщетъ небо!

МАРКИЗА. Благодарю! Темны твои совѣты,
Но я привыкла правду понимать.
Прошу тебя, не оставляй Розины!
Кто знаетъ, что насъ можетъ встрѣтить въ жизни,
А женщинъ не готовятъ на несчастья.
Необходимъ намъ дружескій совѣтъ.
Ты не откажешь?... Но, идетъ Маркизъ....

—

ТѢ ЖЕ и МАРКИЗЪ.

МАРКИЗЪ. Здорова ли, маркиза?

МАРКИЗА. Слава Богу!
А вы, маркизъ?

МАРКИЗЪ. Здоровъ! Немного рано
Роберто разбудилъ. Но что же дѣлать?
Не вѣчно спать. Притомъ сегодня праздникъ
У насъ.

МАРКИЗА. Какой?

МАРКИЗЪ. Сословіе ученыхъ
Обѣдаетъ у насъ. Хочу я Мости
Представить имъ. Хочу быть Меценатомъ.
Хочу любить художества, искуства,
Распространять посильно просвѣщенье
И заслужить потомковъ благодарность.
(къ Веррино) Что скажешь ты объ этомъ?

ВЕРРИНО. Ничего

МАРКИЗЪ. Какъ, ничего? Возможно ли? Я слышалъ,
Что ты искуства также любишь.

ВЕРРИНО. Да!

МАРКИЗЪ. Такъ почему-жъ не говоришь ни слова,
Что думаешь о меценатствѣ, а?....

ВЕРРИНО. Я очень радъ, маркизъ. Но полагаю
Что меценаты часто вредны....

МАРКИЗЪ. Какъ!
Что-жъ, я глупецъ? И различить не въ силахъ
Что вредно, что полезно?

ВЕРРИНО. Извините!
Я вамъ сказалъ, что думалъ.

МАРКИЗЪ. Думалъ глупо.
Вотъ, напримѣръ, я покровитель Мости!..
Что-жъ, онъ плохой поэтъ, плохой художникъ?
Ты всѣхъ бранишь, а что-жъ ты сдѣлалъ самъ,
Что написалъ, что напечаталъ? Басни

Не издалъ въ свѣтъ, а говоритъ, какъ Данте!
Не ты одинъ! Да ты и не въ примѣръ,
Отъявленный лѣнтяй; но есть другіе,
Съ умомъ, съ талантами — и что же пишутъ?
Всѣ ровно ничего! Безъ солнца, слышишь,
И травка жить не можетъ, а таланты,
Безъ покровительства людей богатыхъ,
Искуству пользы не приносятъ. Мости
Писатель, музыкантъ, художникъ, словомъ
Искусникъ на всѣ руки. Что-жъ? Безъ солнца,
До сей поры онъ неизвѣстенъ. Солнцемъ
Я буду для него, и ты увидишь,
Какъ цѣлый свѣтъ его превознесетъ,
И папа въ Римѣ увѣнчаетъ Мости.
Ну, что теперь ты скажешь?

ВЕРРИНО. Въ Капитолій
Не золотой, — желѣзный ключь ведетъ.

МАРКИЗ. Вторая глупость! Право, странно слушать,
Какъ ты смѣшно и ложно разсуждаешь.
Вотъ Гонти! Онъ извѣстный человѣкъ;
Мы спросимъ у него.

—

ТѢЖЕ и ГОНТИ.

ГОНТИ *(низко кланяясь)*.
Маркизъ!.... Маркиза!

МАРКИЗЪ. Послушай, другъ! Ты знаешь Мости?

ГОНТИ. Знаю.

МАРКИЗЪ. Ну, что? Каковъ?

ГОНТИ. Великій человѣкъ,
Поэтъ отличный, съ чувствомъ и талантомъ;
Художникъ съ пламеннымъ воображеньемъ
И съ вѣрной кистью; человѣкъ....

МАРКИЗЪ. До человѣка послѣ. А еще
Каковъ онъ въ музыкѣ?
ГОНТИ. Съ большимъ талантомъ.
МАРКИЗЪ. Ну, что́ теперь? Ты сердишься.
ВЕРРИНО. Ни мало.
Двухъ словъ я не сказалъ въ обиду Мости;
Вамъ вздумалось приписывать мнѣ то,
Чего я говорить не думалъ.
МАРКИЗЪ. Право?
Такъ ты за́ Мости?
ВЕРРИНО. Нѣтъ.
МАРКИЗЪ. Да какъ же это?
ВЕРРИНО. Художникъ вашъ, поэтъ и музыкантъ
Двухъ дней еще не прожилъ вмѣстѣ съ нами,
А мы уже достоинства его
Съ подробностью опредѣлили...
МАРКИЗЪ. Правда!
ВЕР. Быть можетъ въ немъ есть и талантъ и чувство!
Но такъ проворно, вдругъ, безъ доказательствъ,
Произвести простаго человѣка
Въ великіе!.. Маркизъ, какъ вамъ угодно,
А я въ его величіе не вѣрю.
МАРКИЗЪ. Умно и справедливо!
ГОНТИ. Нѣтъ, маркизъ!
«Авреліо» и «Князь Антіохійскій,»
Портретъ Торквата Тасса и соната,
Которую онъ сочинилъ для васъ,
И повѣсть, посвященная маркизу,
И сочиненія его въ рисункахъ,
И разсужденія, и разговоры...
Мнѣ кажется, довольно доказательствъ...
МАРКИЗЪ. И это справедливо!

МАРКИЗА. Добрый Чинто!
Покорствуйте сердечному влеченью!
Прекрасенъ плодъ науки и искуства.

—

ТѢ-ЖЕ, кромѣ ВЕРРИНО.

МАРКИЗЪ. И женщина—да всѣхъ умнѣе! Браво!
Куда же ты, Веррино?.. Разсердился?
И есть за что! Завистливъ мой племянникъ.

МАРКИЗА. О,нѣтъ,маркизъ,Веррино не завистливъ!
И если онъ оставилъ насъ, *(со вздохомъ)* другая
Навѣрно есть причина.

МАРКИЗЪ. Я узнаю.

МАРКИЗА. Къ чему, мой другъ?

МАРКИЗЪ. Узнаю непремѣнно!

—

МАРКИЗА и ГОНТИ.

ГОНТИ. Маркиза, вашъ совѣтъ рѣшилъ сомнѣнье.
Какъ Джуліо вамъ будетъ благодаренъ!

МАРКИЗА *(разсѣянно).*
Который часъ?

ГОНТИ. Я свелъ знакомство съ Мости:
Прекрасная душа...

МАРКИЗА. Пора обѣдать.
Маркизъ и васъ навѣрно пригласилъ.

ГОНТИ. Маркиза, вы умѣете скрывать.
Движенія души. И кто повѣритъ,
Смотря на васъ, что знаменитый Мости...
Давно знакомъ...

МАРКИЗА. Кто вамъ сказалъ?

ГОНТИ. Вы сами!
Двусмысленный вчерашній разговоръ,
Смущенье, робкій взоръ...

МАРКИЗА. Нѣтъ, вы ошиблись.
Быть-можетъ онъ сказалъ вамъ?
ГОНТИ. О, ни слова!
Языкъ его не измѣняетъ сердцу;
Но грудь его страданій скрыть не можетъ.
Когда про васъ зайдетъ пустая рѣчь,
Ничтожный анекдотъ, онъ — весь вниманье!
Глаза его горятъ, тѣснится сердце,
И вздохъ за вздохомъ изъ груди выходитъ...
И вы вздохнули...?
МАРКИЗА. Я! Не стыдно ль, Гонти,
Догадкѣ слѣпо предаваться? Мости
Мнѣ незнакомъ; меня онъ видѣть могъ,
Но я его рѣшительно не помню.

—

ГОНТИ одинъ.

Притворщица! Однако-жъ это дурно,
И если онъ къ ней въ милость не вотрется,
Ничтожный меценатъ соскучитъ ролей.
Роберто глупъ, онъ не поддержитъ Чинто;
Веррино—злой совѣтникъ въ нашемъ дѣлѣ;
Она одна... Нѣтъ, Гонти, слишкомъ рано
Ты захотѣлъ будить уснувшій пламень...
Но онъ проснется, или я—не Гонти!
Уходитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

At nostri proavi Plautinos et numeros et
Laudavere sales, nimium patienterque utrumque,
Ne dicam stulte, mirati...
Горацій.

(Столовая зала во дворцѣ Чинто. Множество прислужниковъ вносятъ разныя яства и вина, поставляя все на столъ).

—

МАРКИЗЪ, Д. МОСТИ, ВЕРРИНО, и нѣсколько человѣкъ Болонскихъ академиковъ сидятъ за столомъ.

МАРКИЗЪ. Я не могу повѣрить, чтобы звѣзды
Ходили. Это невозможно!

ПЕРВЫЙ АКАДЕМИКЪ. Точно,
Маркизъ. Уже давнымъ-давно извѣстно,
Что звѣзды ходятъ; но до сей поры
Никто не зналъ путей ихъ и значенья.
Уже давно догадывались люди,
Что отъ движенья звѣздъ, зависитъ жребій
Какъ царствъ, такъ и простаго человѣка.
Но до сихъ поръ немногіе узнали
Законы сихъ движеній; очень мало
Астрологовъ правдивыхъ вы найдете,
И тѣ стараются скрывать науку;
Ученый нестерпимъ для неученыхъ.

МАРКИЗЪ. Скажите мнѣ, что можно прочитать
На небесахъ?

ПЕРВЫЙ. Всю жизнь, отъ A до Z,
И все, что только можно встрѣтить въ жизни.

ВТОР. АКАД. Почтенный мой собратъ, я сомнѣваюсь,
Чтобы болѣзнь могла открыться въ звѣздахъ,
Когда она мгновенно происходитъ
И больше отъ физическихъ причинъ.

МАРКИЗЪ. Я то же думаю.

ПЕРВЫЙ. О, нѣтъ, маркизъ!
Все, все отъ звѣздъ зависитъ, даже жребій
Безъ покровительства звѣзды вредитъ.

МАРКИЗЪ. А солнце не имѣетъ этой силы?

ПЕРВЫЙ. Какъ? Солнце?.. Нѣтъ! Оно простой фонарь
Со свѣтомъ и тепломъ; оно насъ грѣетъ,
Оно намъ свѣтитъ, но судьбы стремленьемъ
Не можетъ управлять...

МАРКИЗЪ. Весьма забавно!
Какъ думаете вы?

ТРЕТІЙ АКАДЕМИКЪ. Я совершенно
Съ моимъ собратомъ соглашаюсь. Онъ
Всю жизнь провелъ на крышѣ; долгій опытъ
Ему открылъ всѣ закоулки неба,
Всѣ мелкія дорожки; млечный путь
Ему знакомъ, какъ мнѣ знакомъ Титъ Ливій.

МАРКИЗЪ. Титъ Ливій?

ТРЕТІЙ. Да! Историкъ превосходный,
Ораторъ первоклассный, человѣкъ
Глубокомысленный и тонкій критикъ.
Читали вы мой Коментарій?

МАРКИЗЪ. Да!
Читалъ... Пріятный слогъ!..

ТРЕТІЙ. Маркизъ позволитъ
Прочесть на Тацита мой Коментарій.
Историкъ замѣчательный.

МАРКИЗЪ. Историкъ?
О, съ удовольствіемъ. Ну, а поэтовъ
Не любите?

ТРЕТІЙ. Напротивъ! Я ужъ издалъ
Горація ad usum juventutis;
Теперь Проперція приготовляю.

МОСТИ. Проперцій вялъ, я не люблю его.

МАРКИЗЪ. Да! точно, вялъ. О, Мости мой знатокъ!
Мнѣ удивительно, что онъ такъ рано
Соединилъ въ себѣ такъ много знаній,
Разнообразныхъ и глубокихъ.

ПЯТЫЙ. Геній
Подобенъ Прометею.

МАРКИЗЪ. Прометею?

Да! Мости мой похожъ на Прометея.
Во всѣхъ искуствахъ онъ знатокъ и геній.

мости. Вы шутите...

маркизъ. Какъ шутки? Вотъ люблю!
Мнѣ совѣстно въ глаза тебя хвалить,
Но искренность — мой главный недостатокъ.
Повѣрьте мнѣ, свѣтила просвѣщенья,
Я въ немъ нашелъ осьмое чудо. Мости
Имѣетъ всѣ таланты, только, робокъ;
Но съ нашей помощью, надѣюсь, онъ
Отложитъ робость въ сторону, и намъ
Труды его не будутъ больше тайной.

четвертый академикъ *(маркизу)*.
Я слышалъ, онъ хорошій живописецъ.

маркизъ. Хорошій? Нѣтъ, отличный, превосходный!
Онъ живописецъ Римской школы!

четвертый. Римской?
Ему знакомы живописцы наши,
Особенно Караччіевъ семейство (7).

маркизъ. Я думаю, ты съ ними въ дружбѣ, Мости?

мости. Я знаю Анибала, Агостино,
Но съ Лодовико незнакомъ еще.

четвертый. Огромное семейство живописцевъ!
Антоніо живетъ при Аннибалѣ;
Я думаю, вы знаете его?
Франческо, Паоло изрядно пишутъ,
Но въ нихъ большихъ талантовъ незамѣтно.
Однако есть картины не дурныя.
Вы были въ Академіи Караччи?

мости. Нѣтъ, не успѣлъ.

четвертый. Скажите, Аннибалъ
Отлично, говорятъ, былъ принятъ въ Римѣ?

мости. Да! Кардиналъ Фарнезе далъ ему
Расписывать всѣ стѣны галлереи,
И Аннибалъ прекрасно исполняетъ
Огромную работу: впрочемъ, надо
Сказать вамъ правду, онъ не много робокъ
И подражаетъ слѣпо Рафаэлю.
Нѣтъ рода своего, нѣтъ рѣзкой кисти;
Созданіе туманно, колоритъ
Какой-то синій ([8]) Впрочемъ недостатки
Онъ щедро искупаетъ красотами.

маркизъ. Какой знатокъ! Такъ точно обо всемъ
Онъ судитъ...

четвертый. Правда ли, что Аннибалъ
И Агостина призывалъ на помощь?

мости. Да, призывалъ. Онъ составлялъ картоны,
Но Агостино былъ граверъ высокій,
И Анибалъ во многомъ былъ обязанъ
Его совѣтамъ и рисункамъ. Впрочемъ,
Я слышалъ, Лодовико лучше всѣхъ.

четвертый. Нельзя сказать. Учитель онъ отличный
И общество degli Incamminati
Произведетъ прекрасныхъ живописцевъ.
За это Лодовику честь и слава!

веррино. А я такъ думаю, что эти школы
Художества къ добру не приведутъ.
Какъ правиламъ таланты подчинять?
Препятствовать свободному созданью?
Пиши, какъ я; какъ ты, пусть пишутъ дѣти;
Какъ дѣти, — внуки... Путь однообразный!
Смотрите, всѣ великіе таланты
Сами собою школы создавали,
Иль, справедливѣе, по ихъ примѣру,
Сами собою школы создавались.

И что такое школа? Объясните!
Отсутствіе талантовъ самобытныхъ,
Посредственныхъ художниковъ толпа,
Рядъ подражаній, неудачь, — вотъ школа!..

МАРКИЗЪ. (Понелъ молоть, а говоритъ недурно!
Хорошій слогъ.) Довольно на сегодня!
Пора вставать! *(всѣ встаютъ)*
Ну, просимъ быть друзьями!
И если вамъ когда позволитъ время,
Покорно просимъ собираться къ намъ.
Ученые полезны разговоры...
(съ самодовольною улыбкою).
А что полезно, то пріятно... Такъ ли?..
(Академики отходятъ въ сторону).

ТРЕТІЙ. Сказалъ, что зналъ! Изъ букваря цитата.

ПЯТ. АКАД. На силу высидѣлъ. Обѣдъ ужасный!

ТРЕТІЙ. Ты понялъ ли, зачѣмъ обѣдъ?

ПЯТЫЙ. Не понялъ!

ТРЕТІЙ. Онъ сдѣланъ не для насъ.

ПЯТЫЙ. Такъ для кого-же?

ТРЕТІЙ. Для Мости!

ПЯТЫЙ. А! Но этотъ Мости, кто онъ?

ТРЕТІЙ. Ты помнишь ли, тому назадъ три года,
«Авреліо,» поэма вышла въ Римъ,
И критики забавились... (*)

ПЯТЫЙ. Я помню.
Такъ это авторъ?

ТРЕТІЙ. Да! Но только тише!
Какое дѣло унижать намъ Мости?
Къ чему? Маркизъ отъ Мости безъ ума,
И мы хваля его, похвалимъ Чинто.

ЧЕТВЕРТЫЙ *(къ Мости)*.

Да! я читалъ «Аврелію.» Прекрасно!
Совѣтую не оставлять пера.

ШЕСТОЙ. Ты слышалъ, какъ честилъ онъ Аннибала?

СЕДЬМОЙ. Хорошъ онъ самъ, ничтожный копіистъ!

МАРКИЗЪ. Ну, Мости, я къ тебѣ имѣю просьбу:
Поройся у себя, найди-ка повѣсть,
А мы послушаемъ...

МОСТИ. Желанье ваше
Считаю приказаньемъ.

—

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **МОСТИ.**

МАРКИЗЪ. Какъ уменъ,
Какой пріятный слогъ въ его рѣчахъ!
Онъ воскреситъ намъ Данте...

ШЕСТОЙ. Аретина.

СЕДЬМОЙ. Нѣтъ, далёко ему до Аретина! (10)

—

ТѢ-ЖЕ и МОСТИ.

МАРКИЗЪ *(медленно проходя въ боковую дверь)*
Пойдемъ читать. А подъ какимъ загланьемъ?

МОС. «Раймондъ, Тулузскій графъ, новелла, въ прозѣ.»
(Всѣ уходятъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

ГОМЕРЪ.

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

.....Tu semper amoris
Sis memor et cari comitis ne abscedat imago.
Валерій Флаккъ.

(Садъ. Три аллеи, въ стройной правильности, бѣгутъ въ разныя стороны; въ концѣ средней, видѣнъ дворецъ, позолоченный первыми лучами солнца; въ концѣ боковыхъ два большіе фонтана; передняя площадь украшена колоссальною, мраморною группою Аполлона и Дафны; въ стѣнкахъ изъ стриженныхъ деревъ скамейки; по ихъ сторонамъ статуи Антиноя, Сафо, Нарцисса и Венеры.)

—

МОСТИ и ГОНТИ, выходя изъ боковой аллеи.

ГОНТИ. Не думалъ я, мой другъ, что бъ въ твердомъ мужѣ
Любовь могла кипѣть съ такою силой.
Въ шестнадцать лѣтъ понятенъ бурный пламень
И свойственна задумчивая грусть,
Но въ тридцать...

МОСТИ. Страсть растетъ отъ неудачъ.
Какъ, въ сорокъ дней, ни ласковаго взгляда
Ни слова о прошедшемъ; будто Мости
Ей не знакомъ! Съ убійственнымъ разсчетомъ
Она себя друзьями окружаетъ,
И если позволяетъ въ ихъ число
Вмѣшаться мнѣ, такъ только изъ приличій,
И то всегда на нѣсколько мгновеній,
На нѣсколько пустыхъ, ничтожныхъ словъ.

ГОНТИ. Ну, это хорошо...

МОСТИ. Какъ, хорошо?

ГОНТИ. Ужъ если страсть въ душѣ ея угасла,
Не нужны ей приличья и друзья.
Она-бъ бесѣдъ съ тобой не избѣгала,
И не боялась бы уединяться.
Ну, а теперь совсѣмъ другое дѣло!
Она кипитъ, но борется съ разсудкомъ.
Глупецъ! Отъ одного пустаго слова,
Отъ вовремя направленнаго взора,

Разсудокъ быстро смѣнится со стражи,
А страсть возьметъ свое.

мости. Ты полагаешь?
Она сегодня будетъ здѣсь одна:
Лауретта говорила, что маркиза
Въ саду одна гуляетъ по утрамъ,
И поздно возвращается въ покои,
Съ заплаканными, красными глазами.

гонти. Вотъ видишь!..

мости. Такъ! Но если эти слезы
Принадлежатъ другимъ воспоминаньямъ?
А, можетъ-быть, и настоящимъ чувствамъ
Къ счастливцу неизвѣстному...

гонти. Никакъ!
Вѣдь прежде этихъ слезъ не замѣчали
До твоего пріѣзда?..

мости. Тише, Гонти!
Она, она! Уйди, мой другъ, уйди.

гонти. Успѣха, Мости!

мости. Ахъ, иди, иди!..

—

МАРКИЗА и МОСТИ за мраморной группой.

МАРКИЗА *(переставъ читать книгу)*.
Я ненавижу Тасса, а читаю!..
Онъ разорвалъ любви моей союзъ,
Онъ въ Римъ увелъ того, кѣмъ я дышала,
Кого *своимъ* привыкла называть,
И навсегда разрушилъ сонъ Розины
Ахъ, если-бъ онъ не зналъ Торквата Тасса,
Я никогда-бъ не сдѣлалась маркизой,
Пустой игрушкой дома, жалкой куклой...
(увидѣвъ Мости.)
Ахъ!.. Джулio...

мости. Такъ вы меня узнали!
О, «Джуліо» — воспоминанье счастья!
Маркиза, это имя сколько разъ
Такъ сладостно уста слагали ваши!..
О, сколько разъ...

маркиза. Забудьте то, что было.
Всему конецъ; давно конецъ.

мости. Маркиза,
Вы къ строгости такой не рождены.
О, нѣтъ! Языкъ лукавствуетъ, но сердце
Неужели всѣ чувства заглушило,
Которыми такъ прежде полно было?

маркиза. Синьоръ, прошу васъ, будьте осторожны;
Не предавайтесь памяти; напрасно
Не нарушайте моего покоя!
Всему конецъ, сказала я, — всему!
Свидѣтель Богъ, я ничего не помню!

мости. А я такъ помню живо страшный день,
Когда послѣдняя надежда счастья
Погасла, словно солнце передъ бурей.
Да будетъ проклятъ этотъ день ужасный!

—

Мы шли пѣшкомъ, поспѣшно, безъ оглядки,
Большой дороги избѣгая; Тассо
Шелъ весело; а я въ какомъ-то страхѣ
За нимъ влачился, какъ убійца; шорохъ,
Малѣйшій шумъ шаги мои ковалъ;
Мнѣ слышались погоня, голоса:
Я, въ ужасѣ, удерживалъ Торквата,
Прислушивался къ голосамъ, — и что же? —
Всѣ эти голоса во мнѣ кричали;
То совѣсти моей была тревога.
Я съ ужасомъ припоминалъ Розину, —

И каждый кустъ скрывалъ мою Розину,
И каждое движеніе зефира
Мнѣ голосомъ Розины отзывалось,
И каждая звѣзда небесъ далекихъ
Бросала взоръ Розины на меня.
Что перенесъ я въ эту ночь, маркиза!
Но какъ я могъ оставить Тасса? Слабый,
Едва оставившій больницу, чахлый,
Измученный болѣзнью и несчастьемъ,
Тассъ страшенъ былъ! И сердце раздѣлялось:
Розины гнѣвъ, недугъ Торквата Тассо...
О, если-бъ на моемъ вы были мѣстѣ,
Вы-бъ извинили Джуліо...

МАРКИЗА. Напрасно
Вамъ кажется, что я могу сердиться,
За что васъ хвалитъ цѣлая Европа.
Напротивъ! Я съ немалымъ восхищеньемъ
Про ваши подвиги читала письма.
Да и за что сердиться? Наше дѣтство
Могло насъ сблизить нѣсколько, но время
Могло насъ раздѣлить, какъ раздѣлило.
Повѣрьте, нѣтъ прошедшаго для насъ.
Мнѣ даже сны ребячества не снятся.

МОСТИ. Маркиза, не ребячество...

МАРКИЗА. О, если-бъ
То было страстью возраста другаго,
Великій Тассъ одинъ пошелъ бы въ Римъ!
(хочетъ итти.)

МОСТИ. Маркиза, выслушайте...

МАРКИЗА. Полно, Мости!
Я совершила путь моей любви:
Теперь ищу семейственнаго мира.
Я васъ не обвиняю; можетъ быть

Воспоминанье обмануло сердце,
Но согласитесь, что въ пятнадцать лѣтъ
И не такія страсти умираютъ.
Пятнадцать лѣтъ мы не видались, Мости;
Воспоминанія молчали; случай,
Ничтожное свиданье... все воскресло!..

мости. Клянусь!..

маркиза. Изъ уваженья къ прежней дружбѣ,
Изъ уваженья къ женщинѣ, прошу,
О, будьте снисходительны къ Розинѣ!
Не нарушайте моего покоя!
И мало-ли вамъ Богъ далъ, безъ меня?
Искуство, молодость, благообразье...
Все впереди; къ чему назадъ стремиться?
Вы можете еще счастливцемъ быть;
А я... Простите, я ужъ все сказала!

—

мости, одинъ.

Розина!... Нѣтъ, она другаго любитъ!...

—

А какъ прекрасно, какъ великолѣпно
Розина разцвѣла! Въ устахъ вишневыхъ
Какъ соблазнительно трепещутъ рѣчи!
Какимъ огнемъ горитъ блестящій взоръ!
Какъ страстно дышатъ мраморныя перси!

—

Не я!.. Не мнѣ!.. Она другаго любитъ,
А я горю желаніемъ напраснымъ...
Ребячество, зачѣмъ ты не сказало,
Что путь мой за Розиной, не за Тассомъ! *(Уходитъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Мастерская художника Мости. Множество зачатыхъ портретовъ по угламъ залы; нѣкоторые на треножникахъ; посрединѣ большой столъ съ картонными портфелями, которые наполнены эстампами; на стѣнахъ нѣсколько малыхъ эскизовъ для картинъ. Зала освѣщена тремя большими окнами; нижнія ихъ части завѣшаны. Нѣсколько искусно сложенныхъ и одѣтыхъ куколъ въ разныхъ мѣстахъ залы разставлено для учениковъ; также нѣсколько изваяній).

—

УЧЕНИКИ Д. МОСТИ, *сидя около стола.*

ПЕРВЫЙ УЧЕНИКЪ. Что, нравится тебѣ учитель?
ВТОРОЙ. Нѣтъ!
ПЕРВЫЙ. А почему?
ВТОРОЙ. Богъ знаетъ почему...
Такъ, сердце не лежитъ...
ТРЕТІЙ. Со мною то-же.
Да почему ты не пошелъ учиться
Къ Караччи?
ВТОРОЙ. Мать моя съ нимъ въ ссорѣ.
ТРЕТІЙ. Вотъ
Причина!
ВТОРОЙ. Ну а ты?
ТРЕТІЙ. Караччи бѣденъ
И дорого беретъ, а этотъ Мости
Богатъ...
ПЕРВЫЙ. Богатъ? Маркизъ издержки платитъ;
А онъ-то самъ бѣднѣе насъ съ тобой.
ТРЕТІЙ. А какъ павлинъ всегда одѣтъ!
ЧЕТВЕРТЫЙ. А скупъ?
ТРЕТІЙ. Какъ, скупъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ. Онъ даромъ паоло не дастъ,
Отъ бѣднаго бѣжитъ какъ отъ заразы;
Монаху не подастъ на церковь; дома
Всегда въ лахмотьяхъ; онъ не пьетъ вина,
А воду; дома никогда не ѣстъ.

ПЕРВЫЙ. Да какъ ты знаешь это?

ЧЕТВЕРТЫЙ. Примѣчайте
По моему, увидите все сами...

—

ТѢ-ЖЕ И ПЯТЫЙ УЧЕНИКЪ.

ПЯТЫЙ (*садясь на свое мѣсто*).
Молчите, господа, идетъ викарій.

ПЕРВЫЙ. Ужъ подлинно викарій!

—

ТѢ-ЖЕ И ГОНТИ.

ГОНТИ. Не былъ Мости?

ПЕРВЫЙ. Нѣтъ, не былъ...

ГОНТИ (*отходя отъ учениковъ тихо*).
Чѣмъ окончилось свиданье?
Боюсь и за него и за себя.
Въ любви нельзя быть шарлатаномъ; впрочемъ
Все въ мірѣ отъ способности зависитъ...

—

До сей поры все шло своимъ путемъ;
Весь залъ наполненъ заказной работой;
Маркизъ, какъ добрый Меценатъ, желаетъ
Общеполезнымъ сдѣлать свой дворецъ;
Для живописи — школа! А учитель,
Великій Мости, человѣкъ вчерашній;
Онъ въ сорокъ дней Болонію увѣрилъ,
Что въ немъ вмѣщается великій геній...
Не вѣрить какъ? Маркизъ за это платитъ.

Плати маркизъ, на то ты меценатъ,
А мы тебя разславимъ и распишемъ.

—

Пускай кричитъ Караччи, что нашъ Мости
Художнику мыть кисти не достоинъ.
Смотря на столько денегъ усомнишься,
Не въ правду-ли онъ первоклассный геній.
Классификація во всѣхъ сословьяхъ
Располагается по капиталамъ.
Богатъ, такъ и уменъ; а бѣденъ—глупъ!

—

Я ничему рѣшительно не вѣрю.
Въ немъ есть талантъ богатство собирать;
Въ немъ чувство есть презрѣнія къ искуству;
Великая способность притворяться,
И онъ не геній?..

—

ТѢ-ЖЕ и МОСТИ.

МОСТИ *(къ Гонти)*.
Кто! О комъ ты говоришь?
О, лучше быть Феррарскимъ скороходомъ,
И вмѣстѣ мужемъ женщины любимой,
Чѣмъ сдѣлаться Болонскимъ Рафаэлемъ
Безъ счастія, и безъ надежды счастья!

ПЕРВЫЙ. Учитель!

МОСТИ. Прочь! Сегодня нѣтъ ученья.

—

Д. МОСТИ и ГОНТИ.

МОСТИ *(скорыми шагами ходя по залѣ)*.
Ребенокъ, не умѣлъ цѣнить восторговъ!
Глупецъ, я вѣрилъ въ глупыя мечты!

гонти. И такъ свиданіе съ маркизой?
мости. Гонти,
Я не-любимъ! Но есть другой счастливецъ;
Ему падутъ ручьи жемчужныхъ слезъ,
Ему готовится блаженство рая...
Я, счастія чужаго соглядатай,
Пришелъ воскреснуть памятью восторговъ,
Чтобъ медленною смертью умирать.

гонти. Что за отчаянье? Въ одно свиданье
Естественно нельзя уладить дѣла,
Когда оно пятнадцать лѣтъ лежало
И совершенно конченнымъ считалось.
И я, и ты, и добрая Лауретта.
Мы всѣ замѣтили, съ твоимъ пріѣздомъ,
Большую перемѣну. Эти слезы,
Желанье быть всегда въ кругу людей,
Тогда какъ прежде добрая маркиза
Искала тишины, уединенья... *(взявъ себя за голову)*
Га! что за мысль!.. Въ одинъ и тотъ же день?
Въ одно и то же утро... Можетъ-быть...
Маркизъ къ нему расположенъ; маркиза...
Она его замѣтно отличаетъ...

мости. Что за догадки, Гонти? Кто онъ, гдѣ онъ?
О комъ ты говоришь?..

гонти. Я полагаю...
Но если мысль моя одна догадка...

мости. Но, ради Бога, кто же онъ?
гонти. Веррино.

мости *(презрительно)*.
Веррино, этотъ блѣдный стихотворецъ,
Прославленный Болонскими глупцами,
Всегда, вездѣ съ непрошеннымъ совѣтомъ,
И съ нравственнымъ готовымъ замѣчаньемъ,

Почерпнутымъ изъ старыхъ книгъ? (*со смѣхомъ*)
Веррино,
Любовникъ безъ любезности!.. Не вѣрю.

гонти. Другой разъ невозможному повѣришь,
Когда его не можешь опровергнуть...
Веррино возвратился въ тотъ же день,
Когда и ты въ Болонію пріѣхалъ.
Тебя маркиза явно испугалась,
Ему обрадовалась тайно...

мости. Гонти!

гонти. Съ тобой трехъ словъ не говоритъ маркиза,
А съ нимъ бесѣдуетъ до поздней ночи;
Съ тобой мрачна, безчувственна...

мости (*бѣшено*). Довольно
Веррино, мой соперникъ! полуумный!
Извѣстныхъ риѳмъ гнилая паутина,
Поэзіи ненужныя послѣдки,
Живая кукла — мой соперникъ!.... Гонти,
Я не люблю Розины; безъ горячки
Я спрашиваю васъ, кто вамъ сказалъ,
Что ей угодно жаловать Веррино....

гонти. Помилуй, Мости! Ревность не у мѣста!

мости. Я требую....

гонти. Чего же? Доказательствъ?
Я ихъ сказалъ, а повторять нѣтъ нужды;
Да и смѣшно доказывать догадку.
Ребячишься! Ревнуй себѣ, пожалуй,
Да только здѣсь, въ своей рабочей; гласно
Не нападай на сильнаго Веррино!
Единоборство не послужитъ въ пользу.
Паденіе твое съ насмѣшкой примутъ,
А торжество съ коварною улыбкой....

Молчи! Оставь упрямую маркизу!
И если сердце у нея свободно,
Она сама придетъ въ твои объятья....
Представь себя спокойнымъ, хладнокровнымъ,
Съ учтивостью оказывай почтенье,
Всегда ея замѣтно избѣгай;
Когда жъ съ тобой заговоритъ маркиза,
Краснѣй, блѣднѣй и томно отвѣчай
Отрывистыми: *да* и *нѣтъ*; бесѣды
Умышленно не продолжай; старайся
Веселымъ быть при ней, а безъ нея
Скучай, грусти, но чтобъ она видала
Сама, или ея друзья.... Вотъ Мости,
Тебѣ урокъ практической любви....

—

Постой! Еще есть маленькое средство.
Сегодня маскарадъ: переодѣнься!
Быть-можетъ случай васъ сведетъ съ маркизой,
Подъ маской тайны міра узнаются....

мости. О, Гонти, ты неистощимъ, какъ море!
Не знаю, какъ благодарить тебя.

гонти. Но, ты, мой другъ, влюбился не на шутку;
Умѣрь любовь; страсть бурная опасна.
А между-тѣмъ, пока минетъ горячка,
Я долженъ устранить тебя отъ дѣлъ,
Быть казначеемъ всѣхъ твоихъ доходовъ,
Fattore Рафаэлевымъ ([11]).... Нельзя!
Ты такъ разсѣянъ; мелочнымъ страстямъ
Даешь непозволительную волю;
Нерѣдко пропускаешь славный случай
Съ богатаго невѣжества взять подать,
Довольствуясь улыбкой ободренья;
Ты часто расточителенъ безъ нужды;
То платье новое, то столъ, то рамка

Великолѣпная, то книга.... Полно
Такими пустяками заниматься!
Ты, какъ пчела, сбирай и прячь свой медъ,
Чтобъ зиму жизни провести въ довольствѣ.

мости. Благодарю за дружбу; но Астольфо,
До сей поры еще я очень бѣденъ,
Мнѣ нечего напослѣ оставлять;
Прилично одѣваться я обязанъ,
Убрать покои также; рамки нужны
Для украшенія картины; книга
Мой лучшій другъ, совѣтникъ, собесѣдникъ,
И, будучи писателемъ, я долженъ
Итти за ходомъ просвѣщенья. Гонти,
Благодарю за вызовъ твой еще разъ!
Со временемъ, при помощи Господней,
Припомню я тебѣ твою готовность
Быть для меня fattore. Добрый Гонти,
Ты не откажешься?...

гонти. Не сомнѣвайся!
(Не поздно ли я къ дѣлу приступилъ?)
Пора, однакожъ! До свиданья, Мости!

мости. До маскарада! Будешь?....

гонти. Непремѣнно.

—

мости (одинъ).

Любезный другъ! Какъ добръ и безкорыстенъ!
Нѣтъ, я не дамъ ни матери, ни брату,
Того, что пріобрѣлъ трудомъ и честью,
Что, пополамъ съ грѣхомъ, несетъ мнѣ случай.
Поистинѣ, вотъ золотая дружба!
Ты нуженъ мнѣ, — вотъ нашей дружбы цѣпи;
Минетъ нужда, я разорву ихъ, Гонти!

—

Но ты, Болонская Киприда!.... Сердце
Не можетъ успокоиться; всѣ думы
Бѣгутъ за ней.... она бѣжитъ отъ Мости
Въ объятья горделиваго Веррино!

—

Въ послѣдній разъ иду на испытанье.
Любовь иль смерть! Нѣтъ середины въ страсти!
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

(Комната въ отдѣленіи маркизы).

—

МАРКИЗА (одна).

Всегда одна, нигдѣ души отвѣтной,
Какъ привидѣнье, по огромнымъ заламъ
Скитаюсь я.... Завидный жребій!.... Всѣ
Увеселеньямъ дружно предаются...
А я одна! Ничтожный человѣкъ,
Пустой, надутый воздухомъ богачь,
Въ добавокъ, мужъ несчастнѣйшей жены,
Веселіе въ толпѣ людей находитъ...
А я одна! Веррино вдохновенный
Бесѣдуетъ съ фонтаномъ, вольной думой
Безмѣрный міръ фантазіи объемлетъ,
Съ нимъ каждый кустъ имѣетъ жизнь и слово,
И вся природа откровенный другъ...
А я одна! Напрасно скорбнымъ взоромъ
Въ толпѣ людей ищу я человѣка,
Который могъ-бы другомъ быть... Напрасно!
Въ стальной бронѣ закованъ цѣлый свѣтъ,
И слабый взоръ не прожигаетъ стали....

—

Любить, любить.... ужасная потребность!
Неужели, безъ этой тяжкой страсти,
Нельзя пройти земной, минутной жизни?
Неужели самъ Богъ опредѣлилъ
Быть міру и любви нераздѣлимо?

—

И я, такъ холодно отвергла Мости,
И я, любя, сказала — не люблю!

—

Но долгъ велѣлъ... О! этотъ долгъ велитъ
Упорствовать въ несчастіи случайномъ,
И добровольно горе умножать.
И не одно-ль и то-же преступленье
Любить открыто или въ тайнѣ?
Боже,
И я его такъ холодно отвергла,
И я, любя, сказала — не люблю!
О, лейтесь, лейтесь, пламенныя слезы!
Вы мнѣ послѣдніе друзья.... *(заливается слезами)*.

—

МАРКИЗА и ВЕРРИНО.

ВЕРРИНО. Маркиза!
Одна, въ слезахъ! Я къ вамъ спѣшу на помощь.
Я покоряюсь вашей волѣ. Что же?
Къ чему сей гнѣвный взоръ, видъ оскорбленья?

МАРКИЗА. Я думала, что комнаты мои
Святыня для мужчинъ; что эти слезы
Невидимо и тайно проливаю;
Не знала я, что всѣ мои поступки
Поручены чьему-нибудь надзору....

ВЕРРИНО. Маркиза, извините! Сожалѣю,
Что, не узнавъ короче васъ, повѣрилъ
Мгновенной раздражительности вашей.

Я говорилъ вамъ, что чужая помощь,
Для вѣтренныхъ, невѣрный якорь. Что же?
Сбылись мои слова. Гдѣ откровенность,
Обѣщанная въ первый день свиданья,
Тогда какъ я объ этомъ не просилъ?
Я понялъ странность дружбы между нами,
И не хотѣлъ внимать ея призыву.
Вы повторили вѣтренный призывъ;
Я вѣтренно ему повиновался.
Иду безъ умысла, встрѣчаю слезы,
По праву друга требую отчета;
Мнѣ гордымъ отвѣчаютъ подозрѣньемъ, —
И жалуютъ въ лазутчики! Маркиза,
Не оскверню святыни вашей больше,
И къ другу старому пойду, къ фонтану...

МАРКИЗА. Веррино!

ВЕРРИНО. Что прикажетъ мнѣ маркиза?

МАРКИЗА. Останьтесь!

ВЕРРИНО. Слушать новые упреки,
Богъ знаетъ, изъ чего....

МАРКИЗА. Прошу, останьтесь!

ВЕРРИНО. Извольте, остаюсь... Увы, Веррино,
И гдѣ твоя свобода? Гдѣ та гордость,
Что никогда твоей желѣзной воли
Никто склонить не могъ? Я вашъ, маркиза!

МАРКИЗА. Ты мой, ты долженъ быть моимъ, Веррино!
Но будь великодушенъ; состраданья
Теперь прошу: оно всего нужнѣе
Въ такой опасности... Ты знаешь, Мости...
Ты поблѣднѣлъ? Веррино, ради Бога,
Не сомнѣвайся! Другъ мой, дай мнѣ руку,
И отвѣчай на мой вопросъ нескромный:
Любилъ ли ты?

ВЕРРИНО. Нѣтъ, никогда.

МАРКИЗА. Гордецъ!

И ты хотѣлъ преподавать уроки
Какъ укрощать волненія любви?
Завистливъ ты, Веррино! Никогда
Не испытавъ верховнаго блаженства,
Не хочешь допустить къ нему другихъ.
Но будетъ время: съ странною тоскою,
Съ невыразимымъ ожиданьемъ блага,
Съ надеждой трепетной и сладкимъ страхомъ,
Ты упадешь предъ женщиной, Веррино,
Передъ живой, чарующей картинкой,
Что красотой Поэзія зоветъ.
О, добрый другъ, напрасенъ будетъ разумъ,
Холодные совѣты, помощь друга,
Обязанности жизни... все напрасно!
Какъ очарованный, ты будешь помнить
Про разумъ, про совѣты, какъ про дѣтство,
Когда тебя качали въ колыбели,
И темной сказкой сонъ къ тебѣ манили; —
Ты весь въ одну любовь преобразишься.
Тогда приди ко мнѣ, тогда совѣтуй,
И мы поймемъ другъ друга... Ахъ, Веррино,
Что сдѣлалось съ тобой?

ВЕРРИНО (*встревоженный, опустивъ глаза*).

О, ничего!

Вы такъ краснорѣчивы...

МАРКИЗА. Не шути!

ВЕРРИНО (*съ необыкновеннымъ жаромъ*).

Что, мнѣ шутить? О, скоро ли настанетъ
Волшебная пора страданій тяжкихъ!
Какъ сладко мнѣ... Клянусь вамъ бѣднымъ сердцемъ,
Что этотъ мигъ бесѣды чудной вашей
Въ могилу унесу съ собой...

МАРКИЗА. Веррино,
Такъ ты меня уже не обвиняешь?
О, добрый другъ, я знаю, передъ Богомъ
Нарушить тайну брачнаго союза
Тяжелый грѣхъ, неискупимый грѣхъ!
А передъ свѣтомъ наша честь игрушка..
Но передъ совѣстью, предъ строгимъ небомъ...
Все это знаю я: и что же дѣлать?
Любовь неодолимая растетъ!

—

Не думаешь-ли ты, что женскій разумъ
Противустать не въ силахъ обольщенью?
Напротивъ! Я сегодня хладнокровно
Отвергла Мости...

ВЕРРИНО. Вы его отвергли!
Вы снова добродѣтели кумиръ
Кому легко, отрадно поклоняться?

МАРКИЗА. О, ты — поэтъ, мечтательная тѣнь,
Осуществленный образъ вдохновенья!..
Пока вездѣ, всегда встрѣчаю Мости,
Могу-ли поручиться за себя?
Отраденъ сонъ воспоминаній дѣтства,
Сильна первоначальная любовь.
О мой поэтъ! Могу-ли я не вѣрить,
Что въ Мости страсти буйныя уснули?
Что, безъ измѣны мужу, я могу
Его бесѣдѣ сладкой предаваться;
Не нарушая брачныхъ узъ, любить,
Любить его, какъ друга..?

ВЕРРИНО. О, маркиза,
Онъ неспособенъ къ дружбѣ.

МАРКИЗА. Почему?

ВЕРРИНО. Не смѣю изъяснять моихъ догадокъ.

МАРКИЗА. Ахъ, говорите, говорите!

ВЕРРИНО. Право,
Онъ не имѣетъ столько благородства,
Чтобъ чувствовать любовь святую вашу.
Онъ оковать захочетъ васъ на долго.
Разрушатся всѣ правила разсудка,
И сладострастный... Боже, не могу
Докончить!..

МАРКИЗА. Говорите, ради Бога!

ВЕРРИНО. Любовь — неволя. Гордый человѣкъ
Отыскивать свободу любитъ смертью....

МАРКИЗА. О, пощади, Веррино!

ВЕРРИНО. Ахъ, маркиза,
И для кого такая жертва?.. Небо!
Для низкаго ремесленника, Мости...

МАРКИЗА. Ремесленникъ! Такой поэтъ, художникъ..

ВЕРРИНО. Кто? Онъ поэтъ?
Не риѳмъ-ли легкій рядъ,
Не строчекъ-ли кудрявыя страницы —
Высокій даръ поэзіи небесной?
И кто у насъ теперь легко не пишетъ?
Кто звонкой риѳмы къ риѳмѣ не пріищетъ
И колокольчиками не гремитъ?
И всѣ они поэты, эти люди,
Что жизнь влекутъ въ безчувственности, въ скукѣ!
Что числами, какъ-будто звѣздочеты,
Опредѣляютъ смыслъ своихъ стиховъ!
Безжизненно, безъ чувства, вдохновенья,
Потѣя, гладятъ, чистятъ мысль простую,
Чтобъ легче проглотилъ ее читатель!
Поэты самозванцы, трудъ мозольный
Вы издаете въ видѣ вдохновенья,
И, бѣдные, вы ждете удивленья,

Рукоплесканій, похвалы, наградъ;
Но, ахъ, вашъ трудъ, — мертвецъ могилы хладной,
Смѣшитъ народъ одеждою нарядной, —
И глупости Италіянецъ радъ!
Онъ деньги вамъ даетъ, какъ арлекинамъ,
И вы довольны милостыней черни; —
Поэты-арлекины, вы довольны!
Обширенъ свѣтъ, есть гдѣ съ стыдомъ укрыться,
Есть гдѣ продать поддѣльный жаръ и чувство,
Есть гдѣ купить сомнительную славу...
Всему просторъ на торжищѣ страстей.
Неутомимъ ремесленникъ для денегъ!

—

Но не таковъ прямой поэтъ. Великій
И чистый храмъ непостижимой тайны,
Что на землѣ поэзіей зовется.
Среди людей, печаленъ и угрюмъ,
Одинъ, всегда и счастливъ и доволенъ;
Передъ толпой и гордъ и своенравенъ,
Въ кругу друзей привѣтливъ, тихъ, любезенъ;
Онъ не страдаетъ надъ перомъ покорнымъ;
Мгновеніе, — и мысли стройнымъ рядомъ
Въ воображеніи его проходятъ;
Мгновеніе, — и мысли въ ясной рѣчи.
Какъ въ золотѣ безцѣнные алмазы.

Ахъ, эта рѣчь проста въ великолѣпьи,
Великолѣпна въ простотѣ! Музыка,
Умъ, живопись — стихіи этой рѣчи.
Она чиста, какъ слезы юной дѣвы,
Когда она надъ гробомъ брата плачетъ;
Она нѣжна, какъ крылья мотылька,
Усыпанныя золотою пылью;
Какъ радуга, свѣжа и разноцвѣтна,

И пламенна, какъ сердце Итальянки.

—

Нѣтъ, эта рѣчь не достоянье Мости.
А вы его хотите звать поэтомъ!..
Художникъ онъ...

МАРКИЗА (*въ сильномъ волненіи*).

Довольно! Вижу ясно,
Что вы его не любите... Довольно!..
Зачто къ нему и ненависить и злоба?
Легко унизить человѣка, трудно
Быть безпристрастнымъ. Мужъ мой справедливъ
Что къ зависти способны вы...

ВЕРРИНО. Маркиза!

Вы можете назвать меня убійцей,
Но никогда завистливымъ лукавцемъ,
Клеветникомъ и сплетникомъ коварнымъ.

—

Маркиза, вы ослѣплены любовью.
Вы — въ сладкомъ снѣ кипучей, бурной страсти,
Не дай Богъ вамъ проснуться надъ могилой,
И въ хладномъ ужасѣ припомнить друга,
Который вашей дружбы не искалъ,
Изъ снисхожденья вамъ давалъ совѣты
И женщинѣ впервые покорялся.
Вамъ трудно оцѣнить такія жертвы.

—

Но заблужденіе — гроза полудня.
Великолѣпна близость черныхъ тучъ,
Пріятенъ слуху гулъ далекій грома,
Мгновенье, — и волшебная картина
Въ существенную бурю обратится.
Кто васъ спасетъ тогда? Ни я, ни Мости.
Онъ подведетъ подъ молнію Розину,

А я собой не заслоню... Простите!
А ты счастливецъ недостойный. Мости,
Съ тобой ужасное свиданье будетъ!

—

МАРКИЗА, одна.

Онъ хочетъ видѣть Мости? Клеветникъ!
Онъ разобьетъ послѣднія надежды
Несчастнаго! О, поспѣшимъ на помощь!..
Лауретта!

—

МАРКИЗА и ЛАУРЕТТА.

МАРКИЗА. Дай мнѣ домино. Пора!
Не знаешь ли, Лауретта, какъ одѣтъ
Мой мужъ?

ЛАУРЕТТА. Онъ просто нарядился.

МАРКИЗА. Спарца?

ЛАУРЕТТА. Въ большомъ венеціанѣ...

МАРКИЗА. А Веррино?

ЛАУРЕТТА. Онъ только-что оставилъ васъ.

МАРКИЗА. Ахъ; правда!
А Мости?

ЛАУРЕТТА. Онъ одѣтъ какимъ-то старцемъ,
Въ рукахъ какой-то инструментъ...

МАРКИЗА. Довольно.
Но какъ ты знаешь?

ЛАУРЕТТА. Какъ входили гости
Я примѣчала... Но пора, маркиза!
По всѣмъ покоямъ маски ходятъ; много
Весьма забавныхъ... Вы совсѣмъ готовы.

—

ЛАУРЕТТА, одна.

Какъ мнѣ не знать, какъ Мости нараженъ!

Своей рукой я шила всю одежду,
И ничего не взяла за труды.
Вотъ человѣкъ! Дай, Богъ, ему здоровье!
Богатъ, красивъ и ласковъ; щедръ и скроменъ;
Сорветъ съ щеки горячій поцѣлуй,
Дастъ золото, и какъ стрѣла уходитъ.
Святой Джузеппо, будь ему покровомъ!
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ich will ihm folgen, Mensch zu seyn!
Шиллеръ.

(Небольшая комната; въ глубинѣ двое дверей, одна противъ другой; комната освѣщена роскошно и убрана цвѣтами; впереди изъ цвѣтовъ-же родъ ширмы, закрывающей двери; въ глубинѣ проходятъ маски, осматривая слегка комнату.)

МОСТИ въ костюмѣ Гомера, какимъ его изображаютъ.
ГОНТИ въ костюмѣ Гезіода.

МОСТИ *(входя за цвѣточную ширму и садясь на скамью, непримѣтную для проходящихъ)*.
Ахъ, Гонти, нѣтъ Розины!

ГОНТИ. Будетъ, будетъ!
Терпѣнья только! Я тебя оставлю,
Пойду по всѣмъ покоямъ, и узнаю,
Въ какомъ она нарядѣ... До свиданья!

МОСТИ (одинъ).

Мучитель! Ты меня увлекъ къ надеждѣ,
И безпрерывно обѣщаешь больше
И больше... Будь что будетъ, я рѣшился!

МОСТИ и АСТРОЛОГЪ (маска).

АСТРОЛОГЪ. Слѣпецъ, слѣпецъ, по-истинѣ слѣпецъ!
Не видишь ты тѣхъ гибельныхъ созвѣздій.
Что̀ надъ твоей главой союзомъ смерти
И горькаго стыда соединились?

МОСТИ. Что?

АСТР. Стыдъ и смерть, безъ масокъ, ждутъ тебя;
Кинжалъ и ядъ — вѣнецъ Капитолійскій!

МОСТИ. Что говоришь! Ты шутишь, астрологъ?

АСТРОЛОГЪ. Шутить я не умѣю. Помни, Мости,
Мои слова! Еще есть время...

МОСТИ (*встревоженный*).
Демонъ!
Какъ ты узналъ меня?

АСТРОЛОГЪ. Во мракѣ ночи,
Когда туманъ, густѣе черной ткани,
Подернетъ міръ и скроетъ звѣздный куполъ,
Я и тогда тебя узнаю, Мости!..
Оставь маркизу!

МОСТИ (*въ ужасѣ*).
Что я слышу, небо!
Но кто ты?..

АСТРОЛОГЪ. Я?.. Свидѣтель преступленій,
Неумолимая порока совѣсть;
Безъ снисхожденія совѣтникъ; вѣрный,
Невидимый невинности защитникъ;
Тѣнь неотвязная убійцы...
...Вотъ мои названья!

—

Оставь домъ Чинто!.. Мости, повинуйся!
Да, если ты исполнишь мой совѣтъ,
Величіе и слава не оставятъ

Счастливаго обманщика поэта,
Художника безъ дарованій. Горе
Тебѣ, несчастный, если гордымъ слухомъ
Моимъ словамъ ты вѣрить не съумѣешь!

—

Величіе и слава! Стыдъ и смерть!
Твоей судьбы владыка полновластный,
Я предложилъ, — ты избирай!

мости. (Всесильный!
Обыкновенный человѣкъ не можетъ
Такъ вѣрно знать всѣ тайны жизни Мости,
И такъ ужасно выборъ предлагать!)

астрологъ. Колеблешься, ничтожный человѣкъ?
Ты безъ любви чужой женой прельстился,
Затѣмъ, что помнишь дѣтскій поцѣлуй,
И думаешь, тебѣ не трудно будетъ
Въ ней разбудить погаснувую любовь?

—

Но послѣ что? Что послѣ будетъ, Мости?..
Я разрѣшу печальную загадку:
Розины смерть, и собственная смерть!..
Прощай! Въ часъ смерти ты меня увидишь!..

—

мости, одинъ.

Холодный потъ по моему челу
Росой могильной проступаетъ. Гонти,
Ты, ты всему виной! Я, какъ невольникъ,
Какъ мячь, твоей рукѣ повиновался!

—

мости и гонти.

гонти. Что говорилъ тебѣ тотъ астрологъ,
Что повернулъ теперь на право въ залу?

мости. Оставь меня! Я внѣ себя... Разбойникъ!

Ядъ и кинжалъ въ его рукѣ. О Гонти,
Какъ безразсудно я внималъ совѣтамъ,
Которые къ погибели ведутъ!

гонти. Люблю Веррино! Какъ хитро, лукаво
Онъ поразилъ тебя незапнымъ страхомъ!

мости *(блѣдно)*. Веррино?

гонти. Тише!.. Ты не могъ узнать
Сквозь маску этихъ глазъ, блестящихъ чувствомъ,
И голоса, поющаго стихами?

мости. (Веррино? Га! Онъ ужасъ мой примѣтилъ!
Я передъ нимъ ребенкомъ показался!)
Но какъ онъ знаетъ?.

гонти. Тише, ради Бога!
Она идетъ, и, кажется, къ тебѣ...
Вотъ въ черномъ домино... Будь остороженъ!

МОСТИ и МАРКИЗА, въ маскѣ, **ГОНТИ**, за цвѣтами, невидимъ.

маркиза. Старикъ, слѣпецъ, тебя покинулъ свѣтъ;
Одинъ всегда...

мости. Одинъ съ моей мечтою,
Съ рапсодіей давнопрошедшихъ лѣтъ.

маркиза. Прошедшее! О, старецъ, что-жъ во мракѣ
Прошедшихъ лѣтъ ты любишь видѣть?...

мости. Счастье.

маркиза. Ты счастливъ былъ?

мости. Не долго.

маркиза. И недолго
Счастливымъ быть, — и этого ужъ много,
Ты былъ любимъ и горячо любимъ?

мости. Казалось мнѣ, я былъ любимъ взаимно.
Но время вывело изъ заблужденья...

маркиза. Несчастная! Но можетъ быть она
Безмолвно высшей волѣ покорилась?
А можетъ-быть, она до сей поры
Хранитъ тебя въ своемъ разбитомъ сердцѣ.
Ахъ, вѣрь мнѣ, вѣрь: любовь прекрасной дѣвы
Не падаетъ съ осенними листами!

мости. О, кто ты ангелъ-утѣшитель? Голосъ
Какъ лиры звукъ, амвросія въ рѣчахъ...
Но нѣтъ, напрасно! Красота и вѣрность —
Двѣ крайности... Притомъ же я старикъ,
Слѣпецъ; она еще въ роскошномъ блескѣ
Хоть знойнаго, но сладостнаго лѣта;
Амуръ ее оставилъ навсегда,
А Гименей — товарищъ неотлучный...
Не обольщай души моей напрасно,
И месть моихъ проклятій несмягчай!

маркиза. Ты можешь проклинать?... О, ради Бога,
Не будь такъ строгъ къ слабѣйшему созданью!
Великодушіе — вѣнецъ мужчины.
Скажи, уже-ль ты болѣе не любишь?

мости. Ахъ, со стыдомъ, непостижимый ангелъ,
Я признаюсь, — люблю.

маркиза. И кто жъ мѣшаетъ
Итти къ твоей возлюбленной, и снова
Въ ея очахъ читать былое счастье
И въ настоящемъ наслаждаться? Время
Въ тебѣ искоренило жаръ восторговъ:
Ты можешь чистою пылать любовью
И чистою любовью быть любимымъ.

мости. О, если-бъ могъ я маску съ жизни сбросить
И въ простотѣ то время возвратить,

Когда любовь и счастье были вмѣстѣ!
Что было чище счастья моего?
Что было выше страсти безкорыстной?
Но нѣтъ... Не испытуй меня напрасно!
Я не могу открыться. Никогда
И никому не ввѣрю этой тайны.
Я знаю, откровенность есть потребность,
Необходимость человѣка... Но... *(вставъ)*
Оставь меня, мой чудный утѣшитель!
Я очень слабъ; не вырывай изъ сердца
Послѣдняго блаженства. Не хочу
Ни съ кѣмъ дѣлить моей печальной тайны!

МАРКИЗА *(съ живостью)*.
Не хочешь? Но, узнай, въ моихъ рукахъ
Еще остались средства къ утѣшенью.
Еще могу я дружбу возвратить,
Когда любви я возвратить не въ силахъ.

МОСТИ. Кто ты, волшебный гость, отрадный геній?

ТѢ ЖЕ и МАРКИЗЪ, въ дверяхъ, въ маскѣ.

ГОНТИ *(бросаясь къ нему на встрѣчу, весьма громко)*.
Я васъ узналъ, маркизъ.

МАРКИЗЪ *(съ неудовольствіемъ)*.
Съ ума сошелъ!
Кто-жъ узнаетъ такъ громко! *(возвращается къ дверямъ)*.

ГОНТИ *(за нимъ слѣдуя)*. Извините!...

МАРКИЗА и МОСТИ.

МАРКИЗА. Подходятъ люди... Дай мнѣ руку, старецъ;
Позволь мнѣ быть твоимъ проводникомъ.

МОСТИ *(взявъ ея руку, про себя)*.
Она моя! Довольно на сегодня!.. *(Уходитъ.)*

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

КОЛЬЦА СМЕРТИ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ma sopra tutto nel buon vino ho fede
E credo, che sia salvo, chi gli crede.
Пульчи.

(Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ предъидущаго Комната Гонти; на столѣ стоятъ сосуды съ винами и яства. Глубокій вечеръ.)

МОСТИ, ГОНТИ и СКАВАРІЕРИ, сидятъ у стола.

ГОНТИ. Пей, Мости, Сиракузское!
МОСТИ. Довольно!
Кружится голова.
ГОНТИ. Хотя отвѣдай,
Да похвали!
СКАВАРІЕРИ. Да; вы примѣтно скучны.
Васъ тяготитъ присутствіе друзей!
МОСТИ. Напротивъ, я съ друзьями отдыхаю.
СКАВАРІЕРИ. И, полно! Вѣрно дума далеко;
Любовныя затѣи...
МОСТИ *(поблѣднѣвъ)*. Что, любовь?
Однообразный лѣсъ. Идешь всё дальше,
А всё встрѣчаешь прежнія деревья.
СКАВАР: Вы, вѣрно, слишкомъ счастливы въ любви.
МОСТИ. И не любилъ и не люблю я женщинъ.
И оттого въ моихъ произведеньяхъ
Всѣхъ женщинъ я пишу однообразно.

СКАВАРІЕРИ. Вы къ самому себѣ несправедливы
Едва шесть мѣсяцевъ, — по всей Европѣ
Картины ваши съ славой разошлись.
Не спорю я, у васъ мужчины лучше,
Но женщины не менѣе прекрасны:
Каковъ предметъ, и лица таковы.
Вотъ напримѣръ, Іуда Искаріотскій —
Вѣнецъ искуства: этотъ хитрый взглядъ,
Коварная предателя улыбка,
Сомнѣніе въ божественности. Бога,
Печать молчанья на устахъ, въ глазахъ
Свирѣпый голодъ серебра... Чудесно!

ГОНТИ. Прикажешь? Кипрское вино...

МОСТИ. Пожалуй!
Послѣдній кубокъ. Я слыхалъ не давно,
Что кто-то во Флоренціи затѣялъ
Писать картину, на которой будетъ
Изображенъ какой-то чичисбей
Съ своей синьорой. Онъ ей мститъ. Смотрите!
Художникъ хочетъ отравить синьору
Посредствомъ колецъ смерти (12)...

СКАВАРІЕРИ. Колецъ смерти?
Да, это ново.

МОСТИ. Въ самое то время,
Когда онъ смерть наноситъ скорымъ ядомъ,
Рука ея — злодѣя обнимаетъ;
Ея уста лобзаніе готовятъ...

СКАВАРІЕРИ. А онъ?

МОСТИ. А онъ, съ улыбкой крокодила,
Въ глаза ея нетерпѣливо смотритъ,
И радости преступной скрыть не можетъ.
Хоть кольцамъ смерти я совсѣмъ не вѣрю...

СКАВАРІЕРИ. Какъ, вы не вѣрите? Напрасно! Кольца

Невѣроятности не представляютъ.
Я видѣлъ самъ ихъ много. Два кольца:
Надѣть ихъ должно на два смежныхъ пальца;
На этихъ кольцахъ, въ видѣ львиныхъ лапокъ,
Два тонкіе, стальные волоска,
Напитанные ядомъ. Вы берете
За руку женщину; межъ вашихъ колецъ
Тихонько пожимаете; пружинки
Слегка царапаютъ, и ваша жертва
Уже горитъ убійственнымъ огнемъ.

гонти. Въ Болоніи не знаютъ этихъ колецъ?

скавар: Напротивъ. Здѣсь, я слышалъ, есть механикъ,
Какой-то Манни; онъ весьма искусенъ
Въ приготовленьи колецъ и отравъ.

мости *(вставъ)*.
(Механикъ Манни?..) Ну, пора! Простите!

гонти. Куда же ты? Останься, посиди!

мости. Маркизъ одинъ по вечерамъ скучаетъ.

гонти (*тихо къ Мости*).
Маркиза больше! Богъ съ тобой, иди;
Въ другой разъ не пущу тебя такъ рано.

—

гонти и скаваріери.

скаваріери. Что, Гонти?

гонти. Неудача.

скаваріери. Онъ не пьетъ.
И по расчету.

гонти. Какъ?

скаваріери. Онъ знаетъ, Гонти,
Что и разбойникъ пьяный откровененъ;
А у него въ душѣ не хорошо.

Гонти. Не хорошо; давно ужъ я замѣтилъ;
Но эта тайна намъ необходима.
Быть-можетъ, эта тайна — противъ насъ.
Неблагодарность у людей порочныхъ —
Второе сердце. Знаешь, онъ обязанъ
Своимъ богатствомъ мнѣ? Вѣдь я возвысилъ
Его достоинства моимъ сужденьемъ.
Онъ шелъ сначала непрямой дорогой.
Я указалъ ему, какія средства
Ведутъ къ богатству; онъ за нихъ схватился,
И, посмотри, разбогатѣлъ.

Скаваріери. Однако-жъ
In vino veritas. Скажи мнѣ, Гонти,
Правдивъ-ли слухъ про связь его съ маркизой?

Гонти. Вотъ что меня наиболѣе смущаетъ!
Разрывъ опасенъ не ему, а намъ.
Онъ собралъ непомѣрное богатство, —
Намъ далъ обрѣзки своего незнанья,
Отъ страха видѣть въ насъ своихъ враговъ.
«Однообразный лѣсъ» — тутъ былъ конецъ;
Но мы схватить искусно не умѣли...

Скавар. Такъ, стало, слухъ о молодой маркизѣ...

Гонти. Къ несчастью, или къ счастью, справедливъ.
Сначала онъ любилъ ее, какъ должно.
Маркизъ ему далъ право чичисбея ([13])
Своей жены. А кавалеръ Вальдони,
Который добивался этой чести,
Съ отчаянья и горя застрѣлился.
Два мѣсяца, не больше, нашъ художникъ
Усердно исполнялъ долгъ чичисбея;
А какъ онъ изъ хорошаго семейства,
То въ лучшіе дома входилъ съ маркизой.
Ты помнишь ли племянника, Веррино?

Онъ также мѣтилъ въ чичисбеи. Этотъ
И молодой и умный человѣкъ
Опасно захворалъ отъ огорченья.
Шесть мѣсяцевъ уже его не вижу.
Вотъ Мости, на просторѣ, безъ боязни,
Обычаемъ лукаво прикрываясь,
Любовь свою могъ изливать маркизѣ...
Но какъ непостояненъ человѣкъ!
Ужъ онъ соскучилъ должностью своею:
А это знакъ дурной. Любви ужъ нѣтъ!
Онъ часто убѣгаетъ отъ маркизы,
И только, лишь-бы мѣста не лишиться,
И не нажить опаснаго врага,
Изъ угожденія личину носитъ,

СКАВАРІЕРИ. Но, можетъ-быть, еще одна догадка?

ГОНТИ. А, можетъ-быть, правдивая догадка.
Во всякомъ случаѣ молчи! Сегодня
Не удалось; такъ завтра можетъ-быть
Удастся обнаружить эту тайну.

СКАВАРІЕРИ (*встаетъ*).
Прости же, Гонти! Если что узнаешь,
Такъ не забудь увѣдомить. Прости!

ГОНТИ (*встаетъ*). О, непремѣнно! Завтра, Скаваріери,
Ты заходи къ маркизу ненарокомъ.
Я принесу къ нему свою картину,
И стану продавать за Тиціана;
Такъ помоги...

СКАВАРІЕРИ. Ну, а мою Венеру?

ГОНТИ. Не вдругъ! Дай срокъ, уладимъ! Ну прости!

(Расходятся.)

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Улица. Глубокая ночь.)

МОСТИ *(одинъ.)*
Какъ голова кружится! Ничего
Невижу. О, проклятое вино!
Я слабъ; мнѣ пить не должно.
Скоро полночь.
Все дружно спитъ, не спитъ одна маркиза
И проповѣдь для Мости сочиняетъ.
Заутра тма догадокъ, подозрѣній,
Ревнивыхъ вымысловъ, угрозъ, упрековъ...
Несносная! Какъ приторны, досадны
Угасшихъ чувствъ натянутыя ласки,
Когда мы ихъ не принимать не смѣемъ,
Когда, по заведенному порядку,
Должны благодарить за глупый взоръ,
Поддѣльно говорить, вздыхать и плакать,
Смѣяться, ненависть въ душѣ скрывая,
Лобзанья пить, какъ горькое лекарство,
Хворать и не видать конца недугу!
Вотъ адъ!.. Я потерялъ мою способность
Обманывать горячностью притворной;
Не нахожу ужъ больше хитрой рѣчи;
Не знаю, чѣмъ бесѣду продолжать...

Не дешево купилъ я эту славу!
Не дешево богатство пріобрѣлъ!..
А пользы нѣтъ, — она все отравляетъ.
Избавиться отъ ней нѣтъ средствъ. Бѣжать?
Куда бѣжать! Увы, я слишкомъ славенъ
Для бѣгства. Дивнаго маркиза Чинто
Я не найду нигдѣ. Кто знаетъ: люди,
Изъ угожденья только меценату,

Прославили меня не должной славой?
Вся власть моя въ невѣжествѣ маркиза
И въ золотой его рукѣ.... Чуть только
Я отойду, — враги сорвутъ личину:
Тогда прости и слава и богатство!
Бѣжать нельзя!
Нельзя и оставаться!
Ужасная! она безумно любитъ.
Какъ? Быть рабомъ желаній своенравныхъ,
Все время, всѣ свободные досуги
Бесѣдѣ отвратительной дарить,
И прихоть женщины считать закономъ?..
Ужасно!... Наконецъ, нѣтъ тайны вѣчной...
Стыдъ — ничего, но месть людей богатыхъ
Дѣйствительна, какъ молнія, какъ ядъ.
Бѣжать нельзя, нельзя и оставаться!

—

Не разорвать ли цѣпи самому?
Умышленно опомниться, прозрѣть,
Покаяться? Тогда одна маркиза
Останется виновницей во всемъ.
Нельзя! Маркизъ — глупецъ, и глупо любитъ
Розину; ей легка надъ нимъ побѣда.
Тогда Розина съ местію возстанетъ...
Что значитъ месть для женщинъ? Рукодѣлье,
Привычное занятіе... Нельзя!
Что остается мнѣ? Одно убійство...

(съ опасеніемъ оглядывается.)

Я говорилъ, иль думалъ про себя!..

—

Безъ крови! Кровь — свидѣтель говорящій;
Безъ крика! Крикъ, какъ колоколъ церковный,
И мертвыхъ будитъ.... Если эти кольца

Не выдумка... Нѣтъ страшно!.. Еслибъ можно
Вдавить ихъ въ спящую, уйти, уѣхать,
И возвратиться къ погребенью; если бъ...
Но правда ли, что въ кольцахъ скорый ядъ?
Но правда ли, что кольца существуютъ?
Но правда ли, что Манни знаетъ ихъ?

Ужъ за полночь; онъ гдѣ-то здѣсь живетъ...
Я незнакомъ съ механикомъ... Зайдемъ!
За золото онъ будетъ откровененъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

L'araba Fenice,
Che vi sia, ognun lo dice;
Dove sia, nessun lo sà.

(Комната механика Манни. Множество инструментовъ, сосудовъ и аппаратовъ, принадлежащихъ большею частію древней Химіи, разбросаны въ комнатѣ; въ одной сторонѣ желѣзная печь съ мѣхами; въ другой, шкафъ со стклянками, машины разнаго рода закрываютъ глубину комнаты.)

МАННИ (*открывая въ шкафу тайныя дверцы и вынимая сосудъ.*

Убійственная жидкость! Отъ вдыханья
Не трудно отравиться. Восемь капель
Вмѣшайте въ пищу — человѣка нѣтъ!
Двѣ капли чистой жидкости на руку,
И человѣка нѣтъ! Aqua tofana... (12)
Положимъ, твой составъ извѣстенъ многимъ:
А многимъ-ли извѣстенъ вѣрный путь

Какъ управлять отравой? Способъ, мѣра, —
Не вещество, науку составляютъ.
Всего забавнѣе, какъ много сказокъ
Живетъ въ народѣ о водѣ чудесной!
Въ природѣ человѣка есть наклонность
Къ чудесности. Учи ихъ, не учи, —
А испугаешь старца такъ легко
Какъ пятилѣтняго ребенка.
(Садится за рабочій столъ.) Надо
Однако же начать ночной мой трудъ
И кольца смерти напитать отравой.
Двѣнадцать паръ. Когда-бъ хоть пары три
Въ теченье этой ночи изготовить!
Какой расходъ на гибельныя кольца!
Какой расходъ на жизнь людей! А люди...
Изобрѣтите средство отравлять
Въ далекомъ разстояньи, незамѣтно, —
Ручаюсь; многихъ государствъ не станетъ.
У зла единственный предѣлъ — страхъ казни.
(опуская въ особую коробку кольцо.)
Готово! Положить его въ коробку.

—

Спасительно невѣжество людей!
Источникъ многихъ бѣдъ и многихъ выгодъ.
Какъ занавѣсъ, невѣжество скрываетъ
Искусника въ его рабочей темной,
И видитъ свѣтъ событья, безъ причинъ;
Дивится, и отъ страха уважаетъ.
Невѣжество, безспорно, первый врагъ,
Но вмѣстѣ покровитель просвѣщенья...
(опуская другое кольцо въ коробку.)
Готово! Вотъ и пара! Сто цекиновъ
Какъ-будто получилъ уже за кольца!
Доходъ огромный, такъ, но эти кольца

Мѣшаютъ мнѣ наукой заниматься!
Охъ, прибыль перевѣшиваетъ въ насъ
Честныя склонности къ высокимъ знаньямъ!
Ну, какъ за пару колецъ сто цехиновъ!
Положимъ, въ мѣсяцъ только тридцать паръ, —
Уже три тысячи цехиновъ...
(*Слышенъ стукъ.*) Кто тамъ?
На вѣрно жидъ за кольцами... Кто тамъ?

(убираетъ и прячетъ кольца.)

Но приберемъ работу; можетъ-быть
Градскія власти страшныхъ колецъ ищутъ.
Ужъ и въ Болоніи не безопасно. (*стукъ.*)
Сейчасъ!.. Не жидъ! Условленные знаки
Онъ помнитъ хорошо... Иду, иду!

—

МАННИ и МОСТИ.

мости. Простите я обезпокоилъ васъ
Такой порой...

манни. (Какой-то незнакомецъ.......
Не хорошо... Сомнительно... Лазутчикъ!)
Прошу покорно.

мости. Извините!

манни. Право,
Мнѣ посѣщенье ваше не мѣшаетъ.
(Наружности разстроенной. Влюбленъ!
А можетъ-быть обманчивая маска...)

мости. Механикъ Манни — ваше имя?

манни. Точно.

мости. Я не ошибся; очень радъ. Недавно
Я въ городъ вашъ пріѣхалъ. Не успѣлъ
До сей поры васъ навѣстить. Простите!

манни. Помилуйте, я права не имѣю
И требовать... Позвольте, незнакомецъ,
Короче познакомиться...

мости. Кто я —
Хотите знать?

манни. Желаю съ нетерпѣньемъ.

мости. Къ чему вамъ, для минутнаго знакомства?..
Но все равно; я вамъ скажу, кто я:
Венеціянскій дворянинъ Требано;
Я по дѣламъ въ Болонію пріѣхалъ,
И къ вамъ зашелъ по дѣлу...

манни. Вашъ слуга!

мости *(указывая на шкафъ)*.
Что здѣсь у васъ?

манни. Домашняя аптека.
Механика нуждается во многомъ,
Что надобно хранить въ стеклѣ. (Лазутчикъ!
И что ему за нужда до сосудовъ?)

мости. Стекло и ядъ безвредно сохраняетъ.

манни. Не знаю. Ядъ въ механикѣ не нуженъ.

мости. Неужели? А знаете, у насъ
Въ Венеціи слухъ носится, что вы,
Съ особеннымъ искуствомъ, въ разныхъ видахъ
Заготовлять умѣете отравы.

манни. Я? Никогда! Машины и модели —
Какія вамъ угодно, но отравы...
Я незнакомъ съ Алхиміей. Напрасно...
Васъ обманули.

мости. Очень, очень жаль.
Я вамъ скажу, что такъ меня печалитъ.
Мой близкій родственникъ и другъ влюбился
Въ одну прекрасную вдову. Сначала,

Она ему взаимностью платила;
Но, не прошло и мѣсяца, мой другъ
Открылъ измѣну. Въ бѣшенствѣ, хотѣлъ онъ
Измѣнницѣ кинжаломъ отплатить;
Но родственники и друзья успѣли
Послѣдствіями испугать его.
Онъ мщенье отложилъ, но не оставилъ.
Узнавъ, что я въ Болонію къ вамъ ѣду,
Онъ прибѣжалъ ко мнѣ, повергся въ ноги,
И со слезами умолялъ достать
У васъ какое-то кольцо съ отравой,
А на покупку далъ... пять сотъ цекиновъ.
Я сжалился надъ положеньемъ друга,
И обѣщалъ...

манни. (Пять сотъ цекиновъ!)

мости. Долго
Не могъ я къ помощи прибѣгнуть вашей.
Я позабылъ о порученьи друга.
Сегодня вспомнилъ, къ вамъ иду, и — что же?
Не нахожу того, кого искалъ.
Вы Манни, но не тотъ великій Манни,
Прославленный изобрѣтатель колецъ,
Чьей славою Италія полна...

манни. Кто? Я не тотъ великій!.. Ваша правда!
(За два кольца пять сотъ цекиновъ...) Впрочемъ
Послушайте, — я не умѣю дѣлать
Ужасныхъ колецъ смерти; я не знаю
Какой составъ для нихъ употребляютъ;
Но у меня довольно есть знакомыхъ,
Которые для опытовъ моихъ
Доставятъ кольца. Надобны поруки...

мости (*съ живостью*).
Вы знаете, гдѣ можно ихъ достать?..

манни. Навѣрно ничего сказать не смѣю.
Я распрошу; позвольте два, три дня...

мости. Къ несчастью, я сегодня долженъ ѣхать,
Отецъ мой при смерти, дѣла въ разстройствѣ.
Я до зари еще отправлюсь въ путь.

манни. (Вотъ это странно! При смерти отецъ;
Въ его глазахъ то радость, то смущенье;
Самъ онъ въ бѣдѣ, — а о другихъ хлопочетъ...
Опасно! Месть дворянская болтлива...)

мости. Вы въ размышленіи, почтенный Манни?
Не довѣряете? Я понимаю,
Что вамъ нельзя быть съ каждымъ откровеннымъ.
Но я клянусь отцемъ моимъ, богатствомъ,
Здоровьемъ, честью, будущимъ блаженствомъ...
Пусть тонкій ядъ медлительно терзаетъ
Всю внутренность мою; пусть адъ, всѣ черти,
Съ огнемъ и кипяткомъ, съ смолой и сѣрой,
На головѣ, на каждомъ волоскѣ,
Какъ пьявицы повиснутъ чернымъ стадомъ;
Пусть птицы хищныя въ свирѣпомъ гладѣ
Изгложутъ кости мнѣ живому, если
Я измѣню вамъ въ тайнѣ...

манни *(съ улыбкой)*. Незнакомецъ,
Ты для себя желаешь колецъ смерти!

мости. Я? Для себя?.. Ты не волшебникъ, Манни!
Ты ошибаться можешь, какъ другіе.
Изъ словъ моихъ ты ложно заключилъ,
Что для себя ищу я колецъ смерти.
На что они? Я ужъ давно женатъ,
Дѣтей имѣю... Но мой другъ... Безъ мести
Онъ не умреть спокойно. Бѣдный другъ!
Я не могу за всѣ твои цекины
Принесть тебѣ ничтожныхъ колецъ смерти,

Которыя и гроша не стоятъ.
Я не могу остаться... Что мнѣ дѣлать?
О, Манни, если ты имѣешь сердце,
Когда ты мстилъ когда-нибудь врагу,
Когда ты былъ разъ въ жизни человѣкомъ, —
Скрываться перестань! Дай кольца смерти,
И вотъ пять сотъ цекиновъ.

манни *(вынувъ коробочку)*.

Незнакомецъ,
Вотъ два кольца, — убійственная пара, —
Но не отдамъ, пока передо мной
Не повторишь завѣтныхъ клятвъ своихъ.

мости. Га! Кольца, кольца! Дай мнѣ ихъ!..

манни. Клянись.

мости. О, вѣрь мнѣ, вѣрь! Божуся!..

манни. Не божись.
Кто ядъ беретъ на гибель человѣка,
Тотъ Бога не боится...

мости. Манни!.. Манни!

манни. Тотъ страшнаго суда не ожидаетъ,
Тотъ грѣхъ — за грѣхъ считать не хочетъ.

мости. Манни!..

манни. Похитить жизнь, которой дать не можешь...

мости. Зачѣмъ же ты, ужасный проповѣдникъ,
Приготовляешь гибель человѣку?

манни. Изъ состраданія.

мости. Изъ состраданья?

манни. Довольно. Намъ не должно разсуждать.
Другъ друга мы не разувѣримъ. Полно!
Клянись и заплати! Божбѣ не вѣрю:
Она у чистыхъ душъ имѣетъ силу,
А отъ убійцъ другія нужны клятвы.

мости. Клянусь не открывать ужасной тайны,
Что ты приготовляешь кольца смерти!
Клянусь моимъ отцемъ, здоровьемъ, счастьемъ,
Всѣмъ драгоцѣннымъ сердцу моему...

манни. Прибавь, всѣмъ адомъ...

мости. И всѣмъ адомъ!.. Манни,
Отдай мнѣ кольца; вотъ твои цекины!
(Взявъ кольца; Манни между-тѣмъ считаетъ деньги)
Они смертельны?

манни (*продолжая считать*).
Да.

мости. Они смертельны!
Гдѣ жъ этотъ ядъ?

манни. Въ чуть видныхъ волоскахъ.
Они безъ боли кожу проникаютъ.

мости. А ядъ силенъ?

манни. Какъ для кого... Для женщины?

мости. Положимъ, да!

манни. Довольно трехъ часовъ;
Она угаснетъ въ смутныхъ сновидѣньяхъ.

мости. А признаковъ?..

манни. Не оставляютъ кольца.

мости. (Ура!) Прости!

манни (*взявъ свѣтильникъ*). На лѣстницѣ темно.
Я провожу тебя.

мости. Спокойной ночи! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Комната Мости, во дворцѣ. Разсвѣтаетъ.)

ЛАУРЕТТА и МОСТИ.

ЛАУРЕТТА *(одна)*.
Нѣтъ! Скоро день, а Мости нѣтъ какъ нѣтъ.
Гдѣ засидѣлся, гдѣ онъ спалъ сегодня?
Неужели пропировалъ у Гонти
Всю ночь? Присяду. Будемъ ждать...

МОСТИ. Лауретта!
Ты здѣсь, моя красавица?

ЛАУРЕТТА. Постойте!
Вамъ нѣкогда. Маркиза...

МОСТИ *(съ неудовольствіемъ)*.
Ахъ, маркиза!
Когда меня отъ милостей уволятъ?
Убійственная скука... О, Лауретта,
Когда-бъ не ты, давно-бъ бѣжалъ отсюда.
Мы здѣсь одни. Никто не помѣшаетъ
Намъ объясниться. Да, моя Лауретта,
Я искренно люблю одну тебя.
Готова-ль ты мнѣ подарить взаимность,
Жить у меня хозяйкой? Я хочу
Оставить эти грустные покои,
И въ собственный свой домъ переселиться.
Готова-ль ты свое оставить мѣсто
И домомъ управлять... Я не ребенокъ,
Не бѣденъ, не ревнивъ. Покойно, знатно
Мы заживемъ! Наскучимъ мы другъ другу,
Безъ злобы и досады разойдемся.
А если жизнь мила намъ будетъ вмѣстѣ,
Соединимся неразрывной цѣпью.
Безъ опытовъ, опасенъ брачный узелъ;
Не испытавъ, не можемъ знать себя;
Ты не вдова, я не вдовецъ; годъ, два, —
Характеры, привычки объяснятся;

Мы свыкнемся, и бракъ нашъ будетъ вѣренъ,
И будемъ мы примѣрною четой.
Ну что жъ? Готова-ль ты на эту жертву?

ЛАУРЕТТА. Маркиза... безъ маркизы...

МОСТИ. Что она?
Скажи ей о любви моей полслова, —
Тебя не станетъ: ревность ядовита.

ЛАУРЕТТА, Нѣтъ! Я молчу...

МОСТИ. И Боже сохрани,
Не только рѣчью, знакомъ чуть примѣтнымъ,
Въ душѣ ея встревожить подозрѣнье!
Но если, милая Лауретта, случай
Или болѣзнь освободитъ тебя
Отъ попечительной маркизы...

ЛАУРЕТТА. Боже,
Что говорите вы? Святый Антоній!
Какъ смѣю я подумать о кончинѣ
Маркизы добродѣтельной...

МОСТИ. Невинность!
Кто вѣченъ на землѣ? И жизнь и смерть,
Какъ два конца на улицѣ проѣзжей:
Чуть въѣхалъ, не минешь ни одного.
Не можетъ ли маркиза захворать?
Не можетъ ли рукою неискусной
Неловкаго врача сойти въ могилу?..

ЛАУРЕТТА. Я день и ночь объ ней молиться стану!

МОСТИ. И я молю о сохраненьи жизни
Маркизы. Но судьбы небесъ закрыты.
Я спрашиваю у тебя на случай.
Ты согласилась бы тогда?..

ЛУАРЕТТА. Незнаю!..

МОСТИ. (Она согласна). Что жъ твоя маркиза?

ЛАУРЕТТА. Маркиза? Да! Я вовсе позабыла.
Она велѣла вамъ сказать, что утромъ,
Чуть свѣтъ, она пойдетъ гулять къ фонтану,
Что возлѣ дальнихъ цвѣтниковъ...

МОСТИ. (Опять!
Но, можетъ-быть, послѣднее свиданье).

ЛАУРЕТТА. Она васъ проситъ...

МОСТИ. Проситъ? Пусть прикажетъ.
Повиноваться легче приказанью,
Чѣмъ просьбѣ ненавистной. И зачѣмъ?
Элегію упрековъ и угрозъ
Прочесть отступнику отъ глупой страсти.

ЛАУРЕТТА. Помилуйте!

МОСТИ. О перестань, Лауретта!
Ты слишкомъ молода. Въ шестнадцать лѣтъ
Любовь весною дышитъ; въ тридцать лѣтъ
Она подъ знойный тропикъ переходитъ.

ЛАУРЕТТА. Я ничего не понимаю.

МОСТИ. Полно!
Тебѣ понятна-ль жизнь собачекъ здѣшнихъ,
Что цѣлый день то лаютъ, то служатъ?
Вотъ это жизнь влюбленнаго по долгу.
Но все равно! Чего-жъ маркиза проситъ?..

ЛАУРЕТТА. Свиданья съ вами...

МОСТИ. Я приду, Лауретта.
И, кстати, у меня къ Розинѣ дѣло...

ЛАУРЕТТА. Какое?..

МОСТИ. Я приду... скажи, приду...

ЛАУРЕТТА. За что-жъ вы сердитесь?

МОСТИ. Не на тебя,
А за тебя. Прости, моя Лауретта!

МОСТИ одинъ.

Идти иль нѣтъ?
Ребяческія грезы,
Прекрасна ваша дѣвственная свѣжесть!
Не солнце ли въ Феррарѣ вѣсть давало,
Когда идти къ Розинѣ простодушной,
Когда спѣшить къ разслабленному Тассу?
Теперь не то. Зачѣмъ теперь не то?
Зачѣмъ намъ много дней даруетъ небо?
Дай день одинъ, но съ неподвижнымъ солнцемъ
И съ постоянной юностью; одинъ,
Чтобъ сердце не успѣло быть преступнымъ.
Пойдемъ! Гдѣ кольца? Надо ихъ надѣть.
(Запираетъ двери и вынимаетъ коробочку).
Гдѣ этотъ ядъ, невидимый убійца?..
Подъ золотой корой... Какъ онъ похожъ
На человѣка! (задрожавъ) На меня...
Убійство!

—

Но если я въ моей увѣренъ тайнѣ?
Когда я знаю, твердо убѣжденъ,
Что нѣкому преслѣдовать убійцу?

—

И какъ узнать про тайное убійство?..
Безъ признаковъ, безъ подозрѣній... кто
Захочетъ мстить за гордую Розину,
Презрѣвшую, отвергнувшую всѣхъ?
Да и кому? Убійца неизвѣстенъ!

—

Обманутый супругъ; двѣ три служанки;
Собачка и домашніе цвѣты...
И тѣ объ ней едва ли пожалѣютъ!

—

Меня подозрѣвать нельзя. Маркизъ,
Знакомые, родные, люди, всѣ
Увѣрены въ привязанности чистой
И въ благодарности моей къ Розинѣ.

—

Сомнѣнія? Ничтожныя сомнѣнья!
Къ чему и грусть и страхъ въ дрожащемъ сердцѣ?
Судьба идетъ всегда одной дорогой.
Умретъ, — мы похоронимъ и поплачемъ;
Поговоримъ о качествахъ покойной,
Недѣлю погорюемъ, и забудемъ;
И жизнь ея и смерть въ устахъ потомства
Незанимательной исчезнутъ сказкой...
Но поспѣшимъ трагической развязкой. *(Уходитъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Du bist's? Ich glaub' es kaum!
Gieb deine Hand. Es ist kein Traum!
Deine liebe Hand!.. Ach! aber sie ist feucht.
Wische sie ab! Wie mich deucht,
Ist Blut d'ran.

Гете.

(Садъ. Площадка со всѣхъ сторонъ закрытая стѣной изъ цвѣтовъ; посрединѣ фонтанъ; нѣсколько статуй; вдали видѣнъ дворецъ Чинто въ туманѣ. Разсвѣтъ).

—

ВЕРРИНО одинъ.

Греми, душа, хвалебный гимнъ Творцу!
Возрадуйтесь глаза святой природѣ,
И обнимите взоромъ безконечнымъ
Всю грудь ея... Какъ арфа, вся душа
Созвучьями роскошными трепещетъ,
Какъ въ праздникъ церковь, дивнымъ свѣтомъ блещетъ;

И еслибъ ночь покрыла небеса,
И если бъ міръ встревожила гроза,
Душа бъ моя все небо освѣтила,
И гулъ громовъ торжественно покрыла.

—

Прошелъ недугъ! Я снова человѣкъ.
Съ одра возсталъ, какъ будто обновленный.
Я веселъ, свѣжъ, здоровъ, какъ мой фонтанъ,
Готовъ любить врага, готовъ убійцѣ
Сжать кровію обрызганную руку.

—

Выздоровленіе!.. Какъ виденъ Богъ
Во всѣхъ красахъ и недостаткахъ жизни!
Намъ надоѣстъ и счастье и здоровье;
Намъ кажется, что счастье и здоровье —
Обыкновенныя, простыя блага;
Что эти блага—принадлежность наша,
Что мы ихъ можемъ требовать у Бога.
И что же? Богъ счастливца гордеца,
Здороваго и крѣпкаго невѣжу,
На твердый одръ недуга повергаетъ.
Тогда онъ чувствуетъ, что эти блага
Не принадлежность, а благодѣянье...

—

Въ печальномъ торжествѣ, съ сѣкирой смерти,
Недугъ идетъ тернистою дорогой;
То, злобствуя, смертельную сѣкиру
Надъ головой страдальца поднимаетъ,
То гордо, съ состраданьемъ и презрѣньемъ,
Смертельную сѣкиру опускаетъ.

—

Прошелъ недугъ! Съ одра, какъ изъ могилы

Встаетъ больной, и тихій трепетъ жизни
Изъ сердца, какъ лучи, бѣжитъ по членамъ.
Хотя въ глазахъ темно, дрожатъ колѣни,
Но въ слабости живетъ очарованье.
Онъ любитъ эту томность, добрый признакъ
Медлительнаго возвращенья жизни;
Въ невольномъ обаяньи, жадной грудью
Онъ пьетъ благоуханный воздухъ утра,
Глаза полу-зажмуривъ, смотритъ въ небо, —
А небо на него привѣтно смотритъ!..
Тутъ человѣкъ, тутъ вся его природа,
Какъ внутренность часовъ, ясна, понятна.
Что онъ любилъ, тогда онъ больше любитъ;
Чего онъ не любилъ, на то спокойно,
Съ какой-то снисходительностью смотритъ.
И ясно обнаружится, что люди
Сотворены Премудрымъ не для злобы;
Что слабость ихъ полезнѣе ихъ силы;
Что только крѣпость чувственной природы,
Переходя черты предназначенья,
Страстей уничтожаетъ равновѣсье
И топитъ міръ въ порокѣ и соблазнѣ...

—

Какъ рано!.. Птицы только что проснулись,
Дворецъ въ туманѣ, во дворцѣ все спитъ.
Я будто уѣзжалъ въ далекій путь,
И будто поздней ночью возвратился;
Спать не могу, но не хочу будить
Людей, дневной работой утомленныхъ,
И жду, пока сами собой проснуться.

—

Что новаго случилось безъ меня?
Въ шесть мѣсяцевъ народы исчезаютъ!

Кто это? Неужели?.. Быть не можетъ!
Такъ рано!.. И печальна, и блѣдна!..

—

ВЕРРИНО и МАРКИЗА.

МАРКИЗА (*не видя его*).
(Фонтанъ! ты плачешь чудными слезами?
Или чужой печалію играешь?..
Ты не видалъ *ею* въ бассейнѣ чистомъ?
Не сохранилъ ты стройной тѣни?.. Нѣтъ!
Какъ сердце вѣтреннаго человѣка,
Ты тò хранишь, чтó смотрится въ тебя,
Что быть въ тебѣ насильственно желаетъ...
А можетъ-быть... и это сходство ложно!..)

ВЕРРИНО. Маркиза...

МАРКИЗА. Боже, голосъ незнакомый!

ВЕРРИНО. Маркиза, васъ ли вижу? Бога ради,
Съ холодностью лица не отвращайте.

МАРКИЗА (*въ смущеніи*).
Веррино, вы здоровы? Здѣсь? Зачѣмъ?

ВЕРР: Я всталъ изъ гроба, чтобъ еще васъ видѣть.

МАРКИЗА. Вотъ встрѣча неожиданная. Утромъ!
Здѣсь такъ свѣжо, вы такъ слабы...

ВЕРРИНО. Маркиза,
Я крѣпокъ, твердъ, здоровъ. Вашъ взоръ цѣлебенъ.

МАРКИЗА. (Что это значитъ? Надо притвориться;
Онъ самый страшный судія.) Веррино,
Вамъ лучше?..

ВЕРРИНО. Слава Богу, лучше, легче,
Отраднѣе. Впервые отъ рожденья
Я плачу отъ душевнаго веселья.
Да! видя васъ, я какъ то вдвое ожилъ;

Мнѣ кажется, я былъ въ темницѣ душной,
И очутился въ небесахъ... Простите!
Я слишкомъ слабъ, чтобъ скрыть движенья сердца.

МАРКИЗА. (Я не ошиблась. Боже, помоги мнѣ
Не опечалить бѣднаго Веррино!)
Къ чему скрывать прекрасныя движенья?
Они цѣлебны для больныхъ... Однако жъ
Какъ долго вы страдали! Вашъ недугъ
Такъ огорчалъ меня!..

ВЕРРИНО. Вы сожалѣли?

МАРКИЗА. Несправедливый! Можно-ль быть покойной,
Когда врачи съ сомнѣньемъ и боязнью
Объ вашей жизни говорили? Часто
Я не могла уснуть...

ВЕРРИНО. Вы сожалѣли?
Счастливецъ недостойный! О, маркиза,
Когда-бъ я зналъ о счастіи моемъ,
Когда-бы сонъ сказалъ про это счастье,
Я поборолъ-бы тяжкій мой недугъ,
Какъ исполина бурно бъ опрокинулъ,
И жизнью-бъ цвѣлъ и жизнь цѣнилъ дороже.
Маркиза, мнѣ болѣзнь глаза открыла.
Повѣрите-ль? Не разъ въ жару и мукахъ
Могильный холодъ чувствъ моихъ касался...
И что-жъ? — Гляжу, сидитъ небесный образъ
У ногъ моихъ; прекрасный, какъ надежда;
Онъ самовластно жить повелѣвалъ, —
И жизнь повиновалась. Въ дикой злобѣ,
Недугъ его напрасно отгонялъ.
Напрасно смерть выдумывала муки,
Какъ одолѣть страдальца. Умираю,
Но образъ улыбнется, — я живу...
Ахъ, какъ онъ былъ похожъ на васъ, маркиза!

Вы не смутились? Не смущайтесь! Право,
Не оскорблю я вашихъ чувствъ, маркиза.
Мнѣ сладостно носить прекрасный образъ
Въ моей груди; пріятно съ нимъ бесѣду
Вести въ священной сердца тишинѣ;
Разсматривать и удивляться... Боже,
И это все узналъ я надъ могилой!
До той поры я самъ не понималъ,
Какимъ влеченіемъ я связанъ съ вами.
Такъ! Мы — друзья? Не оскорбляетъ васъ
Рѣчь откровенная моя?..

МАРКИЗА. Нимало.
Любовь поэта освѣжаетъ душу.
Она святѣй любви и чище дружбы.

ВЕРРИНО. Отъ сердца или нѣтъ, но справедливо.
Вы лучше, вижу, знаете меня,
Чѣмъ самого себя я зналъ донынѣ.
Но этотъ разговоръ вамъ надоѣстъ.
Все о себѣ, да о себѣ. Маркиза,
Что новаго у васъ? Я ничего
Не могъ узнать въ невольномъ заключеньи.

(Маркиза блѣднѣетъ).

Что Мости нашъ? Маркиза, вы смутились?

(Маркиза опирается на дерево).

Вы глубину любви его проникли
И разувѣрились?.. (Молчитъ! Ни слова!..)
Вы любите его? Ну, что жъ? Любите!
За чистыя движенія души
Кто можетъ упрекать? Кто можетъ взоры
Единственнымъ предметомъ ограничить,
А въ сердцѣ уничтожить жажду чувства?
Маркиза, можетъ-быть мои вопросы
Вамъ тяжелы?.. Взгляните на меня!

Творецъ, неужели?.. Нѣтъ! я не вѣрю.
О, успокойте слабаго страдальца!
Прервите ваше страшное молчанье,
Скажите неотвязному Верринѣ:
«Нѣтъ, не сбылось пророчество твое!»

МАРКИЗА *(въ совершенномъ смущеніи).*
Да... Ты... не правъ, Веррино!

ВЕРРИНО. *(съ горестью).*
Правъ, Розина!
Я правду словъ слезами обмываю.
Маркиза, эта правда — смерть моя!

МАРКИЗА *(въ ужасѣ).*
Великій Боже, онъ въ душѣ читаетъ!..

ВЕРРИНО *(съ возрастающимъ жаромъ).*
Великій Боже, гдѣ же добродѣтель,
Земной мой богъ? Зачѣмъ я всталъ изъ гроба,
Согрѣлся жизнью, сладостной надеждой,
Торжествовалъ обрѣтенье мечты?
И гдѣ-жъ моя мечта?.. Ничтожный Мости
Разрушилъ вѣру въ мой кумиръ прекрасный.
Чѣмъ буду я безъ этой сладкой вѣры?
Такимъ-же, какъ и онъ, злодѣемъ.
Нѣтъ!
Есть Богъ, такъ есть божественная милость;
За гробомъ ужъ очиститься нельзя,
А *здѣсь* — всегда просторъ для покаянья.

МАРКИЗА *(въ слезахъ).*
Другъ снисходительный!..

ВЕРРИНО. Одно мгновенье!..
Пусть слезы грудь мою освободятъ.

МАРКИЗА. Что хочешь ты?..

ВЕРРИНО. Раскаянья, маркиза,
Еще не поздно...

МАРКИЗА. Боже Всемогущій!
Неужели ты думаешь...

ВЕРРИНО. Маркиза,
Я знаю, я увѣренъ, убѣжденъ,
И дѣйствую по вдохновенью сердца.

—

Васъ суетно послѣдствія пугаютъ;
Предъ вами мужъ и общій стыдъ стоятъ.
Вамъ кажется, что утонуть въ порокѣ
И вмѣстѣ съ жизнью тайну унести
Приличнѣе, чѣмъ въ чистотѣ воскреснуть
И, вмѣстѣ съ обвиняющей толпою,
Возненавидѣть собственный свой грѣхъ?
О, гробъ не дно, а дверь въ другое море.
Молитесь! Я молиться съ вами стану:
Покайтесь! Богъ надъ нами!.... А злодѣй?....
Есть въ мірѣ справедливыя проклятья, —
И этотъ извергъ, этотъ гнусный Мости....
Да будетъ проклятъ!

МАРКИЗА. Никогда, Веррино!
Не проклинай!....

ВЕРРИНО (*взявъ ея за руку, суровымъ голосомъ*).
Раскаянье, маркиза!

МАРКИЗА. Не въ силахъ... я люблю!....

ВЕРРИНО. Прости, Всевышній,
Что я тебя на помощь всуе призвалъ,
И отпусти ей грѣхъ, когда возможно,
И просвѣти ея заблудшій разумъ,
Но не карай несчастную!.... Всевышній,
Прости ее, какъ я ее прощаю!

МАРКИЗА (*умоляющимъ голосомъ*).
Веррино, безъ презрѣнія!

ВЕРРИНО. Простите!
Мы не увидимся на этомъ свѣтѣ.
Простите горечи моихъ рѣчей!
Язвительно обманутое сердце....
(прерывающимся отъ слезъ голосомъ).
Я васъ любилъ; одну любилъ, — одну!....
Теперь одну я долженъ ненавидѣть....
Простите! Мы расходимся — на вѣки!

—

МАРКИЗА одна.

Веррино!.... Совершилось! Свѣтъ темнѣетъ....
(падаетъ безъ чувствъ).

—

МАРКИЗА въ обморокѣ, и **МОСТИ** съ противной стороны, медленно приближается, оглядываясь)

МОСТИ. (Безъ чувствъ! Минута счастья моего!
Безъ чувствъ! И вѣрно проповѣдь Веррино
Подѣйствовала надъ преступнымъ сердцемъ.
Ты каялась ему въ своихъ грѣхахъ....
А послѣ покаянья, смерть пріятна).
(протягивая руку).
(Дрожу! А умертвить ее такъ сладко!....
Не ошибитесь, кольца!.. Шумъ шаговъ...)
(вскочивъ на скамейку).
(Нѣтъ ни кого! Не спрятался-ль Веррино?
Нѣтъ, онъ уже на мраморныхъ ступеняхъ
Сномъ утреннимъ покрытаго дворца).
(возвратясь къ маркизѣ и взявъ ее за руку).
Дружнѣй, дружнѣй, убійственныя кольца!
Какъ мраморъ холодна... Чего жъ я медлю?
Не пойте, птицы! На одно мгновенье
Затихните! Всему конецъ!.... Впились!
Га! Жизнь сосутъ убійственныя кольца!..

МАРКИЗА *(выходя изъ обморока).*
Лауретта!

МОСТИ *(въ ужасѣ).*
Прочь! Я улечу какъ вихрь. *(Убѣгаетъ).*

—

МАРКИЗА, приподымаясь.

Кто былъ здѣсь? *(стараясь припомнить).*
Сонъ! Печальное видѣнье!
Веррино.... мы простились навсегда!
О, лучше стыдъ передъ толпою черни,
Чѣмъ страшное презрѣнье человѣка,
Котораго невольно уважаемъ....

—

МАРКИЗА и ЛАУРЕТТА.

ЛАУРЕТТА. Маркиза, не былъ Мости?

МАРКИЗА *(смутно).*
Былъ Веррино.

ЛАУР: Веррино съ вами былъ? Отъ васъ бѣжалъ онъ,
Слезами обливаясь.

МАРКИЗА. Отъ меня.

ЛАУРЕТТА. За что вы огорчили такъ больнаго?
Онъ можетъ снова захворать....

МАРКИЗА. Молчи!

ЛАУРЕТТА. Онъ можетъ умереть....

МАРКИЗА. Молчи, ни слова!
Не говори мнѣ больше о Веррино!
Мы не увидимся на этомъ свѣтѣ.
А *тамъ*.... Мнѣ холодно, Лауретта!.. Скучно!..
Тоска....

ЛАУРЕТТА. Сейчасъ, я думаю, придетъ....

МАРКИЗА. Я не хочу съ нимъ видѣться, Лауретта!
Ты говоришь, сейчасъ?....

ЛАУРЕТТА. Мнѣ даже страшно,
Зачѣмъ его я не нашла при васъ.
Онъ здѣсь, въ саду....

МАРКИЗА. Въ саду? Уйдемъ, Лауретта.

(Уходятъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(Лѣстница во дворцѣ Чинто; посрединѣ входъ въ комнату Веррино; внизу сѣни, украшенныя статуями и лѣпной работой; въ верхъ лѣстница ведетъ въ покои Мости).

—

ВЕРРИНО (выходя изъ своей комнаты въ плащѣ и шляпѣ; въ рукахъ шпага и мѣшокъ).

Бѣжать, куда глаза глядятъ!.... Бѣжать,
Гдѣ небо сходится съ землей!.... Бѣжать
Въ новооткрытый свѣтъ!.... И отъ кого?
Отъ женщины, отъ женщины!... Веррино,
Твой ангелъ говоритъ тебѣ: будь хладенъ,
Безчувственъ, неприступенъ; не люби,
Не унижай божественнаго сердца
Всегда безчестнымъ рабствомъ; все обманъ!
Достань, купи ликъ мраморный Киприды,
Поставь въ особой комнатѣ, запри;
Начни *любить*, — и та тебя обманетъ!
О женщины, гдѣ-жъ ваше совершенство!

—

Розина, пусть тебя другой такъ любитъ,
Какъ я любилъ. Пусть страсть свою откроетъ,
Какъ я открылъ. Никто не убѣжитъ

Въ пустыню съ сердцемъ, исходящимъ кровью,
Не отомстивъ за оскорбленье сердца!
А я прощаю все; я только плачу!

(садясь на ступени лѣстницы и отирая слезы).

Глупецъ, безумецъ! Развѣ я не видѣлъ,
Кого она несправедливо любитъ?
Да развѣ я не зналъ, что чистота,
Возвышенная гордость, благородство —
Теперь миѳологическіе боги!
Глупецъ, ты хочешь нравиться? Льсти, ползай!
Взаимность невозможна безъ исканій.
Но если и взаимность ты отвергъ?
Хотѣлъ, чтобы твой богъ былъ божествомъ,
Какъ небо чистымъ, свѣтлымъ, недоступнымъ...

(Съ горестью смѣется).

Съ улыбкой любопытства и насмѣшки,
Тебя замѣтятъ, другомъ назовутъ,
Чтобы имѣть діавольское право
Изъ сердца сердце вынимать по волѣ,
И каждый разъ облить его отравой,
И наблюдать, какъ дѣйствуетъ отрава.

(Со стономъ).

Охъ, я любилъ, не долго я любилъ!
Любовь въ одно мгновеніе сознялась,
А тлилась столько времени.... Зачѣмъ?
Смерть подъ руку гуляетъ съ человѣкомъ;
Всю жизнь его не оставляетъ смерть....
Зачѣмъ? Чтобы намѣтиться вѣрнѣе!
О! смерть и женщина — одно и тоже....

ВЕРРИНО и **Д. МОСТИ**, быстро бѣжатъ вверхъ по лѣстницѣ.

ВЕРРИНО *(вставъ)*.

Откуда?

мости. (Встрѣча странная!)
веррино. Откуда?
мости *(оправляясь)*.
Синьоръ Веррино, вы еще въ горячкѣ;
Вы такъ блѣдны, такъ слабы....
веррино. Я въ горячкѣ?
Да; я не лжецъ, не льстецъ, не святотатецъ,
Не богохульникъ. Да; я человѣкъ.
Я не могу, какъ дьяволъ, быть безъ крови
И подлостямъ протаптывать дорогу
Съ холоднымъ и безстрастнымъ видомъ. Нѣтъ!
Бѣгу отъ васъ, поклонники соблазна;
Бѣгу отъ васъ, и навсегда бѣгу....
Кто геніемъ дерзаетъ притворяться,
Тому всѣ прочія притворства — шутка;
Всѣ добродѣтели — собранье масокъ,
А всѣ пороки — тайные пенаты!
Неужели ни одного убійства
Нѣтъ на твоихъ рукахъ?
мости. (Великій Боже!)
веррино. О! будетъ, будетъ! Крайняя ступень—
Честь женщины; ты поругался ею,
Переступилъ священную ступень,
И ты въ открытомъ морѣ злодѣяній.
До первой бури, да, до первой бури!
Смѣшался? Поблѣднѣлъ?
мости. Но ваши рѣчи
Пристойности предѣлы переходятъ...
веррино. Пристойности!.. Смотри, рука на шпагѣ!
Смотри, глаза отчаяньемъ горятъ!
Смотри, тутъ вышина, тамъ твердый камень...
Я разорвать тебя готовъ, а ты
Мнѣ о пристойности, какъ трусъ, лепечешь?

мости. Синьоръ Веррино, вы больны...

веррино. Молчать,
Пока терпѣніе возможно! Горе,
Когда, забывъ о Божіемъ судѣ,
Я судіей передъ тебя предстану...
Нѣтъ, я бѣгу отсюда!.. Но, повѣрь,
Мой образъ вѣчно между вами будетъ.
Я слово далъ Болонію покинуть,
И черезъ полчаса ужъ далеко
За городомъ Веррино будетъ плакать;
Но, грѣшники, тѣ слезы придутъ къ вамъ
И ядовитою падутъ росою
И на тебя и на твою Розину!..

мости *(испуганный)*.
Синьоръ Веррино!..

веррино. Прочь! Я не доносчикъ.
Маркизъ тебя не можетъ наказать...
Знай, первый судъ встрѣчаетъ человѣка
Передъ кончиной... Страшенъ этотъ судъ!
Есть изверги, которымъ недоступно
И чувство покаянья... Это ты!

—

Прости, Болонія! Прости, Розина!

—

мости (одинъ).

Наглецъ! Я долженъ былъ молчать. Безумный,
Онъ могъ убить меня... Но какъ онъ знаетъ
Всѣ тайны и Розины и мои...
Га! двери отперты... Онъ не вернется.
Что, ежели внезапная кончина
Возбудитъ подозрѣніе... Отбросимъ
Тѣнь страшную на бѣглеца. Быть-можетъ
Мечтатель не снесетъ ударовъ страсти,

И преждевременная смерть закроетъ
Надгробными крестами тайну Мости.
(Заглядываетъ въ двери).
Нѣтъ никого!.. Войдемъ!
(Входитъ и черезъ нѣсколько мгновеній, возвращаясь, запираетъ двери на замокъ.)
Сама судьба
Мнѣ помогаетъ. Этотъ ключь забросимъ
Куда-нибудь. Чѣмъ болѣе сомнѣній,
Тѣмъ больше вѣры въ самое событье.
(Уходитъ на верхъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

(Спальная комната маркизы. Багряные занавѣсы пропускаютъ лучи восходящаго солнца. У софы столъ: на немъ нѣсколько книгъ и цитра; въ сторонѣ — клавичембалы; у окна треножникъ съ недоконченнымъ портретомъ маркизы. На другой сторонѣ табуретъ и небольшой столъ, покрытый бѣлою тканью; на немъ распятіе; по бокамъ его гравированныя на атласѣ изображенія Лоретской Божьей Матери и Санъ Яго Компостельскаго, и два молитвенника посрединѣ. Занавѣсы кровати отдернуты; постель не тронута; на столѣ у софы горитъ свѣтильникъ.)

—

МАРКИЗА (одна, на колѣнахъ предъ распятіемъ).

Спаситель! Я любила, я страдала!
Ты Богъ, ты знаешь, какъ страдала. Вѣрю,
Я грѣшница; но только предъ тобой;
Зане одинъ Ты можешь отпускать,
Одинъ наказывать грѣхи. Прости мнѣ,
Когда возможно; нѣтъ? — вели страдать:
Безъ ропота всю жизнь я прострадаю...

Дай горя мнѣ; меня исправить горе...
Но не давай стыда! Спаситель, страшно
Горѣть стыдомъ!.. Невыносимый ужасъ!
  О Господи, еще одна молитва!
Грѣшно просить, я знаю: но предъ кѣмъ-же
Быть откровенной, если не предъ Богомъ?
О, сократи страдальческую жизнь!
Смерть будетъ знакомъ полнаго прощенья.
Я жду ея отъ милости Твоей!.. *(встаетъ, шатаясь)*
Какъ я слаба!.. Веррино, я рѣшилась
(почти падая на софу.)
Исполнить твой совѣтъ... Но для проклятій
Господь не создалъ устъ моихъ.. Веррино,
Неужели ты можешь проклинать?
Творецъ! Его проклятіе смертельно!
Лауретта!.. *(звонитъ)*.

—

МАРКИЗА и ЛАУРЕТТА.

ЛАУРЕТТА. Что угодно?

МАРКИЗА *(смутясь)*. Я не знаю...
Забыла... (Нѣтъ, что́ я ему скажу?
Неужели ужасному Веррино
Открыть... Нѣтъ! онъ такъ строгъ, такъ чистъ,
безстрастенъ!)
Лауретта!.. Ничего!.. Я позабыла,
О чемъ спросить хотѣла... Ничего...
Иди себѣ, иди... (А эти слезы?
А эта горесть? Нѣтъ, ты добръ, Веррино,
Ты снисходителенъ ко всѣмъ). Лауретта,
Сходи и попроси ко мнѣ Веррино...

—

МАРКИЗА, одна.

Пускай придетъ!.. Но эти книги, цитра,

Клавичембалы, мой портретъ... Во всемъ
Онъ встрѣтитъ Мости, горько улыбнется,
А я должна молчать, краснѣть. Скорѣе
Запрячемъ книги и портретъ...

(Съ величайшимъ усиліемъ привстаетъ, явственно ослабѣвая; собираетъ книги).

Розина!

Все о тебѣ, все для тебя! Сонеты,
Пастушеская драма... Мости, Мости, —
А я неблагодарною душой
Ищу разрыва. (*Спрятавъ книги за кровать*)

Вотъ портретъ Розины.

Не кисть мнѣ льстила, а его глаза...

(Хочетъ снять съ треножника портретъ, но, уже совершенно ослабѣвъ, падаетъ и увлекаетъ съ собою и портретъ.)

Великій Боже, силы убѣгаютъ!
Я слышу, какъ смущенная душа
Уходитъ, исчезаетъ!.. Неужели
Такъ скоро исполняется молитва?
Я, можетъ-быть, какъ знать, и въ самой жизни
Нашла бы благодатныя мгновенья...
Такъ скоро! (*въ горячкѣ*) Кто тамъ льетъ горящій пламень!
Міръ рушится, а я одна жива...

(приходя въ себя и увидѣвъ портретъ Мости.)

Здѣсь кисть твоя ходила... (*цѣлуетъ портретъ*)

До свиданья! (*умирая*)

Прости! О я любила, я страдала!..

(продолжительная тишина.)

МАРКИЗА мертвая, и **ЛАУРЕТТА**.

ЛАУРЕТТА (*входя*).

Веррино нѣтъ... Творецъ! Безъ чувствъ маркиза!

Какъ холодна! (*отворивъ дверь*) Роберто, помогите!
Родольфо! Эзелино! Джіамбатиста!

ГОЛОСЪ МАРКИЗА. Что тамъ?

ЛАУРЕТТА. Маркиза въ обморокъ упала!

—

ЛАУРЕТТА и МАРКИЗЪ.

МАРКИЗЪ. Лоренцо Теки вѣрно во дворцѣ!
Сама сходи или пошли за нимъ.

—

МАРКИЗЪ (приближаясь къ трупу).

Что за исторія? Совсѣмъ одѣта!
Такъ рано! Не спала; постель въ порядкѣ
Безсонницей измучилась... (*взявъ ее за руку*)
Розина!
Великій Боже! Обморокъ ли это?
Рука какъ ледь, и голова какъ ледъ...
Не бьется сердце... Умерла!..

—

МАРКИЗЪ и РОБЕРТО.

МАРКИЗЪ. Роберто,
Я весь встревоженъ, я себѣ не вѣрю,
Боюсь увѣриться... Смотри, маркиза
Не дышитъ! Право, умерла...

—

ТѢ-ЖЕ, ТЕКИ и ЛАУРЕТТА.

МАРКИЗЪ. Лоренцо,
Скорѣе, ради неба, посмотри!
Ни капли жизни!.. Что?..

ТЕКИ. Она скончалась.

ВСѢ. Скончалась!!.

МАРКИЗЪ. Безъ болѣзни, безъ страданій;
Ни разу не пожаловалась.

ТЕКИ. Да!
Скончалась, нѣтъ сомнѣнья. Помогите!
Перенесемъ-те на постель...

(Маркизу переносятъ на постель).

МАРКИЗЪ. Скончалась?
Но отъ чего!

ТЕКИ. Я самъ не понимаю!

МАРКИЗЪ *(бросаясь къ тѣлу).*
Розина, врачъ солгалъ! Ты оживешь!

ТЕКИ *(удержавъ его и отводя къ окну).*
О, нѣтъ, маркизъ. Я начинаю думать
Объ ядѣ...

МАРКИЗЪ. Что̀ ты говоришь?

ТЕКИ. Нельзя
Въ такія лѣта смертію заснуть,
Безъ тяжкой предварительной болѣзни...

МАРКИЗЪ. Гдѣ Мости? Гдѣ Веррино? Позовите!
Мнѣ нуженъ ихъ совѣтъ. Скорѣй, Роберто!

—

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **РОБЕРТО.**

ЛАУРЕТТА. Веррино дома нѣтъ.

МАРКИЗЪ. Какъ дома нѣтъ!

ТЕКИ. Не можетъ быть; вчера его я видѣлъ
И предписалъ не выходить изъ дома,
А развѣ въ садъ поутру на минуту...

ЛАУРЕТТА. Онъ былъ въ саду съ маркизой...

МАРКИЗЪ. Какъ, съ маркизой?

ЛАУРЕТТА. Я встрѣтила его; онъ возвращался
Въ слезахъ, рыдалъ...

МАРКИЗЪ. Искать его вездѣ!

—

МАРКИЗЪ и ТЕКИ.

МАРКИЗЪ. Рѣшительно тутъ тайна есть. Отрава,
Ты думаешь...

ТЕКИ. Тофанина вода,
Посредствомъ механической перчатки
Или кольца, или другой игрушки...
Другаго способа нельзя придумать.

—

ТѢ-ЖЕ, МОСТИ и РОБЕРТО.

МОСТИ *(съ ужасомъ).*
Возможно-ли?

МАРКИЗЪ *(со слезами обнимая его).*
Плачь, Мости! Мы лишились
Ты друга, я жены... Но я не смѣю
Предаться горести, пока убійца
Мнѣ будетъ неизвѣстенъ...

МОСТИ. Какъ, убійство?

МАРКИЗЪ. И знаешь ли, кого подозрѣваемъ?

МОСТИ. Кого, маркизъ?

МАРКИЗЪ. Веррино.

МОСТИ. Быть не можетъ!
Послать за нимъ! Увидите, Веррино
Съ спокойностью обычной разувѣритъ
Въ такомъ обидномъ подозрѣньи.

МАРКИЗЪ. Мости,
Онъ съ нею былъ въ саду сегодня утромъ.

мости. Неужели? Такъ онъ уже здоровъ?

маркизъ. Здоровъ и дома нѣтъ.

мости. О, быть не можетъ!

маркизъ. Вотъ быть не можетъ!

—

ТѢ-ЖЕ и ЛАУРЕТТА.

маркизъ. Ну, и такъ, Лауретта?

лауретта. Стучалась я, не достучалась; люди
Сбѣжались съ цѣлаго дворца толпою,
И выломали двери. Все въ порядкѣ.
Нѣтъ шляпы, шпаги и плаща; бумаги
И книги сложены по серединѣ,
На нихъ записка — «я пришлю за ними...»
А на столѣ вотъ эти кольца.

теки. Кольца?
Подай сюда!.. Оставьте насъ однихъ!

—

МАРКИЗЪ, МОСТИ и ТЕКИ.

теки. Да это механическія кольца!
Вотъ видите вы эти волоски?

маркизъ. Ну, вижу...

теки. Тамъ былъ ядъ.

маркизъ (*къ Мости*).
Ну, что ты скажешь?
Чѣмъ оправдаешь честнаго Веррино?..
О горе мнѣ! И это мой племянникъ?
Безчестный сынъ Ломбардскаго маркиза!
И у него Имперскіе гербы,
Дарованные Чинто Карломъ Пятымъ?
Пускай сѣкира палача окончитъ
Существованье отрасли преступной!

И онъ еще гордился благородствомъ?..
Ну, что ты скажешь, Мости, что ты скажешь?

мости. Я не могу привыкнуть къ этой мысли...

маркизъ. Я виноватъ! Ты не любилъ его,
А я глупецъ упрямо защищалъ
И славный родъ его и благородство.
Всему, всему причиной я одинъ!
Но, Мости, я не пожалѣю денегъ;
Велю его искать, поймать, казнить;
По всей Италіи писать я буду;
Ко всѣмъ дворамъ пошлю гонцевъ; у Папы
Я испрошу проклятіе Веррино.

мости. Вотъ этотъ путь мнѣ кажется невѣренъ.
Два дня, — и онъ въ Швейцаріи... Тогда
Напрасны ваши письма и цекины.
По-моему, смолчимъ про смерть маркизы,
Распустимъ слухи, что маркиза Чинто
Естественною смертью умерла,
И онъ придетъ навѣрно въ наши сѣти.
Единственный наслѣдникъ дома Чинто,
Чуть только будетъ вѣрить въ безопасность, —
Пріѣдетъ, чтобъ перчаткой иль кольцемъ
Скорѣй добыть огромное наслѣдство...

марк: Ты правъ, мой другъ! Благодарю, мой другъ!
О, безъ тебя и стыдъ мой и несчастье
Мнѣ трудно-бъ было перенесть!.. Лоренцо,
Дай клятву тайну сохранить...

теки. Клянусь!

маркизъ *(къ Мости.)*
А ты, мой другъ, клянись со мною вмѣстѣ,
У трупа хладнаго моей Розины,
Отмстить жестокой казнію злодѣю

На площади передъ толпой народа.
Ты медлишь, Мости?..

мости. О, клянусь охотно!

марк: Исполненъ долгъ! Теперь свободно плакать
И проклинать могу ея убійцу!
(Падаетъ къ ногамъ Розины и заливается слезами)

мости *(напереди въ глубокой задумчивости.)*
(Га! эта клятва, какъ то обожгла
И мой языкъ и сердце... Что въ грядущемъ?

—

Веррино! ты клялся не возвращаться...)

ИНТЕРМЕДІЯ.

ЖЕРТВА.

—

...Die Welt scheint, was sie ist, — ein Grab!
Шиллеръ.

(Внутренность гостинницы на дорогѣ въ Болонію. Бѣдно убранная комната; два стола и нѣсколько стульевъ. Полдень.)

—

ВЕРРИНО, въ дорожномъ платьѣ, сидитъ въ размышленіи у одного стола. **КІАРА,** у другаго, положивъ голову на руки, спитъ.

ВЕРРИНО. Спи, бѣдное дитя! Придетъ пора,
И ты проснешься для другихъ страданій.
Ты — гордость и несчастіе мое!
Какъ дочь, ты дорога моей душѣ,
Какъ женщина, — опасна... На столѣ,

На твердомъ деревѣ, какъ на подушкѣ.
Спитъ крѣпкимъ сномъ. И бѣдность ей не въ бѣдность!

—

Шестнадцать лѣтъ! Невѣста!.. Скоро, скоро
Душа твоя заговоритъ о жизни,
И радости потребуетъ и горя.
О Боже мой, о Боже мой, что если
Твои ребяческія побужденья,
Невинная привязанность ко мнѣ —
Зародышь страсти къ бѣдному Веррино!
А я любить ужъ больше неспособенъ.
Душа моя хранитъ одну Розину:
Ее ужъ нѣтъ, а я люблю ее!..
Отцевская, холодная любовь —
Пустой отвѣтъ для пламеннаго сердца!
Напрасно я задумалъ притворяться,
И часто добровольной клеветой
Я обливаю собственную душу...
Не вѣритъ Кіара! Сколько разъ хотѣлъ я
Дать ей почувствовать, что для нея
Пора любви, замужства наступаетъ...
Не вѣритъ Кіара!.. Смотритъ на меня
Съ какимъ-то страхомъ, тайнымъ огорченьемъ,
И шепчетъ — «Я наскучила тебѣ!» *(Покраснѣвъ.)*
Какъ объяснить смущенье человѣка,
Когда одинъ, передъ самимъ собой,
Онъ покраснѣетъ, будто предъ людьми,
Когда корятъ его безчестнымъ дѣломъ!
Зачѣмъ себѣ я далъ названье брата,
А не отца? Зачѣмъ еще съ ребенкомъ
Я не былъ строгъ, жестокъ, неумолимъ?
Она-бъ меня боялась, не любила!..
О, предузнать путь сердца въ юной дѣвѣ,
Какъ путь крылатой молніи, нельзя!...

КІАРА. (*просыпаясь.*)
Ахъ, ты не спишь! Прости меня, Веррино!
Я утомилась и уснула...

ВЕРРИНО. Кіара,
Не думай обо мнѣ!.. Твое здоровье...

КІАРА. Не думать о тебѣ!.. Вотъ, слава Богу,
Два года слышу горькіе совѣты:
«Оставь меня; не думай обо мнѣ;
«Люби, кто болѣе любви достоинъ.
«Пожалуйста, безъ попеченій, Кіара!
«Не мучь свое здоровіе напрасно...»
Я знаю наизустъ всѣ эти рѣчи:
Онѣ мнѣ часто снятся.

ВЕРРИНО. Боже, Боже!

КІАРА. Ты многаго еще не говоришь,
А думаешь; и эти думы знаю.
Повѣрь, мои глаза вѣрнѣе стражи,
Что у дворцевъ и у палатъ стоитъ...

ВЕРРИНО. (Любовь сестры такъ далеко не ходитъ!)

КІАРА. О чемъ печаль, о чемъ тоска, Веррино?

ВЕРРИНО. Ты ошибаешься. Я очень веселъ.
Что значатъ эти слезы?

КІАРА (*отирая глаза.*)
Ахъ, Веррино,
Такъ вотъ обѣщанная откровенность!
Ты мнѣ велѣлъ быть искренней всегда.
Ты говорилъ: «Сестра, не забывай,
Что между нами тайны быть не можетъ!»
И что же? Я, чуть только опечалюсь,
Обрѣжу палецъ, страшный сонъ увижу,
Сейчасъ бѣгу къ тебѣ и разскажу —
И боль и грусть твои слова врачуютъ...

А ты, какъ ночь, и мраченъ и печаленъ,
Въ безсонницѣ, одинъ, грустишь, страдаешь!
Ну, чтобы разбудить меня, какъ друга,
И разсказать, какъ другу, всю печаль?...
Раздѣльная печаль не тяжела,
А ты ее одинъ упрямо носишь...

ВЕРРИНО. Кто научилъ тебя любить такъ странно?

КІАРА. Единственный учитель мой — Веррино.
Повѣришь ли, я такъ его люблю,
Какъ мать мою любить я не умѣла?

ВЕРРИНО *(съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.)*
Къ чему? Къ чему? Я испыталъ себя,
Увѣрился въ моей душѣ лукавой,
И въ хитромъ добродушіи моемъ.
И если я не запятналъ себя
Какимъ-нибудь кровавымъ, страшнымъ дѣломъ,
Такъ это, Кіара, власть ума, не сердца.

КІАРА *(съ улыбкой.)*
А власть врожденная — не то-же сердце?
Сначала эти рѣчи были страшны;
Повѣришь ли, я часто за тобой
Ходила въ слѣдъ; искала доказательствъ
Притворной злобы, хитрости притворной, —
И каждый разъ домой я возвращалась
Съ блистательнымъ и полнымъ торжествомъ,
И говорила въ радостной душѣ:
«Нѣтъ, мой Веррино чистъ и благороденъ!»
Но въ этихъ непонятныхъ обвиненьяхъ
Есть тайный умыслъ. Года два, небольше,
Ты, какъ урокъ, твердишь одно и то же.
Я слушала всегда съ притворной вѣрой;
Сегодня не смогла... О, мой Веррино!

Отдай мнѣ все, что на твоей душѣ!
Будь откровененъ... Въ чемъ твоя печаль?

ВЕРРИНО. (Что ей сказать?..) Я буду откровененъ...
Мы... обѣднѣли до конца...

КІАРА (*съ прежней улыбкой*).
И только?
Изъ этого печалится Веррино?..
Но развѣ бѣденъ тотъ, кому извѣстны
Всѣ свойства благодарнаго *труда?*
Я шить умѣю, кушанье готовить;
Писать, читать на многихъ языкахъ;
Ты въ нѣжномъ дѣтствѣ прокормилъ меня,
Я въ возрастѣ могу работать... Бѣдность?
Дай только до Болоніи доѣхать...

ВЕРРИНО. Дитя, дитя! Когда-бъ ты знала лучше
Себя, свои достоинства, красу
И всю опасность дѣвушки невинной
Въ такомъ огромномъ городѣ...

КІАРА. О, полно!
Что за опасность? Для тебя я рада
Идти съ Испанцами сражаться...

ВЕРРИНО (*вскочивъ*). Кіара!
Нѣтъ больше силъ! Я буду откровененъ!
Я никогда тебѣ не говорилъ,
Какой судьбой мы въ жизни повстрѣчались...

—

Въ Венеціи, шесть лѣтъ тому назадъ,
На площади святаго Марка, утромъ
Я проходилъ... Вдругъ прямо на меня
Бросается какая-то старушка
И, обхвативъ мои колѣни, плачетъ,
И помощи своей малюткѣ проситъ.

Не о себѣ несчастная молила...
Я далъ ей два цекина... «Незнакомецъ!»
Старушка закричала: «ради Бога,
«Зайди ко мнѣ! Пусть маленькая Кіара
«Сама тебя благословитъ.» Невольно
Я согласился и пошелъ за ней.
Въ подвалѣ темномъ, у окна безъ стеколъ,
Сидѣла ты, прекрасное дитя,
И шила что-то. Подхожу. Ты встала,
И подняла блестящіе глаза
Съ невинною улыбкой удивленья.
«Вотъ дочь моя!» произнесла старушка,
Глотая стонъ и слезы. Ты смутилась,
И, мать обнявъ, ты вмѣстѣ съ ней рыдала;
А я стоялъ, какъ хладная темница,
Съ наружностью спокойной и суровой;
Зато внутри наполненная горемъ,
Несчастіемъ,—всѣмъ ужасомъ несчастья!

КІАРА *(въ слезахъ)*.
Злой человѣкъ! Я помню эту встрѣчу;
Мнѣ было десять лѣтъ тогда; я помню..

ВЕР. Съ тѣхъ поръ я заходилъ къ вамъ каждый день,
И каждый день старушка упадала,
И наконецъ, небеснымъ изволеньемъ,
Спокойнымъ сномъ уснула на моихъ
Рукахъ. Но передъ смертью, въ часъ послѣдній,
Всесильнымъ завѣщательнымъ глаголомъ,
Который совѣсть изверга обяжетъ,
Велѣла мнѣ опекуномъ быть Кіары.

—

И ты со мной, какъ Божій херувимъ,
Шесть лѣтъ живешь, и раздѣляешь горе,
Всѣ трудности опаснаго пути,

Всѣ тягости невольной нищеты.
Какъ низкая работница, безмолвно
Ты исполняешь тяжкія работы!
И никогда не ропщетъ твой языкъ!
И никогда глаза не упрекаютъ!
А я, твоимъ живущій попеченьемъ,
Унизиться не могъ до подаянья
Иль до работы, Кіара, для тебя!
И мало этого. Себялюбивый,
Я не успѣлъ въ твою младую душу
Излить святое мvро просвѣщенья!
И то не все! Вотъ наступаетъ время,
Когда душа твоя воспламенится,
И новаго какого-то восторга,
Какой-то новой радости возжаждетъ...
Богъ, изъ толпы безчисленныхъ людей,
Назначеннаго юношу укажетъ,
Который отъ меня тебя отниметъ...
Что, если ты въ союзѣ съ человѣкомъ,
Съ тѣмъ неизвѣстнымъ, темнымъ человѣкомъ,
Который ждетъ тебя въ мечтѣ туманной
И, не видавъ тебя, тобой пылаетъ,
Зане ему ты свыше суждена...
Что, если съ нимъ ты счастья не найдешь,
И жизнь твоя путемъ тернистымъ будетъ?..
А если, Боже сохрани, назначенъ
Себялюбивый, гордый человѣкъ,
Который увлечетъ тебя надъ пропасть
И, поразивъ безчестьемъ и стыдомъ,
Господнее призваніе отвергнетъ?..
За все, за все отвѣтствуетъ Веррино!

—

И то не все!.. Когда другія дѣвы
Готовятся идти въ веселый путь

И празднуютъ весну разцвѣтшей жизни
Щедротами отцевъ и матерей..
А я одинъ, какъ темна ночь, стою
Между тобой и праздникомъ твоимъ,
И блескъ его мрачу и убиваю!
И ты одна изъ милліона дѣвъ,
Весну свою привѣтствуешь слезами,
И я одинъ причиной этихъ слёзъ,
И я одинъ ихъ осушить не въ силахъ!..

—

Ахъ, Кіара, тягостна и добродѣтель,
Когда она живетъ въ пустыхъ словахъ,
А не въ великихъ подвигахъ и жертвахъ!..
Нѣтъ, я порочень! Я пустой мечтатель!
Воображалъ, что дѣлая не такъ,
Какъ люди дѣлаютъ, я сталъ ихъ выше,
Великъ и добродѣтеленъ вполнѣ.,.
Но я не тотъ, кѣмъ быть я захотѣлъ!
Не тотъ кумиръ боготворилъ я втайнѣ!
Теперь я начинаю только видѣть
Правдивое лице моей богини.
Я слышу голосъ тайнаго призванья,
И повинуюсь... Кіара, будь спокойна:
Все принесу на жертву доброй Кіарѣ!

КІАРА. Какая жертва! Милый братъ, Веррино,
Будь откровененъ...

ВЕРРИНО. Да! Я откровененъ.
И можетъ-быть ужъ слишкомъ откровененъ...

—

Прекрасный другъ, я женщину любилъ;
Любилъ, какъ небо любятъ, какъ мечту...
Она любовь чистѣйшую презрѣла,
А я не могъ Розину разлюбить...

Я убѣжалъ въ далекіе края,
Хотѣлъ развлечь себя, забыть Розину,
И, какъ на зло, все болѣе любилъ.
Семь лѣтъ уже я странствую безъ цѣли
По Франціи, Испаніи... Домой,
Въ Болонію не смѣлъ я возвращаться.
Я не хотѣлъ прекрасную смущать
Воспоминаніемъ событій горькихъ.
Пусть всѣ страданья мнѣ, ей все блаженство!..

—

Ты знаешь, мы въ Италію вернулись;
Въ Туринѣ встрѣтились съ моимъ знакомцемъ,
Что, помнишь, цѣлый день, съ утра до ночи
Бесѣдовалъ со мной наединѣ...
Я отъ него узналъ... Она скончалась!
И грусть моя удвоилась... Ахъ, Кіара,
Я мертвую по прежнему люблю!

КІАРА. (Чтожъ для меня оставилъ ты, Веррино?
Но Богъ съ тобой! Люби себѣ, люби...
Будь только счастливъ...)

ВЕРРИНО. Мой обѣтъ исполненъ.
Въ Болонію мнѣ можно возвратиться,
И къ вечеру мы до нея достигнемъ.

(постоянно воспламеняясь).

О юность, юность! въ этомъ шумномъ градѣ
Ты протекла роскошными волнами;
Еще теперь душа моя полна
Небеснымъ даромъ юности волшебной.
Всѣ горести, недуги и страданья,
Небесный даръ въ отраду обращалъ;
Но никогда предъ глупымъ человѣкомъ
Я не металъ стиховъ безцѣнный бисеръ, —
Я ихъ берегъ, какъ честь мою, какъ совѣсть.

Тѣмъ болѣе за деньги, никогда
Не продавалъ божественныхъ восторговъ.
Я ихъ берегъ, какъ честь мою, какъ совѣсть.
Я зналъ впередъ, что если предъ народомъ
Похвастаю за прибыль вдохновеньемъ,
Оно уйдетъ на вѣки. Я, какъ гробъ,
Какъ люди, опустѣю... Вдохновенье,
Ты въ чистотѣ мнѣ душу замѣняло!
Униженное, ты унизишь душу...

—

Но все равно. Что въ жизни мнѣ осталось?
По крайней мѣрѣ этою цѣной
Долгъ благодарности заплаченъ будетъ...
Я созову Болонію на пиръ,
На умный пиръ поэзіи роскошной.
Сойдутся люди, деньги принесутъ,
И деньги тѣ — приданое для Кіары...

КІАРА (*схвативъ его за руки*).
Великій Боже! Ни за что на свѣтѣ!

ВЕРРИНО. Я кончилъ путь довольства и веселій,
И самъ иду крестъ жизни безполезной
Поднять и до могилы донести.
О счастье, я не призывалъ тебя,
Но долго ты само меня ласкало!
Послѣдней милости прошу; а послѣ?..
А послѣ я въ толпу людей вмѣшаюсь,
И, какъ они, исчезну безъ слѣдовъ,
И, какъ они, отъ славы и безславья,
Отъ добродѣтелей и отъ пороковъ
Землей закроюсь!

КІАРА (*на колѣняхъ*).
Замолчи, Веррино!
Молю тебя, Веррино, замолчи!

ВЕРРИНО (*сложивъ руки*).

Прости, мой свѣтлый ангелъ, вдохновенье!
Мой добрый другъ, наставникъ, утѣшитель,
Игрушка, сонъ, любовь, очарованье!
Все, все продамъ для счастья доброй Кіары.
Холодный трупъ съ отверзтыми очами,
Безчувственный, съ порочными страстями,
Безъ разума, безъ благодатныхъ грезъ,
Безъ горестныхъ и безъ отрадныхъ слезъ,
Безъ гордости, рабъ тмы и ослѣпленья....
Все это *я*, — поэтъ безъ вздохновенья!

(Въ глубокой задумчивости опускаетъ голову и руки. Кіара обвивъ его ноги руками, плачетъ.)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ИМПРОВИЗАТОРЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Пріемная комната въ домѣ *Джуліо* Мости, украшенная картинами и мраморами лучшихъ мастеровъ, бронзою и коврами. На право дверь во внутренніе покои; налѣво дверь въ столовую; посрединѣ большая дверь ведетъ въ сѣни; когда она отперта, видно нѣсколько ступеней внизъ и за ними другая дверь на улицу. Сумерки.)

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ разнаго званія гостей, разговаривающихъ у оконъ отдѣльными группами; у окна ближайшаго къ выходу **ЗАМПІЕРИ**, отецъ; **ДОМЕНИКО ЗАМПІЕРИ** и **АЛЬВАНИ**.

ЗАМПИЕРИ *(отецъ)*.
Вотъ, Доминикъ, учись, какъ наживать
И славу и богатство.... Что за домъ,
Какая лѣстница, какія залы!
Картины Рафаэля, Тиціана!
Какіе бюсты.... а изъ ничего!
Концемъ искусной кисти....

ДОМЕНИКО. Богъ судья
Ему и всѣмъ ему подобнымъ! Кистью
Не деньги добывать, а совершенство,
Природу, точность, жизнь.... О, много, много!
Нѣтъ времени и думать о богатствѣ....

АЛЬБАНИ. И деньги не мѣшало-бы имѣть.
Мы въ Парму ѣдемъ, люди говорятъ,
А только ты да я, мы двое знаемъ,
Что намъ пѣшкомъ приходится итти.

ДОМЕНИКО. Я не скрываю этого, Франческо.

АЛЬБАНИ. Тѣмъ хуже для тебя.

ЗАМПИЕРИ. Послушай, сынъ мой,
Ужъ поздно, а, признаться, сожалѣю,
Что я тебя повелъ быть живописцемъ.
Вотъ братъ твой, адвокатъ, хотя немного,
А все однако же имѣетъ деньгу.
А ты....

ДОМЕНИКО. Такъ Богъ судилъ, родитель!

ГОСТИ *(собираясь на середину)*.
Мости!....

—

ТѢ-ЖЕ И МОСТИ.

МОСТИ *(сухо; дорогой костюмъ его въ умышленномъ безпорядкѣ)*.
Что вамъ угодно?

первый гость. Кардиналъ Перези
Прислалъ къ вамъ восемьнадцать диеирамбовъ
И сорокъ восемь эпиграммъ; просилъ васъ....

мости. Да, знаю. Предисловіе? Готово.
Я самъ зайду, мы прочитаемъ вмѣстѣ;
И если мой свѣтлѣйшій кардиналъ
Захочетъ похвалу усилить, — можно,
Но иногда и скромничать не дурно....
Что новаго? Пожалуйте сюда!

второй гость *(подходя съ Мости къ окну)*.
Я написалъ, по вашему заказу,
Еще одну новеллу.

мости. Я прочту,
Исправлю и издамъ. Но ваше имя,
Вы знаете, вамъ можетъ повредить....

второй. Все, что угодно, дѣлайте съ новеллой,
Но крайняя моя нужда....

мости. Зайдите
Ко мнѣ по-позже, мы поговоримъ.
Новелла съ вами?....

второй. Какъ же, eccélenza!

мости. Пожалуйте; но тайна....

второй. Никому!

мости (*отходя отъ окна*).
Что скажете?....

третій гость. Благоволи, великій,
Пріять изъ рукъ смиреннаго пѣвца
Посильный трудъ его унылой музы,
И именемъ прославленнымъ твоимъ
Украситъ бѣдное произведенье...

мости. О, много чести!.. Скоро издаете?

ТРЕТІЙ. Коль-скоро милостивымъ одобреньемъ
Мою тетрадь рука украситъ ваша.

МОСТИ (*развертывая рукопись*).
«Эпиталамія.» А что Мартини
На это скажетъ? Явственный подрывъ!
Онъ неуспѣхъ своей пустѣйшей книги
Припишетъ вамъ. Я впрочемъ постараюсь
Васъ защитить, не посмотрю на время
Всемірныхъ мудрецовъ. Всё дураки,
Невѣжи! Гдѣ учились, гдѣ бывали?...
Иной и за Болонскія ворота
Не выходилъ, а пишетъ объ Испанцахъ...
Но впрочемъ этотъ вѣкъ есть продолженье
Временъ Петрарки, Аріосто. Мало
Ученія; нѣтъ свѣдѣній всеобщихъ,
Разнообразныхъ. Геній самородецъ, —
Согласенъ; но ученіе — оправа...
Я помню, разъ читалъ я что-то Тассу...
Онъ вдругъ прервалъ меня; хотѣлъ мнѣ сдѣлать
Вопросъ какой-то, и остановился. —
Ну что́, Торквато? — «Ничего! Хотѣлъ
«Я сдѣлать замѣчанье, да припомнилъ,
«Что ты гораздо болѣе читалъ;
«И потому скорѣе я ошибся.»
Вотъ вамъ примѣръ, какъ люди понимаютъ,
Что, безъ существеннаго знанья дѣла,
Нельзя о дѣлѣ разсуждать. Мартини
И эти всѣ сегодняшніе люди
Мнѣ не по нраву... Слогъ, составъ и мысли
Шатаются, какъ у ребенка зубы.
Они меня не любятъ... Какъ любить,
Когда я сталъ на стражѣ просвѣщенья,
Смотрю на вещи ясными глазами,
За каждый глупый стихъ, дурное слово

Не утерплю, бичемъ моимъ ударю!
Еще одинъ Кіабрера отъ меня
Не получилъ порядочной погонки:
Но я не виноватъ, — моихъ совѣтовъ
Не слушаетъ. И что жъ? Смѣшаю съ грязью!
Молокососъ отозвался, я слышалъ,
Что нѣтъ ему въ моихъ сужденьяхъ нужды.
Пожалуй! Безъ меня!... Я въ сторонѣ.
Одна любовь проклятая къ искуству
Обрушила всю эту саранчу
На Мости. Мы увидимъ, кто сильнѣе?

(подходя къ Замніери.)

Ахъ, я васъ не замѣтилъ... Извините!

ЗАМПЕРИ. Простите, eccelenza! Я работалъ
На домъ маркиза Чинто двадцать лѣтъ.
Теперь мой сынъ окончилъ воспитанье,
И хочетъ ѣхать въ Парму, Піаченцу
И Реджіо... Кореджіо какой-то...

МОСТИ. Такъ сынъ твой живописецъ?

ЗАМПЕРИ. Eccelenza,
Онъ кончилъ у Караччи воспитанье...

МОСТИ. Рекомендація! Ну, а для нравовъ
Онъ не имѣлъ учителя другаго?

ЗАМПЕРИ. Какъ, eccelenza?

МОСТИ. Лодовикъ Караччи —
Для нравственности человѣкъ опасный!

ДОМЕНИКО (*покраснѣвъ*).
Синьоръ, вы ошибаетесь! Глупцы
Да подлецы такъ о Караччи судятъ...

(Гости поскорѣе стараются выйти.)

МОСТИ. (*смутясь*.)
Похвально, милый другъ, весьма похвально!...

Ты за учителя готовъ сражаться!...
Характеръ! да, характеръ! Я люблю
Такіе благородные порывы...
Но въ чемъ же ваша просьба?

—

Д. МОСТИ, ЗАМПІЕРИ, ДОМЕНИКО и АЛЬБАНИ.

ЗАМПІЕРИ. Eccelenza!
Вы можете предстательствомъ своимъ
Исходатайствовать...

МОСТИ (*видя, что уже никого нѣтъ*).
Ни паоло! (*со злобой*)
Чтобы мальчишкѣ дерзкому дать средства
Распространять испорченную школу,
Столь вредную для нравовъ и искуства?
Число людей завистливыхъ умножить?
Чтобы современемъ на Рафаэля
Глаголали хулу? О, никогда!
Чтó эта академія Караччи?
Собраніе сектатóровъ безумныхъ,
Которые условились въ искуство
Ввести однообразіе и сухость;
Все, чтó не ихъ, унизить, опорочить;
Чтó ихъ, прославить, разкричать, разкрасить!
Да будетъ вѣдомо друзьямъ Караччи,
Что я ихъ не терплю и презираю. (*входя въ сѣни*)
Таддео! Шляпу, палку! До свиданья!

—

ЗАМПІЕРИ, ДОМЕНИКО и АЛЬБАНИ.

АЛЬБАНИ. Что жъ ты молчишь?

ДОМЕНИКО (*хладнокровно*) Пойдемъ домой.

ЗАМПІЕРИ (*со слезами*). Пойдемъ.

Ну, далъ ты воспитанье имъ, Караччи!
Богъ у тебя потребуетъ отвѣта.

—

ЛАУРЕТТА (отворяя осторожно лѣвую дверь).
Всѣ разошлись. Ругался и ругалъ!
Домашнее занятіе... Мой Боже!
Да онъ-ли это?.,. Онъ-ли? Каждый день
Я дѣлаю такой вопросъ, и горько
Мнѣ отвѣчаетъ сердце — это онъ,
Тотъ самый, кроткій, добрый, милый Мости!...

—

ЛАУРЕТТА и ТАДДЕО.

ТАДДЕО. Возьми ключи, Лауретта; я пойду
Засну немного... Ночью на сторожѣ,
Днемъ у дверей, какъ ручка у замка:
Ну, служба!..

—

ЛАУРЕТТА, одна.
Да, Таддео, служба наша
Нехороша. Но ты еще наемникъ,
А я... *(слышенъ стукъ)* Ахъ Господи! Кто тамъ
стучитъ?..
(отворивъ среднюю дверь.)
Кто тамъ?

ГОЛОСЪ. Лауретта, отвори.

ЛАУРЕТТА. Кто тамъ?

ГОЛОСЪ. Астольфо Гонти.

—

ЛАУРЕТТА отворяетъ дверь. **ГОНТИ,** въ нищенской одеждѣ. Темнѣетъ.

ЛАУРЕТТА *(въ сѣняхъ).*
Господи! Откуда?

Мы думали, что васъ ужъ нѣтъ на свѣтѣ.
Пожалуйте сюда, синьоръ Астольфо!

ГОНТИ *(входя въ пріемную).*
Что, Мости дома?

ЛАУРЕТТА. Нѣтъ.

ГОНТИ. Гдѣ жъ?

ЛАУРЕТТА. Знаетъ Богъ,
А намъ теперь не говорятъ. Да гдѣ-же
Вы пропадали?

ГОНТИ. Такъ, Лауретта, ѣздилъ.
Я путешествовалъ. Давно ли Мости
Ушелъ?

ЛАУРЕТТА. Не очень; я сама недавно
Пришла домой; была я у сосѣдки
Въ гостинницѣ; нашла тамъ двухъ пріѣзжихъ:
Сестра и братъ, Венеціане; братъ
За дѣломъ отлучился, а сестра
Готовитъ ужинъ. Вотъ Венеціанка!
Кровь съ молокомъ. Привѣтлива, умна,
А молода, — всего шестнадцать лѣтъ!
Она хозяйство знаетъ какъ молитвы.
И говорить не прочь. Я просидѣла
Съ Венеціанкой, будетъ, добрый часъ.
Святый Лаврентій, упаси, чтобъ Мости
Ее не видѣлъ! Влюбится...

ГОНТИ. Лауретта!
Онъ такъ тебя любилъ, такъ ревновалъ...

ЛАУРЕТТА. Послушайте, — вы другъ ему, я знаю:
Я буду съ вами откровенна; больно
Всю жизнь терпѣть, и я сказать рѣшилась
Всю истину. Но Гонти, Бога ради,
Попробуйте, — вы такъ краснорѣчивы, —

Вы тронете его, уговорите, —
Спасете честь Лауретты и его!..

ГОНТИ. Не поздно-ли?

ЛАУРЕТТА. Нѣтъ! Никогда не поздно.
Богъ передъ смертью грѣшника прощаетъ...

ГОНТИ. А люди не прощаютъ и за гробомъ.
Но въ чемъ же дѣло? Можетъ-быть успѣю...

ЛАУР: Тому семь лѣтъ, въ день похоронъ маркизы,
Онъ предложилъ мнѣ руку; обѣщалъ
На мнѣ жениться ровно черезъ мѣсяцъ,
А свадьбу отложилъ подъ тѣмъ предлогомъ,
Что нашъ маркизъ былъ очень огорченъ.
А между тѣмъ онъ упросилъ меня,
Къ нему на верхъ совсѣмъ переселиться...
Онъ такъ клялся! О, кто-бъ ему не вѣрилъ?..
Прошелъ и мѣсяцъ, и другой, и третій,
А онъ ласкалъ меня пустой надеждой.
Онъ домъ купилъ, я съ нимъ переселилась, —
И въ домѣ томъ, я сдѣлалась рабой, —
Ничтожной ключницей его пожитковъ.
Вотъ мы живемъ ужъ здѣсь шестое лѣто,
Но я любви ужъ не встрѣчала въ Мости,
А только гнѣвъ и строгость господина.

ГОНТИ. (Въ день похоронъ маркизы? Это странно!)

ЛАУРЕТТА. Что̀ если вамъ я разскажу подробно,
Какъ онъ теперь со мною поступаетъ?
Удивитесь, ей Богу! Напримѣръ,
Вы видите: дворецъ, богатство, роскошь,
Картины, мраморъ, бронза и ковры,
А въ цѣломъ домѣ мы живемъ втроемъ.
Прислуги нѣтъ. Я, да хромой Таддео
Всѣ службы исполняемъ... Иногда
Онъ позоветъ меня къ себѣ. Зачѣмъ?

Чтобы журить за лишніе расходы,
За мотовство, за роскошь. Иногда
Вообразитъ, что я купила много:
Крикъ, шумъ, побои; золъ и скупъ до-нѣльзя...

ГОНТИ. А денегъ много!

ЛАУРЕТТА. Пропасть! Только дома
Не держитъ. Отдаетъ ихъ въ странный ростъ,
И подъ залогъ всегда. Подъ самой спальней
Есть погребъ для храненія залоговъ,
Да сундуки съ желѣзною оковкой
Для денегъ, — все подъ величайшей тайной!
И я сама украдкой только вижу,
Какъ прячетъ онъ, и въ нуждѣ вынимаетъ
Изъ погреба завѣтные залоги...
Да вотъ вамъ: Рафаэль, за сто піастровъ,
Онъ перешелъ изъ погреба сюда!
Пречистая Лоретская Марія,
Какъ этотъ человѣкъ переродился!
Какъ былъ онъ щедръ, когда еще маркиза
Была въ живыхъ...

ГОНТИ. А онъ любилъ маркизу?

ЛАУРЕТТА. Сначала очень; послѣ ненавидѣлъ.
Вообразите, страшно и подумать,
Онъ смерть ея предчувствовалъ. Въ тотъ день,
Какъ умирать маркизѣ, поутру
Я у него была: онъ предлагалъ
Какую-то свободную женитьбу;
Я о маркизѣ вспомнила, а онъ
Про смерть ея пророчествовать началъ...

ГОНТИ *(потирая руки)*.
(Вотъ тайна гдѣ. Такъ это не Веррино!)
Онъ былъ тогда и щедръ и добръ, Лауретта?

ЛАУРЕТТА. Ахъ, Господи! И добръ и безкорыстенъ;
Свое давалъ, чужаго не касался...

ГОНТИ. Ну, а теперь!

ЛАУРЕТТА. Мой Богъ, какія средства
Употребляетъ онъ ради богатства!
Какъ часто онъ картины откупаетъ
За полцѣны у бѣдныхъ живописцевъ,
И черезъ мѣсяцъ на чужой картинѣ
Встрѣчаете другое имя: «Мости.»
Обманъ извѣстенъ всѣмъ; но слава Мости
Велитъ молчать: онъ платитъ за молчанье,
Такъ какъ ему за мнѣнье платятъ люди.
А какъ онъ пишетъ! Сколько сочиненій
Подъ именемъ его вертится въ свѣтѣ...
Не давно отъ монаха онъ купилъ
Неизданное сочиненье Тассо,
И издалъ за свое. И всѣ узнали,
Да всѣ купили. Что ему до славы?
Онъ потерялъ ее; зато богатство
Онъ пріобрѣлъ огромное. Насмѣшки
Его не огорчаютъ... Огорченье
Онъ знаетъ только отъ убытка: деньги
И деньги, — вотъ вамъ весь характеръ Мости!

ГОНТИ. Зачѣмъ же ты при Мости остаешься?

ЛАУРЕТТА. Легко, синьоръ Астольфо, полюбить,
А разлюбить совсѣмъ, возненавидѣть,
Ужасно трудно. Есть еще причины.
Пока при немъ, я какъ-то безопасна
Отъ посмѣянья и безчестья. Люди,
Меня считая въ милостяхъ у Мости,
Хотя наружно уважаютъ. Что-же,
Когда его оставлю? Кто Лауретту

Подъ кровъ свой приметъ, кто подастъ мнѣ пищу?
Куда итти, оставивъ Мости?

ГОНТИ. Правда.

—

ТѢ-ЖЕ и МОСТИ.

МОСТИ. Всѣ двери отперты, въ такое время!
Подъ сумерки разбойники залѣзутъ;
А въ домѣ я одинъ. Пошла, запри! *(примѣтивъ Гонти)*
А это кто?.. Ого!

ЛАУРЕТТА. Да это Гонти,
Вашъ старый другъ.

МОСТИ. Какъ, Гонти? Свѣту, свѣту!

—

Д. МОСТИ и ГОНТИ.

МОСТИ. Откуда? Ни письма, ни вѣсти, Гонти!
А обѣщалъ. Лауретта, что-же свѣту?

—

ТѢЖЕ и ЛАУРЕТТА со свѣтильникомъ.

МОСТИ. Поставь сюда.... Садись, любезный Гонти!
(къ Лауреттѣ.)
Чего стоишь? Пошла готовить ужинъ!

—

Д. МОСТИ и ГОНТИ.

МОСТИ. Что новаго? Какая перемѣна! *(примѣтивъ его одежду).*

ГОНТИ. Все измѣняется на этомъ свѣтѣ!
И дѣти это говорятъ. Да, Мости,
Не я, а свѣтъ вокругъ меня и люди
Коварно измѣнились.... Хитрость, разумъ
Не помогли.

МОСТИ. Но что съ тобой случилось?

гонти. Бездѣлица: я продалъ кардиналу
Тривульціо подложнаго Бассано.
Что́, кажется, Бассано? Пустяки!
Добро-бъ ужъ Рафаэля, Тиціана;
А то Бассано.... Что-жъ? Меня схватили,
Два мѣсяца въ темницѣ продержали,
А между-тѣмъ услужливые сбиры
На сохраненье взяли всю казну,
Картины и пожитки. Все пропало!
Естественно, я убѣжалъ изъ Рима;
Игрой хотѣлъ поправить состоянье,
И проигралъ двѣ тысячи цекиновъ
Въ ужасный долгъ; да, — подъ залогъ свободы!
Вотъ я спѣшу въ Болонію, и прямо
Къ тебѣ, какъ къ сотоварищу и другу,
Бѣгу просить въ займы на двѣ недѣли
Двѣ тысячи цекиновъ....

мости. Не имѣю. *(Молчаніе)*

гонти. Ты шутишь, Мости?

мости. Право, не имѣю!

гонти. О, ради Бога, Мости, за свободу,
За жизнь и за мое честное слово!....

мости. Э! слово можно взять назадъ....

гонти. Помилуй!
Меня убьютъ.

мости. Не дай себя убить.... *(Молчаніе.)*

гонти. Я не имѣю силы говорить!
Какъ всѣ услуги прежнія забыты?
Такъ ты ничѣмъ мнѣ, Мости, не обязанъ? *(Встаетъ.)*
Не я-ль тебѣ открылъ, неблагодарный,
Путь славы и богатства? Не собой-ли
Я жертвовалъ общественному мнѣнью,

Чтобы тебя закрыть отъ посмѣянья,
Когда ты начиналъ свой низкій путь?
Не я-ли сердце отворилъ маркизы?

мости *(презрительно.)*
И, полно хвастать! Не моя-ли воля
Оставила тебя на этомъ мѣстѣ?
Не я-ли милость гордаго маркиза
Къ бездарному старался сохранить?

гонти *(въ бѣшенствѣ.)*
Безстыдный, помнишь ли тотъ первый вечеръ,
Когда тебѣ открылъ я тайну жизни
И тайну счастья? Помнишь маскарадъ,
Когда привелъ тебя къ несчастной жертвѣ.

мости *(также разгорячаясь.)*
Не забывайся, Гонти!

гонти. Мости, Мости!
Дай денегъ!

мости. Нѣтъ.

гонти. Я утоплюсь.

мости. Топись!

гонти. Въ послѣдній разъ,—не дашь?

мости. Не дамъ.

гонти. Посмотримъ.
Я самъ возьму....

мости *(хватаясь за поясъ.)*
(Какъ жаль, что нѣтъ ножа!
Я проучилъ-бы.)

гонти. Новое убійство
Ты замышляешь, извергъ? Не удастся!
Я отворю сѣкирой палача
Тотъ гробъ, гдѣ черное хранится дѣло,
Какъ тайный гадъ въ нечистомъ логовищѣ!

мости. Что это значить?

гонти. Скоро объяснится.
Что, поблѣднѣлъ? До страннаго свиданья!

—

мости (одинъ).

Ушелъ? Ломаетъ двери! Онъ уйдетъ!
Гдѣ ножъ, мой ножъ? Скорѣй за нимъ! Убить
И въ погребъ спрятать трупъ между залоговъ....
(Сцена нѣсколько времени пуста.)

—

лоренцо теки, одинъ.

А правъ былъ Мости! «Скройте только тайну,—
Онъ возвратится.» Точно возвратился!

—

л. теки и д. мости, съ ножемъ въ рукахъ.

мости (*увидѣвъ Теки, прячетъ ножъ.*)
А, Теки! Добрый вечеръ...

теки. Вы угадчикъ!
Веррино возвратился.

мости (*нѣсколько помолчавъ, съ ужасомъ.*)
Возвратился?

теки. Ну, что-жъ вы изумились! Вы сказали,
Такъ и сбылось!

мости (*опоминаясь.*) Веррино возвратился?
(Чуть буря, — всѣ стихіи забушуютъ:
Веррино, Гонти, Теки!....) Ахъ, Лоренцо,
Не удивляйтесь моему смущенью:
Въ семь лѣтъ я и забылъ про странный случай.
Присядемъ! Знаете, я опасаюсь
Сказать объ этомъ доброму маркизу....
Онъ закипитъ, а тотъ уйдетъ. Законамъ
Опасно предавать такое дѣло,

Въ которомъ честь покойницы маркизы,
И слѣдственно честь самаго маркиза,
Очернена быть можетъ.... Скроемъ лучше!....

теки. Какъ скрыть? Онъ напечаталъ объявленье,
Что завтра передъ публикой Болонской
Импровизировать стихи онъ будетъ.
Я думаю, маркизу все извѣстно.
Но онъ меня не принялъ; мнѣ сказали,
Что онъ какимъ-то сочиненьемъ занятъ.

мости. Онъ сочиняетъ?.... Слушайте, Лоренцо!
Предупредимъ безумный гнѣвъ маркиза,
И честь покойницы спасемъ.... Согласны?

теки. На что?

мости. Убьемъ Веррино....

теки *(вскочивъ.)* Низачто!

мости *(блѣдно.)*
Какъ, низачто?

теки. Что съ вами?

мости. Ничего!
Дѣйствительно, пускай рѣшатъ законы!
А то мы сами можемъ пострадать ...
И что объ этомъ говорить! Оставимъ!

—

Скажите, докторъ, много ли больныхъ
Теперь у васъ?....

теки. Довольно.

мости. Умираютъ?

теки. Не очень. Впрочемъ смертность велика.

мости. Но и раждаются?

теки. Есть замѣчанье,
Что смертность плодородна.

мости. Да, Лоренцо!
Вотъ кстати вспомнилъ! Мнѣ прислалъ сегодня
Одинъ весьма значительный вельможа, —
Я долженъ умолчать его прозванье, —
Бальзамированное тѣло сына,
Чтобъ тайно снять его портретъ. Отцу
Я извиняю это...

теки. Что жъ такое?

мости. Шесть рукъ, Лоренцо!

теки. Шесть?

мости. Хотите видѣть?

теки. О, съ нетерпѣніемъ!...

мости. Онъ спрятанъ въ спальнѣ.
Пожалуйте!

(Беретъ свѣтильникъ и съ ужасомъ оглядывается.)

теки. Шесть рукъ!

мости *(пропуская его въ спальню)*.
Шесть, докторъ, шесть...

—

(Слышенъ глухой стонъ; вслѣдъ затѣмъ выходитъ Д. **мости** съ окровавленнымъ ножемъ и свѣтильникомъ.)

мости *(отирая платкомъ ножъ)*.
Нѣтъ болѣе свидѣтелей отравы;
Сожжемъ до нитки тайну. *(зажигаетъ платокъ)*
А Веррино?
А Гонти? А маркизъ?... На все есть время.
Ужъ дѣло къ ночи; ночь закроетъ много...

(Воткнувъ за поясъ ножъ, уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Pollio et ipse facit nova carmina.
Виргилій.

(Библіотека маркиза Чинто.)

—

МАРКИЗЪ, въ креслахъ, скрытый отъ свѣтильниковъ различными зонтиками. **РОБЕРТО**, у стола пишетъ подъ его диктовку.

МАРКИЗЪ *(диктуетъ)*. И эфирной... теплотой...
РОБЕРТО. Есть: «теплотой.»
МАРКИЗЪ. Написано? Немного
Повремени. Вотъ трудно! Ну! пиши!
Послѣдній стихъ и кончена поэма.
«Согрѣваетъ духъ земной.»
РОБЕРТО. «Земной.»
МАРКИЗЪ. Внизу: конецъ.
РОБЕРТО. «Конецъ.» И только?
МАРК. Какъ, только! Мало ли?... Ну, что, Роберто,
Какъ ты находишь новую поэму?
РОБЕРТО. Отмѣнно хорошо... «Рожеръ Парижскій,»
Неистовый отъ ревности и гнѣва,
Гораздо лучше вашего «Раймунда»
И несравненно лучше всѣхъ новеллъ...
МАРКИЗЪ. Талантъ идетъ впередъ! Мои новеллы—
Начальный опытъ неизвѣстныхъ силъ.
Въ «Раймундѣ» я былъ болѣе отчетливъ,
Въ «Рожерѣ» я уже поэтъ! Не знаю,
Что Мости скажетъ... Я хочу, Роберто,
Теперь въ концѣ «Рожера» написать
Тѣ два стиха Овидія, — ты помнишь, —

Въ концѣ Метаморфозъ, — вотъ что учитель
Латинскій часто мнѣ твердитъ?...

РОБЕРТО. А знаю.
Jamque opus exegi, quod nec Jovis ira, nec ignes,
Nil poterrit ferrum, nec edax abolere vetustas.

МАРКИЗЪ. Ну, да! Не правда ли?... А, вотъ и Мости!

—

ТѢ ЖЕ И МОСТИ.

МАР: Садись, мой другъ, садись! Вотъ есть что слушать!
Вотъ вылилось! Съ начальнаго стиха
Ты слышишь бѣшенство Рожера... Чудо!...

МОСТИ. Маркизъ, не до того...

МАРКИЗЪ. Ты нездоровъ?

МОСТИ. Нѣтъ, я здоровъ. Вы не видали Гонти?

МАРКИЗЪ. Нѣтъ.

МОСТИ. Можетъ-быть читали объявленье?

МАРКИЗЪ. Что, Гонти книгу издалъ?...

МОСТИ. Нѣтъ! Веррино
Въ Болонію пріѣхалъ!

МАРКИЗЪ. Какъ, Веррино?
Но гдѣ же онъ? Неужели въ мой домъ
Нога его безтрепетно вступила?

МОСТИ. О, нѣтъ, маркизъ! Въ гостинницѣ Болонской,
Подъ вывѣской Златаго Льва, Веррино
Съ какой-то женщиной остановился.
Она живетъ подъ именемъ сестры.
Онъ объявилъ, что завтра ввечеру
Болонской публикѣ онъ дастъ какой-то
Импровизаторскій, стиховній праздникъ.
Написано: «Веррино Генуэзскій.»
Какъ-будто онъ и не племянникъ Чинто!

Какъ-будто иностранецъ, изъ чужихъ
Владѣній; будто васъ не знаетъ...

МАРКИЗЪ. Извергъ!
Такъ онъ меня узнаетъ по неволѣ.
Роберто, одѣваться!... Къ кардиналу! (*Одѣваясь*)
Пускай Легатъ велитъ военной силой
Представить въ судъ убійцу...

МОСТИ. Нѣтъ, маркизъ!
Онъ не безъ умысла сюда пріѣхалъ.
Онъ вѣрно разсчиталъ свои шаги,
И правосудіе для васъ невѣрно...

МАРК: Что̀ можетъ онъ представить въ оправданье?

МОСТИ. А что̀ маркизъ представитъ въ обвиненье?
Его вину вы чувствуете сердцемъ;
А судьи, безъ душевнаго участья,
Безстрастно, хладнокровно разбираютъ
И обвиненія и оправданья.
Событіе темно. Вы никому
Не объявили объ его злодѣйствѣ.
Кто вамъ теперь повѣритъ?

МАРКИЗЪ. Не повѣрятъ?

МОСТИ. Ну пусть повѣрятъ... Призовутъ Веррино;
Потребуютъ отъ васъ же доказательствъ.
Вы скажете: «Онъ отравилъ маркизу!»
Онъ скажетъ: «Нѣтъ!» и кончено! Положимъ,
Вы скажете: «Онъ убѣжалъ.» — На это
Веррино вамъ съ насмѣшкою отвѣтитъ:
«О, если-бъ я дѣйствительно бѣжалъ
Отъ преступленія, отъ страшной казни,
Зачѣмъ бы мнѣ сюда и возвращаться?
Я могъ оставить Папскія владѣнья;
Съ моимъ талантомъ, я бы могъ прожить
Вездѣ, въ Болонію не заѣзжая.»

МАРКИЗЪ. Онъ это скажетъ?
МОСТИ. Скажетъ непремѣнно!
МАРКИЗЪ. Но есть свидѣтели: Лоренцо, ты,
Роберто и Лауретта...
МОСТИ. Въ чемъ, маркизъ?
МАРКИЗЪ. Что онъ въ то самое уѣхалъ утро,
Что былъ въ саду и говорилъ съ маркизой,
И отъ нея ушелъ въ слезахъ... А кольца,
А кольца, Мости?... Дай мнѣ ихъ, Роберто!
Вонъ ящичекъ! ключь у меня на сердцѣ...
(Отворивъ ящикъ, съ удивленіемъ.)
Но гдѣ жъ они?
РОБЕРТО. Не знаю.
МОСТИ. (Это знаютъ
Я, да фонтанъ!) Маркизъ, и такъ Веррино
Не безъ друзей и въ самой спальнѣ вашей?
МАРКИЗЪ. Ужъ это колдовство! Что жъ остается?
Что дѣлать, Мости?..
МОСТИ. Господи, что дѣлать!
Я говорю, оставьте кардинала,
Народный судъ, и слѣдствіе, и пытку;
Не то, до чести вашей дослѣдятъ,
Грѣхи покойницы встревожатъ.
МАРКИЗЪ. Мости!
МОСТИ. По-моему, тотчасъ послать къ Веррино,
Просить его сюда переселиться,
Племянника легонько упрекнутъ, —
За что къ родному дядѣ равнодушенъ?
Пусть поживетъ дней пять... потомъ... зарѣзать.
МАРКИЗЪ. *(въ ужасъ)*,
Зарѣзать! Тайно? Какъ, за преступленье
Мстить преступленьемъ?

мости. Только могить, маркизъ,
А преступленія тутъ быть не можетъ.

маркизъ. Но за убійство могутъ насъ казнить...
Ломбардскаго маркиза!.. Низачто!

мости. Маркизъ...

маркизъ. *(рѣшительно).*
Я повторяю, низачто!

мости. Маркизъ, вы сомнѣвались въ дружбѣ Мости

маркизъ. Нѣтъ, никогда!

мости. Я на себя беру
Коварнаго Веррино умертвить;
Вы только въ помощи не откажите!

марк: Нѣтъ, низачто! Пусть лучше смерть Розины
Останется безъ мести; имя Чинто
Я не предамъ на жертву поношенью!
Притомъ — не воротить уже Розины!

мости. Маркизъ, я въ этомъ съ вами соглашаюсь.
Такъ! Судъ грѣховъ не намъ принадлежитъ.
Мы Божье Богу съ вѣрой предоставимъ;
Но осторожнымъ быть и Богъ велитъ...
И потому, маркизъ, я полагаю,
Чтобы уйти отъ новыхъ покушеній
На вашу жизнь, вамъ надо-бы уѣхать
Въ Венецію, Флоренцію иль Римъ.
Я вамъ готовъ сопутствовать...

маркизъ. *(задумываясь).*
Уѣхать?..
Ахъ, Мости, что я вспомнилъ! Мы клялись
Отмстить ея убійцѣ всенародно,
А клятва для Ломбардскаго маркиза —
Вторая вѣра. Да! И ты клялся
У ногъ ея.!.

МОСТИ. Я?.. Никогда, маркизъ...
Не помню даже вашей клятвы...
МАРКИЗЪ. Мости!
У ногъ ея, ты помнишь, мы лежали;
Торжественно клялись; Лоренцо Теки
Свидѣтелемъ былъ нашихъ обѣщаній...
МОСТИ. Въ такомъ волненіи забыть не трудно.
Но кажется, навѣрно, точно, — помню, —
Мы не клялись, мы плакали, и только;
О строгой казни Бога умоляли;
А сами?.. Нѣтъ, мы сами не клялись!
МАРКИЗЪ. Я помню, будто все вчера случилось;
Еще ты медлилъ клятву дать...
МОСТИ. Я медлилъ?
МАРКИЗЪ. Положимъ, не удастся доказать:
По совѣсти исполнимъ только клятву,
И завтра же, въ присутствіи народа,
Мой голосъ заглушитъ рукоплесканья,
И къ оправданью призоветъ Веррино...
МОСТИ. О, ради Неба, тамъ нельзя!..
МАРКИЗЪ. Ни слова!
Я поклялся предъ Богомъ и святыми,
И снова эту клятву повторяю...
МОСТИ. При черни объявлять свое безчестье
И стыдъ жены...
МАРКИЗЪ. Довольно, я рѣшился!
МОСТИ. (Великій Боже, страшенъ и безумный,
Когда въ немъ страсть разсудокъ замѣняетъ!)
МАРКИЗЪ *(ходя быстрыми шагами)*.
Поэзія, благодарю за твердость!..
Воображая страсти и пороки,
Мы начинаемъ видѣть добродѣтель.

Какое сходство съ повѣстью Рожера! *(остановясь)*
Тамъ мѣсто есть подобное: Рожеръ
Идетъ въ ночи на тихое кладбище
Съ Убальдо, другомъ...
Ну, и мы пойдемъ!
Мнѣ что-то весело и тяжело;
Я чувствую, какъ-будто запахъ крови;
Какъ-будто стонъ могильный вкругъ меня
Незримо ходитъ... Можетъ быть, Розина
Меня зоветъ къ могильнымъ кипарисамъ
И хочетъ тайну страшную открыть...

РОБЕРТО. Маркизъ, въ «Рожерѣ» также...

МАРКИЗЪ. Да, въ «Рожерѣ,
Мнѣ кажется, я описалъ себя.
Сказать ли правду, жаль моей Розины;
Чѣмъ болѣе начну припоминать,
Тѣмъ болѣ чувствую ея потерю...
Пойдемъ, мой другъ! Уже пора ночная;
Быть-можетъ, мы увидимъ привидѣнье
Иль тѣнь моей Розины, какъ въ «Рожерѣ.»
Пойдемъ, мой другъ, Убальдо!.. Ты, Роберто,
За нами слѣдуй.

МОСТИ. Господи, помилуй!.. *(Уходятъ)*.

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

....Cineres gaudete sepulti!
Jam vaga post obitum umbra dolore vacat.
Санназаръ.

(Небольшая церковь древне-готической архитектуры, во многихъ мѣстахъ уже разрушенная: отъ нея идетъ желѣзная ограда и отдѣляетъ улицу отъ кипарисовой двойной аллеи, ведущей въ садъ дворца Чинто: въ аллеѣ расположены гробницы дома Чинто: изъ нихъ

многія украшены мраморными изваяніями и всѣ мраморными гербами. Ближайшая къ оградѣ — гробница маркизы Розины Чинто. Высокая густая трава закрываетъ основанія монументовъ. Луна проглядываетъ изъ облаковъ; при свѣтѣ ея чернѣютъ стѣны дворца, а по лѣвую отъ церкви руку развалины монастыря).

—

ВЕРРИНО, отворяя желѣзныя ворота.

Зачѣмъ ее не въ церкви схоронили?
Зачѣмъ съ толпой ничтожныхъ предковъ Чинто
Соединили бѣдную Розину?..
Какъ иноки безмолвные, стоятъ
Безстрастные, нѣмые кипарисы:
Ни тихій вѣтръ, ни соловей, къ усопшимъ
Не залетятъ... Но гдѣ-жъ моя могила?
Великолѣпная гробница!.. Ты ли?..
Мнѣ сердце отвѣчаетъ: да!

—

ВЕРРИНО и КІАРА.

КІАРА. Верріно!

ВЕР. Тсъ, Кіара! Здѣсь она! Подъ этимъ камнемъ
Она, она! Все для меня погибло;
Всю жизнь мою покрылъ надгробный камень?

КІАРА. (Несчастная! Я для него ничто.
Онъ къ мертвой болѣе привязанъ!)

ВЕРРИНО. Боже,
Зачто у ней ты жизнь такъ рано отнялъ?
Не миртъ, а кипарисъ прекраснымъ чувствамъ
Несправедливымъ міромъ посвященъ...
О, не люби! Она любила также...

—

Безъ слезъ стою, а слезы моремъ въ сердцѣ...

О Кіара, плачь, и я съ тобой заплачу!
И слезы облегчатъ печаль страдальца...
О, Кіара, плачь! Быть-можетъ я заплачу...

—

Какъ дико все вокругъ тебя, Розина!
А прежде ты умѣла наполнять
Изъ всѣхъ пустынь пустѣйшую пустыню,
Пустыню человѣческаго сердца!
А послѣ смерти?.. Все вокругъ заглохло.
Тропинки нѣтъ; знать память человѣка
Къ тебѣ чужда, — и ты того достойна!
Достойна ты забвенія людскаго;
Зане они прекраснаго не помнятъ...

(опираясь на Кіару).

О Кіара, плачь, и я съ тобой заплачу!

КІАРА. О успокойся, милый другъ!

ВЕРРИНО. Ни слова
Не говори. Подумай, гдѣ стоишь!
Не оскорби нескромной рѣчью праха,
Священнаго моей Розины праха!
Не красоту боготворилъ я втайнѣ...
О, красота не чудо въ бѣломъ свѣтѣ.
Не друга въ ней любилъ; что наша дружба?
Пустой предлогъ быть втайнѣ себялюбцемъ.
Но ты ея не знала, Кіара!.. Міру
Ужъ не имѣть такого сердца болѣ
И красоты такой не создавать;
А намъ съ тобой не видѣть, не любить,
Не умереть у ногъ ея съ улыбкой —
И въ той улыбкѣ душу всю вмѣстить...

(схвативъ ангела на гробницѣ за голову).

Спитъ, право, спитъ!.. О, Кіара, подойди!
Ты — чистое, небесное созданье;

На рѣчь твою Розина отзовется...
Сбрось, Кіара, эти статуи...

КІАРА. Веррино!

ВЕРРИНО. *(упавъ на подножіе).*
Дай мнѣ себя увидѣть хоть въ могилѣ!
Я разломаю памятникъ надгробный;
Я подниму безчувственные камни;
Дай мнѣ себя увидѣть на мгновенье
И на твоей могилѣ кончить жизнь!

КІАРА. Побойся Бога, страшный человѣкъ!

ВЕРРИНО. Цѣлую дернъ, холодный твой покровъ,
Твой памятникъ слезами обливаю! —
Молю тебя, не отвергай Веррино!
Ужъ онъ не тотъ взыскательный, суровый;
Я снисходителенъ къ игрушкамъ женскимъ;
Въ невинности твоей не сомнѣваюсь...
О, ради неба, дай себя увидѣть!..

КІАРА. Зачѣмъ не я въ могилѣ этой?

ВЕРРИНО. *(вставъ въ страхѣ, и, схвативъ лѣвою рукою Кіару, правою указываетъ на что-то у гробницы).*
Кто здѣсь?
Неужели? Тѣнь, воздухъ, привидѣнье,
Пустой символъ могильной пустоты!
Ты говоришь? Я слушаю... Ни слова...
Что? Кіара?.. Отвѣчай! Опять ни слова *(обнявъ Кіару).*
Ты видишь ли?

КІАРА. Не вижу.

ВЕРРИНО. Эта тѣнь
Тебя святой десницей указуетъ!
Исчезла... Понимаю!.. *(Молчаніе).*
Видишь, Кіара,

Какъ добродѣтельна была Розина,
Какъ мелкой ревности чужда! Ахъ, Кіара,
Твои глаза игрой небесной блещутъ:
Ты завѣщанье поняла.

КІАРА. Какое?

ВЕРРИНО. И святъ завѣтъ, наказанный Розиной,
И я завѣтъ исполню... Кіара, Кіара,
Благословенъ твой путь на этомъ свѣтѣ!
Я буду стражемъ счастья твоего,
Но будь всегда возвышенна, чиста,
Привѣтлива, незлобна, добродушна;
Всегда свѣтла, какъ этотъ яркій мѣсяцъ,
Какъ эта ночь, священна и тиха,
И на тебя утѣшенная тѣнь
Печать благословенія положитъ.
Прости, моя угасшая денница!
Я не приду покой твой нарушать,
Въ послѣдній разъ твою цѣлую землю,
Въ послѣдній разъ лью слезы надъ тобой.

КІАРА *(уводя его.)*
Пойдемъ! мой другъ!

ВЕРРИНО. Прости, моя Розина.

(Уходятъ).

Нѣсколько мгновеній послѣ ухода Веррино, вдали въ аллеѣ показываются **МАРКИЗЪ, МОСТИ** и **РОБЕРТО**, поодаль.

МАРКИЗЪ *(остановясь у гробницы Розины).*
Убальдо, стой! Не трогайся, Убальдо!
Здѣсь прахъ моей прекрасной Клитемнестры.
О милый прахъ! Въ семь лѣтъ я въ первый разъ
Бесѣдовать на гробъ твой прихожу,
Но ты утѣшься, мой прекрасный другъ, —

И я умѣю мстить, мстить всенародно,
При восклицаніяхъ толпы, мстить горько,
Мстить страшно!.. Что же ты молчишь? Припомни
Ту клятву. Клятва та свята....

мости. Судьба!

маркизъ. Пугай меня, пугай, воображенье!
Разверзнитесь, могилы, подо мной!
Заговорите кости смрадной рѣчью,
Я не боюсь. Я мщу за честь жены!
А ты хотѣлъ убить его кинжаломъ,
Разбойника?.... Я благороденъ, Мости!
Пусть засыпаютъ страсти и событья;
Но честь не спитъ, не дремлетъ благородство.
Маркизъ, краса Ломбардскаго дворянства;
Отъ Кесаря нисходитъ наше древо;
Оттонъ намъ знамя далъ, гербы Карлъ Пятый, —
И тайно мстить! Нѣтъ, это подло, низко,
А для маркиза слишкомъ по-мѣщански.
Онъ самъ передъ судомъ падетъ мнѣ въ ноги,
Сознается, клянусь моимъ «Рожеромъ,»
Клянусь моей Розиной, онъ разскажетъ,
Какимъ путемъ онъ умертвилъ ее.
(Мости спазматически хохочетъ.)
Не смѣйся, Мости, есть на свѣтѣ совѣсть;
И отъ меня проснется эта совѣсть.

мости. Есть совѣсть, есть! Ищите эту совѣсть!
Она смѣется!..

маркизъ. О, не засмѣется,
Когда палачь въ глаза сѣкирой взглянетъ!
Тутъ есть гробница матери Веррино?

роберто. Да.

маркизъ. Урожденная маркиза Чинто,
Кого ты родила! *(идетъ къ ея гробницѣ, Роберто за нимъ.)*

мости *(взявъ ножъ и снова опуская его въ поясъ.)*
(Нѣтъ! Съ нимъ Роберто!
Ужъ сколько разъ за ножъ рука хваталась,
Но этотъ песъ и бдителенъ и чутокъ....
Какъ поумнѣлъ, а былъ глупцемъ донынѣ!....
И это все судьба, одна судьба!
Я слышу, какъ ужасная судьба
Несется по моимъ пятамъ, достигнетъ —
И горе мнѣ! Охъ, совѣсть не смѣется!
Минуй меня, опредѣленье неба!
Подай мнѣ твердость быть самоубійцей!....)

маркизъ *(возвращаясь.)*
Какъ страненъ человѣкъ, когда внезапно
Громъ поразитъ заснувшій духъ его!
Я никогда не чувствовалъ въ груди
Душевнаго волненья, — только разъ,
Когда жена скончалась! Вотъ опять
Мнѣ кажется, что я перерождаюсь,
Что я не то, чѣмъ былъ вчера. Не правда-ль,
Замысловатъ и страненъ человѣкъ?
Мнѣ весело въ безмолвіи ночномъ.
Съ какимъ-то удовольствіемъ сердечнымъ
Я вглядываюсь въ сумракъ, различаю
Закрытые ночною тмой предметы.
Не правда-ли, для гнѣва и печали
Ночь лучше дня?

мости. Да, ночь, маркизъ, прекрасна,
Но намъ пора отсюда удалиться.

марк: Нѣтъ, я дождусь здѣсь утра, солнце встрѣчу...
Я не могу уже теперь заснуть;
Я радъ, и самъ не знаю отъ чего.
Мнѣ кажется, всплыветъ златое солнце,
И я паду передъ Творцемъ молиться.

Молись и ты, молись, мой другъ, со мной,
И ты проси убійцѣ лютой казни!

мости *(почти шепотомъ)*

Но Богъ врагамъ велитъ прощать обиды.

маркизъ. Ты не прикажешь ли спѣшить къ убійцѣ,
Упасть къ ногамъ его, просить прощенья,
Что я дерзнулъ злодѣя проклинать?
Га, проклинать! О, если-бъ пламень неба,
Медлительно терзающая совѣсть,
Колючая насмѣшка и презрѣнье,
И палача позорная сѣкира
Могли соединится воедино....
Вотъ лучшее проклятье для убійцы!

(Мости садится на камень, отирая потъ.)

Что, любо, весело? И ты присѣлъ,
Задумался....

мости. Маркизъ, я изнемогъ;
Такъ горестны воспоминанья....

маркизъ. Другъ мой,
Ты былъ не мужъ ея, не обожатель,
Не ты ея здоровіе лелеялъ,
Не ты ее стерегъ, какъ глазъ, — а я!
Ты только былъ свидѣтелемъ блаженства,
А обладалъ имъ я; и этотъ аспидъ,
Смердящій гадъ, Іуда....

мости *(отчаянно.)* Перестаньте!

маркизъ. Когда его повѣсятъ, обезглавятъ,
Въ судейской пыткѣ высосутъ всю кровь,
И полумертваго на мѣсто казни,
Въ стыдѣ, какъ зажигателя и вора,
Въ носилкахъ срамныхъ принесутъ....

мости *(въ ужасѣ бросается бѣжать.)* Спасите!
Онъ лютый звѣрь, не человѣкъ....

МАРКИЗЪ и РОБЕРТО

МАРКИЗЪ. Роберто,
Что съ нимъ?

РОБЕРТО. Маркизъ, чувствительность поэта!

МАРКИЗЪ. Проклятая чувствительность! За нимъ!
(Уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Sahest du nie Schönheit im Augenblicke des Leidens?
Niemals hast du die Schönheit geseh'n!
Sah'st du die Freude nie in einem schönen Gesichte?
Niemals hast du die Freude geseh'n!

Шиллеръ.

(Кухня при комнатѣ, нанятой Веррино въ гостинницѣ Золотаго Льва, въ Болоніи. На очагѣ огонь. Дубовая скамейка и столъ,—единственная мебель; въ сторонѣ, въ глубокой впадинѣ постель, закрытая старыми занавѣсками. Утро.)

—

КІАРА, отходя отъ дверей, ведущихъ въ комнату Веррино.

Онъ спитъ еще! Мой ангелъ, спи спокойно!
Еще не поздно, я сварить успѣю
Твой скудный завтракъ.... Боже милосердый,
Зачто его такъ это сердце любитъ?
Я съ нимъ живу; нѣтъ мысли, нѣтъ мечты,
Молитвы, даже сновидѣнья нѣтъ....
Вездѣ объ немъ иль за него страдаю....
И что ни дѣлаю, все мысль одна —
Понравится-ль ему моя работа?....
Душа моя безсильна; сердце ноетъ,
Въ душѣ такъ тѣсно, какъ въ могилѣ; больно....
Ахъ, Господи, не принимай за ропотъ

Ничтожныхъ словъ, не отымай страданій....
Они такъ сладостны, такъ полны счастья!....
Ты счастья бо̀льшаго мнѣ дать не можешь.
Одно меня печалитъ постоянно: —
Соперница счастливая въ могилѣ....

—

КІАРА и ВЕРРИНО, блѣдный, тихо выходитъ, непримѣченный Кіарою.

ВЕР. (Страдать безъ сна и притворяться спящимъ!
Поворочусь, — и вижу у дверей,
Духъ притаивъ, подслушиваетъ Кіара;
На каждый стонъ я слышу стонъ отвѣтный!
А я изъ благодарности не въ силахъ
Любить ее и бросить въ даръ ей сердце,
Ужъ никому не нужное!..)

КІАРА. Веррино,
Когда ты всталъ? .

ВЕРРИНО. Задумалась ты, Кіара?

КІАРА. Да!

ВЕРРИНО. Замечталась? Кіара, осторожно!
Мечтательность есть тайная болѣзнь.
Жизнь высосетъ, а ты и не примѣтишь!

КІАРА. Да!

ВЕРРИНО. Ты сердита на меня сегодня.
Прости за странную мою прогулку
На мрачное кладбище дома Чинто.
Припадокъ застарѣлаго недуга...
Я стану здѣсь старательно лечиться;
И знаешь ли, съ чего начну?..

КІАРА. Съ чего?

ВЕРРИНО. Я не пойду не только на кладбище,
Но даже во дворецъ роднаго дяди.
Пора мнѣ разувѣриться въ мечтахъ.

КІАРА. Да, мой Веррино!

ВЕРРИНО. Ты пе поняла,
Но все равно; я не пойду къ маркизу;
Дворецъ, фонтанъ у дальнихъ цвѣтниковъ,
Картинный залъ, пріемная маркизы,
И зеркала и стулья и столы,
Для памяти тяжелые предметы...

ТѢ-ЖЕ и СБИРЪ.

СБИРЪ. Свѣтлѣйшій кардиналъ велѣлъ поздравить
Съ пріѣздомъ, eccelenza...

ВЕРРИНО. Кардиналъ?

СБИРЪ. Онъ получилъ изъ Франціи письмо,
Въ которомъ хвалятъ васъ.

ВЕРРИНО. Благодарю.
Ну, что, для вечера ужъ все готово?

СБИРЪ. Мѣста съ большимъ успѣхомъ продаются;
Я самъ имѣю до ста порученій...
Насчетъ же залы, стульевъ и огней,
Имѣю честь вамъ донести, что свѣчи
Доставитъ городъ, а столы и стулья
На всѣ такіе случаи берутся
У Римскаго сенатора Протасси,
Который здѣсь свой доживаетъ вѣкъ.
И у него я былъ; онъ согласился,
Но требуетъ отъ васъ собственноручной
Росписки...

ВЕРРИНО. (Нѣтъ, я не пойду къ маркизу.
На что я ни взгляну, вездѣ Розина!..
Тамъ проходила, тутъ сидѣла; здѣсь
Веселой шуткой общій смѣхъ и радость
Она невольно возбуждала... Нѣтъ,
Я не пойду къ маркизу...)

СБИРЪ. Eccelenza,
Пожалуйте росписку; я пойду.
Не много времени осталось...

ВЕРРИНО. Что?
Росписку? Хорошо. Зайди ко мнѣ.
(**Уходятъ**).

—

КІАРА.

Что-жъ я молчу? А между-тѣмъ Веррино.
Приготовляетъ этотъ страшный вечеръ.

—

ЛАУРЕТТА и КІАРА.

ЛАУР: Какъ высоко!.. Зашла къ вамъ по дорогѣ,
Полюбоваться на хозяйство ваше...
Вы вѣрно рано встали.

КІАРА. Почему?

ЛАУР: Да такъ! Глаза... *(Сбиръ проходитъ сцену)*.
Что это? Сбиръ, сосѣдка?
Любимецъ нашего легата?

КІАРА. Сбиръ.

ЛАУРЕТТА. Зачѣмъ онъ сдѣсь?

КІАРА. Давно знакомъ онъ брату.

—

ТѢ-ЖЕ и ВЕРРИНО.

ВЕРРИНО. Лауретта, ты узнать уже успѣла!
Неужели и во дворцѣ... Лауретта,
Куда же?

ЛАУРЕТТА. *(хочетъ бѣжать)*.
Ахъ, убійца, отравитель!

ВЕРРИНО. *(держа ее за руку)*.
Лауретта, что съ тобой, ты помѣшалась?

ЛАУРЕТТА. *(вырываясь).*
Святой Ѳома, Лоретская Марія,
Избавьте, вырвите меня изъ рукъ
Чудовища!..

ВЕРРИНО. Одумайся, Лауретта;
Вѣдь это я, — Веррино...

ЛАУРЕТТА. Ты, — разбойникъ,
Убійца, отравитель! И такъ смѣло
Ты смѣешь-ли смотрѣть въ глаза Лауреттѣ,
Которая служила у маркизы?..
Неужели, при имени ея,
Душа твоя раскаянья не слышитъ?

ВЕРРИНО. Что это значитъ? Объяснись, Лауретта!

ЛАУРЕТТА. Я стану объясняться? Какъ невинно!
Какъ воръ убилъ маркизу тайнымъ ядомъ,
И убѣжалъ! Зачѣмъ же воротился?

ВЕРРИНО. Лауретта! Кто оклеветалъ меня?

ЛАУРЕТТА. Оклеветалъ? Безстыдный! Какъ спокойно
Онъ говоритъ: «оклеветалъ...» Безбожникъ!
Лоренцо Теки, и маркизъ, и Мости,
И собственный побѣгъ твой обвинили
Тебя единогласно.

ВЕРРИНО. О, довольно
Для клеветы и Мости одного!

ЛАУР: Лжецъ, гнусный лжецъ! Увидимъ! Предъ судомъ,
Подъ пыткой ты признаешься! Напрасно
Такъ гордо смотришь на меня. Напрасно!
Я не судья, презрѣнный отравитель!
Ты можешь насмѣхаться.

ВЕРРИНО. Нѣтъ, Лауретта,
Я не смѣюсь, я самъ дрожу отъ злобы
И отомщу убійцѣ, Богъ свидѣтель!..

ЛАУРЕТТА. О, можно-ли быть болѣе злодѣемъ?
Въ свидѣтели онъ Бога призываетъ,
Что самому себѣ онъ будетъ мстить!
О, мсти-же, мсти! Мсти дьявольской отравой!
Мсти совѣстью, которой не имѣешь,
И провались въ твою отчизну, адъ!
Въ такихъ какъ ты, свѣтъ не имѣетъ нужды.
Сгинь, пропади!

КІАРА. О, Боже Всемогущій!

ЛАУРЕТТА. А ты, сестра безроднаго Веррино,
Не ты-ль ему приготовляешь зелья,
И потому его сестрой зовешься?..
Сестра! сестра! Будь проклята, какъ онъ!
Будь проклятъ, отравитель, на прощанье!

—

ВЕРРИНО и КІАРА.

КІАРА *(отирая слезы; то приближаясь къ задумчивому Веррино, то останавливаясь).*
Веррино!.. Нѣтъ отвѣта!.. Ты убійца...
Скажи мнѣ, кто ты, ангелъ или демонъ?
Цѣлитель душъ, иль только отравитель?
И я тобой отравлена, Веррино.
Не погуби меня! Нельзя ужъ больше
Мнѣ быть сестрой твоей; ты видишь, люди
Въ глаза смѣются надъ моимъ родствомъ.
Скажи мнѣ, ради Бога, ты — убійца?

ВЕРРИНО *(твердо).*
Нѣтъ, никогда!

КІАРА *(крѣпко сжавъ его въ объятьяхъ и поцѣловавъ).*
Веррино, благодарствуй!
Ты жизнь мнѣ далъ своимъ волшебнымъ: нѣтъ.

Ты никогда не отравлялъ маркизы,
И даже этой мысли не имѣлъ?

ВЕРРИНО. Да, Кіара, да.

КІАРА. Все это клевета?
Благодарю Творца за испытанье!
О, сердца моего единый образъ,
Кого въ душѣ ношу, какъ талисманъ,
Кто услаждаетъ мнѣ уединенье,
Кто трудныя работы облегчаетъ,
Ты снова чистъ, великъ и непороченъ!

ВЕРРИНО (*горестно*).
Довольно, ради Бога, пощади!
Я не достоинъ моего блаженства,
И не достоинъ горестей моихъ.
Я отравилъ маркизу?... Кіара, Кіара,
Не мучь меня вопросами! Дай думать,
Дай догадаться, кто ея убійца?
Дай мнѣ увѣриться въ одной догадкѣ....
Потомъ.... я брошу сердце въ бѣдный даръ....
Нѣтъ, Кіара, я пойму тебя.... Потомъ....
Повѣрь, и счастіе еще возможно....
Я буду въ состояньи удивляться
И красотѣ твоей и сердцу.... (*бѣшено*) Дьяволъ!
Онъ будетъ тамъ! Клянусь, онъ будетъ тамъ!
Я совершу единожды двѣ жертвы.
Я отравилъ маркизу?... Нѣтъ! Но знаю,
Какой дорогой шествуетъ порокъ,
И обнажу его цѣною злата....

КІАРА. Веррино!

ВЕРРИНО. Кіара, только этотъ вечеръ!
Я твой до гроба, только этотъ вечеръ!
Приданое для Кіары, казнь для Мости!...

—

КІАРА.

Приданое, замужство!... Нѣтъ Веррино,
Не допущу.... Скорѣй за нимъ, за нимъ!...
Но гдѣ искать Веррино?... На кладбищѣ?
О, если бъ мертвецовъ бросали въ море!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

(Переулокъ, изгибающійся между двухъ монастырскихъ глухихъ стѣнъ.)

ВЕРРИНО, одинъ.

Изъ благодарности!...
Любить Розину
И мужемъ быть совсѣмъ другой жены?
Невѣрнымъ сердцемъ притворяться, жизнь
Вести рабомъ своей желѣзной воли,
Изъ честности обманывать ее,
Передъ людьми въ своихъ скрываться чувствахъ?
Какъ поручиться, что во снѣ, въ болѣзни,
Не обнаружу моего безстрастья,
Холодности душевной къ бѣдной Кіарѣ!...
Но въ чемъ-же я Розину обвинялъ?
Не такъ-ли Кіара любитъ гордеца,
Какъ гордую Розину я любилъ?
Я могъ при ней спокойно оставаться,
Любить.... А Кіара этого не можетъ.
Иль вѣчный бракъ, иль вѣчная разлука....
Намъ вмѣстѣ быть нельзя; минуло время
Невинныхъ чувствъ, а страсти воспитались
И требуютъ взаимности.... Да будетъ!
Я потерялъ на счастіе надежду,
Такъ жизнь моя пускай чужому счастью

Питательной, полезной жертвой будетъ;
Пускай....

ВЕРРИНО и ГОНТИ.

ГОНТИ. Возможно ли? Синьоръ Веррино!
ВЕРРИНО. Художникъ Гонти....
ГОНТИ. Сколько лѣтъ!... Когда
Пріѣхали?
ВЕРРИНО. Вчера.
ГОНТИ. Такъ это вы
Импровизаторъ?
ВЕРРИНО. Да.
ГОНТИ. Синьоръ, позвольте
Предостеречь васъ....
ВЕРРИНО. Въ чемъ?
ГОНТИ. Есть подозрѣнье,
Что вы маркизу отравили.
ВЕРРИНО. Да.
ГОНТИ. Какъ *да*?
ВЕРРИНО. Есть подозрѣніе; я знаю.
Но кто-же обвинитъ меня?
ГОНТИ. Никто.
Но непріятности....
ВЕРРИНО. Синьоръ Астольфо,
Вы вѣрно позабыли, что Веррино,
Какъ человѣкъ, всегда имѣлъ враговъ;
Такъ нечего ему враговъ бояться.
ГОНТИ. Вы знаете своихъ враговъ?
ВЕРРИНО. Не знаю.
ГОНТИ. А я такъ знаю! Первый врагъ вашъ—Мости.

Онъ васъ оклеветалъ передъ маркизомъ
Въ убійствѣ.

ВЕРРИНО. Онъ? Не самъ ли онъ убійца?...

ГОНТИ. Въ томъ нѣтъ малѣйшаго сомнѣнья.

ВЕРРИНО. Какъ?

ГОНТИ. Клянусь вамъ, онъ! Божусь вамъ, онъ! Вчера
Онъ тайну высказалъ неосторожно....

ВЕРРИНО. Какую тайну?...

ГОНТИ. Я подозрѣвалъ
Уже давно.

ВЕРРИНО. Но тайну, ради Бога!

ГОНТИ. Онъ отравилъ медлительной отравой
Маркизу, и навелъ свиданье съ вами
Какъ разъ въ тотъ часъ, какъ по его расчету
Она должна была лишиться жизни....

ВЕРРИНО. Разительное сходство обстоятельствъ!
Вы можете передъ святымъ распятьемъ,
Передъ Евангельемъ, въ Христовомъ храмѣ,
Поклясться въ томъ?

ГОНТИ (*рѣшительно*).
Могу.

ВЕРРИНО. О, такъ довольно!
Не нужно мнѣ уликъ и очныхъ ставокъ,
Судебныхъ доказательствъ. О, довольно!

—

ГОНТИ, одинъ.

Ого! теперь я въ сторонѣ. Пускай
Порѣжутся. Авось найду я средства
Изъ этой бури золото извлечь....

—

Д. МОСТИ и ГОНТИ.

МОСТИ. Другъ, ради неба, другъ! Ты ввѣрилъ тайну?

Не это-ли Веррино?.. Ради Бога!..
Ты разсказалъ? Онъ знаетъ все?
гонти. Что знаетъ?
мости. Ахъ, Гонти, ты проникъ мое несчастье!..
гонти. Твой грѣхъ?
мости. Да, грѣхъ....
гонти. Не трудно догадаться.
мости. И ты не сострадаешь?
гонти. Сострадаю..
мости. И ты сказалъ?
гонти. Сказалъ.
мости. Что? Ты сказалъ?
гонти. Онъ мнѣ ссудилъ три тысячи цекиновъ;
А я въ залогъ твое злодѣйство отдалъ.
мост: Есть, деньги, есть! Возьми ихъ сколько хочешь,
Но только дай твой дружескiй совѣтъ,
Какъ прежде... Въ домъ мой можешь переѣхать,
Жить у меня пока тебѣ угодно,
Располагать и домомъ и богатствомъ;
И если...
гонти. Ну, прiятель, успокойся,
Я промолчалъ. Веррино ничего
Еще не знаетъ, только если ты
Сегодня не исполнишь обѣщанья
И не отдашь мнѣ половины денегъ,
Что въ погребѣ завѣтномъ...
мости. Браво, Гонти!
Благодарю! О, дай себя обнять!
Ты тотъ же, расторопный, ловкiй, хитрый...
Я виноватъ передъ тобой. Мнѣ стыдно.
Всему, мой другъ, причиной злые люди...

Злорѣчіе... Пойдемъ ко мнѣ, Астольфо!
(оглядываясь нѣсколько разъ.)
(Нѣтъ никого; одни; кругомъ все пусто!)

ГОНТИ (*продолжая идти.*)
Не ожидалъ я твоего пріема...
Ты согласись, что все твое богатство
Ты нажилъ помощью моею.

МОСТИ. Да!
(Чего я медлю?)

ГОНТИ. Самъ я обѣднѣлъ,
Обогативъ тебя.

МОСТИ (*вынимая ножъ.*)
Что это, Гонти?
Никакъ пожаръ?

ГОНТИ. Гдѣ?

МОСТИ (*вонзая ножъ сзади въ горло Гонти*).
Здѣсь!

ГОНТИ (*упадая*).
О, подлый извергъ!

МОСТИ. Благодарю за сохраненье тайны!

(Уходитъ; въ противоположномъ концѣ переулка показывается Скаваріери.)

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

—

(Та-же пріемная комната въ домѣ Джуліо Мости, какъ въ первомъ явленіи.)

—

МОСТИ (одинъ.)
Судьба, судьба!.. Проклятое искуство,
Къ чему доводишь ты людей несчастныхъ!

Я истинно несчастенъ. Я былъ добръ.
Да! у меня не злое сердце. Люди,
Вы виноваты... Если-бъ больше славы,
А меньше выгодъ, менѣе соблазна...
Друзья, вы помогли мнѣ быть злодѣемъ;
Розина, ты себя вини! Не ты-ли
Мнѣ въ раннемъ дѣтствѣ измѣнила? Гонти,
Тебѣ я заплатилъ мой долгъ сугубо:
Твои совѣты погубили Мости.
Всѣ виноваты; всѣ меня вели,
Влекли насильно на порочный путь;
А самъ я чистъ... Кровавы эти руки!
На памяти такъ много смрадныхъ ранъ!
Что-жъ? Слѣдствія то страсти, то совѣтовъ;—
А эти оба: Теки, Гонти, сами
Поумирали бы и безъ меня...

(садясь на софу.)

Ахъ, вечеръ, вечеръ!.. Богъ грозу готовитъ...
Сдается, вотъ зайдетъ златое солнце
И я погибъ... Ребячество! Ну, вечеръ,
Такъ вечеръ. Что жъ! Я не пойду, и только!
Я нездоровъ, я при смерти; посмотримъ;
Судьбу сломаетъ воля человѣка... (*Ложится.*)

—

МОСТИ и ЛАУРЕТТА.

ЛАУРЕТТА (*вбѣгая.*)
Ну, слава Богу, дома! Знаешь, Мости,
Въ Болонію пріѣхалъ тотъ убійца...

МОСТИ (*вскочивъ*).
Что, кто? Убійца? гдѣ? (Пойдемъ, отравимъ!)

ЛАУРЕТТА. Веррино...

МОСТИ (*дрожа.*)
Да!.. Припоминаю... Помню...

Чортъ съ нимъ!.. Мнѣ дурно. Видишь, боленъ я.
Я захворалъ; не выхожу, — ты слышишь?
Не принимаю,—слышишь? понимаешь?.. (*ложится*)
Охъ, голова мучительно болитъ;
Грозитъ разбиться... Охъ, я умираю!

ЛАУРЕТТА. Не сбѣгать ли мнѣ за врачемъ Лоренцо?

МОСТИ (*вскочивъ.*)
А!.. Заговоръ... Хотятъ меня убить!..
Ограбить! У меня нѣтъ ничего.
Я бѣденъ, нищій... Мотовство, покража...
Ужасный заговоръ, но мы узнаемъ.
Ну, говори, кто подучилъ тебя
Придти ко мнѣ и мучить этимъ взоромъ?
Я весь въ жару, — ты видишь, сочиняю?
Ищу уединенія, покоя...
Что смотришь такъ лукаво на меня?
Что такъ ехидной жмешь свой ротъ коварный?

ЛАУРЕТТА. (*въ ужасѣ.*)
Святый Таддео!

МОСТИ (*дрожа.*)
Что, святый Таддео?
Кого ты призываешь? Ахъ, Лауретта,
Не обращай вниманія Творца
На нашу жизнь. Быть-можетъ Онъ забудетъ
Про насъ.

ЛАУРЕТТА. Что съ нимъ? Опомнись, бѣдный Мости,
Ты богохульствуешь.

МОСТИ. (*испуганный.*)
Молчи, Лауретта!
Дай мнѣ вина, холоднаго вина.

ЛАУРЕТТА. Да мы вина не держимъ.

МОСТИ. Такъ купи!

ЛАУРЕТТА. Дай денегъ...

МОСТИ. Денегъ? Провались сквозь землю.
На! (*даетъ деньги*) Принеси ужаснаго вина.

ЛАУРЕТТА. Пить? Одному? И безъ гостей!

МОСТИ. Пошла!..

(Толкаетъ ее и вдругъ останавливаетъ.)

Нѣтъ, подожди. Что говоритъ маркиза?
Что дѣлаетъ, что мнѣ велитъ? Лауретта,
Скажи скорѣй: здорова ли она?

ЛАУРЕТТА. Что это значитъ?

МОСТИ. Га! что это значитъ?
Ты, гидра, ты меня воспламенила,
Ты жаръ любви къ маркизѣ охладила;
Всему причиной ты, — и нынѣ ты
Въ моихъ глазахъ, какъ памятникъ надгробный
И счастья моего и преступленій!
О, я найду дорогу къ избавленью!
Есть у меня подарокъ для Лауретты.
(Гдѣ этотъ ножъ? Остался въ горлѣ Гонти.)

—

ЛАУРЕТТА, (одна.)

Святый Лоренцо, что со мною будетъ?
Я вся дрожу отъ страха, ожиданья...
Уйду я лучше. (*Хочетъ идти*)

—

ЛАУРЕТТА и МОСТИ, съ длиннымъ обнаженнымъ ножемъ.

ЛАУРЕТТА. Ахъ?

МОСТИ. Куда? Ни съ мѣста!

—

ТѢ-ЖЕ, МАРКИЗЪ и РОБЕРТО.

МАРКИЗЪ Ахъ, Мости, какъ я долго ждалъ тебя!
Пойдемъ, пора!

МОСТИ. (*спрятавъ ножъ въ рукавъ*).
Маркизъ, я заклинаю,
На этотъ вечеръ не ходите!

МАРКИЗЪ. Полно
Ребячиться! Съѣзжается народъ;
Не станетъ близко мѣста.

МОСТИ. На колѣнахъ
Молю, маркизъ, останьтесь!

МАРКИЗЪ. Низачто!
Пойдемъ, пойдемъ! Судьба готовитъ судъ.

МОСТИ. Судьба? Судьба не судъ, а казнь готовитъ.

МАРКИЗЪ. И эта казнь сегодня совершится.

МОСТИ (*въ отчаяньи*).
Пойдемъ впередъ, нельзя ужъ воротиться!

—

ЛАУРЕТТА, одна.

Благодарю за жизнь, святый Лоренцо!
Но отчего онъ блѣденъ и труслив？
Зачѣмъ не хочетъ встрѣтиться съ Веррино?
Зачѣмъ ночь не спалъ, цѣлый день въ тревогѣ?

—

ЛАУРЕТТА, СКАВАРІЕРИ, СВИРЪ и СТРАЖА.

СКАВАРІЕРИ. Гдѣ Мости?

ЛАУРЕТТА. Дома нѣтъ; ушелъ съ маркизомъ
Къ импровизатору; туда идите!
Тамъ схватите Веррино...

СКАВАРІЕРИ. Что, Веррино?
Намъ нуженъ Мости...

ЛАУРЕТТА. Боже всемогущій!
Неужели?..

СКАВАРІЕРИ. Молчи! Онъ здѣсь, Лауретта!
Онъ, вѣрно, моетъ руки или платье.
Лауретта, укажи намъ спальню Мости.

ЛАУРЕТТА. Зачѣмъ?

СБИРЪ *(взявъ ее за руку).*
Пойдемъ, красавица, пойдемъ!..
(Уходятъ направо во внутренніе покои.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Une femme paraît, une vierge, un héros!
Делавинь.

(Корридоръ, ведущій въ залу, гдѣ приготовленъ импровизаторскій вечеръ; фонарь освѣщаетъ слабо своды этого перехода. — Вдали лѣсенка въ залу.)

КІАРА, одна, въ черной епанчѣ, облокотясь на основаніе ближайшей арки.
Я не пущу его! На этомъ мѣстѣ
Скорѣй умру! Я не пущу его!..

КІАРА и ВЕРРИНО, блѣдный и задумчивый, съ кожанымъ мѣшкомъ въ рукѣ, медленно приближается къ лѣстницѣ.

КІАРА. Назадъ!.. Назадъ!.. Отдай всѣ эти деньги
Назадъ злорѣчію и клеветѣ!
Не продавай своей души за злато!..
Она моя. Не говори стиховъ!
Они мои. Ты для меня на жертву
Несешь свои святыя вдохновенья;
Отдай мнѣ ихъ, безъ злата и цѣны!
Начто тебѣ и слава и богатство,

Когда вся жизнь, безъ тихихъ удовольствій,
Безъ мирныхъ наслажденій пронесется?
«Торгашъ?» душа твоя воскликнетъ въ гнѣвѣ:
«Ты Божьимъ даромъ торговалъ! Ты гордо
«Счелъ собственностью даръ святыхъ пророковъ!»
Падетъ съ чела поэзіи печать!
Разрушится покой души и сердца!
Господь тебя обременитъ работой,
И ты, въ толпѣ людей, влача презрѣнье,
Иль лесть глупцовъ, или хулу безумцевъ,
Какъ тать, продавшій не свое, погибнешь,
И смѣхъ людей... людей!... твой вѣчный спутникъ!
Къ чему намъ деньги?.. Руки есть. Работать
Мы въ силахъ оба. Жизнь пойдетъ спокойно,
Безъ роскоши, безъ недостатка... *Другъ,*
Отецъ и братъ, всѣ эти имена
Съ твоей импровизаціей исчезнутъ,
И я останусь круглой сиротой.
Приданое? Но будемъ откровенны:
Ужъ нечего скрываться.
Да! Верріно,
Я влюблена. Ты правду говоришь;
Въ Болоніи мнѣ очи развязались.
Я влюблена. Теперь я понимаю,
Что значитъ быть женой и что сестрой.
Но, безъ любви, ты мужемъ быть не можешь!
И если ты меня совсѣмъ не любишь,
Иди!... я ничего не потеряю.
Безъ ропота, упрековъ и проклятій,
Изъ благодарности за воспитанье,
За дружбу, ласковое обращенье,
И за мечты о невозможномъ счастьи,
Я посвящу остатокъ бѣдной жизни
На службу благодѣтелю Кіары.

ВЕРРИНО. (Какъ счастье обѣтуетъ этотъ голосъ,
Быть-можетъ, незаслуженное счастье!..
Любимымъ быть такъ пламенно, и хладно
Презрѣть, отвергнуть чудную любовь!..
О, надо быть разбойникомъ, безумцемъ!..
По крайней мѣрѣ женщиной... Розина,
Я былъ похожъ на пламенную Кіару...)

КІАРА. Ну, что жъ?.. Иди!.. Я не держу, Веррино!

ВЕРРИНО. Я не могу; я околдованъ, Кіара!
Твое признанье потрясло всю душу...
Любовь ко мнѣ для женщины опасность...
Я даже друга въ жизни не имѣлъ,
Затѣмъ, что я судьбѣ, любви и дружбѣ,
Какъ тремъ коварнымъ фуріямъ, не вѣрилъ.
Я избѣгалъ вовлечь младую душу
Въ обманъ сердечный; не хотѣлъ дать людямъ
Полмѣста въ сердцѣ, язвами покрытомъ,
Исполненномъ ядоточивымъ горемъ.
Къ чему собой другаго отравлять?..
Но ты залечишь, Кіара, эти раны?

КІАРА. О, если-бъ жизнь моя цѣлебнымъ масломъ
Могла на сердце милое разлиться, —
Я не жалѣла-бы объ жизни.

ВЕРРИНО. Кіара,
Я твой, до гроба! Твой, клянусь...

КІАРА. Веррино,
Не вѣрю! Не обманывай... Нѣтъ жертвы
Ужаснѣе, какъ жертва бѣднымъ сердцемъ,
Еще способнымъ женщину любить,
Еще достойнымъ счастія земнаго.
О, не спѣши невозвратимымъ словомъ!

ВЕРРИНО. У ногъ твоихъ...

КІАРА. Одно, одно мгновенье!

Одумайся! Не жертва ли опять?
Ты другомъ быть моимъ не перестанешь,
А въ мужѣ я могу найти врага.

ВЕРРИНО (*въ сильномъ волненіи, вставъ*).
И это женщина?.. Мое созданье?..
Моей души воспитанница?.. Дѣва
Въ шестнадцать лѣтъ?
Веррино, ты великъ,
Когда тебя такая дѣва любитъ!
Не богохульствуй болѣе, Веррино,
И будь счастливцемъ противъ воли...
Кіара,
У ногъ твоихъ! Не отвергай Веррино,
Отдай мнѣ сердце, подари мнѣ руку!
Я постараюсь быть тебя достойнымъ.

КІАРА (*обхвативъ его голову*).
Повѣрить ли блаженству моему?

ВЕРРИНО (*обнимая ее*).
Ахъ, Кіара, я повѣрилъ своему! (*Молчаніе.*)
Довольно. Ускоримъ же наше счастье.
Вѣдь мы свободны. Въ церковь Санъ-Лоренцо
Сейчасъ пошлю услужливаго сбира
Къ отцу Григоріо ди-Розамунда;
Онъ былъ всегда моимъ духовникомъ:
Пусть сдѣлаетъ къ вѣнчальному обряду
Всѣ нужныя приготовленья. Кіара,
Мы обвѣнчаемся сегодня.
Время
Итти!..

КІАРА. Куда? Нѣтъ, извини, Веррино;
Теперь я не позволю торговать,
Чѣмъ торговать ты не имѣешь права.
Я не велю, и кончено. Пожалуй,

Ты можешь выйти къ публикѣ Болонской
И деньги возвратить,

ВЕРРИНО. О, никогда!
Мы раздадимъ ихъ бѣднымъ, а за нихъ
Мы продадимъ другую жертву людямъ.

КІАРА. Ахъ, Господи!

ВЕРРИНО. Нѣтъ, Кіара, не пугайся!
За это золото открою тайну,
Сниму съ обманщика личину, тѣнь
Неуспокоенную успокою.

КІАРА. О чемъ ты говоришь?

ВЕРРИНО. А смерть Розины?

КІАРА. Опять Розина...

ВЕРРИНО. Но въ послѣдній разъ.
Неужели и къ мертвой ты ревнуешь,
И не позволишь обличить ея убійцу?

КІАРА. Ты можешь обличить ея убійцу,
А самъ передъ народомъ оправдаться?!
Спѣши, мой другъ, спѣши! За эти деньги
Ты продалъ жизнь убійцы, и купилъ
Для бѣдныхъ утѣшеніе... Иди!

ВЕРРИНО. Два слова сбиру... Ты куда?

КІАРА. Я въ залу!
Твой подвигъ блескъ и на меня отброситъ.

(Веррино возвращается; Кіара восходитъ на лѣсенку и отворяетъ двери въ освѣщенную залу; видно множество головъ).

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

(Зала, заставленная стульями. По лѣвую руку двери для выхода и входа гостей; по правую руку возвышеніе для импровизатора, и двери, ведущія на лѣсенку

предъидущаго явленія. Въ залѣ уже довольно людей: между ними **МАРКИЗЪ** и **МОСТИ** впереди сцены, въ третьемъ или четвертомъ ряду креселъ; возлѣ нихъ **РОБЕРТО**, тихо разговаривающій съ сосѣдями, **ДОМИНИКЪ ЗАМПІЕРИ, БЕРНАРДО** и **АЛЬБАНИ** у самаго возвышенія. Зала болѣе и болѣе наполняется слушателями).

—

КІАРА входитъ къ нимъ въ двери, что на возвышеніи.

ДОМ. ЗАМП. Ахъ, Господи, какъ хороша! Взгляни,
Альбани, посмотри!

АЛЬБАНИ (*оглядываясь*).
Кого ты видишь?

ДОМЕНИКО. Вотъ эта дѣвушка! Взгляни, Альбани!
Какое выраженіе въ лицѣ!

АЛЬБАНИ. Да! Не дурна. Не много смугловата,
Носъ малъ...

ДОМЕНИКО. Но выраженье, выраженье!
Что въ правильныхъ чертахъ, законныхъ формахъ,
Когда глаза души не опаляютъ,
Когда уста не дышатъ чувствомъ? Другъ мой,
Стань такъ! Закрой меня! Гдѣ карандашъ мой?
(рисуетъ на спинѣ Альбани въ небольшой книжкѣ контуръ головы Кіары).

КІАРА (*сошедъ съ возвышенія и останавливаясь впереди Доминика*).
(Какое многолюдство! Мой Веррино,
Ты славенъ, а скрывался!.. Какъ я рада!
Всѣ веселы: какое нетерпѣнье
Написано на лицахъ!.. Мой Веррино,
Тебя всѣ любятъ).

МАРКИЗЪ (*потирая руки*).
Долго ли намъ ждать?

мости. Уйдемъ, маркизъ! Мы не дождемся...
маркизъ. Мости,
Какъ жертву упустить? Я все обдумалъ;
У кардинала взялъ открытый листъ
Ко всѣмъ властямъ о помощи и стражѣ;
Со мною сбиръ...
мости. Какъ, сбиръ?
маркизъ. Переодѣтый;
Съ нимъ нѣсколько переодѣтыхъ слугъ;
У возвышенья, видишь, помѣстились.
Онъ можетъ выйти къ намъ, назадъ не можетъ.
мости. Къ чему, маркизъ? Нѣтъ, сбира отпустите!
Не честно!..
маркизъ. Вотъ нечестно!
одинъ изъ гостей (*проходя мимо Маркиза*).
Ахъ, маркизъ,
Я такъ давно не видѣлъ васъ!
маркизъ. Жалѣю.
А я по вечерамъ одинъ скучаю,
И очень радъ имѣть гостей.
мости. Маркизъ,
Къ чему вамъ эти гости? Не просите!
Уйдемъ; нето, весь городъ назовется.
маркизъ. Ты обо мнѣ хлопочешь, добрый Мости!
Не бойся. Все уладимъ!.. Вотъ Веррино!..
мости. (Великiй Боже!.. Надо уходить...).
кiара. (Великiй Боже, помоги Веррино!)

ТѢ-ЖЕ, и на возвышенiи **ВЕРРИНО**.

голоса. Возможно-ли? Племянникъ Чинто!.. —Да!
Ну, кто бы этому повѣрилъ? Сынъ
Маркизы занимается стихами! —
Веррино? Быть не можетъ! Тотъ уѣхалъ

16

Въ новооткрытый свѣтъ. — Такъ воротился.
Не умеръ-же! — А можетъ быть и умеръ. —
Ну, такъ воскресъ! Вѣдь я Веррино знаю. —
Онъ начинаетъ говорить... Молчите!

ВЕРРИНО (*передавая бумажки ближайшему слушателю*).

Не откажите передать сосѣдямъ
Бумажки. Напишите на бумажкахъ
Слова и съ снисходительнымъ терпѣньемъ
Вы приготовьтесь къ добровольной скукѣ.

(**Многіе, между прочими маркизъ, пишутъ на бумажкахъ задачи и возвращаютъ свернутые билетики переднимъ**).

Я созвалъ васъ по тайному глаголу.
Необходимость будетъ вдохновеньемъ,
Молчанье—лучшею моей наградой.
Впередъ скажу, — не вѣрю ни хулѣ,
Ни безотчетныхъ рукъ пустому плеску... (*вспыхнувъ*)
Душа моя сама себя оцѣнитъ!
Не измѣняла Божія душа
Великій судъ вести дѣламъ пѣвца,
И въ этотъ разъ святая не измѣнитъ!

(**Въ это время ему съ разныхъ сторонъ подаютъ записочки**)

ГОЛОСЪ ВЪ ПУБЛ: Задачи! Не угодно ли, синьоръ?..

ВЕРРИНО (*теряетъ обыкновенный цвѣтъ лица, блѣднѣетъ, брови сжимаются, глаза разгараются; онъ отступаетъ*).

ИМПРОВИЗАЦІЯ I.

Къ чему? Какъ-будто вдохновенье
Полюбитъ заданный предметъ?
Какъ-будто истинный поэтъ
Продастъ свое воображенье?
Я рабъ, поденщикъ, я торгашъ!

Я долженъ, грѣшникъ вамъ за злато,
За сребренникъ ничтожный вашъ,
Платить божественною платой!
Я долженъ Божью благодать
Предъ недостойными ушами,
Какъ даръ продажный, расточать
Богохуливыми устами!
Погибни, златодушный міръ,
Высокихъ помысловъ пустыня!
Не сребролюбія-ль кумиръ
Твоя единая святыня?
Не мзда ли—царь въ твоей землѣ?
Предъ распаленными очами,
Не гидра-ль движется во мглѣ,
Безчисленными головами
И жаждетъ мзды за пенязь свой?
Смотрите, взоръ ихъ златомъ блещетъ,
Грудь сребролюбіемъ трепещетъ;
Уста курятся клеветой.
И вамъ ли слушать пѣснопѣнья?...
Прочь, дѣти смрадные грѣха!
Для торгашей нѣтъ вдохновенья,—
Нѣтъ ни единаго стиха!

(Въ изнеможеніи падаетъ на кресла, уронивъ голову на руки. Общее рукоплесканіе).

ГОЛОСА. Браво! Брависсимо! —
—Вотъ это ново!
Позвать гостей и обругать гостей! —
А правда.—Въ чемъ же гости виноваты?
Зови безъ денегъ, мы придемъ!—Что дальше?
Пока не много.—Это предисловье. —

ВЕРРИНО *(подымается; лице его изображаетъ глубокую душевную истому).*

ИМПРОВИЗАЦІЯ II.

Простите, люди; сердцу больно
Утратить счастье многихъ лѣтъ,
Нарушить жертвой добровольной
Души торжественный обѣтъ.

Я разскажу вамъ, — были годы,
Душа невинностью цвѣла,
Два дара гордо берегла, —
Даръ вдохновеній и свободы.
Свободный стихъ звучалъ шутя,
Шутя играло вдохновенье;
Изъ сновидѣнья въ сновидѣнье
Летало божіе дитя.

Вездѣ просторъ, вездѣ приволье;
Жизнь была чудно хороша!..
И крѣпла вольная душа,
Какъ дикій левъ, на дикой волѣ.
День счастія ничтожно малъ;
Путь независимости тѣсенъ.

Я шелъ впередъ, блѣднѣлъ, страдалъ;
Но никогда не торговалъ
Богатствомъ сладкозвучныхъ пѣсенъ.
Теперь ужъ все извѣстно вамъ!
Пѣвца, страдальца не вините;
Внимайте заказнымъ стихамъ,
А слову дерзкому простите.

ГОЛОСА. Брависсимо! — Поправился! — Вотъ такъ!
Какъ чувству не простить?

КІАРА. *(Доминику.)* О чемъ ты плачешь?

ДОМЕНИКО. Я?.... О себѣ.... Предчувствіе...

МАРКИЗЪ. Приходитъ
И наша череда.... Но какъ ты блѣденъ.

МОСТИ *(третъ обѣими руками лице.)*
Я блѣденъ? Я? Маркизъ, давно я блѣденъ?
Маркизъ, онъ смотритъ на меня! Закройте!
(Глаза его все видятъ!) О, закройте!

ВЕРРИНО *(въ размышленіи.)*
Печальная задача мнѣ попалась!

МАРКИЗЪ. Ага! Моя!

МОСТИ *(отходя отъ маркиза.)*
(Бѣжать, скорѣй бѣжать!....
До тѣхъ дверей не доберусь.... Толпа!
Вотъ въ эти легче будетъ проскользнуть.)

(Желая продраться къ импровизаторскимъ дверямъ, толкаетъ Доминика.)

ДОМЕНИКО. Позвольте слушать....

МОСТИ. Слушай, дьяволъ, слушай!

АЛЬВАНИ *(тихо.)*
Зампіери, это Мости! Осторожно!

ВЕРРИНО *(громогласно.)*
«На смерть Торквата Тасса.»

МОСТИ *(невольно останавливаясь между Доминикомъ и Кіарою.)* Всемогущій!

ИМПРОВИЗАЦІЯ III.

ВЕРРИНО. Чего весь Римъ на Вѣтряной Горѣ,
У вратъ Святаго Духа ждетъ печально? (14)
Зачѣмъ огни горятъ въ монастырѣ?
И Чинтіо, въ одеждѣ погребальной,
Одинъ стоитъ въ соборномъ алтарѣ?
О комъ поютъ такъ смутно въ кельѣ дальной?
Идутъ!.... Чей гробъ, и въ лаврахъ и цвѣтахъ,
На иноческихъ движется плечахъ?....

Заприте храмъ! Людскому состраданью
Не дайте прахъ великій оскорблять!
Не люди-ль Тасса предали страданью;
Теперь пришли убитаго вѣнчать!
Не вѣрьте ихъ пустому покаянью:
Они пришли одежды раздѣлять!
Повѣрьте, зависть, клевета и злоба
Находятъ пищу даже въ нѣдрахъ гроба.

(примѣтивъ Мости, возвышаетъ голосъ.)

Заприте храмъ! Еще есть клеветникъ!
Тогда онъ плакалъ чистыми слезами,
Но грѣхъ сломалъ, порокъ его проникъ,
Соблазнъ обвилъ кровавыми руками
И прогорѣлъ хулой его языкъ;
Душа растлилась гнусными страстями.
Могила величайшихъ изъ людей,
Жилище смрадныхъ гадинъ и червей!....

ГОЛОСА. Не много непонятно.—Объяснится! —
Вѣдь онъ еще не кончилъ. — Какъ не кончилъ?—
Ужъ онъ другую развернулъ бумажку. —
Онъ поблѣднѣлъ, смотрите.

КІАРА. Мой Веррино,
Что ты прочелъ?

ВЪ ПУБЛИКѢ. Что ты прочелъ?

МАРКИЗЪ. Веррино,
Что ты прочелъ? Скажи намъ безъ стыда.

ВЕРРИНО *(бросаетъ бумажку въ народъ.)*
Вотъ вамъ! Читайте сами!

КІАРА *(поймавъ бумажку, громко читаетъ.)*
«Кто убійца
Маркизы Чинто?»

мости. Милосердый Боже!

веррино *(сбѣжавъ съ возвышенія и остановясь передъ Мости.)*

Вотъ онъ! Передо мной стоитъ въ стыдѣ,
Пророчество припоминаетъ въ страхѣ.
Вотъ онъ! Кому я мщенье завѣщалъ
И возвратился мщеніе исполнить.
Вотъ онъ! Подай мнѣ руку; на рукѣ
Семь лѣтъ не смыли крови неповинной....

мости *(съ трудомъ освободивъ ножъ изъ рукава и бросаясь на Веррино.)*

Постой, я оправдаюсь!

кіара и доменико *(схвативъ его за руки.)*

Ножъ! — Кинжалъ!

маркизъ *(пробиваясь сквозь толпу слушателей, изъ которыхъ многіе стараются уйти, тогда какъ другіе взмостились на возвышеніе, третіе вскочили на стулья.)*

Такъ вотъ зачѣмъ ты жаждалъ тайной мести?
Хотѣлъ меня убійцей сдѣлать....

мости *(вырываясь изъ рукъ Кіары и Доминика.)* Прочь!
Убью!

маркизъ. Ловите изверга!

голоса въ публикѣ. Ловите!
Ловите сребролюбца, шарлатана,
Обманщика, разбойника! — Ловите! —

мости *(освободивъ руки и размахивая ножемъ. Народъ разступается.)*

Прочь, черти! Ножъ мой страшенъ! Прочь съ дороги!

маркизъ. Двѣ тысячи цекиновъ, кто поймаетъ!

ГОЛОСА. Лови-ка самъ, а мы не дураки
На бѣшенаго пса бросаться....

МОСТИ (*приближаясь къ дверямъ.*) Прочь!
Веррино! До кроваваго свиданья!

—

ТѢ-ЖЕ, СКАВАРІЕРИ, СВИРЪ и СТРАЖА; вслѣдъ за ними ЖЕНА ЛОРЕНЦО ТЕКИ.

СКАВАРІЕРИ (*въ дверяхъ, схвативъ за руку Мости и обезоруживъ*).
Стой! Дальше нѣтъ пути!

ГОЛОСА. Ага! Поймали!

МАРКИЗЪ. Сюда его, сюда! Я предъ маркизой
Торжественно клялся изобличить
Убійцу. Прочь!.. Онъ мой!..

СКАВАРІЕРИ. Онъ нашъ, маркизъ!

ЖЕНА Л. ТЕКИ. Онъ мой, онъ мужа моего зарѣзалъ..

МАРКИЗЪ. Онъ мой, онъ отравилъ мою жену.

СКАВАРІЕРИ. Онъ закололъ Астольфо Гонти.

ГОЛОСА. Извергъ!
Разбойнику три жертвы слишкомъ мало.

МОСТИ (*связанный по рукамъ, падаетъ передъ маркизомъ на колѣни*).
Помилуйте, маркизъ великодушный!
Вступитесь за меня, я оправдаюсь...

ГОЛОСА. Пытать его, четвертовать, повѣсить!

МОСТИ. Прахъ вашихъ стопъ слезами обливаю,
Цѣлую обувь вашихъ ногъ, вступитесь!

МАРКИЗЪ. Вяжите изверга!

ГОЛОСА. Скорѣй вяжите!

МОСТИ. Маркизъ, я поправлялъ твои стихи.
Маркизъ, я подкупалъ людей ученыхъ,
Чтобы тебя прославить: ради неба,
Ради всего святаго, заступись!

ГОЛОСА. Къ легату! въ судъ! *(Мости связаннаго подымаютъ)*
— Вотъ какъ у насъ вѣнчаютъ
Поэтовъ знаменитыхъ! *(рукоплещутъ)* — Браво, Мости!

МАРКИЗЪ. Ты отравилъ Розину? Признавайся!

МОСТИ *(въ полномъ ужасѣ)*.
Я!.. Нѣтъ не я!.. А!.. Кольца смерти?.. Манни,
Да будетъ проклятъ твой ужасный даръ!

ГОЛ: Да будетъ проклятъ Мости, проклятъ, проклятъ!

ВЕРРИНО. Толпа, толпа! Давно-ль хвалила Мости?
Давно-ль ему нелѣпо удивлялась?
Увы! нашъ свѣтъ дивится только счастью...
Богъ съ вами, люди; я вамъ продалъ жертву;
Нашъ подвигъ конченъ, Кіара. Въ церковь!

КІАРА. Въ церковь!..

—

БЕРНАРДО ЗАМПІЕРИ, ДОМЕНИКО ЗАМПІЕРИ, АЛЬБАНИ и МАРКИЗЪ.

МАРКИЗЪ *(проводивъ толпу, возвращается)*.
Гдѣ мой Веррино? Нѣтъ? Но я найду!
И если я быть мстителемъ умѣлъ,
То благодарнымъ быть гораздо легче. *(Уходя)*
Да будетъ проклятъ Мости!

(Вдали слышны глухія восклицанія)

Проклятъ! Проклятъ!

—

АЛЬБАНИ, БЕРНАРДО ЗАМПIЕРИ и ДОМЕНИКО ЗАМПIЕРИ.

ДОМЕНИКО. Что, батюшка?

БЕРНАРДО. Ты правъ, несчастный сынъ!
Страдай, будь бѣденъ, презрѣнъ и безславенъ,
Когда нельзя быть славнымъ и великимъ
Безъ лести, подлостей, пронырствъ и крови!

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

—

1) Доменико Зампіери, прозванный Доменикино, одинъ изъ величайшихъ живописцевъ Италіи. Родился въ Болоніи 1581. Отецъ его, башмачникъ, первоначально предназначалъ Доминика — изученію Правовѣдѣнія, а старшаго сына Габріелло — живописи. — Еще искуство въ то время было почетнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ занятіемъ. Еще блистательный вѣкъ Льва X былъ въ свѣжей памяти. Еще художники въ гостинныхъ сохраняли первенство. Еще не давно Карлъ V поднялъ кисть, выскользнувшую изъ руки Тиціана; Микель Анджело защищалъ Флоренцію, облеченный въ званіе governatore e procuratore generale sopra le fortificazioni e ripari della città; Кардиналъ Бибіена обручилъ свою племянницу съ Рафаэлемъ, а Папа самаго Рафаэля хотѣлъ сдѣлать Кардиналомъ; Леонардо да Винчи — былъ наставникомъ принца. Выгоды званія художника увлекали самолюбіе родителей; но склонности двухъ Зампіери вскорѣ разувѣрили отца въ его предположеніяхъ; братья — размѣнялись занятіями. Доминикъ — началъ ходить къ Денису Кальварту, Фламандскому живописцу, который, совершивъ художническое путешествіе по

Италіи, поселился въ Болоніи и открылъ школу живописи. — Въ сей школѣ, кромѣ Доменикина, получили первоначальныя познанія въ живописи Гидо Рени и Альбани. — Хотя Кальвартъ былъ художникъ не безъ замѣчательныхъ достоинствъ, но зависть, стихія посредственности, часто и генія, эта необходимая соль въ мірѣ Изящныхъ Художествъ, — мало по малу перевела знаменитыхъ учениковъ въ школу Людовика Каррачи. Зависть къ успѣхамъ и славѣ Карраччи — нерѣдко доводила Кальварта до бѣшенства; произведенія Людовика, Агостина и Аннибала были запрещены въ Денисовой школѣ подъ строжайшимъ взысканіемъ, и Доминикъ былъ на волосъ отъ смерти за то, что осмѣлился тайно рисовать съ эстамповъ Агостина.— Кальвартъ разбилъ ему голову. — Кровью купилъ Доминикъ право быть слугою въ домѣ Карраччи, будущую славу и несчастія. — Не считаю нужнымъ продолжать очерка дальнѣйшей жизни Замміери, особаго предмета особаго Драматическаго сочиненія.

Доменикино зашелъ не въ свою драму, не привязанный къ цѣлому, безъ видимаго нравственнаго даже значенія. Не такъ-ли? На эти упреки не могу еще теперь отвѣчать, но обѣщаю объясниться съ людьми, принимающими въ трудахъ моихъ участіе, когда Богъ поможетъ осуществить хотя вполовину предположенія мои по общему плану Художественныхъ драмъ. А теперь только попрошу тебя, читатель, припомнить Д. Мости въ фантазіи, посвященной Т. Тассу; онъ измѣнился; увы; и До-

меникино измѣнился, — или, лучше сказать, люди насильно измѣнили его и лишили свѣтлой, дѣтской восторженности, столь явственной во многихъ его поступкахъ нѣжнаго возраста. А она была для многихъ счастливцевъ удѣломъ и позднихъ лѣтъ.

2) Форнарина — послѣдняя смертельная любовь Рафаэля. Есть очень много портретовъ Форнарины; знаменитѣйшіе — три. Во дворцѣ Барберини, въ Боргезской Галереѣ, въ Трибунѣ Флорентинскаго Музея. Послѣдній преимущественно почитается оригиналомъ; первый — кисти Дж. Романо. — Приведу слова одного изъ любимыхъ моихъ путешественниковъ, которому во многомъ можно вѣрить: «On voit dans cette tête un grand caractère, «c'est-à-dire beaucoup de franchise, le dedain «de toute ruse, et même cette ferocité que l'on «rencontre dans le quartier de Trastevere. — «Cette tête est à mille lieues de l'affectation d'é-«légance, de mélancolie et de faiblesse physique, «que le dix-neuvième siècle voudrait trouver «chez la maîtresse de Raphaël. — Nous nous «vengeons en l'appelant laide. Raphaël l'aima «avec constance et passion.»

3) Цаца, *ляля*. — Многіе спрашивали у меня, что значатъ эти два слова. Въ ребячествѣ я привѣтствовалъ и ласкалъ ими мои игрушки. Привычка и память дѣтства ввели ихъ въ мой словарь. Да проститъ читатель воспоминаніямъ нѣжнаго возраста.

4) Караваджіо и Барроччи, два живописца, принадлежащіе въ общемъ смыслѣ Римской школѣ,

но во многихъ отношеніяхъ весьма различные; каждый имѣлъ своихъ послѣдователей, направленіе, школу. — По недосмотру — въ Библіотекѣ для чтенія въ число Римскихъ учителей поставленъ и Тинторетто, но Джаконо Робусти, прозванный Тинторетто, принадлежитъ къ цвѣтущему періоду Венеціанской школы. Теперь уже и не помню, какія соображенія включили въ эти стихи его имя; все это явленіе, написанное въ 1833 году, потерпѣло значительныя передѣлки, а черновыя уничтожилъ огонь.

5) *Глобусы въ видѣ шара, груши, элипсоида.* Дѣйствіе Дж. Мости, какъ изъ многихъ мѣстъ заключать должно, принадлежитъ къ послѣднимъ годамъ XVI столѣтія. Въ это время видъ земнаго шара былъ еще нерѣшеннымъ вопросомъ; недавнее открытіе Америки, не обслѣдованной, даже не вполнѣ извѣстной, не позволяло еще въ опредѣленіи вида земнаго шара достигнуть возможной математической точности. Географы измѣняли видъ земнаго шара согласно съ своими догадками. Самъ Христофоръ Коломбъ дѣлалъ въ Лиссабонѣ глобусы разнаго вида.

6) *А кто же этотъ Меценатъ?* Я нимало не увеличилъ невѣжества Италіянскихъ вельможъ конца XVI вѣка; даже и въ послѣдующихъ вѣкахъ Наука и Искуство, во мнѣніи многихъ, почитались цеховымъ мастерствомъ. Но примѣры безотчетной любви къ искуству въ невѣжѣ — не малочисленны; особенно въ Италіи, гдѣ глаза и слухъ нечувствительно получаютъ художественный навыкъ плѣ-

няться красотами образовательныхъ Искуствъ и Музыки, безъ малѣйшаго участія разума.

7) *Каррачи.*—Лодовико, Агостино и Аннибалъ возстановители Ломбардской школы, или, лучше сказать, основатели особой, Болонской. — Вообще живопись, приходившая въ это время въ упадокъ,— усиліями и высокими талантами трехъ Каррачи, получила новую жизнь и блистательными именами основателей и учениковъ Новой Школы украсила свои лѣтописи. Альбани, Гидо Рени, Доменикино и многіе другіе не безъ замѣчательной славы живописцы — вышли изъ академіи, устроенной въ Болоніи тремя Каррачи. — Сперва академія называлась degli desiderosi, другіе именовали ее degli incamminati; впослѣдствіи вся Италія знала ее подъ однимъ только именемъ ея основателей.

Честь великаго учителя великихъ учениковъ болѣе принадлежитъ Лодовико. Аннибалъ былъ приглашенъ въ Римъ Кардиналомъ Одоардомъ Фарнезе для украшенія живописью его дворца; двѣнадцать лѣтъ трудился Аннибалъ, получая только по 10 червонцевъ въ мѣсяцъ; когда же работы совершенно были окончаны, Кардиналъ, прислалъ живописцу 500 червонцевъ!..

Агостино также участвовалъ въ трудахъ Фарнезіанскихъ; въ Галлереѣ осталось много фигуръ его руки; въ составленіи картоновъ Аннибалъ пользовался совѣтами Агостино, но какъ неотлучныя спутницы таланта, клевета и зависть, умѣли помощь Агостино обратить въ недостатокъ соображенія въ Аннибалѣ, то Агостино долженъ былъ

удалиться въ Парму и совершенно предаться гравировальному искуству, которое за долго предъ тѣмъ онъ изучилъ съ большимъ успѣхомъ и любовью. Впрочемъ и отъ сего періода жизни его осталось нѣсколько картинъ, писанныхъ масленными красками. — Многіе, смотря на высокій живописный талантъ Агостино, подозрѣвали, что *Аннибалъ* убѣдилъ брата избрать для себя другую область. — Догадка, нѣсколько разъ повторенная, получила видъ исторической истины.—Но нѣтъ-ли въ поступкѣ Агостина высокой собственной воли удалиться отъ соперничества съ братомъ и сохранить и себя и Аннибала на предбудущее время отъ душевныхъ, уже испытанныхъ сокрушеній? Отчего разлука съ Аннибаломъ была такъ тяжела, отчего грусть поселилась въ сердцѣ веселаго, образованнаго, прославленнаго человѣка? Для любви уже минуло время. Агостино писывалъ стихи. Въ Пармѣ вдохновеніе угасло. Два Карраччи представляютъ важный психологическій вопросъ, но разрѣшить его невозможно. — Исторія Художествъ — нерадива по Біографической части. Данныя — перепутаны. Критика пропустила свое время.

Въ Болоніи оставался Лодовико. Неутомимый, исполненный познаній и вкуса, онъ продолжалъ подвигъ художественной реформы, и еще при жизни могъ видѣть благодарные плоды трудовъ своихъ. Антоніо Карраччи, сынъ Агостина, какъ стараются увѣрить, обѣщалъ много. Преждевременная смерть оставила нерѣшеннымъ значеніе его въ Искусствѣ. Но, замѣтимъ, вражда къ бѣдному Замціери—для

многихъ была почетнымъ правомъ на незаслуженныя похвалы сохудожниковъ; этимъ преимуществомъ (какъ знать?) можетъ быть пользовался и Антоніо Карраччи.

8) Колоритъ

Какой-то синій. —

Между многими письмами о Дж. Мости, полученными мною отъ разныхъ лицъ, есть одно письмо отъ художника, который весьма огорчился сужденіемъ Дж. Мости о Аннибалѣ, забывъ, кто произноситъ столь для него непріятный приговоръ.— Каюсь. Я съ умысломъ вложилъ въ уста шарлатана — ложное сужденіе. Это личность непростительная. Я заставилъ Мости повторить слова одного изъ тѣхъ путешественниковъ, которые, къ сожалѣнію, въ путешествіяхъ своихъ по Италіи (и не только въ путешествіяхъ) считаютъ необходимостью говорить объ искуствѣ.

9) И критики забавились.

Какимъ образомъ, спросятъ, критика могла существовать безъ газетъ и журналовъ, а они въ это время только начали появляться въ Италіи. — Булла Папы Григорія XIII, избраннаго въ 1572 году, издана противу первыхъ издателей Италіянскихъ газетъ, именовавшихся *menanti*, что подало поводъ Буонкампаньи, въ буллѣ своей, произвести это слово отъ Латинскаго *minans*, грозящій, угрожающій; до того же времени, и еще долго впослѣдствіи критика распространялась въ безчисленныхъ письмахъ. Собственно, исключительно эпистолярныхъ писателей было многое множество.

Вся современность, во всѣхъ ея ложныхъ и правдивыхъ видахъ, какъ нынѣ въ журналахъ и газетахъ, заключалась въ письмахъ. Многіе письмами составили себѣ Литературную славу; а одинъ ужасный Аретино былъ страшнѣе цѣлаго полка газетчиковъ и журналистовъ. Изъ писемъ объ одномъ Тассѣ или объ одномъ Аріостѣ можно составить библіотеку.

Считая періодъ эпистолярный періодомъ младенчества Европейской журналистики, нельзя не удивляться, какъ могла она въ такомъ еще нѣжномъ возрастѣ вмѣщать столько отвратительныхъ страстей и пороковъ. Агостино Мости, дядя Джуліо, врагъ и завистникъ Тассо, и въ то же время начальникъ больницы Св. Анны, гдѣ содержался пѣвецъ Іерусалима, имѣлъ возможность занимать заключеннаго постояннымъ чтеніемъ писемъ, безъ сомнѣнія огорчительныхъ и непріятныхъ для раздражительнаго, больнаго Торквата — *въ теченіи семи лѣтъ!!*

10) Аретино — писатель XVI вѣка, блистательный шарлатанъ, клеветникъ по расчету, другъ и покровитель Тиціана, опасный пріятель Сансоввино и Себастіана дель Піомбо, совѣтникъ въ грѣхѣ Бенвенуто Челини, страхъ и ужасъ писателей и художниковъ; самъ Буонаротти платилъ дань невѣжѣ — Аретину; въ его рабочей не было книгъ; онъ не любилъ учености; остроуміе замѣняло все; соблазнительныя краски потворства грѣху и ничѣмъ не обузданной дерзости довершали обаяніе. Цѣлый вѣкъ безмолвствовалъ предъ похитителемъ никому

не принадлежащей власти въ свободной области искуства. Огромныя суммы и золотыя цѣпи отъ Королей, — драгоцѣнныя произведенія Изящныхъ искуствъ отъ художниковъ, — лесть и уничиженіе отъ писателей, — блистательный дворецъ въ Венеціи, — и наконецъ лучшій даръ человѣчества — слава; вотъ добыча, завоеванная перомъ одного человѣка! — И все это умерло съ своимъ завоевателемъ. Потомство помнитъ преданіе, но съ безотчетнымъ ужасомъ, съ темнымъ негодованіемъ.

Аретино, — великій нравственный феноменъ, достоинъ глубокаго изученія; онъ представитель вѣка; Борджіа растлилъ Италію; Аретино былъ и въ сочиненіяхъ исторіографомъ своего времени;— къ сожалѣнію, онъ остался тайнымъ идоломъ для многихъ писателей и позднѣйшихъ временъ. Въ Вольтерѣ многое принадлежитъ Аретину. Недавно еще... но не смѣю договаривать; любители Германской Литературы возстанутъ на меня, а я не имѣю ни мѣста, ни времени объясняться. — Объ Аретинахъ малаго формата — говорить не стану; они умираютъ позорною смертію еще при жизни.

Намекъ на Аретина въ настоящей драмѣ, по моему, былъ необходимъ. Есть огромная разница между посредственностію, счастливою отъ обстоятельствъ, и нравственнымъ развращеніемъ геніальнаго человѣка.

Желая дать тѣмъ изъ моихъ читателей, которые сами, по обстоятельствамъ, не успѣли хорошо познакомиться съ Аретиномъ, хотя слабое объ немъ понятіе, по крайней мѣрѣ въ Литературномъ от-

ношеніи, помѣщаю здѣсь письмо его къ Тассу, который со всею откровенностію честнаго художника печатно сказалъ, что онъ не знаетъ ни одного изъ современныхъ эпистолярныхъ писателей, достойнаго удивленія или подражанія.

«Аретино Тассу.»

«Я былъ Вашимъ пріятелемъ изъ снисхожденья, «а Вы — сдѣлались врагомъ моей чести!.. Никогда «бы я не подумалъ, что на чистоту неба моей «души — *Вы* наведете тучи, съ обыкновенными ихъ «послѣдствіями — громомъ и молніей. Повѣрьте «цѣня слишкомъ высоко собственныя ваши произ«веденія и унижая труды другихъ, вы уронили уже «важность своего суда.»

«Зачѣмъ вы распространили, посредствомъ кни«гопечатанія, нескромное и дерзкое мнѣніе, на ко«торое я теперь жалуюсь. Въ эпистолярномъ слогѣ «Вы — мой подражатель и идете по моимъ слѣдамъ «*босыми ногами*. Вы не можете подражать съ успѣ«хомъ ни легкости моихъ фразъ, ни блеску моихъ «метафоръ. На моихъ страницахъ все это рож«дается само собой, съ необыкновенною силою; «у васъ томится, умираетъ. Я согласенъ, и у «васъ есть кое-какія достоинства; нѣкотораго рода «прелесть ангельскаго слога и небесной гармоніи, «пріятно-звучащей въ гимнахъ, одахъ и эпитала«міяхъ. — Но въ письмахъ все это приторно; они «требуютъ силы творческой, выпуклости (rilievo) «и не терпятъ искуственности и мелочной работы. «Вы предпочитаете благоуханіе цвѣтовъ сладости «плодовъ. Это недостатокъ Вашего вкуса.

«Развѣ Вамъ неизвѣстно, кто я? — Я? — Развѣ «Вы не знаете, сколько я издалъ писемъ, признан«ныхъ превосходными? Здѣсь не мѣсто тѣшиться «собственной похвалой; впрочемъ она во всякомъ «случаѣ — только истина. Не стану Вамъ толко«вать, что порядочные люди день моего рожденія «— должны считать навсегда незабвеннымъ. Я «принудилъ все быть данникомъ моего таланта! «По всему лицу земли, слава гремитъ только «обо мнѣ. Въ Персіи и въ Индіи есть мои пор«треты; имя мое и тамъ въ уваженіи.

«И такъ, покайтесь, мой бѣдный Торквато Тас«со, и перестаньте превозносить себя выше звѣздъ, «унижая такихъ людей, какъ я. Мнѣ извѣстно, что «Вы теперь занимаетесь преложеніемъ романовъ «въ стихи; но это не даетъ еще вамъ права уни«жать своихъ учителей. Припомните лучше нера«зумныя Ваши письма, посвященныя тѣмъ двумъ «особамъ, которыя даже не удостоили Васъ от«вѣтомъ.

«Однако довольно! Прощайте, и будьте увѣре«ны, что если многіе отзываются невыгодно о «Вашемъ талантѣ, то не изъ зависти; если же «кто нибудь хвалитъ его, — то изъ состраданія.»

11) Джіованни Франческо Пенни, живописецъ Флорентинской школы — былъ прозванъ Il fattore, потому что управлялъ домашними дѣлами Рафаэля, обремененнаго исполненіемъ огромныхъ, многочисленныхъ работъ. Рафаэль въ завѣщаніи назначилъ его своимъ наслѣдникомъ вмѣстѣ съ Дж. Романо и съ однимъ изъ дядей своихъ.

12) Кольца Смерти.

13) Aqua Tofana.

Кольца Смерти принадлежатъ къ числу тайныхъ орудій смерти въ Италіи XVII вѣка. Различнаго рода отравы — были въ повсемѣстномъ употребленіи; какъ проводники для нихъ, были придуманы кольца, механическія перчатки, ключи и т. д. Савелли — отравлялъ ключемъ подозрительныхъ слугъ.— Эти орудія напитывались большею частію отравою, извѣстною подъ именемъ Aqua Tofana, но составъ ея потерянъ. Извѣстно только, что Тофанина вода не имѣла ни какого запаха и цвѣта. Увѣряютъ, что этимъ ядомъ можно было отравлять на срокъ, но внезапная болѣзнь или сильное огорченіе ускоряло его дѣйствіе. Срочныя отравы были весьма дороги. Особенно въ половинѣ XVII столѣтія, когда искуство составленія срочныхъ отравъ разнаго достоинства доведено было до невѣроятной утонченности.—Сициліянка Тофана, по моему мнѣнію, не можетъ считаться изобрѣтательницею знаменитой воды; тому противорѣчитъ — время; но вѣроятно она сдѣлала важныя улучшенія въ Токсикологіи практической. Знаменитость Тофаны — сообщила и орудію ея имя.

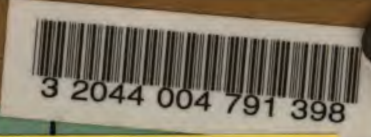
14. Чего весь Римъ на Вѣтряной Горѣ
У вратъ Св. Духа ждетъ печально? —

Смотри описаніе Рима Феи, томъ III стр. 65. «На сей части Яникула, называемой нынѣ Вѣтря«ною Горою (Monte Ventoso) Евгеній IV повелѣлъ «воздвигнуть эту церковь (Св. Онуфрія) въ 1439 «году, и т. д.» И далѣе на стр. 66: «Внизу и

«почти на супротивъ (церкви) находятся Врата «Св. Духа.»—Торквато Тассо скончался въ монастырѣ, а гробъ его поставленъ въ церкви Св. Онуфрія, въ притворѣ того же Святаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.	Торквато Тассо	стр	1.
II.	Рука Всевышняго Отечество Спасла	»	141.
III.	Князь Скопинъ-Шуйскій. . . .	»	239.
IV.	Джуліо Мости.	»	349.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413

WIDENER
WIDENER
MAY 14 1999
SEP 1 0 1999
CANCELLED
BOOK DUE